

МИФЫ
И
ЛЕГЕНДЫ

Annotation

Мифы и легенды народов мира — величайшее культурное наследие человечества, интерес к которому не угасает на протяжении многих столетий. И не только потому, что они сами по себе — шедевры человеческого гения, собранные и обобщенные многими поколениями великих поэтов, писателей, мыслителей. Знание этих легенд и мифов дает ключ к пониманию поэзии Гёте и Пушкина, драматургии Шекспира и Шиллера, живописи Рубенса и Тициана, Брюллова и Боттичелли. Настоящее издание — это попытка дать возможность читателю в наиболее полном, литературном изложении ознакомиться с историей и культурой многочисленных племен и народов, населявших в древности все континенты нашей планеты.

В данный том вошли мифы, легенды и предания народов Северной и Западной Европы, многие из которых стали основой бессмертных произведений мировой литературы.

- [МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ МИРА](#)

-

-

- [I](#)

- [II](#)

- [III](#)

- [IV](#)

- [V](#)

- [VI](#)

- [VII](#)

- [VIII](#)

- [IX](#)

- [X](#)

- [XI](#)

- [СКАНДИНАВСКИЙ ЭПОС](#)

-

- [Тор на рыбной ловле с великаном Хюмиром](#)

- [Тор и великан Хрунгнир](#)

- [Тор и великан Гейррёд](#)

- [Песнь о Трюме](#)

- [Пир у Эгира, или Перебранка Локи](#)

- [Почему золото называют «Волосами Сив»](#)
- [Смерть Бальдра и казнь Локи](#)
- - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)

○ [ПРЕДАНИЯ КЕЛЬТОВ](#)

-
-
-
-
-

○ [ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ АНГЛИИ](#)

-
-
- - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)

- - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ МИРА СЕВЕРНАЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Художник И. Е. Сайко

Мифы и легенды народов мира

М68 Северная и Западная Европа: Сборник. — М.: Литература; Мир
книги, 2004. — 448 с.

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-8405-0585-0

КАЛЕВАЛА

Пересказ в редакции Н. Будур

*Эти песни пел отец мне,
Вырезая топорище,
Им и мать меня учила,
Оборачивая прялку,
Когда по полу я ползал
У колен ее ребенком.*

Калевала, Песнь I, 37

I

Вяйнямёйнен, сын Калева и дочери воздуха, родился на свет уже стариком. Много лет жил он на земле, где еще не слышать было человеческой речи, не видать было ни дерева, ни былинки. Долго думал он и передумывал, как бы засеять землю, откуда взять семена? Наконец ему вызвался помочь в этом деле великан по имени Сампса Пеллервойнен. Достал он откуда-то семян и начал щедро засевать горы и долины, песчаные равнины и болота травами, кустарниками и деревьями.

Быстро покрылась земля зеленью. Вяйнямёйнен пошел полюбоваться на работу своего помощника и надивиться не мог на это чудо. Но заметил он, что один только дуб не хотел приняться. Долго ждал Вяйнямёйнен, много ухаживал за ним, пока наконец удалось ему, при помощи другого

великана, посадить желудь именно на такую почву, какую дуб любит. Дуб действительно принялся очень быстро, но зато уж превзошел все ожидания и даже желания Вяйнямёйнена: он стал расти не по дням, а по часам, и вдруг поднялся так высоко, так широко раскинул свои ветви, так гордо возвысил над землею свою могучую вершину, что ту—чам стало от него тесно на небе, ни одному облаку проходу не стало, а лучам солнечным и лунному свету — доступу к земле. Опять стал думать Вяйнямёйнен: «Как бы срубить это чудесное дерево? Оно скрывает от нас солнце и месяц, а без них ведь не то что человеку на земле, а и рыбе в воде житье плохое!» Но на этот раз не нашлось нигде такого силача и великана, который бы взялся срубить гигантский столбовый дуб. Вяйнямёйнен, видя это, обратился к своей матери, стал просить ее, чтобы она послала ему на помощь силы всемогущей воды, и не успел еще он окончить молитвы, как вышел из моря крошечный человечек, с ног до головы закованный в тяжелую медь и с крошечным топориком в руках. Вяйнямёйнен посмотрел на него с большим недоверием и невольно покачал головою.

— Ну где тебе, крошка, — сказал он, — срубить такое дерево? Никогда не найдется в тебе на это достаточно силы!

Едва произнес он эти слова, как маленький человечек мгновенно обратился в страшного гиганта: головою упирался он в облака, а ноги волочил по земле; между глазами была у него косая сажень, и много таких саженей — от ступни до колена. Наточив свой топор о кремни и оселки, в три шага очутился он около дуба, ударил по стволу его раз, другой, третий — и рухнул стоглавый на землю, далеко раскинув свои толстые ветви, засыпав море грудой щепок. Счастлив тот, кто успел при этом завладеть какой-либо из его ветвей, — тот стал блаженнейшим из смертных; еще счастливее тот, кто захватил себе одну из его вершин, — тот усвоил знание сокровеннейших чар; хорошо даже и тому, кто успел припрятать хоть один из листиков его. Щепки и осколки его погнало ветром к далеким и туманным берегам Пойолы, где дочери Лоухи бережно собрали их и тотчас же снесли к колдунам, чтобы те обратили их в смертоносные стрелы и оружие.

Едва срублен был дуб, как все опять зацвело и задвигалось на поверхности земли; всего было на ней вдоволь: и ягод, и цветов, и трав, и всяких растений, — не было только гречихи. Мудрый Вайнямёйнен это заметил и пошел искать семена ее на песчаном берегу моря. Там отыскал он всего шесть гречишных зернышек, бережно припрятал их и потом по совету синицы вырубил лес на огромном пространстве и решил сжечь его, чтобы удобрить землю плодородной золой. Но откуда было ему достать огня? Во время рубки оставил он только одну березу среди поля, чтобы было где небесным птишкам отдохнуть и укрыться от ненастья. Тут летит орел, смотрит на березу и спрашивает:

— Зачем бы это из целого леса уцелела одна береза?

— А затем, — отвечал ему Вайнямёйнен, — чтобы было где птишкам приютиться, да и тебе самому иногда присесть на отдых.

Такой ответ понравился орлу, и в благодарность за такую заботу Вайнямёйнена о птицах он достал ему с неба огня и бросил на срубленный лес. Быстро запылало пламя, дружно подхватил его северо-восточный ветер, и скоро на месте прежнего леса была уже только одна куча пепла. Тогда бережно достал Вайнямёйнен спрятанные им шесть зерен гречихи и стал бросать их на землю, нашептывая вещие слова и прося землю не скупиться на урожай, призывая ее очнуться от долгого, векового сна.

Потом обратился он с жаркою молитвой к Укко, богу неба, и сказал:

Укко, ты наш бог небесный,
Ты, что небом всем владеешь,
Всеми облачками правишь!
Пораздумай, поразмысли
И пошли с Востока тучу,
Да и с Запада другую,
Да и с Юга их побольше,
Пусть скорей прольется дождик,
Пусть из тучек мед закаплет,
Чтобы стебли поднялися
И колосья зашумели!..

Укко исполнил просьбу премудрого, чудный хлеб созрел в одну неделю, и узнали с той поры люди, как должно его сеять и как за ним ухаживать.

А Вяйнямёйнен стал спокойно жить на плодоносных равнинах Калевалы и петь на досуге свои любимые песни. Широко и далеко на юг и север пронесся слух о его славе, мудрости и о могуществе его песен.

В то время жил на Севере, в стране бледных лапландцев, один молодой певец, по имени Йоукахайнен, который никогда еще не встречал на земле певца, подобного себе. Услышав о славе Вяйнямёйнена, загорелся он желанием помериться с ним силою вещей песен и тотчас решился ехать в Калевалу. Напрасно отговаривал его отец от этого дерзкого замысла, напрасно упрасивала его мать остаться.

— Нет, — отвечал Йоукахайнен, — я и сам не ребенок, сам сознаю свои силы и не потерплю, чтобы кто-нибудь пользовался большей, чем я, славой в песнопении. Разве не видели вы, как лучшие певцы пытались состязаться со мною и как жестоко наказывал я их за такую дерзость, как силой песни своей забивал я ноги их в камень, наваливал каменные глыбы им на спину, грудь и на плечи, нахлобучивал на глаза тяжелую каменную шапку!

И с этими словами вскочил он в свои легкие санки, и вихрем помчал его конь в Калевалу. Едет он день, едет другой, на третий сталкивается лицом к лицу с Вяйнямёйненом, который тоже куда-то ехал и не заметил, что Йоукахайнен мчится ему навстречу, наткнулся на его сани.

— Ты кто такой? — спросил его Вяйнямёйнен. — Откуда явился ты в нашу сторону, что не знаешь, как ездить по нашим дорогам, и наталкиваешься на всякого встречного?

— Я Йоукахайнен, — гордо отвечал юноша, думая поразить премудрого старца одним звуком своего имени.

— Ну, если ты Йоукахайнен, — спокойно возразил ему Вайнямёйнен, — так ты можешь и уступить мне дорогу, ведь ты гораздо моложе меня летами.

— Что нам считаться летами? Не в возрасте сила, а в знании и в мудрости; если ты действительно тот Вайнямёйнен, для которого, говорят, нет ничего сокровитного в мире, так давай состязаться в знании, и я тогда только уступлю тебе дорогу, когда увижу, что ты превосходишь меня в мудрости.

— Где мне равняться с тобой в знании и мудрости, — отвечал ему Вайнямёйнен, — я ведь жил все в глуши, слышал одну только кукушку; ну, да уж если тебе так угодно, так покажи мне сначала, что ты знаешь.

Тогда стал Йоукахайнен в напыщенной и цветистой речи излагать ему самые обыкновенные явления природы и жизни, которые бы и ребенок сумел передать и объяснить не хуже его, он рассказывал ему, как строятся дома, какие где живут рыбы, как где землю пахут, какие где водопады и какие деревья любят расти на горах.

— Это всякий ребенок, всякая баба знает, — смеясь сказал ему Вайнямёйнен. — Тому, у кого растет борода, стыдно уж и называть это знанием. Нет, ты скажи мне, откуда что произошло, разъясни самое существо вещей!

Йоукахайнен смутился и стал бормотать:

— Вода произошла из гор, огонь — с неба, медь — из скалы...

— И только-то? И эти пустяки ты называешь знанием?

Йоукахайнен прибегнул к последнему средству и стал лгать Вайнямёйнену, что он был в числе тех, которые создали мир, накрыли его небесным сводом и рассеяли по нем светлые звезды.

— Ты нагло лжешь! — сказал ему мудрый старец. — О тебе и не слыхано было, когда мир создавался.

— Ну, уж если я не сумел очистить себе дорогу знанием, так проложу ее мечом.

— Не боюсь я ни мечей твоих, ни мудрости и не стану меряться мечами с тобою, жалким созданием.

— А, ты не хочешь! Ты трусишь. Так я запою и силою песни обращу тебя в борова и загоню в самый дальний угол темного, грязного хлева!

Не вытерпел Ваянмяйнен и сам запел свою грозную вещую песнь: море заколебалось, земля задрожала, медные горы застонали, твердые камни испугались, скалы затрещали и рассыпались... От песни его сани дерзкого юноши обратились в жалкий кустарник, а борзый конь — в прибрежный камень, богатая шапка — в темную тучу, мягкий пояс — в мелкие звездочки, а сам Йоукахайнен по горло увяз в мшистой и вязкой трясине.

Тут только постиг он могущество Ваянмяйнена, тут только увидел он, что нет ему спасения, если его не помилует премудрый и не возьмет назад своих чудных заклинаний. Он стал предлагать ему за свою жизнь и богатое оружие, и коней, и корабли, и золото; но гневный Ваянмяйнен с презрением отвергал все его предложения и продолжал петь страшную песню, от которой Йоукахайнен все глубже и глубже уходил в трясину. Наконец Йоукахайнен прибег к последнему средству:

— Если ты меня отсюда вытащишь, так я отдам за тебя сестру свою Айно: пусть ткет в твоём доме золотые покрывала и печет тебе медовые хлебы.

Такое предложение понравилось Вяйнямёйнену, гнев его приутих, и отпустил он Йоукахайнена домой, не сделав ему никакого зла и обещая приехать к нему за сестрою. Но едва прослышала сестра Йоукахайнена, что ее хотят против воли выдать замуж за старика, как тотчас сказала, что ни за какие сокровища не решится за него выйти. Напрасно представляла ей мать, как должен был весь их род возвыситься, породнившись с таким мудрецом, как Вяйнямёйнен, напрасно уговаривал ее отец; Айно тихонько ушла из дома, пришла на взморье и бросилась в волны.

Из всех зверей один только бестолковый заяц решился бежать к ее дому и объявить родителям о горькой участи их дочери. Во всем доме, во всем племени поднялся вой и плач... Скоро узнал Вяйнямёйнен об участи своей невесты, и так ему стало грустно, что слезы навернулись у него на глазах, и стал он призывать мать свою на помощь в горе.

— Полно тебе печалиться, — сказала она ему, — ты можешь пособить себе в горе. Ступай на Север, в Похьёлы; там увидишь ты девушек, стройных, высоких, ловких, прекрасных собой. Там-то выбери себе супругу, и поверь мне, что с ней не сравниться будет какой-нибудь бледной и жалкой дочери лапландца.

Мудрый Вяйнямёйнен одумался и решился поступить по совету своей матери. Он оседлал коня своего, легкого, как соломинка, подобного гороховому стебельку, в богатую сбрую, взнуздал его золотой уздечкой, вскочил на него и помчался к негостеприимному Северу, перескакивая одним махом через поля и равнины, через леса и горы, через обширную гладь моря, с берега на берег, так что борзый конь его и копыт в воде не обмачивал.

Между тем Йоукахайнен страшно злобствовал на Вяйнямёйнена и дал себе клятву, что во что бы то ни стало отомстит ему. Мучимый завистью, он долго не мог придумать, как извести мудрого певца финнов; наконец, прослышав о том, что Вяйнямёйнен собирается ехать в Похьёлы, он решился подстеречь его на дороге и убить. Но как? Обыкновенное оружие бессильно против его чар.

И вот Йоукахайнен задумал смастерить огненный лук и такие стрелы, каких ни прежде, ни после того не видывали на свете. Ничего не пожалел он для своего чудного оружия: выковал из мягкого железа гибкую полосу и залил ее на середине толстым слоем светлой меди, которую искусно разукрасил разными выпуклыми изображениями, выложил золотом и серебром. Из адского льна и шерсти адских оленей ссучил он тетиву, натянул ее на огненное оружие, и вот готов был лук, под которым свободно мог улечься медведь, по которому наверху мог бегать борзый

конь, по краям веселый жеребенок, а по рогам вертлявый заяц. Потом вырезал он много стрел, оковал их крепким железом, опушил тонкими перьями ласточки и легкими воробьиными крылышками, наточил их наконечники и вымочил в черной ядовитой крови ехидны и других гадов. Напрасно мать Йоукахайнена запрещала сыну своему поднимать руку на мудрого Вяйнямёйнена, напрасно говорила она ему:

— Не убивай его, не прикасайся к премудрому! Со смертью его исчезнут с земли и песни и радости, которые уйдут вслед за ним в подземное царство.

— Пускай все веселье вместе с пением исчезнет с лица земли; мне нет до них заботы, у меня одна забота — убить его!

И залег он на дороге, по которой следовало проезжать Вяйнямёйнену, и день и ночь не смыкал глаз, боясь, чтобы враг его, направляясь в дальние и туманные страны Севера, не проскользнул мимо него незаметно. Однажды ранним утром взглянул Йоукахайнен на северо-запад: далеко, далеко завидел на море что-то темное, синеватое. «Что бы это такое могло быть? — подумал он. — Не облако ли?» Но он вгляделся пристальнее и увидел, что это не облако, а мудрый Вяйнямёйнен мчится по морю на своем волшебном коне, легко, как соломинка.

Быстро выхватил бледный лапландец стрелу из колчана, самую легкую, самую прямую, самую певучую, стал на правое колено и крепко утвердил свой лук на левом, потом натянул тугую тетиву и пустил стрелу, шепча страшные заклинания. Но первая стрела пролетела высоко над головой певца, ударилась об облака и, словно молния, разорвала кудрявые тучки. Вторая, не достигнув своей цели, с такой силой ударилась в землю, что глубоко ушла в нее, чуть не до самой преисподней. Зато третья со зловещим свистом пронеслась прямо навстречу Вяйнямёйнену и пронзила насквозь его быстрого коня. Вяйнямёйнен упал с него в волны, далеко расплескав их в сторону и покрыв большое пространство белой пеной. Поднялся бурный ветер на море, бешено разгулялись громадные валы и понесли мудрого старца вдаль от берега в открытое море...

Злобно стал радоваться на берегу Йоукахайнен, видя, что Вяйнямёйнен упал с коня в воду, и воображая, что убил его наповал своей стрелой.

— Никогда уж больше не видеть тебе, старик, — закричал он, — роскошных полей и равнин Калевалы!

Восемь дней и восемь бесконечно долгих ночей носило Вьянмяйнена по глубоким волнам беспредельного моря, словно ветку, оторванную от могучей сосны бурным вихрем. Наконец, на девятую ночь силы стали изменять мудрому старцу, руки и ноги его стали коченеть от холода. Он оглянулся кругом — перед ним один и тот же бесконечный ряд волн, позади его все то же ясное небо: нигде никакой надежды на помощь.

— Горе мне, горе, несчастному! — сказал он тогда. — И зачем покинул я свою родимую сторону, зачем вздумал пуститься в дальний путь? Видно, в наказание за это пришлось мне теперь носиться по волнам безбрежного моря, костenea от холода! Горе мне, бедному!

Но вот, издалека, с туманного Севера, летит орел; одним крылом касается он облаков, а другим бороздит волны. Долго кружится он в высоте и вдруг замечает на волнах Вьянмяйнена.

— Ты как сюда попал?! — кричит он мудрому старцу. — Как занесло тебя в море?

Вьянмяйнен рассказал ему все, что случилось с ним на пути в Похьёлы, и то, как в течение восьми дней и восьми ночей, не зная покоя, носится он по морю.

— Да и конца я не вижу своим мучениям, — прибавил он в заключение своего рассказа, — сам не знаю, что со мною должно случиться прежде: умру ли я здесь от холода или утону.

— Полно, не печалься, садись ко мне на спину, — сказал Вьянмяйнену орел, — я отнесу тебя туда, куда ты путь держал: ведь я не забыл того дня, когда ты, вырубая лес под пашню, нарочно оставил посередине ее березу, на которой мне и птенцам моим можно было отдохнуть после долгого и утомительного перелета. Садись же и держись крепче.

Вяйнямёйнен с радостью вылез из воды, взобрался на спину орла, и тот быстрее молнии понес его по дороге, которою одни только ветры да тучи носятся из конца в конец Вселенной; потом, подлетев к обширным границам Похьёлы, бережно опустил он свою дорогую ношу на землю, а сам полетел далее. И остался Вяйнямёйнен один в неведомой ему стране, голодный, промокший до костей и дрожащий от холода. Не было кругом ни деревца, ни кусточка знакомого, нигде не видать было тропинки, которая бы вела на родину, и стало бедному Вяйнямёйнену так грустно, что он горько заплакал, и долго, долго лились его слезы, а вопли далеко разносились в глуши...

В то время у Лоухи, царицы Севера, была красавица дочка, такая умница и такая рукодельница, что другой подобной и во всем свете нельзя было встретить. Вот хоть бы с солнцем, например, поспорила она, что всегда будет вставать с ним в одно время; а между тем она, бывало, уж и встанет, и оденется, и в доме—то все прибрать успеет, а солнышко только что подыматься начнет да выглядывать одним глазком из-за леса.

Как-то встала она однажды спозаранок, вымела свежим веником полы в доме, потом стала выносить сор за дворовый забор на поле и вдруг слышит, что вдали кто-то заливается плачем. Она тотчас же пошла к матери и сказала:

— Я слышала сейчас, как кто-то жалобно плакал вдали, мне кажется, что голос доносился сюда с того берега моря.

Беззубая Лоухи вышла из дома, стала прислушиваться и сказала дочери:

— Слышу и я тоже плач, только по голосу вижу ясно, что плачет это не ребенок и не женщина — так может плакать муж зрелых лет, у которого давно покрыт подбородок густой бородой.

И, быстро спустив на воду челнок, она взяла в руки весла и направилась к тому месту противоположного берега, откуда слышались жалобные вопли.

Вот подъезжает она к берегу и видит, что в густом ивовом кустарнике сидит Вяйнямёйнен и горько плачет. Лоухи сначала приняла его за самого обыкновенного смертного, судя по его всклокоченным волосам и промокшей одежде.

— Глупый ты, неразумный старик, — сказала она ему с насмешкою, — каким это ветром занесло тебя в наш далекий край?

Вяйнямёйнен взглянул на нее с досадою и отвечал:

— Сам я и без тебя знаю, что попал в дальнюю, чужую, незнакомую мне сторону; сам знаю, что мне здесь хуже будет, чем на родине, и что нельзя мне здесь ожидать себе такого почета, как там.

— Да позволь же спросить, кто ты такой?

— Теперь я и сам не знаю, кто я такой; а прежде слыл я первым между всеми певцами на равнинах Калевалы.

Тут только догадалась Лоухи, с кем она имеет дело, и предложила мудрому старцу отдохнуть под кровом от тяжелой усталости и утолить свою жажду и голод. Бесприютный и печальный Вяйнямёйнен на все согласился, утер свои слезы и, усевшись в челнок вместе с Лоухи, мигом очутился на противоположном берегу, у порога ее дома.

Лоухи высушила промокшую насквозь одежду Вяйнямёйнена, напоила его, потом посадила за стол против себя и стала спрашивать:

— Скажи, пожалуйста, отчего же это ты так горько плакал там на берегу, да и теперь все сидишь, понуря голову?

Вяйнямёйнен слишком хорошо знал, что злая и жадная Лоухи никого не отпускает из своего царства без дорогого, тяжелого выкупа, и заранее тужил при мысли, что ему, быть может, долго не придется вновь увидеть своей родины, потому что Лоухи могла потребовать от него невозможного.

— Как же мне не грустить и не плакать, — отвечал он, — когда вот несколько дней сряду носило меня по бурному морю, истомленного, измученного прибило наконец к чужому берегу, на который мне и

смотреть—то постыло; мне здесь каждый сучок глаза колет, каждая ветвь грубо хлещет меня по лицу. Мне здесь все чужое, один только ветер мне знакомый, только одно солнце и ласкает здесь меня, бедного, на этой горькой чужбине.

— Ну, полно тебе грустить! — продолжала хитрая ведьма. — Будто не все равно, ведь и здесь также буду я кормить тебя сладким мясом жирных лошадей и поить крепким медом.

— Что мне в этом? — с досадою отвечал Вяйнямёйнен. — По мне лучше на родине напиться чистой воды из башмака, чем на чужой стороне пить мед из золотого кубка!

— Ну, уж если тебе так хочется вернуться на родину, так я, пожалуй, отпущу тебя, и дорогу тебе укажу, и сани тебе дам, только с уговором...

— Требуй чего хочешь, — с радостью отвечал ей премудрый старец, — если хочешь серебра или золота, так бери его сколько угодно!

— Что мне серебро и золото, — отвечала Лоухи, слишком хорошо знавшая могущество Вяйнямёйнена, — на что оно мне? Золото и серебро — пустяки; я от тебя потребую чего-нибудь поважнее. Я дам тебе лебяжье перо, каплю молока, клочок бараньей шерсти да зерно гречихи, и из них должен ты сковать мне мельницу Сампо и сколотить к ней пеструю крышку. Если ты сумеешь это сделать, так я не только отправлю тебя на родину, но еще сверх того отдам за тебя старшую и самую красивую из дочерей моих.

На это старый и мудрый Вяйнямёйнен покачал головой и сказал ей;

— Нет, я не сумею выковать тебе Сампо, не сумею сколотить к нему пеструю крышку. А вот, если ты меня отпустишь на родину, так я обещаю тебе, что заставлю брата своего Илмаринена выковать для тебя Сампо. Он ведь такой кузнец, какого и в целом свете не найти; посмотри—ка на небо: ведь это его работа — он выковал эту крышку для воздуха, да так искусно, что ты на ней нигде не отыщешь следа его клещей или молота. За него и дочь свою выдай; видно, не мне на долю выпало счастье быть ее мужем; только отпусти меня.

Лоухи взяла с него слово, что он вместо себя пришлет своего брата—кузнеца и заставит его выковать ей Сампо, это чудное сокровище, в котором должны заключаться все блага жизни; потом усадила его в сани, дала ему в руки кнут и вожжи и сказала:

— Как поедешь ты на родину, не выходи из саней, пока конь твой не устанет, не гляди по сторонам, пока не закатится, не поднимай головы, пока не доедешь до дому, а не то — не миновать тебе беды.

И помчался Ваянямёйнен на родину, весело помахивая кнутом, не оглядываясь ни направо, ни налево и только все понукая свою лошадь, быструю, как ветер.

III

Долго и шумно мчался мудрый певец финнов по пути к своей родине; ничто не отвлекало его внимания от мысли, что он вскоре опять увидит все дорогое, милое и близкое ему, когда вдруг, на одном повороте дороги, он явственно расслышал вверху, над своей головой, стук колеса прялки.

«Что же бы это такое могло быть? » — подумал Ваянямёйнен и, позабыв обо всех предостережениях Лоухи, поднял вверх голову. И что бы вы думали? На облаках, ярко освещенных солнцем, сияла чудная радуга, а на радуге, словно на простой скамейке, сидела та самая рукодельница — дочка Лоухи, что так смело решалась спорить с самим солнцем. Одежда ее блистала яркими цветами, а руки быстро работали над серебряной пряжей; дело так и кипело в руках у нее, так и кружилось золотое веретено, то поднимаясь, то опускаясь и туго обматываясь тонкой серебряной нитью.

Ваянямёйнен как взглянул на нее, так и остолбенел: и вожжи бросил, и коня остановил, и из саней вылез — стоит себе да все наверх смотрит и глаз оторвать не может от рукодельницы-красавицы. Стоял он, стоял да вдруг и стал звать ее с собой в Калевалу.

— А что мне там делать, на твоей родине? Мне ведь и здесь хорошо! — отвечала с улыбкой лукавая дочь Лоухи.

— Там ты выйдешь за меня замуж, будешь печь мне медовые хлебцы, варить крепкое пиво да в окошечко любоваться на зеленые равнины Калевалы.

— Нет, не пойду я за тебя, старика, да и ни за кого не пойду, кроме того человека, который легко выполнит все трудные задачи, какие я ему задам.

Ваянямёйнен, понадеявшись на свою мудрость и силу, вызвался легко решить всякую задачу, какую бы ни вздумалось ей предложить ему. И не раз заставил он ее поломать голову над хитрыми выдумками, потому что действительно разрешал их легко и быстро. Но дочь Лоухи была мудрейшею из женщин после своей матери и наконец придумала для Ваянямёйнена труд по силам.

— Вот тебе обломок моего веретена, — сказала она, — сделай мне из него лодку и так спусти ее на воду, чтобы тебе не пришлось ни коленом

толкать ее, ни плечами двигать, ни руками тащить.

«Никто лучше меня в целом свете не сумеет построить лодку», — подумал про себя Вяйнямёйнен, взял закругленный конец веретена и отошел в сторонку.

Там принялся он рубить и строгать. Рубит день, рубит два; на третий день, когда лодка была уже почти окончена, злой дух Хийси и брат его Лемко, невидимо уцепившись за топориче, тяжело повисли на обухе и направили острое лезвие в колено премудрого. Кровь пошла из раны такими ручьями, что скоро затопила все окрестные лужайки. Вяйнямёйнен стал было нашептывать разные наговоры, чтобы остановить кровь, но не мог припомнить тех сильных слов, которые будто ключом замыкают самые глубокие раны: кровь все продолжала течь ручьем из его колена. Тогда Вяйнямёйнен, видя, что вся его работа пропала, оттолкнул ее от себя и в отчаянии стал вырывать на лугах дерн целыми кусками, целыми кучами собирать листья, засыпая и затыкая рану свою чем попало. Все было напрасно — кровь бежала по-прежнему. Тут уж не вытерпел Вяйнямёйнен: истекая кровью, зарыдал он, как ребенок, вскочил в свои легкие санки и пустился искать по свету знахаря, который бы сумел заговорить его рану.

Долго скакал он по селам и деревням и по пустынным проселкам, останавливаясь у каждого жилья, у каждого перекрестка и всюду расспрашивая:

— Не найдется ли где человека, который бы взялся заговорить мою рану и остановить кровотечение?

И никто не брался за такое трудное дело. Наконец, когда он, остановившись перед одной низенькой и дряхлой избушкой, жалобным голосом повторил свой вопрос у дверей ее, ему в ответ прохрипел с печи дряхлый-предряхлый старик:

— Я могу заговорить твою рану и остановить твою кровь, если ты сумеешь рассказать мне, откуда взялось на земле железо и с которых пор сделалось злым?

— Я все расскажу тебе, — с радостью отвечал старику Вяйнямёйнен; потом с большим трудом вылез из саней, переступил через порог дымной хижины и уселся против старика на скамейку, придерживая ногу свою обеими руками.

Старик слез с печи, поставил его ногу в таз, который быстро до краев наполнился кровью Вяйнямёйнена, потом осмотрел его рану и, взглянув с удивлением в лицо премудрого, спросил:

— Да кто же ты такой, скажи, пожалуйста? Что ты за человек? Ведь у тебя из колена вытекло на землю семь полных лодок да еще восемь самых больших чанов крови... а ты все еще жив? Вижу, что без твоей помощи не под силу мне залечить твою рану. Рассказывай мне о происхождении железа, а я тебя послушаю.

— Укко создал весь мир, — так начал рассказ свой Вяйнямёйнен. — Он отделил воздух от воды, а воду — от земли, и на земле создал двух братьев воздуха: старшего — огонь и младшего — железо. Когда создал он железо, тогда захотелось этому младшему навестить своих старших братьев. Сперва отправился он к старшему; но огонь принял его так сурово, так притиснул, что бедное железо едва-едва успело ноги уволочь да поскорее спряталось в трясине под горою, где гуси-лебеди кладут яйца в своих скрытых глубоких гнездах. Там, под кочками и перетлевшими корнями деревьев, скрывалось оно два года; вот и стали тем болотом переходить волки да медведи: где медведь ступит своею тяжелою лапой, там железо целыми кусками так и выпирает на поверхность трясины; где волк пробежит, там только чуть-чуть из-под нее показывается. В то время Илмаринен искал место для своей кузницы и нечаянно забрел на то болото. Увидел он железо на болоте да и подумал: «Ох ты, бедное железо! Куда это тебя занесло? Не здесь твое место, не в глуши, где бегают одни волки да медведи, да гуси-лебеди детей выводят. Дайка я тебя положу на огонь в своем горне!» Чуть только услышало об этом железо, как взмолилось Илмаринену о пощаде, рассказало ему о гневном приеме, которым запугал его огонь.

— Это все пустое! — отвечал железу Илмаринен. — Огонь не приносит никакого вреда и друзьям-то своим, не то что уж такой близкой родне, как ты. А ты подумай-ка: ведь только при его помощи можешь ты и вырасти, и окрепнуть, и стать украшением на груди женщины или мечом при бедре богатыря.

Согласилось железо с мудрым кузнецом, и в тот же вечер вынул его Илмаринен из болота и бросил в свой горн. Потом принялся он за мехи и стал изо всей силы дуть ими на огонь; разом расплзлось железо от жару в кашу, стало мягче ржаного теста и закричало из огня Илмаринену:

— Ой, батюшки, как жарко! Милый кузнец Илмаринен, вынь ты меня отсюда, не то меня огонь совсем загубит!

— Нет, брат, — отвечал ему Илмаринен, — вынь тебя теперь, так ты, пожалуй, уж слишком больно будешь кусаться, ты, пожалуй, никого и из людей-то в живых не оставишь!

Стало бедное железо клясться всевозможными клятвами и уверять, что ему довольно найдется работы и без того, что будет оно рубить только деревья да обтесывать камни... Вынул его Илмаринен из огня, стал было ковать, да видит, что плохо еще железо, не годится в поделку, потому что еще не закаливается хорошенько. И придумал он его закалывать, окуная в воду, но к воде хотелось ему примешать соки растений, чтобы железо выходило тверже. Он обратился за этим делом к мимо летевшей пчелке.

Пчелка, быстрый человечек,
Принеси на крыльях меду,
А во рту немного соку
Из венца шести цветочков,
Чтобы сталь здесь изготовить
И железо закалить им.

Пчелка полетела. Но птица злого духа Хийси, которая с крыши заглядывала внутрь кузницы и зорко следила за выделкою железа, услышав, о чем просит Илмаринен пчелку, сама полетела прямо в ад, принесла черного яда ехидн и ядовитого сока жаб и положила их в воду в то время, как Илмаринен отвернулся. Видит он, в воде что-то плавает, подумал, что это, верно, пчелка принесла ему соки трав, и тотчас же опустил раскаленное железо в воду. И озлилось железо, и нарушило свои страшные клятвы, и с тех пор пошло всех людей губить да упиваться кровью.

— Ну, теперь я знаю, что мне делать, — промолвил старик, выслушав рассказ Вайнямёйнена.

И тотчас же начал он нашептывать свои вещие наговоры, в которых то упрекал железо в его дурных поступках, напоминая ему его прежнюю доброту и клятвы, то упрашивал кровь остановиться; наконец, обратился с мольбою о помощи к Укко, и кровь тотчас же остановилась; оставалось еще залечить широкую и глубокую рану. И послал старик своего внука в кузницу, чтобы там сварить целительный состав для раны из цветов тысячелистника, из нежных травяных волокон, из меду и сладкого сока деревьев.

Пошел мальчик в кузницу; на дороге попадается ему дуб.

— Есть у тебя мед? — спрашивает его мальчик.

— Как не быть! — отвечает дуб.

Мальчик нарезал его дерева маленькими щепочками, наскоблил его коры, собрал много всяких трав, да трав не простых, редких, которые не везде растут да не всем и в руки даются. Потом, придя в кузницу, бросил все это в котел и повесил его на огонь. Три дня и три ночи шипел и клокотал котел над огнем; на четвертый заглянул в него мальчик — но целебное средство еще не было готово. Тогда мальчик подложил в котел еще и других трав, которые где-то далеко собраны были девятью сильными волшебницами и восемью лучшими знахарями. Еще девять ночей провисел котел над огнем, и вот наконец готово было могучее средство. Мальчик захотел испытать его силу и пошел на край соседнего поля, где стояла сломанная бурей пригнутая к земле полусохшая осина. Он помазал ее в переломе, и быстро срослись края его, и по-прежнему гордо поднялась вершина выпрямившегося дерева, и весело зашелестели листья. Потом стал мальчик смазывать своим составом рассевишиеся надвое камни — и они срастались; стал брызгать им на трещины скал — и те спаивались теснее прежнего.

— Ну, теперь годится!

И мальчик понес к старику изготовленное средство.

Старик отведал его, похвалил и давай им смазывать рану и сверху, и снизу, и с боков, приговаривая вещице слова.

Чуть только помазал старик рану Вяйнямёйнена, как тот стал метаться во все стороны от невыносимой боли. Но старец тотчас же прогнал боль к каменным горам, пусть там мучит камни да терзает бесчувственные скалы; потом перевязал он ногу крепкими шелковыми перевязками, и быстро стала заживать рана, гладко затягиваться живым мясом, так что не осталось на месте ее ни рубца, ни следа. Наконец Вяйнямёйнен стал крепко на ногу и опять мог свободно владеть ею. Он поблагодарил сначала Укко за его всесильную помощь, потом отблагодарил и старика, потом запряг свою лошадку в сани и, сбираясь ехать домой, сказал:

— Вот и вижу я теперь, как опасно хвастаться и быть самонадеянным! Я ли, кажется, не сумею выстроить лодки? А вот понадеялся на одни свои силы, позабыл, что все зависит от воли всемогущего Укко, и вот как жестоко был за это наказан!

Как буря помчался он оттуда в Калевалу, через болота, поля и равнины; ехал день, ехал другой, наконец, на третий стал подъезжать к дому. Немного не доезжая до него, сдержал он бешено мчавшегося коня, вылез из саней и, вспомнив об условиях, на которых Лоухи отпустила его домой, стал придумывать, как бы заставить Илмаринена ехать в мрачные

страны Севера, потому что заранее предвидел разные отговорки и препятствия со стороны своего нерешительного брата. Недолго думал премудрый. Он запел и вдруг силой своей песни поднял из недр земли огромную ель с золотыми ветвями и золотою вершиной, которая почти касалась облаков; а как с земли посмотришь на вершину, так и кажется, что сидит на ней месяц и звезды Большой Медведицы рассыпаны по мелким веточкам. Ну, и говорить нечего, что на вершине ее не было ни звезд, ни месяца, а только Ваянямёйнен силою волшебства своего и не так еще умел обманывать взор всякого легковёрного. Сам премудрый постоял, постоял, посмотрел на ель: видит, что все хорошо, и поехал дальше.

Скоро достиг он кузницы Илмаринена, из которой, как и всегда, валил клубами густой черный дым и раздавался неумолкаемый стук тяжких молотов. Входит премудрый в кузницу и застаёт Илмаринена за работой. Поздоровались братья.

— Где это ты пропадал так долго? — спросил его Илмаринен.

— Да все время промаялся среди бледных лапландцев да в туманных странах Севера, в мрачной Похьёле, где так много чародеев.

— То-то, я думаю, насмотрелся там всяких диковинок? — добродушно спросил его кузнец.

— Да, есть о чем порассказать, а признаюсь, брат, что ничего на свете не видал лучше старшей дочери Лоухи: на всем свете первая красавица. Жаль только, спесива очень, всем женихам отказывает; а уж что за красавица — на висках по светлому месяцу, на груди красное солнышко, оба плеча сплошь звездами покрыты да и на спине рассыпано их немало. Вот невеста как раз по тебе, Илмаринен; ступай-ка в Похьёлы да выкуй ей Сампо с пестрой крышкой, так она охотно за тебя выйдет.

— Нет, брат, спасибо, не пойду, — отвечал смысленный Илмаринен, — ты, я вижу, заранее поручился за меня и пообещал меня прислать туда, чтобы себя от беды избавить; ни за что не пойду я в Похьёлы: там, говорят, людей едят да в море топят.

Вяйнямёйнен прикинулся равнодушным и продолжал говорить спокойно:

— А вот тоже видел я диковинку! Уж подлинно чудо! Представь себе: ель, вся — золотая, на верху у нее луна, а в ветвях запуталась Большая Медведица. И ведь очень близко отсюда!

— Быть не может! — отозвался Илмаринен, у которого глаза разбежались, когда он услышал, что недалеко от его кузницы есть такая диковинка, а он о ней и знать не знает. — Не поверю я, пока сам не увижу!

Как был с молотом в руках, так и выскочил из кузницы. Вяйнямёйнен за ним, привел к ели, стал показывать. Дивится кузнец, ходит вокруг дерева, заложив руки за спину, и только головой покачивает.

— А месяц-то, а звезды-то, а? Каковы? — подсказывает ему Вяйнямёйнен. — Ты просто, я думаю, можешь влезть на дерево, да и поснимать их оттуда.

Илмаринену это предложение понравилось; послушался он хитрых советов брата, полез на дерево под самые облака; а Вяйнямёйнен вдруг закричал громким голосом:

— Подымайтесь, ветры буйные, несите Илмаринена в Похьёлы!

И быстро со всех концов света налетели бурные вихри, с корнем выворотили могучее дерево и, крутясь и громко завывая, помчали Илмаринена к туманным странам Севера.

Долго мчало вихрем легковерного Илмаринена, долго несло его к Северу по той дороге, которой разгуливают одни ветры да шумные бури; несло его пониже солнца, повыше месяца...

Наконец бережно опустил его вихрь на землю около самых дверей Лоухи, да так тихо, что и собаки не услышали, не залаяли.

Беззубая ведьма тем временем сама стояла на дворе у порога и очень удивилась такому неожиданному появлению Илмаринена.

— Ты кто такой? Как это ты сюда попал? Вихрем принесло тебя так незаметно, что и чуткие собаки не услышали.

— Да не затем я и пришел сюда, чтобы на меня собаки лаяли, — с досадой отвечал кузнец.

— Уж не из той ли ты страны, где живет знаменитый кузнец Илмаринен? Не знал ли ты его там? Не слыхал ли, отчего так долго не жалуется к нам, когда мы уже давно его ждем, чтобы он выковал нам Сампо.

— Еще бы мне не знать Илмаринена, когда я сам Илмаринен! — отвечал ей кузнец, которому польстили слова ведьмы.

Тут беззубая Лоухи опрометью бросилась в избу и давай наряжать свою младшую красавицу дочку в самое лучшее платье, надевать ей жемчуг на шею и нанизывать его на головной убор.

— Одевайся, дочка, поскорей да покрасивей; приехал к нам дорогой гость, искусный кузнец Илмаринен, тот самый, что должен выковать нам Сампо с пестрой крышкой, — сказала она дочке и пошла угощать Илмаринена.

Напоила его, накормила, потом ласково обратилась к нему с вкрадчивой улыбкой:

— Ты славишься своим искусством, знаменитый кузнец, и, верно, сумеешь мне выковать Сампо из лебяжьего пера, из капли молока, из зернышка да из руна молодого барашка. А если выкуешь, так и бери себе в жены мою младшую дочку—красавицу.

И вывела тут она свою дочку из другой комнаты напоказ Илмаринену, и очень приглянулась ему стройная красотка, одетая в наряд, блиставший золотом и серебром и цветными камнями.

— Я тебе выкую Сампо,— сказал он,— и не трудна мне будет эта работа, потому что ведь и небо уже выковано мной.

И тотчас взялся он за работу; построил кузницу, сложил в ней горн из дикого камня, приладил к нему мехи, установил посредине тяжелую наковальню, развел жаркий огонь и, бросив в него материалы, из которых должно было выйти Сампо, велел подмастерьям что есть силы раздувать огонь мехами. Три долгих летних дня и три ночи без усталости работали подмастерья, раздувая мехи и сгребая уголья в кучу. В первый день заглянул Илмаринен внутрь горна и вытащил из огня огромный лук. Хорош был он — и туг, и красиво выложен по краям серебром и золотом, да одно только жаль: он был так зол, что хотел каждый день убивать по одному человеку, а в праздники по два. Изломал его Илмаринен и бросил в огонь. На другой день, заглянувши в горн, он вытащил из него челнок; красив он был и прочно обит медью, и искусно выложен по краям золотом, да один был у него недостаток: ему хотелось плыть только на войну и служить людям только для разбоев. И его разбил Илмаринен в мелкие щепочки и снова бросил в огонь. На третий день заглянул он в горн и вытащил оттуда корову с золотыми рогами, со звездами во лбу. Хороша была эта корова, да уж очень дика: все только рвалась она в лес да бодала всех. Илмаринен изрубил и ее на маленькие кусочки, бросил в огонь и прогнал своих подмастерьев из кузницы. И созвал он ветры со всех четырех сторон света, и призвал бури раздувать огонь в своем горне. Завыли ветры: засвистал западный, загудел восточный, задул теплый южный ветер и потянул с Севера резкий, ледяной вихрь. И вот — под конец третьего дня — пышет огонь из двери кузницы, искры летят из окон, дым столбом валит вверх и мешается с облаками. Заглядывает Илмаринен внутрь горна и видит, что в нем уже начинает показываться среди пламени пестрая крышка Сампо. Быстро вытащил он его из пламени, положил на наковальню, стал ковать своим тяжелым молотом, и вскоре было готово это чудесное сокровище! Оно походило на мельницу, у которой с одной стороны сыпалась мука, а с другой мелкая соль, а с третьей светлые деньги. И устроена была эта мельница искусно: на заре молола она одну меру муки для дневного пропитания, другую для продажи, а третью про запас.

Обрадовалась беззубая Лоухи, увидев, что Сампо готово; долго не знала она, куда его спрятать, потому что нельзя было установить его ни в одном из ее обширных погребов. И снесла она его бережно в медную гору и заперла в ней девятью крепкими замками.

— Ну, теперь Сампо готово, — сказал кузнец беззубой ведьме самым вкрадчивым и ласковым голосом, — теперь можно мне взять твою дочку за себя замуж.

Лоухи не смела ему отказать, но дочь ее заупрямилась и не хотела выходить за Илмаринена.

— Не люблю мне ехать в чужую, дальнюю сторону, уходить из-под родимого крова, — отвечала она. — Кто здесь без меня заставит петь птичек и кукушку куковать; уйду я — и они далеко отлетят от наших холмов и лесов.

Нахмурился Илмаринен, надвинул шапку на самые брови, а сам глубоко призадумался.

— Хоть бы на родину-то мне вернуться удалось, хоть бы кто-нибудь указал мне туда дорогу, — шептал он про себя тихо.

Лоухи спросила его о причине его задумчивости; он откровенно высказал ей свою тоску по родине. И надела на него Лоухи на дорогу всякими съестными припасами, снарядила его легкий челнок, распустила на нем белый парус и послала попутные ветры сопровождать его до самых берегов отчизны.

V

Пасмурным осенним утром приехал Илмаринен домой и очень неохотно отвечал на вопросы Вяйнямёйнена, который хотел узнать об устройстве Сампо.

Вяйнямёйнен очень хорошо понял из немногих и коротких ответов своего брата, что ему не посчастливилось в сватовстве, и премудрому пришло в голову еще раз попытать счастья, еще раз искать руки гордой северной красавицы, дочери Лоухи. Но как попасть туда, где живет она со своей матерью и со всем своим родом? Дороги туда не знал никто, даже сам Вяйнямёйнен. И вздумал премудрый певец построить такую лодку, которая бы сама везла его туда, куда бы он ни пожелал ехать. Никому другому, кроме могущественного Вяйнямёйнена, не пришла бы в голову такая смелая мысль, ни у кого бы и сил не хватило ее выполнить, а ему все нипочем! Надобно было ему только выбрать дерево, которое по свойствам своим годилось бы для такого чудного челна. И послал Вяйнямёйнен своего приятеля Сампсу Пеллервойнена (того самого великана, который помогал ему засеивать землю травами и деревьями) выбрать и срубить годное дерево. Пошел Сампса с топором на плече на восток за три горы и

пришел сначала к осине саженной трех в вышину, которая и спросила его поспешно:

— Чего тебе от меня надобно?

— Мне нужен лес на постройку судна для Вьянямёйнена, — отвечал великан.

А ему в ответ зашелестела густолиственная осина:

Промокать бы стало судно,
Кабы строить из осины:
Ствол мой полон всяких дупел,
Да к тому же нынче летом
Трижды червь мне сердце выел
И подгрыз меня у корня.

Пошел Сампса на Север; видит, растет там высокая ель, саженной шесть в ширину; ударил он по ней топором и спросил:

— Ты-то уж, верно, годишься на постройку корабля для Вьянямёйнена?

С досадой зашумела ему в ответ высокая ель:

Не гожуся я на лодку,
Ни на челн о шести ребрах;
Много есть во мне пороков:
Трижды гнезда нынче летом
Вил в моей вершине ворон,
А в ветвях моих ворона.

Сампса поверил и направился в южные страны. Там увидел он громадный дуб, девяти саженной в обхвате. К нему обратился он с вопросом:

— Не годишься ли хоть ты на постройку чудного судна для премудрого?

Умно и гордо отвечал ему дуб:

Лесу есть во мне довольно,
На постройку того судна,
Нет во мне, высоком, дупел,
Ни других каких пороков.

Трижды в нынешнее лето
Во мне солнце укрывалось
И сиял в вершине месяц,
На ветвях кукушка пела,
Птичка маленькая в листьях.

И срубил великан великана, обрубил его могучие ветви, наготовил из него для мудрого Вьянмяйнена столько досок, брусьев и бревен, что все и не пересчитаешь сразу...

А мудрый певец строил свое чудное судно при помощи могучих чар. Спел он одну песню, и глубокий киль лодки был готов; затянул другую — словно сами выросли из киля круглые бока, спел третью песню — и бока сами собой сошлись на носу, а по краям их явились выемки для весел. Недоставало у премудрого трех заветных словечек, чтобы достроить свою чудную лодку, срубить на ней корму и вставить посередине мачту. Стал ломать голову премудрый, вспоминая те три могучие слова, которые были ему так нужны; стал гадать по внутренностям птиц и зверей, надеясь отыскать их, — все напрасно.

— Я знаю, где найти мне эти слова, — сказал наконец Вьянмяйнен, — я найду их в царстве мертвых, там, где правит могущественный Туонела.

И отправился он в путь, пошел в царство мертвых добывать себе три словечка, и как скоро он ни шел, а все прошел до него недели с три. Одну неделю шел все по лугам, поросшим травой, другую — по боярышнику, а третью — по можжевельниковому перелеску, и вот показался вдали холмистый остров, на котором правит могущественный Туонела над покинутыми землями мертвецами. Глубокая река отделяла его от остальной земли. Увидев на другом берегу безобразную маленькую дочку Туонела, мудрый Вьянмяйнен стал просить ее, чтобы она перевезла его через реку; долго не соглашалась она перевезти живого человека в таинственное царство отца; долго старался обмануть ее Вьянмяйнен, придумывая разные предлоги в оправдание своего желания переехать на противоположную сторону. Наконец он сказал ей всю правду, и она перевезла его на другую сторону реки.

— Глупый ты человек, — сказала она ему с досадой, — тебе бы дома сидеть, а не сюда приходить! Разве не знаешь ты, что приходят сюда многие, а не уходит никто?

— Старым бабам прилично бояться всяких пустяков, а я ничего не испугаюсь! — отвечал Вьянямёйнен и смело направился к дому Туонела.

Хитрая жена Туонела, злая старуха, стала угощать Вьянямёйнена пивом и встретила его ласково. Но мудрый певец был осторожен. Искоса взглянул он в поданные ему кружки пива и увидел, что в них плавали ядовитые жабы и большие черви свивались в широкие кольца. Он отказался от угощения и объявил жене Туонела, что он пришел к ней не бражничать, а спросить у ее мужа те три слова, которые были ему необходимы для окончания волшебного судна. С хитрой улыбкой отвечала ему жена Туонела:

— Не делится мой муж ни с кем своей мудростью, не поделится и с тобой, а в наказание за твою смелость объявляю тебе, что ты уже никогда более не увидишь своей родины.

И в ту же минуту усыпила она премудрого и велела снести его на жесткую постель. Между тем поручено было одному старику и одной старухе, у которых на руках было всего по три пальца, ссучить много железных ниток и вытянуть столько же медной проволоки, и сын Туонела, у которого вместо пальцев на руках были железные крючки, сплел из этих ниток и проволоки сети, окружил ими весь дом своего отца и перегородил реку, чтобы мудрому Вьянямёйнену нельзя было ускользнуть из царства мертвых. Долго проспав, проснулся премудрый и увидел себя в страшной опасности. Но не легко было его одолеть силой чар, превзойти его в хитрости! Он обернулся сухой осокой, а потом пополз к берегу черным червяком, а там скользнул в воду гибким змеем, прополз сквозь частые сети, переплыл глубокую реку, отделявшую остров Туонела от остального мира, и, выйдя на берег, долго и жарко благодарил Укко за его помощь в опасном предприятии и в легком избавлении из когтей Туонела.

На другой день сын Туонела, не видя нигде Вьянямёйнена, стал вытягивать на берег сети, закинутые в реку, и нашел в них красноперых окуней, да широких лещей, да серебристых сига — нигде и следов премудрого не осталось.

VI

Вернулся домой премудрый Вьянямёйнен, исходив без пользы многие тысячи верст, не добыв из царства Туонела тех могучих слов, которые нужны были ему для окончания его чудного судна.

— А ты еще попытайся, — сказал ему один старый пастух, — ты сходи-ка на край света к Випунену, может быть, он знает то, что тебе

нужно? А уж, кажется, кому быть мудрее этого старика великана? Все-то он знает и славится своей давней мудростью.

— А как пройти-то к нему? — спросил Вяйнямёйнен.

— Дорога к нему идет не то чтобы самая лучшая, ну да и не самая худая: один день бежать нужно по иголкам, а другой пробираться по лезвиям мечей, а третий-то весь идти по острым краям топоров.

Выслушав его, Вяйнямёйнен пошел к брату Илмаринену и говорит:

— Скуй мне, братец, сапоги из железа, да рубашку из железа, да такие же перчатки, да сделай еще тяжелую стальную булаву, я собираюсь идти к Випунену добывать себе мудрости.

— Охота тебе идти в такую даль! Ведь Випунен-то уже давным-давно умер, уже не ставит больше своих силков да сетей по лесам для ловли птиц и зверей.

Но Вяйнямёйнен не обратил внимания на слова, пустился в путь-дороженьку, преодолел все препятствия и под вечер третьего дня прибыл к тому месту, где жил некогда мудрый великан Випунен. И увидел он, что лежит этот Випунен, словно большая гора, лежит и спит мертвым сном. Видно, давно уж спал он так, потому что на плечах у него успели вырасти трепетные осины, на висках тенистые березы, на щеках корявые ветлы, на бороде частые ивы, на лбу вековая сосна, а во рту старая смолистая ель. Посмотрел на все это Вяйнямёйнен, вынул свой острый меч, порубил и осину, и ель, и частые ивы, потом глубоко вонзил меч в широкие губы Випунена.

— Вставай, старина, — сказал он, — подымайся от долгого смертного сна.

Просыпается Випунен, начинает ворочаться; земля крутом стонет, пыль столбом вверх летит; чувствует великан страшную боль в пронзенных мечом губах, начинает от досады грызть клинок меча зубами, широко разевает свой громадный рот, и Вяйнямёйнен, стоявший на краю его, не успел остеречься, поскользнулся и провалился в эту страшную пропасть. Випунен очень спокойно закрыл рот, потом проглотил премудрого певца, как муху, и самодовольно улыбнулся.

— Славный кусочек, — сказал он, — случилось мне много есть на своем веку, случалось и козу, и корову, и целого вепря зараз проглатывать, а такого еще никогда не приходилось.

И располагал он опять спокойно заснуть, но, видно, не суждено было...

Вяйнямёйнен совершенно неожиданно попал в желудок Випунена и стал придумывать, как бы ему повеселее провести время в этой темной и

просторной тюрьме. «Давай-ка займусь я кованием», — подумал он и тотчас же развел огонь, из рукавов своей одежды сделал мехи, приладил их кое-как к огню, и на своем колене, закованном в железо, стал, как на наковальне, ковать своей булавой. Ковал он день и ночь, без устали; стучит, гремит, огонь раздувает, уголья в него ногами подгребают, только дым столбом вверх валит да искры с пеплом летят во все стороны. Нет никакого покоя Випунену ни днем, ни ночью!

— Что это за человека я проглотил? Вот уже прошло сколько дней, а все во рту у меня какая-то копоть да уголья, а в желудке горячо и точно кто молоточком постукивает.

День ото дня становилось ему все хуже и хуже, и уж не знал он, куда и деваться от чудовища, которое проглотил спросонья. Сколько ни старался, какие ни употреблял средства, чтобы изгнать Вяйнямёйнена из своего желудка, — все понапрасну. Он стал грозить ему своей силой и гневом богов, тот только посмеивается да булавой постукивает. Наконец Випунену пришлось уж так плохо, что он решился вступить в переговоры со своим жильцом.

— Да выйдешь ли ты из меня когда-нибудь? — взмолился Випунен.

— Нет, мне и здесь хорошо, — отвечал премудрый, — я отсюда не уйду, а все только ближе и ближе буду пододвигаться к твоему сердцу со своей наковальней, проберусь к тебе в самый мозг и уж там устрою себе настоящую кузницу. Не выйду я из тебя, пока не услышу от тебя всего, что ты знаешь, пока не научусь всей твоей мудрости.

Делать нечего! Пришлось старику Випунену сдаться; подумал он, подумал, припоминая и собирая в голове своей все, что знал, и запел песню, в которой складно передавал все свои знания. Вяйнямёйнен слушал, опершись головой на руки и стараясь не пропустить ни одного слова. И не один он слушал: в небе солнце с месяцем приостановились, а на море — волны, даже реки не текли: все слушали, всем хотелось получить от старого Випунена хоть частицу его дивной мудрости.

Когда кончилась песня Випунена, Вяйнямёйнен опрометью бросился вон из желудка, обернулся золотистой белочкой, скользнул из его широкого зева на землю и пустился бежать домой... Только что прибежал к кузнице Илмаринена, как тот и работу бросил, выскочил из нее, давай его расспрашивать о новом опасном странствовании.

— Много я узнал нового, — отвечал ему премудрый, — большой мудрости набрался, узнал то, чего никто, кроме меня, теперь не знает.

И пошел он на берег достраивать свою лодку. Мигом достроил он ее и много дней потом занимался тем, что ее разукрашивал: всю ее вымазал

красной краской, облепил на носу серебром, а на корме золотом, врубил в середину крепкую мачту; потом, не откладывая, собрался в путь, и в одно прекрасное утро, когда Илмаринен еще храпел на постели, Вяйнямёйнен спустил свою лодку на воду, поднял белый парус и поплыл к далеким берегам Похьёлы. Но не мог он уплыть незаметно: женщины полоскали на берегу белье и видели, как он отплыл, расспросили его, куда и зачем он идет. А когда он рассказал им о цели своего путешествия, то не прошло и часу, Илмаринен уже знал и о его отъезде, и о его намерении... Скоро седлал он коня, еще скорей того садился в седло и гнал во всю прыть в Похьёлы...

Видно, уж очень не хотелось Илмаринену уступить свою невесту другому, видно, скоро и ехал он, потому что поспел в Похьёлы в одно время с братом своим; тот морем плыл, а этот берегом за ним следовал. В одно время они и в дом Лоухи вступили: но гордая дочка беззубой ведьмы на старика Вяйнямёйнена и взглянуть не захотела (хоть мать и советовала ей выбрать именно его в мужа), а Илмаринену объявила, что охотно пойдет за него замуж. Поднялась на всем Севере страшная суматоха — все стали готовиться к свадьбе. Все хлопотали, все шумели, всюду пиво варили, вино курили, во всех кухнях готовили кушанья, всюду шили наряды один другого красивее — всем хотелось побывать на свадьбе дочери Лоухи с Илмариненом. Всех и пригласили на эту свадьбу; забыли только пригласить Лемминкяйнена.

VII

Лемминкяйнен жил далеко от всех других людей, далеко от Илмаринена и Вяйнямёйнена, на морском берегу, вместе с матерью и своим сильным родом. Долго жил он спокойный и довольный, пока ему не вздумалось свататься за дочку Лоухи. Напрасно отговаривала его мать, утверждая, что там он погибнет. Лемминкяйнен смеялся ее словам и поехал на Север. Лоухи приняла его ласково, но сказал, что если он хочет получить ее дочку себе в жены, то должен исполнить несколько трудных задач. Смелый Лемминкяйнен, не бледневший ни перед какой опасностью, взялся исполнить все трудные задачи, которые придумала для него Лоухи. Хитрая ведьма взвалила на его плечи такие труды, что несчастный Лемминкяйнен должен был погибнуть. Гонясь за адскими лебедями на реке, отделяющей царство Туонела от остального мира, он нечаянно упал в воду, а злой сын Туонела тотчас подхватил его и изрубил на куски. Только материнская любовь помогла тогда Лемминкяйнену. Прослышав о

смерти его, мать поспешила на Север, а разузнав подробно о месте, в котором погиб ее сын, своими руками повытаскала все куски его тела из воды, сложила их плотно, помазала бальзамом и силою своих чар заставила жизнь вновь возвратиться в омертвевшее тело. Тут рассказал Лемминкяйнен матери о своих похождениях и гибели, потом вместе с ней отправился домой. Страшная опасность, которой подвергся он, надолго отбила у него всякую охоту куда бы то ни было удаляться из дома. Но когда до него дошли слухи (а слух у него был тонкий) о том, что на Севере готовится свадебный пир, что все приглашены на пир, один только он забыт, — тогда загорелся Лемминкяйнен страшной злобой на Лоухи, ее мужа и на весь ее род. Одна только мысль о мести завладела всем его сердцем, и он решил тотчас же привести ее в исполнение.

— Матушка, — сказал он, — накорми меня, напои меня, вели вытопить для меня баньку, дай мне мои лучшие одежды и отпусти меня в

дальний путь—дороженьку.

— Куда это ты, сыночек, собрался? Уж не за хищной ли рысью гоняться, не легких ли белок стрелять?

— Нет, матушка, не на охоту стремлюсь я, не на забаву себе, а иду на свадебный пир в Похъёлы, иду мстить Лоухи, и мужу ее, и всему роду ее за то, что они одного меня не позвали к себе на праздник, надо мной одним посмеялись!

— Не ходи ты туда, куда тебя не звали; не будет в том проку, коли пойдешь! Смотри, смотри, не нажить бы тебе худа, не накликать бы тебе беды на свою голову, да и на мою—то также! — говорила ему мать. — Не ходи, сыночек, не пришлось бы мне на старости лет проливать горькие слезы по тебе, моем милом сыночке!

— Нет, не прошу я им этой обиды! — отвечал ей бесстрашный сын. — Они меня не звали, так мечом разделаюсь с ними.

— Знаю я, сын мой, что тебя ничто не устрашает, да ведь прежде чем доедешь до Похъёлы, много встретишь ты на своем пути преград и опасностей.

— Какие же это преграды, матушка? Есть ли там такие, которых бы стоило пугаться: ведь женщины часто и по—пустому боятся...

— Не по—пустому боюсь я, сынок, и сам ты вспомнишь мои слова! Первая тебе преграда встретится огненная река, а на той реке огненная скала, а на той скале огненный орел сидит и днем клюв, а ночью когти точит на гибель всякого прохожего чужого человека. Вторая преграда на пути твоём будет огненная пропасть, которая тянется от востока до запада, полна она раскаленных камней и влечет к себе всякого прохожего чужого человека. Многие тысячи людей сложили уже в ней свои головы! А третья преграда: у самых ворот Похъёлы, в самом узком месте пути попадется тебе навстречу огромный волк; такого нигде в другом месте не слыхано: многие тысячи людей растерзал уж он, растерзает и тебя, горемычного!

— Не испугаешь ты меня этим, матушка, а лишь больше возбудишь во мне желание преодолеть все препоны, — отвечал матери бесстрашный Лемминкяйнен.

— Да что в том проку, если ты и все эти препятствия преодолеешь. Самое-то страшное на конце пути предстоит тебе: вокруг Похьёлы тын железный от земли и до неба, а за железным тыном стальные стены; стены оплетены шипящими змеями, а в узких воротах лежит огромный и толстый змей, покрытый железной чешуей: гордо поднимает он голову и страшно разевает пасть навстречу каждому входящему, всегда готовый проглотить чужого человека. А за стальной стеной частокол стоит и на каждом-то колушке по головушке; на одном только колу головы еще нет — видно, твоей-то голове и быть на нем, сыночек, коли вздумаешь идти непрощеный на свадебный пир в Похьёлы.

— Не ребенок уж я, матушка, не побоюсь всех этих страхов! Сумею я проложить себе торную дорогу! — отвечал Лемминкяйнен, надел тяжелую кольчугу, опоясался отцовским мечом, простился с матерью, сел на коня и поехал путем-дорогой на Север, обдумывая, как бы ему лучше отомстить Лоухи.

А старушка-мать еще долго смотрела ему вслед и гадала: вернется ли он еще домой или оставит свою буйную голову на чужой стороне?

VIII

Не много проехал Лемминкяйнен и наехал на тетеревиную стаю, спугнул их с дороги его борзый конь, взвились они тучей вверх и оставили после себя на земле только несколько перышек. Лемминкяйнен сошел с коня, думает: «Путнику все пригодится», — и сунул те перья в сумку. Немного проехал он далее, и стали сбываться слова его старушки-матери: видит он прямо перед собой широкую огненную реку, а на ней ни мостика, ни лодочки, только клокочет в ней огненная влага, словно вода в котле, и огненные волны бешено бьются о раскаленную скалу; а на вершине скалы сидит огромный орел, все только крыльями хлопает да точит о камни свой страшный клюв. Остановился бесстрашный Лемминкяйнен, видит: не проехать ему так, и обратился к орлу с речью:

— Пропусти меня, птица орел, еду я на пир в Похьёлы, отвернись на миг в сторону, чтобы я тем временем мог через реку перебраться.

С насмешкой отвечал ему орел:

— Никого еще не пропускал я доселе мимо себя, не пропущу и Лемминкяйнена, одна ему дорога и лежит прямоезжая — в мою глотку.

Не испугался его угроз Лемминкяйнен, быстро сунул руку в сумку, вынул оттуда несколько перьев, потер их между своими ладонями, и вот взвилась у него с рук огромная стая тетеревов, взвилась и полетела прямо в отверстую пасть чудовищного огненного орла, и покамест он с жадностью глотал их, Лемминкяйнен ударил своего коня плетью, и живо перескочил добрый конь через речку и понесся стрелой от реки.

Недолго он ехал спокойно; конь его вдруг заартачился, задрожал всем телом и остановился как вкопанный. Привстал Лемминкяйнен на стременах, смотрит вперед и видит, что добрый конь остановился на самом краю глубокой и широкой огненной пропасти. Широко и далеко тянулась она в обе стороны, от востока до запада, и была полным-полнехонька раскаленными камнями. Взмолился Лемминкяйнен всемогущему Укко о помощи, и недолго заставил Укко ждать своей помощи. Со всех четырех сторон света собрал он над пропастью темные тучи, и вдруг густой снег большими хлопьями повалил на раскаленные груды камней. Меньше чем в минуту выпало снегу на сажень, и снег этот растаял, так что на месте пропасти образовалось большое озеро с тонким льдом на поверхности. Тут Лемминкяйнен не задумываясь перебрался через озеро по тонкому ледку и, достигнув другого берега, понесся стрелой по своему трудному пути.

Так ехал он два дня. На третий подъезжает к Похьёле и в самом узком месте дороги видит — выходит к нему навстречу громадный волк; еще издали страшно разевает он свою пасть и с диким воем выжидает приближения неосторожного путника. Но Лемминкяйнен ничуть не испугался этого чудовища. Быстро вынул он из своей дорожной сумки клоч овечьей шерсти и стал тереть ее между сильными пальцами. И вот из-под рук его выбежало целое стадо курчавых жирных овечек и прямо бросилось в пасть чудовищного волка. Пока тот справлялся с целым стадом, Лемминкяйнен преспокойно проехал мимо и стал приближаться к громадному железному тыну, которым окружена была вся Похьёлы. Тын этот на сто сажен уходил в глубь земли да на тысячу сажен возвышался над землей. Подивился ему Лемминкяйнен и сказал сам себе:

— Вот диво так диво! Уж, кажется, как ведь низко ползают змеи, а тын ниже их уходит в землю, кажется, как ведь высоко носятся в воздухе птицы, а тын выше их теряется в облаках.

И вынул он отцовский меч, который и камни и железо рубил, как сухие щепки, и стал он тем мечом рубить железный тын и скоро вырубил в нем такую дыру, через которую мог с конем своим свободно проехать. Но что же он встретил за тыном? Высокую стену, сверху донизу

обвитую стоглазыми змеями, облепленную огромными ящерицами, оплетенную ядовитыми ехиднами. И все они злобно шипели и поводили своими зелеными глазами и яростно разевали широкие пасти, выставя раздвоенное ядовитое жало; не было ни проходу, ни проезду, и не решился храбрый Лемминкяйнен прямо пробираться на добром коне своем через этих чудовищ. Подумал, подумал он и стал уговаривать змей и ехидн, чтобы они его пропустили к Похьёле, но те только злобно шипели в ответ на его речи. Тогда припомнил Лемминкяйнен страшные заговоры против змей и ехидн, заговоры старинные, которые еще в детстве случалось ему слышать от старой матери.

— Слушайте, змеи, — сказал он, — уступите мне дорогу, а не то расскажу я всему свету о вашем происхождении, и тогда вы от стыда попрячетесь в самые дальние утлы ваших нор; знаю я, откуда вы произошли: вас породило чудовище Сиетер. Оно плюнуло в море, и долго слюна его носилась по белогривым волнам, долго убаюкивали ее свежие морские ветры. И вот взглянул на нее всемогущий Укко, создавший весь мир, и сказал сам себе: «Если бы мне вздумалось оживить эту слюну и дать ей глаза, то из дурного могло бы выйти лишь дурное, от чудовища могло бы произойти лишь чудовищное». Услышал эти слова злой дух Хийси, всегда готовый на дурное дело, и решился сам создать чудовище из этой слюны: вдунул он в нее жизнь, вложил ей вместо сердца уголь из ада, и явилась на свет ты, лютая змея!

И словно пристыженные тем, что Лемминкяйнен перед лицом всего света рассказал об их происхождении, змеи, шипя и свиваясь в широкие кольца, блистая на солнце своей чешуей, поползли в разные стороны, стараясь укрыться в рывинах и расселинах; вслед за ними рассыпались и исчезли в траве пестрые ящерицы, и бесстрашному Лемминкяйнену открылась широкая дорога в Похьёлы.

IX

Смело вступил Лемминкяйнен в обширный покой дома Лоухи, где за огромным столом сидело множество гостей, созданных ею и мужем ее на свадебный пир. Вошел Лемминкяйнен — и липовые доски в полу закрипели, и толстые сосновые стены зашатались, а все гости между собой переглянулись.

— Здравствуй, — сказал он, обращаясь к хозяину дома, мужу беззубой ведьмы, и бросая шапку на стол. — Давай мне место за столом, давай корм моему коню, а мне — пива и меда.

Не поклонился ему хозяин и мрачно отвечал, не вставая со своего места:

— Не звал я тебя, и нет тебе здесь места за столом; твое место за дверьми; еще и не сеян тот овес, которым я накормлю коня твоего, еще и не сажень хмель, с которым стану варить для тебя пиво.

Грозно засверкали глаза у Лемминкяйнена, одной рукой откинул он свои черные волосы, другой растолкал гостей, сидевших за столом, и сам уселся на их место так, что толстая скамья под ним застонала.

— Ты меня не пригласила к себе на пир, — сказал он, обращаясь к Лоухи, — а созвала со всех концов света всякую сволочь, так я вот сам к тебе явился — угощай же меня поскорей.

— Угости его пивом, — сказала со злобной усмешкой Лоухи одной из служанок, и та тотчас же поднесла Лемминкяйнену в каком-то черепке не пива, а прокисшего сусла.

Заглянул внутрь черепка Лемминкяйнен и видит, что плавают в нем ядовитые ехидны, а по краям ползают черные черви и бегают зеленые

ящерицы. Не задумался бесстрашный, порылся в дорожной суме своей, вытащил оттуда рыболовный крючок и им повытаскал из черепка жаб, змей, червей и ящериц. С улыбкой изрубил он их ножом и перетоптал ногами, а пиво выпил безвредно.

— Так-то ты меня угощаешь, хозяин, — сказал Лемминкяйнен.

— Не жди от меня другого угощения, а убирайся вон: я тебя не звал.

— Ты, значит, и напоить не можешь гостя, который нечаянно забредет в твой дом?

— На, пей, — сказал Лемминкяйнену муж Лоухи и ударил в пол ногой; в ту же минуту у ног Лемминкяйнена появился прудок, наполненный грязной водой.

— Нет. Я не теленок, не стану пить воду из лужи, — возразил он и махнул рукой; и тотчас же явился бычок с золотыми рогами и разом выпил всю воду в прудке.

Озлился хозяин, послал на того бычка огромного серого волка. А Лемминкяйнен опять махнул рукой, и перед самым носом у хищного волка стал прыгать веселый беленький зайчик, который отвлек на себя все внимание волка.

Видит муж Лоухи, что не одолеть ему Лемминкяйнена силой чар; он бросился к стене, сорвал с нее свой длинный меч и быстро подошел к Лемминкяйнену.

— Слушай, Лемминкяйнен, ты померился со мной в знании страшных чар и заклинаний, померимся же теперь мечами: посмотрим, чей меч лучше.

— Где моему мечу равняться с твоим, — сказал Лемминкяйнен с насмешкой, — ведь мой уж весь поломался, ударяясь о кости врагов, весь зазубрился, разрубая черепа. А впрочем, я готов помериться с тобой и мечами. Только выйдем отсюда: не место здесь драться и тревожить честных гостей.

Вышли они на середину двора (а двор тот был обнесен частоколом, и на каждом-то колушке было воткнуто по головушке, только на одном колу головы не было). И вот зазвенели мечи, посыпались искры от тяжелых ударов клинка о клинок. Горячо нападал на Лемминкяйнена злой муж Лоухи, и спокойно отражал его удары бесстрашный Лемминкяйнен; наконец, улучив минуту, он вдруг сам напал на своего противника и так сильно ударил его в грудь, что тот упал на землю. Быстро подскочил тогда к нему Лемминкяйнен, снес мечом с его широких плеч голову и с торжеством воткнул ее на пустой кол. Потом вошел он в покой, где все еще пиновала Лоухи с гостями, и сказал ей:

— Не хотела ты мне дать пива напиться, так дай же теперь воды вымыть руки, запачканные кровью твоего негостеприимного мужа.

Кто может изобразить ярость беззубой Лоухи! Она стала бросаться во все стороны, кричать, махать руками, и вот со всех сторон словно из-под земли выросли, являются сотни и тысячи воинов с длинными копьями, со сверкающими мечами в руках. Все они стремятся на зов старой ведьмы, все мрачно глядят на Лемминкяйнена. Видит он, что грозит ему беда неминуемая и что в Похьёле ему нельзя более оставаться; выскочил на широкий двор, видит, что коня его нигде нет, и обернулся он сизым орлом, как молния взвился под облака и понесся быстрее мысли на родину, к своей старушке—матери.

Долго ли, коротко ли летел он, а только прилетел домой бледный, усталый и сильно расстроенный.

— Матушка, — сказал он, — ты права была, когда останавливала меня и уговаривала не ездить в Похьёлы. Я навлек страшные беды и на твою и на свою голову; сюда идут вооруженные толпы, их посылает старая беззубая Лоухи, чтобы отомстить мне и всей семье моей за смерть ее мужа, убитого мной. Что мне делать, куда мне с тобой укрыться?

— Обо мне не беспокойся, сын мой, я сумею укрыться от безжалостных врагов; что же касается тебя, то если ты дашь мне слово после этого шестнадцать лет сряду не вынимать меча из ножен, я укажу тебе убежище, в котором никому не удастся отыскать тебя.

— Матушка, даю тебе слово; только скажи мне, где же это безопасное убежище? Далеко ли от тебя и от родины?

— Далеко, сыночек, очень далеко; возьми отцовский челнок, садись в него и плыви в нем через девять морей в десятое. Там, посередине десятого моря, высится над водами скалистый остров. Весело живут на нем люди, ни в чем не нуждаясь; укройся там от преследований и живи беззаботно два года, на третий возвращайся под родимый кров.

На другое утро солнце застало уже Лемминкяйнена на море. Подняв белый парус, быстро мчался он на своем легком челноке вдаль от родины и родимой матушки. Заботливая рука матери положила ему в челн разных припасов и всего, что могло ему понадобиться и в пути и на чужбине. Немало времени плыл он — три месяца убаюкивали его беспокойные

волны под вечер и будили своим плеском на заре. Наконец засинелся вдали желанный остров.

В то время на берегу острова сидело много женщин, и старых и молодых; одни ожидали сыновей, другие отцов и братьев, третьи дорогих женихов и мужей. Завидели они вдали на море черную точку и стали говорить:

— Что это на море? Уж не наши ли корабли идут издалека с дорогим товаром? Не несут ли они нам вестей о далеких странах? Не везут ли нам праздничных нарядов?

Но черная точка очень скоро приближалась к острову, и наконец все сидевшие на берегу женщины увидели, что то был челнок, мирно колыхавшийся на волнах, что в том челноке сидел юноша, прекрасный собой, одетый в богатое платье, черные глаза его блистали как молнии, а чудные черные волосы рассыпались по плечам его мягкими кудрями. Смелой рукой направил он свой челнок к берегу и, подъезжая, сказал сидевшим на берегу женщинам:

— Не найдется ли здесь на берегу местечка, где бы я мог вытащить свой челнок и посушить его на солнце после долгого переезда?

— Есть здесь место целой сотне челноков, не только твоему одному, — отвечали ему с берега женщины.

Вышел Лемминкяйнен на берег, вытащил свой челнок на сушу, потом поклонился женщинам и сказал:

— Не найдется ли здесь на острове местечка укрыть меня, сиротинушку, от боевого шума и звонкого стука мечей?

— Есть у нас и высокие крепкие замки, и богатые дома; можем мы тебя укрыть, сиротинушку, да и не тебя одного, а тысячи таких же, как ты, молодцев.

— Не найдется ли здесь местечка, где бы я мог петь свои протяжные, заунывные песни — слова так и тают у меня на устах, так и просят, чтобы я сложил их в сладкозвучную песню.

— Есть здесь место и для твоих песен, — отвечали ему женщины, — есть и рощи для веселых игр, есть и лужайки для шумной пляски.

И запел Лемминкяйнен могучие, заветные песни своей родины, и выросли около него из земли кусты ароматного боярышника, а перед ним поднялся высокий дуб с золотыми желудями на ветвях, а на том дубе сидела кукушечка, и каждый раз, как она открывала рот, из него выливалось яркое золото, а из-под крыльев сыпалось светлое серебро на землю. Он пел, и от песен его обращался песок в крупные жемчужины, простой булыжник становился блестящим драгоценным камнем, и

золотые цветы вырастали на земле. Все слушали его с восторгом и с изумлением глядели на то, что происходило у них на глазах.

— Спел бы я вам и получше песенку, кабы сидел теперь за столом не под открытым небом, а под кровлей дома.

И вот все принялись наперебой звать его к себе, стараясь расхвалить свой дом и семью. Наконец Лемминкяйнен пришел в один дом, и когда стали его угощать, он только рукой махнул, и на стол явилось множество золотых блюд с вкусными кушаньями, а по краям чинно расставились кружки с пенистым медом и крепким пивом. И долго пил он в том доме и веселился и других веселил своими чудными песнями.

На другой день пошел Лемминкяйнен по острову и стал заходить в каждую деревню, стал заглядывать в каждый дом — и все удивлялись его песням и их могучей таинственной силе. И всюду ласкали его; все звали разделять с собою пиры и забавы, участвовать вместе в веселых празднествах. Незаметно мчалось время для беззаботного Лемминкяйнена, все ему улыбалось — он нравился женщинам, мужчины его уважали и боялись, — но не замечал он, как тихо, словно змея, закрадывалась зависть в сердца окружающих и грозила ему гибелью.

Вот идет он однажды ночью через какую-то деревню и видит, что во всех окнах горят огоньки, а около каждого огонька сидят по трое мужчин и точат мечи, приговаривая:

— Мы точим мечи на Лемминкяйнена, на чужеземца, который стал выше всех нас своими могучими песнями.

Заглянул Лемминкяйнен во все окна и везде видел то же самое. Невольный страх закрался и в его душу, он увидел ясно, что ему нельзя более оставаться на острове: надо спешить на родину. Пошел он на берег, к тому месту, где лежал его челнок, но увидел одни лишь полусгнившие остатки его. И принялся он быстро за работу и стал искусной рукой вырубать себе новое судно. Под утро судно уже было готово, и первые лучи солнца опять застали его на море — он мчался на родину, и попутные ветры широко раздували его парус, а пенистые волны тихо и мерно, словно лаская, колыхали его челнок. А сам Лемминкяйнен горько оплакивал разлуку с друзьями и милыми, которых покидал навсегда, плакал, пока еще виден был остров, пока высокие горы не погрузились в волны.

Долго ехал Лемминкяйнен, не скоро увидел он берега своей родины! Невесело вышел он на берег. «Что-то ждет меня там? Кто-то встретит меня?» — думал он, ступив ногой на родной песок. Приходит на место, где прежде стоял дом его отца, где жили его близкие и родственники, приходит и не узнает места. Все как будто переменялось: вместо прежнего селения видит он обширную площадку, заваленную грудями угольев, вместо прежних друзей и родных находит среди развалин давно побелевшие от дождей и снегов кости — видно было, что огонь и меч опустошали здесь все, а бурный осенний ветер мало-помалу стирал и разносил самые следы прежнего жилья на этом месте. Видит Лемминкяйнен, что там, где прежде был дом отца его, растет теперь осиновая роща, высокие ели стоят в огороде, а прозрачный студеный ключ порос частым вереском.

— Я играл на этом дворе, я прыгал по этим камням, я катался, бывало, по тем лужайкам, я жил здесь с доброй матушкой моей — и где же это все теперь?

И горько зарыдал сирота; не домов было жаль ему, не широких дворов, не мягких лужаек — жаль ему было доброй матушки. Плакал он день, плакал другой, на третий день встал мрачнее ночи, глаза его пылали, как огонь, и лицо его было страшно, — видно было, что в нем проснулся прежний мужественный дух и заговорило прежнее желание мстить обидой за обиду.

— Пойду я туда, в Похьёлы, где живут безжалостные враги мои; пойду ли туда один или с толпой смелых товарищей, все равно не вернусь на родину, прежде чем не расплачусь с ними дочиста.

И пошел он быстрыми шагами по берегу моря, позабыв и слово, данное матери перед разлукой, и опасности, ожидавшие его на пути в Похьёлы.

Долго ли, коротко ли шел он по берегу, а только сильно проголодался. Стал он глядеть крутом себя, полагая, что найдет, чем утолить голод, взглянул на море и видит — вдали чернеется какое-то большое судно; много сидит на том судне народу, а на руле стоит высокий старик с густой седой бородой, а впереди всех гребцов сидит широкоплечий красивый мужчина средних лет, с головы до ног запачканный сажей. И стал кричать с берега Лемминкяйнен, стал спрашивать, чье это судно и куда направляется. В один голос отвечал ему народ с судна:

— Откуда ты сам и что ты за человек, когда не слыхал о знаменитом судне Калевалы, когда не узнаешь в нашем рулевом Вяйнямёйнена, а между гребцами Илмаринена.

— Не случилось мне их видеть, — отвечал, почтительно кланяясь, Лемминкяйнен, — а по слухам давно уж о них я знаю. Куда же вы, друзья, путь держите?

— Мы плывем на Север, в дальнюю Похьёлы, плывем для того, чтобы похитить из Похьёлы Сампо, которое там спрятано в медной горе. На Севере — Сампо, и все там живут припеваючи, а мы без него в Калевале с голоду умираем.

— Не возьмете ли вы меня к себе в товарищи, — сказал обрадованный Лемминкяйнен, — я ведь тоже иду в Похьёлы.

— Садись, поедem вместе, — сказал Вяйнямёйнен, — мы хорошему товарищу рады.

Подошло судно к берегу, быстро вскочил в него бесстрашный Лемминкяйнен, и опять мудрый певец Калевалы направил бег его к далеким берегам негостеприимного Севера.

Шумно рассекая волны бурного моря, мчалась на Север, в мрачную Похьёлы, ладья мудрого Вяйнямёйнена, весело пели на ней его спутники: Лемминкяйнен заливался во все горло, Илмаринен подтягивал только вполголоса, а все остальные стройно вторили им дружным хором.

— Экое пенье на море, экое веселье! — говорили прибрежные жители, мимо которых птицей проносилось по морю чудное судно Вяйнямёйнена.

Целый день плыли они морем да еще день болотом, на третий выбрались в широкую быструю реку; проплыв недолго рекой, они стали приближаться к водопаду, и Лемминкяйнен, боясь, что судно их разбьется о камни, обратился к реке с униженной просьбой:

Не шуми, река, не пенься
И не бейся о пороги!
Ты, русалочка, на камень
Сядь, не дай дороги волнам,
Удержи их плеск рукою,
Чтобы рев их нам не слышать,
Чтобы брызг их нам не видеть,
Пусть они все гложут камни,
Пусть не губят нас, невинных!

И река услышала мольбы его, и судно их преспокойно спустилось по водопаду, не зацепив ни за один из порогов. Но вот уж и водопад и пороги давно остались позади, а судно вдруг обо что-то стукнулось и остановилось, словно глубоко врезавшись в мель своим острым носом. Напрасно Илмаринен, и Лемминкяйнен, и все их спутники напрягали свои силы, упираясь крепкими веслами в песчаное дно реки, напрасно сам Вяйнямёйнен пытался своротить свое судно рулем в сторону, оно оставалось совершенно неподвижным.

Что за чудо такое? — заговорил наконец Вяйнямёйнен. — Да взгляни ты под судно, Лемминкяйнен, на что мы там наткнулись? На пенё ли, на камень, что ли? Ведь уж сколько времени сдвинуться с места не можем!

Лемминкяйнен не долго думал: как был, так и махнул в воду, только меч выхватил из ножен на всякий случай; но Илмаринен обеими руками ухватился за него и принудил остаться на судне, сказав:

— Куда ты суешься, безрассудный! Разве знакома тебе здешняя пучина? Или жизнь уж тебе недорого? Ты и отсюда, не бросаясь в воду,

можешь видеть, на что именно натолкнулось наше судно носом!

И оба, перевесившись через край лодки, стали внимательно всматриваться в темные волны. Что же они увидели? Под лодкой лежала громадная щука и очень спокойно дремала: в ее—то жирную спину врезалось носом судно Вяйнямёйнена, а щука этого и не почувствовала, как будто вовсе не о ее спине и дело шло! Рассказали они Вяйнямёйнену про это великое чудо, а тот только посмеивается:

— Рубите, — говорит, — ее на куски, не то долго не удастся нам сдвинуться с места.

Стали они оба рубить щуку своими мечами, да только напрасно тратили силы, напрасно тупили оружие свое о стальную чешую водяного чудовища.

— Видно, до меня, старого, доходит очередь, — сказал Вяйнямёйнен, вынул свой меч (а он вынимал его редко), вонзил глубоко в широкую спину громадной щуки, вытащил ее разом из—под киля и швырнул вверх с такой силой, что она, падая и ударившись о край судна, распалась сама собой на несколько кусков, из которых одна только голова попала в судно, а все остальные пошли ко дну. Ну уж, что и за голова была у этой щуки! Когда ее распластали, присолили и положили в котел с водой, так вышла из нее одной чудесная уха для Вяйнямёйнена, Илмаринена, Лемминкяйнена и для всех их бесстрашных товарищей, да еще на дне судна осталась целая куча костей. Посмотрел на эти кости Вяйнямёйнен, вытащил из кучи их огромные челюсти чудовищной щуки да и говорит:

— А что, други, ведь из этих челюстей, я думаю, можно что—нибудь и путное сделать?

— Что из них сделаешь?! — отвечал простодушно Илмаринен. — Я вот и на все руки мастер, а из этого не возьмусь ничего сделать. Только на то и годятся челюсти щуки, чтобы бросить их в воду и не ломать себе понапрасну голову над тем, что бы из них можно было выделать.

— Да и в самом деле, куда они годятся? Бросить их! — повторили вслед за кузнецом все, кроме мудрого Вяйнямёйнена.

— Нет, не следует бросать то, из чего можно смастерить хорошую вещь; коли вы не беретесь, так я и сам сумею из этих челюстей сработать изрядные кантеле.

И стал он мастерить кантеле из челюстей щуки; недолго работал, а прочно сделал: вышли кантеле хоть куда, даже и на вид красивые. Всем показывал их Вяйнямейнен, всех просил показать на них свое искусство, сыграть хоть что-нибудь, хоть самую малость. Все брались, да никому не удавалось извлечь ни одного звука из безмолвных струн, потому что никто не умел обращаться с ними как следует. И решили все опять в один голос, что никуда не годятся новые кантеле, что стоит их только в воду бросить.

Вдруг на это пропели им кантеле:

Не хотим идти мы ко дну,
Не хотим тонуть в волнах мы,
Лучше песни запоем вам
Под рукой Вяйнямейнена.

Все подивились тому, что кантеле сами так неожиданно заговорили, и тотчас же передали их в руки мудрого певца финнов.

Он принял от них кантеле, потом могучей рукой повернул судно к берегу, вышел на мягкий лужок и приготовился играть. Вот уставил он один край кантеле в колено, быстро перебрал струны сперва одной, а потом другой рукой, потом остановился на минуту в раздумье и вдруг ударил по струнам! В одно мгновение кантеле ожили, словно сами от себя заговорили, запели, затянули песню, лучше которой никто еще не слыхивал в целом свете! Звучащие струны и пальцы, быстрее молнии бегавшие по ним, как будто поднимали друг друга, будто заранее давно уж согласились, какую именно песню будут исполнять, — так звучно, так стройно лилась она, слетая с дивных кантеле и разносясь далеко вокруг... И что же за радость, что за веселье вселилось во всю природу, окружавшую дивного певца! Вот бегут со всех сторон люди, и старый с клюкой, и малый, на палочке верхом, и холостые, и женатые, и молодые, и бородатые. Все спешат, все теснятся, все преклоняют ухо к неслыханным доселе звукам. Вон и из лесу бегут белки и горностаи, лоси и зайцы, вон с болота примчалась стая голодных волков, вот и из самой чащи соснового бора привалил сам медведь и лезет на толстую ель, чтобы ему было удобнее слушать и видеть того, кто извлекал из кантеле такую чудную музыку. А вон вышел из лесу на опушку сам леший со всей своей семьей, и он, и жена, и дети, такие смешные, косматые, в синих чулках, в шапках из сосновой коры, в шубах из белой бересты, подбитой зелеными мхами; по веткам расселись, качаются... Вон над головой Вяйнямёйнена целой тучей выются и носятся всевозможные птицы: воробьи и ласточки, голуби и коршуны, даже орел бросил своих деток в гнезде, даже ворон слетел с падали, чтобы прислушаться к чему-то новому, незнакомому! А из воды-то! Батюшки, сколько всякой Божьей твари спешит выйти на берег! И гуси, и лебеди, и утки, и длинноногие цапли, и длинноносые кулики, и тысячи других мелких болотных птиц, которых никогда никто и не знал и не видывал, которые весь свой век кричат да посвистывают на болоте, не выходя ни на шаг дальше родных камышей. Пришли — и тотчас же расположились у ног Вяйнямёйнена. А там и вода у берега, как в котле, закипела от множества рыбы, спешившей принять участие в общем веселье: затискались красноперые окуни, зубастые щуки, серебристая плотва, черные налимы и пестрые форели... А за ними притащился и дедушка водяной с густой травяной бородой, сел на листок белых водяных лилий, во все стороны раскачивается, к веселой музыке прислушивается и только шепчет себе под нос:

— Не случилось мне еще ничего подобного слышать: и волны плещут хуже, и ветер шумит в камышах не так приятно, как Вайнямёйнен поет свои песни!

Вынырнули вслед за ним из-под воды и его веселые дочки-русалочки, присели на берег, стали было гребнем расчесывать свои чудные волосы, но скоро заслушались, и руки их опустились, и золотые гребни выскользнули из рук в воду: они стали внимательно слушать, вытянув вперед тонкие, белые шеи...

Все стихло, все смолкло в природе! Самое солнце, очарованное чудными звуками кантеле Вяйнямёйнена, приостановилось, а луна подкралась поближе к земле, чтобы дальняя песня могла хоть сколько-нибудь до нее доноситься.

Так два дня играл Вяйнямёйнен на своих волшебных гусях, и не было кругом его ни одного из его спутников, ни одного из могучих финнов, который бы не плакал от умиления, не было вокруг него ни старых, ни молодых, ни женатых, ни холостых, ни юношей безбородых, ни мужей зрелых с бородами, ни женщин давно замужних, ни молодых девушек, ни девочек самого малого возраста, ни старух, давно отживших свой век, которые бы не плакали, не заливались горячими слезами радости, бежавшими прямо из сердца, переполненного звуками, лучше которых никогда еще ничего не приходилось слышать людям. На третий день и сам Вяйнямёйнен не мог выдержать, сам стал плакать вместе с другими — руки бегали по струнам, слезы катились из глаз; но слезы не простые, а крупный-прекрупный жемчуг падал с его ресниц на густую бороду, с бороды на высокую грудь, с груди на могучие колени, а с колен, сбежав по ступне, катился бережком прямо в воду...

Но вот, досыта наигравшись, встал под вечер третьего дня Вайнямёйнен и снова, вступив с товарищами на судно, пустился по пенистым волнам в Похьёлы. Им было тогда недалеко от этой мрачной отчизны колдунов, где людям жить не приходится, потому что там на них смотрят как на врагов. Вскоре завидели путники берег, еще скорей причалили к нему и, подкинув под днище вальки, мощной рукой вытащили корабль на берег. Потом вошли они в дом старой Лоухи, вошли, ей не кланялись, ни с кем из бывших с ней не здоровались.

— Что хорошего скажете, добрые молодцы? Зачем пожаловали? — начала было ласково Лоухи, думая задобрить их одними словами.

— Мы пришли к тебе не по-пустому слова тратить, пришли требовать, чтобы ты поделила с нами сокровище Сампо, чтобы для нас разбила пополам его пеструю крышку, — смело отвечал Вайнямёйнен.

— Не делет на троих одной курицы и беличью шкуру не рвут на три части! — злобно сказала на это Лоухи. — Моему Сампо хорошо и у меня в той медной горе, в которую я его посадила!

— Ну, коли ты не хочешь делить по доброй воле, так силой его у тебя возьмем.

На эти слова озлилась страшная ведьма, заметалась во все стороны словно угорелая, кликнула верных своих подданных, собрала без числа войска всякого, и с мечами, и с копьями, и с простыми кольями.

Не смутился старый Вяйнямёйнен, не испугались и товарищи его, подошел мудрый певец к своим кантеле, взял их в руки не спеша и заиграл так же, как и накануне, когда все плакали от умиления. И что же? Едва послышались чудные звуки кантеле, едва успели они разнестись по окрестности, как и руки у всех врагов Вяйнямёйнена опустились, и оружие из них выпало на землю, все жадно слушали: кто смеялся, а кто плакал, и заслушались, наконец, волшебной игры. День—другой проходит, они оторваться не могут от звуков, все тянет их еще и еще послушать, но уже нет в них прежнего внимания, уже усталость берет свое, и тяжело слипаются веки глаз, часто мигают ресницы, все лицо невольно искривляется зевотой. Не долго еще нужно было поиграть Вяйнямёйнену, чтобы все они заснули. И действительно, один за другим, кучами повалились воины Лоухи друг на дружку, и кто где упал, тот там и захрапел, даже ведьма, несмотря на все свое знание в чарах, не могла противиться дивной силе Вяйнямёйнена и заснула вместе с другими. Вскоре вся Похьёлы обратилась в спящее царство, от одного конца ее и до другого разносилось ветром только тяжкое храпение множества людей, погруженных в непробудный сон, — все было тихо; ничто не двигалось...

И вот направились наши герои к той медной горе, в которой, за девятью дверями, за девятью замками, хранилось бесценное Сампо. Первая дверь была заперта не замком, а крепким словом могучей волшебницы Лоухи: ее—то и было труднее всего отпереть. Но мудрый певец финнов подошел к ней, тихо пропел какую—то песенку, и двери обрушились сами собой. Все другие отворил кузнец, смазав сальцем их края и петли, чтобы двери не запели, чтобы петли не скрипели. Войти внутрь горы первый вызвался Лемминкяйнен.

— Уж я вам все справлю как следует, — говорил он, — я вам вынесу Сампо как есть, и с пестрой его крышкой!

— Ступай, — сказал ему, посмеиваясь, Вяйнямёйнен.

И вошел в гору Лемминкяйнен; однако, сколько ни бился, сколько ни напрягал сильных рук, сколько ни упирался в землю крепкими ногами

самонадеянный удалец, Сампо не двигалось с места, даже пестрая крышка его не шевелилась. И не диво! Ведь оно в горе пустило корни в глубь земли на девять сажен. Пришлось Лемминкяйнену пуститься на хитрости. В большой плут впряг он громадного вола, которого Лоухи откармливала для свадьбы своей второй дочери. Славный был вол, жирный и гладкий, рога у него в сажень длиной, а морда и втрое длиннее, само собой, что и сила была в нем большая. Его-то заставил Лемминкяйнен выпахать из земли глубокие корни Сампо; и действительно, вскоре Сампо в горе заколебалось, и свалилась с него пестрая крышка...

Тут, уж не раздумывая долго, и Вяйнямёйнен, и Илмаринен подскочили к Лемминкяйнену, втроем взвалили на спины бесценное Сампо и бегом пустились с ним к берегу. Вот они его бережно уложили на дно своего судна, вот прикрыли крышкой, как было прикрыто оно прежде, в горе, вот, наконец, отвалили от берега — и снова пошли плескаться пенистые волны о крутые бока их быстrokрылой ладьи.

— Куда же мы теперь повезем Сампо? — спросил Илмаринен.

— Я знаю куда! — отвечал ему мудрый Вяйнямёйнен. — Туда свезем его, на тот гористый, покрытый вечными туманами остров, на котором растут дремучие, девственные леса, на котором ни разу не бывала нога человеческая и не стучали мечи! Там будет ему спокойно, там может оно навеки остаться!

Сказавши это, Вяйнямёйнен встал со скамейки и, весело взглянув в тот край, где лежали родные, дорогие ему берега, обратился и к морю, и к ветрам, и к ладье своей:

Быстrokрылый мой челночок,
Повернись лицом к отчизне,
А спиною к злой чужбине!
Надувай мой парус, ветер!
Погоняй скорей нас, море!
Помогай и нашим веслам,
И в корму толкай сильнее;
Сокращай нам путь далекий
По своей равнине гладкой!

Так плыли они по шумящему морю, и все, казалось, благоприятствовало им: и погода, и ветер попутный, и быстрый бег

легкого судна. Но вот вздумалось Лемминкяйнену послушать песен Вайнямёйнена, и стал он просить его:

— Спой нам что-нибудь веселое, мудрый Вайнямёйнен!

— Не годится петь веселые песни на волнах неверного моря, — отвечал тот, — ведь берег родимый еще далеко, ведь мы еще не знаем, что с нами будет.

— Как? Неужели тебе не хочется петь? — возразил мудрому певцу ветреный Лемминкяйнен. — Теперь, когда исполнилось наше общее желание, когда мы овладели наконец дивным сокровищем, которое никто уж от нас не отнимет, теперь тебе не хочется петь? Я тебя не понимаю: видно, ты уж очень состарился!

— Да можем ли мы сказать, что никто у нас не отнимет Сампо? Я еще не радуюсь, потому что петь от радости можно тогда, когда дело окончено, когда уж знаешь наверное, что тебя ожидает. Я запою, когда увижу перед собой двери родного дома, а теперь и тебе петь не советую.

Не послушался Лемминкяйнен умного совета, затянул нескладную песню, заголосил во все горло, да так еще нестройно, бестолково, что и

слушать было противно после дивных песен старого Вяйнямёйнена. И вот слышала его дикую песню на море цапля, слышала и полетела да на лету еще и сама от испуга стала испускать дикие, неистовые вопли, которые далеко разносились ветром во все стороны. На беду, цапля эта полетела прямо в Похьёлы, и от ее—то жалобных воплей проснулась там сначала сама Лоухи, а потом и все ее подданные. Прежде всего Лоухи бросилась к себе в дом, видит — все на своем месте, ничто не тронuto могучими врагами. Потом побежала она к той медной горе, в которой было спрятано бесценное Сампо. Приходит к горе и видит, что все замки посбиты, все двери поразломаны, а от Сампо и следа не осталось. Тут—то пришла она в страшную, неопишемую ярость; долго не могла она ни слова вымолвить, потому что на сердце ее кипела самая жгучая злоба; наконец обратилась она с мольбой к богам, стала просить, чтобы они ниспослали похитителям Сампо всевозможные бедствия, чтобы непроницаемый туман окружил их, чтобы острые подводные камни рассекли днище их судна, чтобы бурные ветры сбили их с пути и заставили много дней сряду носиться без помощи и надежды по неприветному морю. После того она поспешно стала собираться в погоню за Вяйнямёйненом, велела изготовить для этого особое судно, велела вооружиться всем, кто только был в состоянии носить оружие. И вот всемогущий бог Укко, исполняя просьбу злой ведьмы Лоухи, сначала наслал на путников такой туман, какого никогда еще никому и видеть не случалось. Все скрылось от глаз их, все покрылось сплошной белой пеленой: не было возможности двинуться ни взад, ни вперед. Но Вяйнямёй—стала заливатьcя в судно вода. Перепугались все спутники Вяйнямёйнена; завопил, заплакал Илмаринен, стал пенять на себя, что решился вверить жизнь свою зыбкой ладье и пуститься в дальние странствования по коварному морю. Один Вяйнямёйнен не потерялся; быстро починил он судно, забил новыми досками все дыры и мужественно ожидал новых бед.

Вот наконец нагрянула на них буря; все небо затянуло черными, свинцовыми тучами, ветры со всех концов Вселенной стали дуть с ужасающей силой, поднялись высоко пенистые гребни гордых волн, слышались свист и шум... Молнии разрывали небо на части, на минуту все обливали ослепительно ярким светом, от которого наступавшая после того темнота преграждала путь нашим странникам. И все бы это ничего. Да на беду, одна из волн, плеснувши через край ладьи, увлекла за собой в воду волшебные кантеле Ваянямёйнена, и чуть только они коснулись поверхности моря, как водяные целой толпой выскочили со дна морского, бросились на кантеле, стали их вырывать друг у друга и, наконец, утащили в бездонную глубину... Тут уж и Ваянямёйнен не выдержал, заплакал.

— Прощайте, — молвил он, — мои гусельки, прощайте, мои сладкоголосые! Не нажить мне больше таких, не играть мне больше песен, какие мне на вас случалось играть!

XI

Ехали, ехали наши путники по морю, и вот, наконец, вдали завиднелись берега Калевалы. Ваянямёйнен уж собирался порадоваться, но, как всегда, осторожный, обратился он сперва к Лемминкяйнену и сказал:

— Дорогой мой приятель и спутник, ты ведь молод, так мою просьбу тебе нетрудно будет исполнить: полезай на мачту, осмотрись кругом во все стороны, да и скажи мне, не увидишь ли чего-нибудь в туманной дали?

Полез Лемминкяйнен на мачту, осмотрел кругом весь горизонт, видит — всюду по краям его светло и чисто, только в одном месте, далеко позади их судна, как будто белое облачко из воды поднимается.

— Ничего я не вижу нигде; вон разве на Севере только виднеется белое облачко и быстро поднимается из воды.

— Верно, ты не всмотрелся, — сказал ему на это обеспокоенный Ваянямёйнен, — верно, это не облачко, а, скорее, корабль на всех парусах. Посмотри еще раз, да повнимательнее!

Посмотрел и еще раз Лемминкяйнен, говорит опять:

— Я ошибся. Издали мне оно казалось облачком, а теперь вижу я остров, который как будто бежит за нами вслед. А на острове том всё белые березы, всё серебристые осины, а на тех осинах и березах всё сидят черные глухари да ястребы!

— Нет, быть не может! Это не ястребы, а все подданные Лоухи, и расселись они не по деревьям, а по снастям ее корабля! — закричал Вяйнямёйнен Лемминкяйнену.

— И точно, — отозвался тот, — за нами гонится на всех парусах корабль, рассекая волны сотней крепких весел.

— Ну, теперь нам надо уходить от Лоухи поскорее! Гребите сильнее, Илмаринен, Лемминкяйнен и все вы, остальные! — закричал Вяйнямёйнен своим спутникам.

Все тотчас же навалились на весла с таким усердием, что волны под носом судна заklubились и запенились, как бешеные, а под кормой заструились водопадом, и все море от быстрого хода ладьи их взволновалось, как в непогоду.

Однако же вскоре увидел Вяйнямёйнен, что им никак не уйти от старой ведьмы Лоухи, что она их нагонит и раздавит... И вот вынул он из своей дорожной сумы кремень и небольшой кусочек трута и бросил их через левое плечо в море, приговаривая:

Будь скалой в глубоком море,
Поднимись грядой подводной,
Чтоб корабль злой ведьмы Лоухи
О тебя разбился в щепу
И пошел ко дну средь звука
Стонов, криков, жалоб, воплей.

В море кремень Вяйнямёйнена тотчас обратился в громадный подводный камень, который стеной растянулся в нем поперек дна. На эту—то каменную стену со всего разбега налетел корабль Лоухи и ударился о нее с необычайной силой... Все затрещало в нем, заколеба—лось; посыпались снасти, полетели в сторону крепкие балки и гибкие доски, свалилась в воду тяжелая мачта и, печально повиснув, заполоскались в воде широкие паруса. Как пасть, разинулся на самой середине судна широкий пролом, в который, пенясь и шумя, стали вливаться бурные волны. Видит Лоухи — дело плохо, починить судно нет возможности. Вот что придумала она: обернулась громадным орлом, посадила к себе своих людей на каждое крыло по сотне, на хвост целых две, да на спину тысячу и взвилась, полетела по небу. Летит она, одним крылом облака зацепляет, другим волны бороздит, наконец завила и хитрых похитителей Сампо. Вот еще раз взмахнула она широкими крылами и стала опускаться на их

маленькое суденышко. А они уж давно ее видели, давно страшились того чудовища, образ которого приняла злая ведьма. И каждый из них приготовился к битве, каждый решил защищать Сампо до последней капли крови, потому что вместе с ними вез в отчизну свое счастье и довольство, урожай и ведро.

— Ты и теперь еще не хочешь поделиться с нами своим сокровищем, старая Лоухи? — закричал Вяйнямейнен.

— Зачем мне делиться с вами, когда оно мне и без того целиком достанется? Ты потому заговорил со мной о разделе, что опасаясь теперь, несчастный, за свою участь, — отвечал с насмешкой орел мудрому певцу финнов и вдруг, ухватившись за мачту одной из своих лап, другой вцепился в бесценное Сампо. От страшной тяжести, давившей на мачту, судно Вяйнямейнена наклонилось набок, черпнуло воды — все на нем переполошились, заметались в разные стороны, Илмаринен взобрался на самую высокую часть ладьи и стал горячо молиться всемогущему Укко, чтобы он спас его жизнь и среди битвы, и среди пучины...

Видит мудрый певец Вяйнямейнен, что грозит им всем опасность неминуемая, видит, что ему самому следует биться с ведьмой за Сампо, потому что в нем одном больше силы и мужества, чем во всех остальных его спутниках. В ту минуту, когда чудовищный орел хватался уже хищной лапой за Сампо и, приподняв его со дна ладьи, собирался унести, Вяйнямейнен вдруг сорвал с петель руль, вырубленный из целой столетней сосны, и что есть мочи ударил им орла по лапе... Переломилась пополам от удара сильная лапа, закричал зычным голосом орел, замахал крыльями, и посыпались с крыльев и со спины в воду воины злой Лоухи. Да только та беда, что когда лапа переломилась у орла, то упало в воду и Сампо; разбилось оно, рассыпалось на множество больших и малых кусочков — сама крышка его распалась надвое! Те куски Сампо, что были покрупнее, тотчас пошли ко дну на поживу веселым водяным и русалкам, а те, что помельче, понесло ветром к берегам Калевалы. Расплакалась злая ведьма Лоухи, увидав, что взять ей нечего, что сама понапрасну сгубила свое прежнее довольство и счастье, что приходится с пустыми руками возвращаться в холодную Похьёлы! И полетела она обратно на Север... А ладья с удалыми похитителями Сампо, счастливо избегнув опасности, как птичка, понеслась к родным берегам.

Вяйнямейнен, высадившись на берег, долго собирал прибитые к нему ветром остатки Сампо и бережно сложил их в одном уютном и теплом местечке. С той поры разбогатели финны и хлебом всякого рода, и пивом, и всеми благами жизни, а лапландцы, напротив, только с той поры стали

бедняками. С той же самой поры и на дне моря завелось то неистощимое богатство, которое всегда останется его собственностью, пока будет на земле волноваться море, а над землей светить яркое солнце.

Кончил Вайнямёйнен свое трудное дело, исполнил все, что мог исполнить для блага своей отчизны. И снарядил он себе вскоре медное судно, разукрасил его чистым золотом, оснастил дорогими снастями, потом, научив людей делать кантеле из березового дерева, сел в свое новое судно и, простившись со всеми, навсегда уехал из Калевалы...

Куда же отправился он? Говорят, будто на самый край света — туда, где земля с небом сходится, так что до неба и рукой достать нетрудно. Говорят, будто он там еще и теперь живет припеваючи...

СКАНДИНАВСКИЙ ЭПОС

Путешествие Тора в страну великанов

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур

Выехал Тор на своей колеснице, запряженной козлами, и поехал с ним Локи. Под вечер завернули они к дому одного человека и остались там ночевать. Вечером взял Тор своих козлов, что были запряжены в колесницу, и обоих зарезал. Потом, освежая их, положил мясо в котлы. Когда же кушанье было готово, Тор и Локи уселись за ужин и пригласили к столу крестьянина со своей семьей: с женой, сыном и дочерью. Мальчика звали Тьяльви, а девочку Рёсква. После ужина расстелил Тор козлиные шкуры по полу и велел крестьянину и его домочадцам кидать кости съеденных козлов в те шкуры. Так они и сделали. Но сын крестьянина, Тьяльви взял бедренную кость и, достав свой нож, расколол ее и выковырял мозг.

Переночевав, на рассвете встал Тор и оделся. Захватив свой молот Мьёлльнир, вышел он из дома и, подняв молот, освятил им шкуры с костями, и козлы встали как живые; только один из них хромал на заднюю ногу. Увидел это Тор и начал бранить крестьянина, говоря, что напрасно домочадцы его так неосторожно обошлись с костями козлов: Тор понял, что кто-то сломал берцовую кость.

Нет нужды даже рассказывать, как испугался крестьянин, видя, что Тор грозно сдвинул брови: от одного взгляда аса едва не упал он на землю от ужаса. Схватив молот, Тор так сжал его в руках, что даже пальцы побелели. Тут крестьянин и все его семейство подняли крик и плач и стали просить пощады, предлагая за охромевшего козла все свое достояние.

Увидел Тор их страх, и гнев его поулегся. В знак примирения взял он детей крестьянина — Тьяльви и Рёскву — к себе на службу, и с тех пор они неотлучно сопровождают его.

Оставив там своих козлов, отправился Тор в Ётунхейм — страну великанов — и шел до самого моря. Переправившись через море, выбрался он на берег вместе со своими спутниками — Локи, Тьяльви и Рёсквой. Вскоре подошли они к большому лесу и шли этим лесом весь день, до самых сумерек. Никто на земле не мог поспорить в скорости с Тьяльви; он нес мешок Тора, а еды у них было немало.

Когда стемнело, стали они искать себе на ночь пристанища и набрали вдруг на очень просторный дом. С одной стороны был у него вход — шириною во всю стену. И там-то, около входа, под крышей, и устроились они на ночлег. Но среди ночи случилось большое землетрясение, земля задрожала, и весь дом заходил ходуном. Позвал тогда Тор своих спутников, стали они осматриваться и нашли по правую сторону дома еще и пристройку. Когда вошли они туда, Тор встал у входа, а спутники его забились в угол. Все были страшно напуганы, и Тор держал наготове свой молот, чтобы защищаться. Всю ночь слышали они громкий шум. Как только наступил день, вышел Тор из хижины и увидал неподалеку в лесу спящего человека далеко не малого роста; во сне он ужасно храпел. Понял тогда Тор, что за шум слышали они ночью. Подпоясался Тор своим Поясом Силы, и возросла его сила аса. Но тут великан проснулся и поднялся на ноги, и говорят, у Тора на этот раз не хватило-таки духу ударить его молотом. Спросил его Тор об имени, и назвался тот Скрюмиром.

— Мне же — заговорил великан, — нет нужды спрашивать о твоём имени — и так знаю я, что ты Аса-Тор. Скажи-ка, не ты ли уволок куда-то мою рукавицу?

Протянул Скрюмир руку и поднял свою рукавицу с земли. Увидел тогда Тор, что она-то и послужила им пристанищем на ночь; за пристройку же приняли они палец той рукавицы.

Спросил Скрюмир, не желает ли Тор стать его попутчиком, и Тор согласился. Взял тогда Скрюмир свой дорожный мешок, развязал его и приготовился завтракать; Тор тоже расположился в сторонке со своими спутниками. Позавтракав, предложил Скрюмир сложить всю еду вместе, в один мешок. Тор согласился. Сложил Скрюмир все припасы в свой мешок и взвалил его себе на спину. Весь день шел он впереди огромными шагами. Под вечер он выбрал место для ночлега под большим дубом.

— Я лягу теперь и засну, — сказал Скрюмир Тору, — а вы возьмите мешок с припасами и поужинайте.

Лег Скрюмир под дубом и сейчас же заснул и громко захрапел, а Тор взял его дорожный мешок и принялся развязывать. Однако, хотя это может

показаться невероятным, не удалось ему развязать ни одного узла, ни одного ремня ослабить. Видя, наконец, что все труды его тщетны, Тор рассердился, обеими руками схватил свой молот Мьёлльнир и бросил его в голову Скрюмира.

— Что это за листок упал мне на голову? — спросил Скрюмир просыпаясь. — Что, вы уже поужинали и устроились на ночлег?

Тор отвечал, что они сейчас лягут. Отошли они немного и прилегли под другим дубом, но спать, казалось им, было небезопасно.

В полночь услышал Тор, что Скрюмир храпит так, что гул идет по лесу. Встал он тогда и подошел к великану, изо всех сил замахнулся молотом и ударил Скрюмира прямо в темя: глубоко в голову вошел молот. Скрюмир тут же проснулся.

— Что это еще? Неужели желудь упал мне на голову? А что же ты все не спишь, Тор?

Тор поспешно отбежал от него и сказал, что только проснулся — а было это в полночь — и что можно еще долго спать, а потом лег снова, поджидая, когда Скрюмира опять сморит сон. Незадолго до рассвета услышал Тор, что великан вновь захрапел. Встал тогда Тор, подбежал к великану и что было мочи ударил молотом прямо в висок — так, что молот засел по рукоять.

Проснулся Скрюмир, потер висок и сказал:

— Должно быть, какая-то птица сидит надо мной в ветвях дерева. Мне показалось, что какой-то сучок упал мне на голову. Что же ты не спишь, Тор? Уж не пора ли вставать? Теперь вам уже недалеко до селения, что зовется Утгард. Слышал я, как перешептывались вы о том, что человек я немалого роста, но если попадете вы в Утгард, то увидите там людей еще больше меня. Я дам вам один полезный совет: не держите себя там надменно — стража нашего конунга Утгарда-Локи не потерпит насмешек от мелюзги! Если хотите добраться туда, не сбиваясь с пути, держите все на восток. Мне же путь лежит на север.

Взял Скрюмир дорожный мешок, вскинул его себе на спину и без дороги зашагал через лес.

Тор со своими спутниками пошли по указанной тропе и шли так до полудня; тут увидели они на поляне большой город. Им пришлось совсем запрокинуть головы, чтобы смерить его взглядом. Подошли они к городу и увидели железные решетчатые ворота, запертые изнутри. Подошел Тор к решетке, но никак не мог сладить с замком, — и поскольку они непременно хотели пробраться в город, пришлось им пролезть между прутьями той решетки.

За воротами увидели они большие палаты; они зашли внутрь и увидели на двух длинных скамьях множество великанов свирепого вида. Тор со спутниками подошли к конунгу Утгарда–Локи и приветствовали его. Недружелюбно посмотрел на них конунг, заскрежетал зубами и сказал так:

— Теперь уже поздно допытываться, как вы попали сюда, разве есть еще какой–нибудь путь, которого я не знаю? Неужели этот коротышка — сам Тор? Думал я раньше, что должен ты быть поболее ростом! И в каком же искусстве берутся показать себя твои спутники? Каждый, кто только приходит сюда к нам, должен владеть искусством или умением, в котором он превосходил бы других.

На это отвечал ему Локи, вошедший последним:

— Я владею одним искусством и готов доказать на деле, что никто из сидящих здесь не съест доли своей быстрее меня!

— И то искусство, — отвечал Утгарда–Локи, — и следует испытать тебя в этом деле.

И крикнул он, чтобы человек, сидевший на дальнем конце скамейки, по имени Логи, что значит «Пламя», вышел вперед и вступил в состязание с Локи.

Принесли корыто, поставили его на пол посреди зала и наполнили мясом. По концам корыта сели Локи и Логи и принялись есть мясо каждый со своей стороны и встретились лицом к лицу как раз посреди корыта. Оказалось, что Локи съел все мясо, оставив одни только кости, а Логи съел не только мясо, но и кости, а с ними и корыто. И все нашли тут, что Локи проиграл состязание.

— А ты в какой игре мастер? — спросил Утгарда–Локи у Тьяльви.

Тьяльви отвечал, что готов бегать взапуски с каждым, с кем только прикажет Утгарда–Локи.

— Хорошее это искусство, — сказал Утгарда–Локи и приказал поскорее начинать состязание.

Вышли они все из зала в открытое поле, вызвал Утгарда–Локи из своей стражи начальника по имени Хуги, что значит «Мысль», и велел ему состязаться в беге с Тьяльви. Побежали они в первый раз, и Хуги, обогнав Тьяльви, повернул назад и побежал ему навстречу.

— Надо тебе еще поднатужиться, Тьяльви, если ты хочешь выиграть игру, — произнес Утгарда–Локи, — но правду сказать, сюда не заходил еще ни один человек, который был бы быстрее тебя на ногу.

Побежали они во второй раз, и, когда Хуги, добежав до конца поля, оглянулся назад, Тьяльви был еще далеко позади.

— Хорошо бегают Тьяльви, как я погляжу, — сказал Утгарда-Локи, — но не думаю, чтобы удалось ему выиграть игру. Пусть же бегут они теперь в третий раз.

Побежали они снова, и на этот раз, когда Хуги, пробежав до конца поля, оглянулся, а Тьяльви не пробежал еще и половины. И объявили тогда, что состязание окончено.

Спросил наконец Утгарда-Локи, каким искусством хочет похвастаться перед ними сам Тор: ведь люди много говорят о его богатырской силе и славных его подвигах.

Тор отвечал, что всего охотнее стал бы он состязаться с кем угодно в питье.

— Устроить это нетрудно, — отвечал Утгарда-Локи и, войдя в зал, приказал подать штрафной рог, из которого обычно пьют его люди. Сейчас же вошел столтник и подал Тору рог.

— Хорошо пьет тот, кто выпивает этот рог с одного глотка, — сказал Утгарда-Локи. — Некоторые у нас выпивают его в два глотка, и нет никого, кто не допил бы его до дна с третьего раза.

Посмотрел Тор на рог, и показался он ему невелик, хоть и длинен изрядно, и почувствовал Тор сильную жажду. Взял он рог и сделал огромный глоток, думая, что никак не придется прикладываться к рогу во второй раз. Но когда перехватило у него дыхание и поднял он голову, оказалось, что едва только отпил он от краев.

— Хорошо ты пил, — сказал Утгарда-Локи, — но не слишком много. Не поверил бы я, если бы мне сказали, что не в силах Тор выпить больше. Я уверен, что ты пожелаешь попытаться еще раз!

Ничего не ответил Тор, приложился губами к рогу и стал пить, сколько хватает дыхания, надеясь на этот раз выпить больше. Тут он заметил, что конец рога не поднимается так высоко, как он бы желал. Когда же отнял он рог ото рта, стало видно, что теперь только открылись края рога.

— Что ж это, Тор? — сказал Утгарда-Локи. — Неужели не можешь ты выпить больше? Если ты приложишься к рогу еще раз, то постарайся выпить побольше, а то мы здесь не станем считать тебя столь великим героем, каким почитают тебя асы, разве что ты отличишься еще в чем-нибудь.

Рассердился Тор, приложился к рогу и стал пить во всю мочь, и убыло тогда в роге, хоть и ненамного. Тогда отбросил он рог и больше пить не захотел.

— Теперь ясно, что этот ас вовсе не так могуч, как мы думали, — сказал Утгарда-Локи. — Не хочешь ли ты попытать счастья в какой-нибудь другой игре, Тор?

— Я готов состязаться в любой игре, — отвечал Тор, — но странным показалось бы мне, если бы дома, среди асов, такие глотки назвали бы маленькими. Какую же игру ты мне предложишь теперь?

— Есть здесь у нас мальчишки, — заговорил Утгарда-Локи, — которые сочли бы пустячным делом поднять с пола мою кошку. Я не стал бы об этом и говорить с Тором, если бы не убедился сейчас, что ты не так могуч, как я думал.

Тут появился в зале серая кошка, и ростом немаленькая. Подошел к ней Тор, подхватил его руками поперек туловища и хотел было поднять, но кошка только выгнулась дугой; поднатужился Тор, как только мог, и подняла тогда кошка одну только лапу!

— И эта игра окончилась так, как я ожидал, — сказал Утгарда-Локи. — Мой кот очень велик, а Тор мал ростом и слабосилен; не справиться ему с нашими великанами.

— Как ни мал ростом я, по твоим словам, — перебил его Тор, — но пусть любой из вас выходит бороться со мной: теперь я разозлился!

— Не вижу здесь никого, кто счел бы стоящим делом с тобой схватиться, — отвечал Утгарда-Локи, окидывая взглядом скамьи. — Позовите-ка сюда женщину, няньку мою, Элли — Старость, — пусть поборется с нею Тор, если хочет; побеждала она людей, которые казались мне не слабее Тора.

Как только сказал он это, вошла в зал старуха, и приказал ей Утгарда-Локи начать борьбу с Тором. Нет нужды долго рассказывать: чем сильнее напирал Тор, тем тверже держалась старуха; когда же она, в свою очередь, начала напирать на Тора, он едва мог устоять, а скоро упал на одно колено. Тут подошел Утгарда-Локи и велел прекратить борьбу, да сказал еще, что Тору теперь нет нужды вызывать на борьбу кого-нибудь из великанов. К тому времени совсем стемнело, и Утгарда-Локи указал путникам их места для ночлега и обошелся с ними очень радушно.

Наутро, едва рассвело, Тор и его спутники встали, оделись и начали собираться в обратный путь. Тут пришел Утгарда-Локи и усадил их за стол: не было недостатка в еде и напитках. Поевши, пустились они в путь, Утгарда-Локи пошел проводить их до ворот. Заговорил Утгарда-Локи на прощание с Тором и спросил, понравилось ли ему путешествие и удалось ли ему встретить кого-нибудь посильнее себя.

— Не могу я сказать, чтобы не потерпел я у вас большого унижения, — отвечал Тор. — Знаю, что вы будете отныне считать меня слабым, и это мне очень не по душе.

— Ну что же, когда ушел ты из нашего города, скажу тебе правду, — молвил тогда Утгарда-Локи. — И пока я жив, сделаю все, что в моей власти, чтобы никогда ты больше не попал к нам. Да и ныне ты не попал бы к нам, если б только я знал, как велика твоя сила. Ты чуть не причинил нам великих бед: мне удалось отворотить их лишь с помощью чар. В первый раз встретился я с вами в лесу, и, когда пришлось тебе развязывать мой узел, не знал ты, что он был стянут колдовским железом, а не ремнями, и оттого только ты не мог развязать его. Когда же потом ты нанес мне своим молотом три удара, из которых первый же уложил бы меня на месте, если б настиг, я заслонился невидимой для тебя скалой, той самой, что стоит возле моих палат, и на ней теперь три глубоких четырехугольных впадины, и последняя всех глубже. То же было и в состязаниях ваших с моими людьми: Логи, состязавшийся в еде с Локи, был сам природный огонь, он не поглотил, а спалил пришедшееся на его долю мясо, кости и даже корыто. Хуги, который бегал взапуски с Тьяльви, была моя мысль, и немудрено, что Тьяльви не мог обогнать ее. Когда же ты принялся пить из рога и думал, что выпил так мало, — то было чудо, которому не мог бы я поверить, коли не случилось бы оно на моих глазах; нижний конец рога уходил в море, и, когда придешь ты на морской берег, сам удивишься, как много ты выпил. Теперь это зовется отливом. Назвал я нетрудным делом поднять мою кошку, а между тем ты всех нас привел в ужас, приподняв с земли одну ее лапку, потому что кошка эта была сам Мировой Змей, плотным кольцом обвивающий всю землю: а тут туловище его поднялось над землей, и он касался ее лишь головой и хвостом; ты же, приподнимая его, взмахнул рукой чуть не до самого неба. Не меньшее чудо был и твой поединок с Элли, в котором ты не сдавался так долго, да и сдавшись, упал лишь на одно колено: Элли была сама старость, и нет и не будет никого в мире, кто бы не сдался ей наконец, когда придет его время. Теперь же, скажу я, пора нам расстаться, и для нас всех будет лучше, если вы не станете больше искать встречи со мной.

Выслушав эти речи, схватил Тор свой молот и высоко замахнулся им, готовясь нанести удар, но Утгарда-Локи исчез; оглянулся тогда Тор на город, собираясь разгромить его своим молотом, но на месте города увидал только широкое поле. Повернул он тогда назад и пошел своим путем и шел, пока не добрался до Трудвангара, своих владений.

Тор на рыбной ловле с великаном Хюмиром
Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур

По возвращении от Утгарда–Локи Тор недолго оставался дома и вскоре снарядился в путь вновь, желая расквитаться за поездку свою к Утгарда–Локи. Так он спешил, что не взял с собою ни своих козлов, ни колесницы, ни спутников.

Вышел он из Асгарда и прошел весь Мидгард в обличье юноши и поздно вечером пришел к одному великану по имени Хюмир. У Хюмира нашел он радушный прием и остался у него на ночлег.

Путру Хюмир встал и оделся, собираясь выйти на веслах в море за рыбой. Вскочил Тор на ноги, живо снарядился в путь и стал просить Хюмира позволить и ему порыбачить немного. Хюмир отвечал, что вряд ли он будет на что–либо годен: молод еще и мал и, вероятно, сильно замерзнет, если Хюмир выйдет далеко в море и просидит там так долго, как он привык. Но Тор сказал, что сам будет грести и постарается уплыть еще дальше в море, чем Хюмир. И неизвестно еще, не попросится ли Хюмир первым вернуться домой. Поднялся спор; Тор так рассердился на великана, что уже схватился было за свой молот, да вспомнил, что замышлял в другом испытать свою силу, и поборол себя. Спросил он Хюмира, какую возьмут они с собой приманку, и Хюмир посоветовал Тору приманку для рыбы искать самому. Огляделся Тор по сторонам и увидел стадо быков, принадлежавшее Хюмиру, выбрал самого крупного быка, которого называли Вспоровший Небеса, отрубил ему голову и понес к лодке. Хюмир же тем временем успел спустить лодку на воду. Тор взял весла и принялся грести, и Хюмир увидел, что гребет он хорошо.

В скором времени Хюмир сказал, что они уже на том месте, где он привык ловить камбал, но Тор отвечал, что еще погребет немного, и снова сильно налег на весла. Прошло еще сколько–то времени, и Хюмир сказал, что, пожалуй, дальше рыбачить опасно из–за Мирового Змея. Однако Тор не переставал грести. Хюмир был очень этим недоволен. Наконец Тор положил весла и взялся за удочку с очень большим и крепким крючком.

Насадив вместо приманки бычьую голову, закинул Тор удочку в море, и, надо сказать, что на этот раз польстился на приманку сам Мировой Змей, которого Утгарда–Локи некогда предлагал Тору поднять с пола в обличье кошки. И надо сказать, что провел тут Тор Мирового Змея не хуже, чем в свое время провел самого Тора Утгарда–Локи. Мировой Змей, разинув пасть, проглотил бычью голову, и крючок впился ему в нёбо. Почувствовав это, он рванулся так, что кулаки Тора ударились о борт лодки. Разгневался тогда Тор и собрал всю силу аса, чтобы устоять на ногах, но дно лодки не выдержало и проломилось, и Тор уперся ногами прямо в морское дно, а затем подтащил Мирового Змея к самому борту. Надо правду сказать, никто и никогда не видал еще таких взглядов, какими обменялись Тор с Мировым Змеем. Не моргая смотрел на него Тор, и Змей тоже не сводил глаз с аса и извергал яд.

Рассказывают, что великан Хюмир при виде Мирового Змея и волн, перекатывавшихся через лодку, изменился в лице, побледнел и испугался, и когда Тор уже размахнулся, высоко подняв в воздух свой молот, великан неверной рукой выхватил нож и перерезал лесу, протянувшуюся через борт лодки, и Змей погрузился в море. Тор пустил вслед Змею свой молот и, говорят, даже размозжил ему голову. Но все–таки Змей и по сей день жив и лежит на дне моря.

Затем Тор одним ударом по уху сшиб с ног великана, да так, что тот свалился за борт, только пятки мелькнули, а сам вброд добрался до берега.

И говорят, что в ту поездку Тор действительно совершил величайший подвиг.

Тор и великан Хрунгнир

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур

Один раз уехал Тор на восток бить великанов, а Один, на коне своем Слейпнире, отправился в Ётунхейм и приехал к великану, которого звали Хрунгнир. И спросил Хрунгнир, кто это в золотом шлеме и на таком чудесном коне скачет по воздуху и по земле? Один отвечал ему на это, что готов прозакладывать свою голову, что во всем Ётунхейме не сыщется подобного коня. Рассердился Хрунгнир и сказал, что есть у него прекрасный конь, самый быстрый на свете, и зовут его Гульфакси — Золотая Грива. С этими словами вскочил он на своего коня и поскакал вдогонку за Одином, чтобы отплатить за его кичливые речи. Один скакал так быстро, что не успел оглянуться, как оказался в Асгарде, а за ним

Хрунгнир, которого обуял такой великаний гнев, что опомнился он только, когда проскочил в ворота.

Когда показался он в дверях чертога, предложили асы ему испить пива. Он вошел в зал, и ему подали те две чаши, из которых обыкновенно пил Тор, и он залпом осушил обе. Вскоре напился он пьян, и тут уж не было недостатка в заносчивых речах: говорил он, что поднимет с места Вальгаллу и перенесет ее в Ётунхейм, разрушит Асгард и поубивает всех асов, кроме Фрейи и Сив, которых возьмет себе. Между тем Фрейя все подливала ему в чаши, а Хрунгнир все похвалялся и сказал даже, что выпьет все пиво асов. Когда же надоело асам бахвальство, кликнули они

Тора, и Тор тотчас появился в зале. В страшном гневе замахнулся он своим молотом.

— Кто это надумал позволить великанам пить здесь пиво? Кто пустил Хрунгнира в Вальгаллу? И почему это Фрейя наполняет ему чаши, точно на пиру асов?

Отвечал Хрунгнир, недружелюбно поглядывая на Тора, что это Один предложил ему пива и что пришел он с его позволения.

— Но придется тебе об этом пожалеть, прежде чем уйдешь ты из Асгарда, — перебил его Тор.

— Мало было бы чести асу Тору, если б он убил меня безоружного, — заговорил Хрунгнир, — почетнее было бы, если бы он согласился биться со мной на рубеже у Каменных Дворов. И как глупо с моей стороны, — продолжал он, — оставить дома свой щит и точило! Если бы было при мне оружие, мы могли бы, пожалуй, хоть сейчас выйти на поединок. А убить меня безоружного — значит поступить вероломно.

Тор, конечно, не пожелал отказаться от поединка, и тут же назначили день и выбрали место.

Пустился тогда Хрунгнир в обратный путь и скакал во весь опор, пока не доскакал до Ётунхейма. Услышали великаны о предстоящем ему поединке с Тором и призадумались: понимали они, что от исхода того поединка зависит их судьба. И знали они, что Тор сильнее Хрунгнира, а уж Хрунгнир был среди великанов сильнейшим.

Решили они пуститься на хитрость и у Каменных Дворов вылепили из глины великана и вложили ему в грудь сердце одной кобылы, и затрепетало оно, когда явился на место боя Тор. У самого же Хрунгнира сердце было, как это всем известно, из твердого камня, треугольное, как та руна, что зовут «сердце Хрунгнира»; из камня же была и его голова. Щит Хрунгнира тоже был каменный, широкий и толстый; а оружием великану служило точило, которое он вскинул на плечо, и вид у него был ужасающий.

Рядом с Хрунгниром стол глиняный великан Мёккуркальви, и он сильно трусил. Говорят даже, что, увидев Тора, он обмочился.

Тор торопился на поединок, а Тьяльви бежал впереди него. Подбежал Тьяльви к тому месту, где стоял Хрунгнир, и сказал:

— Как ты опрометчив, великан! Стоишь, выставив вперед свой щит, между тем как Тор решил пробраться в глубь земли, чтобы напасть на тебя снизу!

Швырнул тогда Хрунгнир свой щит наземь и стал на него, ухватив обеими руками точило. Тут увидал он молнии и услышал раскаты грома. И

увидел Тора, разгневанного аса. Стремительно неся Тор, держа наготове свой молот, и издали бросил его в голову Хрунгнира. Взмахнул Хрунгнир своим брусом и бросил его навстречу молоту; ударился брус о молот и разбился надвое: один кусок упал на землю, и из него образовались все кремниевые скалы, другой же попал Тору в голову, так что тот повалился наземь. Молот Мьёлльнир попал прямо в голову Хрунгниру и в мелкие куски раздробил ему череп. Хрунгнир упал рядом с Тором и при этом придавил шею Тора ногою. Тогда Тьяльви напал на глиняного великана и изломал его в куски.

Потом, подойдя к Тору, хотел было снять с шеи аса ногу Хрунгнира, да не осилил. Узнав о том, что случилось, подошли и другие асы, и все старались сдвинуть с места ногу Хрунгнира, но ничего из этого не вышло. Тут явился Магни, сын Тора и одной великанши, которому было тогда всего лишь три ночи от роду, но он легко спихнул ногу Хрунгнира с шеи Тора и сказал:

— Жаль, отец, что пришел я так поздно! Думаю, если бы раньше встретил я этого великана, то убил бы его одним ударом моего кулака!

Поднялся Тор с земли, поблагодарил сына и сказал, что, верно, вырастит он героем, а в награду хотел подарить ему златогривого коня Хрунгнира. Один же видел это и сказал, что напрасно отдает Тор такого прекрасного коня сыну великанши, а не своему отцу.

Вернулся Тор в Трудвангер, а осколок точила так и остался у него в голове. Тут пришла чародейка Гроа, жена Аурвандиля Смелого. Стала она петь над Тором свои заклинания, и почувствовал Тор, что точило стало шататься, и, понадеявшись, что сам сможет его вытащить, захотел вознаградить Гроа за врачевание и порадовать ее доброй вестью. И рассказал он ей, что был на севере, по ту сторону вод, отделяющих Ётунхейм от Мидгарда, и сам на спине в железной корзине вынес Аурвандиля из страны великанов. И в подтверждение правдивости своего рассказа сказал Тор, что один палец на ноге Аурвандиля высунулся из железной корзины и отмерз; тогда Тор отломил его и забросил на небо, сделав из него звезду, которую называют ныне Палец Аурвандиля. И скоро уж вернется Аурвандиль домой.

И Гроа так обрадовалась этой вести, что позабыла все заклинания — и камень хоть высвободился из черепа, но так и остался торчать на голове у Тора. И надо опасаться бросать точило поперек пола: тогда шевелится осколок в голове Тора.

Тор и великан Гейррёд

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур

Немало приходилось Тору свершать богатырских подвигов, имея дело с великанами. И много рассказывают о путешествии Тора к Гейррёду. В тот раз не было ни молота Мьёлльнира, ни Пояса Силы, и виною тому Локи, который был в той поездке вместе с ним.

Ибо вот что приключилось однажды с Локи. Раз, чтобы развлечься, взял Локи у Фрейи соколиное оперенье и отправился полетать и из любопытства залетел на двор к Гейррёду, увидел высокие палаты, опустил и заглянул в окошко. Гейррёд заметил птицу и приказал поймать ее. Слуга, которого он послал, стал карабкаться по стене: медленно подвигался он вверх и с большим трудом, ибо была та стена высока. Локи показалось это забавным, и он решил не трогаться с места, пока слуга Гейррёда не закончит свой трудный путь. Когда, наконец, слуга уже почти добрался до Локи, тот вознамерился улететь, но тут оказалось, что ноги его пристали к крыше. Схватили тогда сокола и отнесли к Гейррёду.

Заглянул ему в глаза великан и догадался, что перед ним вовсе не птица, и приказал Локи отвечать на вопросы, но Локи молчал. Запер его тогда Гейррёд в сундук и продержал там три месяца и морил его голодом. Через три месяца он его выпустил и опять стал расспрашивать, и Локи рассказал ему, кто он, и, чтобы откупиться, поклялся Гейррёду, что заманит к нему Тора без молота, Пояса Силы и железных рукавиц.

Тор согласился пойти с Локи к Гейррёду, но по дороге зашел отдохнуть к великанше Грид, матери Видара Молчаливого. Не любила она Гейррёда и поведала Тору, что великан этот хитроумен и очень силен. Она одолжила Тору свой Пояс Силы, свои железные рукавицы и свой посох, что зовется Посохом Грид.

Пустился Тор в путь и добрался до реки Вимур, величайшей из всех рек на свете. Подпоясавшись он Поясом Силы и, упираясь против течения Посохом Грид, стал переходить реку; а Локи держался за Пояс Силы. Тор дошел уже до середины реки и заметил, что вода в реке быстро прибывает. Скоро она начала перекачиваться ему через плечи.

Тут Тор увидел, что на скалах, с обеих сторон стеснявших реку, стоит дочь Гейррёда; она-то и устроила наводнение. Поднял тогда Тор со дна реки большой камень и бросил в великаншу, крикнув ей: «Будет в устье запруда!» И он не промахнулся и попал как раз туда, куда метил. В один

миг он очутился у берега и, ухватившись за ветку рябины, вылез из воды. Отсюда и пошла поговорка: «Рябина — спасение Тора».

Когда пришел Тор в дом Гейррёда, отвели его вместе со спутником в козий хлев. Там была одна только скамья, и Тор сел на нее. Вскоре заметил он, что скамья под ним поднимается к самой крыше; уперся Тор Посохом Грид в стропила и заставил скамью опуститься на пол. Тут послышался хруст и крик: под скамьей схоронились две дочери Гейррёда; хотели они погубить Тора, придавив его к потолку, но вместо того погибли сами.

Вскоре позвал Гейррёд Тора в палату — принять участие в играх. Там вдоль стен были разложены большие костры, и, едва вошел Тор, Гейррёд щипцами достал из огня брусок докрасна раскаленного железа и бросил в Тора. Тор поймал брусок железной рукавицей и высоко поднял, так что Гейррёд поспешил укрыться за железным столбом. Но Тор с такой силой бросил в Гейррёда раскаленное железо, которое держал в руке, что оно пробило железный столб, и грудь Гейррёда, и стену и только потом, упав, ушло в землю.

Песнь о Трюме

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур

Однажды проснулся Тор и не нашел около себя молота. Сильно рассердился он и стал шарить руками вокруг себя по земле.

Закричал он так:

— Послушай-ка, Локи, что я тебе скажу! Случилось дело неслыханное ни на земле, ни на небе: у аса украли его молот!

Пошли они вместе на двор к прекрасной Фрейе, и первым заговорил Тор:

— Не одолжишь ли ты мне, Фрейя, своего соколиного оперенья, чтобы помочь мне вернуть молот Мьёлльнир?

— Я согласилась бы дать ее тебе, будь она даже из золота; я дала бы ее тебе, будь она даже из серебра! — ответила Фрейя.

Полетел тогда Локи — зашуршали перья; покинул он Асгард и прилетел в Ётунхейм.

Трюм, властитель великанов, сидел на холме; он надевал золотые ошейники на собак и расчесывал гривы своих лошадей.

— Что случилось с асами? Что случилось с альвами? Почему попал ты в страну великанов? — спросил он у Локи.

— Неладно у асов! Неладно у альвов! — отвечал Локи. — Не ты ли скрываешь у себя молот метателя молний?

— Я спрятал молот Тора глубоко—глубоко под землею. Никому не достать его оттуда. Пусть Тор привезет мне в жены Фрейю! — сказал Трюм.

Полетел тогда Локи — зашуршали перья; покинул он Ётунхейм и прилетел в Асгард. Тор ждал во дворе и, увидев Локи, закричал:

— Передай мне свои вести сверху, не опускаясь на землю! Сидя зачастую много недосказывают, а лежа всего легче лгут.

— Молот твой держит у себя Трюм, властитель великанов, — отвечал Локи, — Ни за что не отдаст он его, если не привезешь ты ему в жены Фрейю.

Пошли они повидаться с прекрасною Фрейей и сейчас же обратились к ней с такой речью:

— Укройся, Фрейя, покрывалом невесты! Мы повезем тебя в страну великанов.

Рассердилась Фрейя и фыркнула так, что содрогнулось жилище асов и драгоценное ожерелье Фрейи, выкованное карликами, разлетелось в куски. Наотрез отказалась она ехать в страну великанов.

Испугались асы: как защитятся они от великанов, если Тор навсегда лишится своего молота? Собрались все асы на совет и стали думать, как вернуть метателю молний его молот.

Заговорил тут Хеймдалль, мудрейший из асов, — как и все ваны, он знал наперед все, что должно случиться.

— Укроем Тора покрывалом невесты, не поскупимся на драгоценные украшения; пусть ключи гремят у его пояса, и женское платье закрывает ноги; грудь его украсим драгоценными камнями, а на голову наденем нарядный убор!

Заговорил тогда Тор, могучий ас:

— Как бы не стали другие асы звать меня женоподобным, если позволю я надеть на себя покрывало невесты.

Ему отвечал Локи:

— Прекрати эти речи, Тор! Если не удастся тебе вернуть молота, то великаны не замедлят поселиться в жилище асов.

Укутали тогда Тора покрывалом невесты, украшенным драгоценными бусами, повесили ключи, чтобы гремели они у пояса; женское платье закрыло его ноги; грудь украсили драгоценными камнями, а на голову Тору надели нарядный женский убор. Заговорил тогда Локи:

— Надо теперь и мне переодеться, чтобы выдать себя за твою служанку, а потом мы вместе поедем в страну великанов.

Живо привели с пастбища козлов и поспешно запрягли их в колесницу: предстояло им бежать быстро. Сотрясались и рушились горы, земля пылала огнем — то сын Одина ехал в страну великанов.

Заговорил Трюм, властитель великанов:

— Вставайте, великаны! Устилайте соломой скамейки: везут мне в жены богиню Фрейю. Много у меня на дворе коров золоторогих, много черных, без отметин, быков, много всяких драгоценностей и дорогих ожерелий — кажется, не доставало мне одной только Фрейи!

Не успел наступить вечер, как собрались гости, и тут великаны подали пива. Целого быка, восемь лососей и все кушанья, приготовленные для женщин, поглотил Тор и, сверх того, выпил еще три ведра меда.

Заговорил тогда Трюм, властитель великанов:

— Видал ли кто-нибудь, чтобы невеста исправнее работала зубами? Никогда не видал я, чтобы невеста больше пила меду.

Близко сидела находчивая служанка и не задумалась над ответом великану:

— Целых восемь дней и ночей не ела Фрейя, так не терпелось ей попасть в страну великанов.

Приподнял Трюм покрывало, желая поцеловать невесту, и отскочил на другой конец зала.

— Как же ужасны глаза Фрейм! Мне показалось, что они мечут огонь!

Близко сидела находчивая служанка и не задумалась с ответом великану:

— Восемь ночей не спала Фрейя, так не терпелось ей попасть в страну великанов.

И сказал тогда Трюм, властитель великанов:

— Принесите молот и положите его на колена невесты, пусть сама Вар, покровительница браков, благословит нас.

Увидал метатель молний свой молот, и возликовало в груди его сердце! Схватив молот в руки, Тор прежде всего убил Трюма, а вслед за этим истребил и весь его род.

Так вернул себе молот ас Тор, сын Одина.

Пир у Эгира, или Перебранка Локи

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур

Могучий и страшный великан Эгир, властитель моря, был раз на пиру у Одина и пригласил его со всеми асами к себе в гости.

Но наступило уже назначенное время, а Эгир и не думал готовиться к пиршеству. Тогда Тор потребовал, чтобы великан сдержал слово и хорошенько угостил асов.

— Дело в том, что нет у меня такого большого котла, в котором я мог бы наварить меду на столько гостей, — отвечал Эгир.

Но знали асы, что у великана Хюмира есть громадный, в несколько миль глубиною, котел, и Тор вызвался съездить за ним и добыть его для Эгира.

Целый день ехал Тор на восток, пока не добрался до страны великанов на берегу Восточного моря. Остановился Тор перед жилищем Хюмира, выпряг своих козлов, поставил их в стойло, а сам вошел в дом. В это время сам великан Хюмир был на охоте, и в доме хозяйничала его жена, страшное чудище с девятьюстами головами. Однако великанша приняла Тора радушно и, зная, что Хюмир не очень-то любит гостей, спрятала аса за ледяным столбом.

Поздно вечером вернулся с охоты Хюмир, весь в снегу, обмерзший ледяными сосульками. Ласково встретила его жена и осторожно сказала о приезде гостя; Тор все еще прятался за огромным ледяным столбом, подпиравшим крышу. Посмотрел Хюмир на ледяной столб, и от взгляда его лед затрещал и весь столб разлетелся вдребезги, так что Тор очутился лицом к лицу с великаном. Посмотрел Хюмир на него и на молот, который Тор не выпускал из рук, и пригласил Тора сесть за стол. За ужином Тор съел несколько быков и выпил целую бочку меду.

На другое утро великан пригласил Тора с собой на рыбную ловлю. Тор согласился, и они отправились в море. Вскоре поймали они двух китов. А когда вернулись домой, Тор один на своих плечах вынес на берег и китов и лодку.

Стал после этого Тор просить Хюмира одолжить асам пивной котел, но великан не ответил — он только посмеивался над крошечным ростом Тора: дескать, котла ему не поднять, пусть попробует сперва сломать чашу, из которой великан на пирах пил пиво. Засмеялся Тор и изо всех сил бросил чашу в ледяной столб; лед разлетелся вдребезги, но чаша осталась цела и сама вернулась в руку великана. Тогда Тор изо всех сил бросил чашу в голову великана; чаша зазвенела и, упав наземь, разлетелась на куски.

Взял тогда Тор пивной котел, вскинул его на спину и пустился в обратный путь.

Эгир, получив котел, наварил пива и пригласил к себе всех асов на пир. Собрались к нему гости; Один с женою своею Фригг; жена Тора Сив,

но самого Тора не было — не вернулся он еще из новой поездки своей на восток; Браги, сын Одина, с женою своею Идунн; пришел также воинственный и отважный Тюр, однорукий ас. Пришли и другие асы, пришел и сам коварный Локи.

У Эгира были прекрасные служители: одного звали Фимафенг — Ловкий Добытчик, а другого — Эльдир — Повар.

Когда боги расселись по местам, приказал Эгир внести в палату светящееся золото, и оно освещало палату; пиво на том пиру само собою подавалось на стол.

Чертог у Эгира был большой и просторный. Гости наперебой хвалили порядок и прислугу в доме. Локи это показалось досадным, и он не вытерпел и убил служителя Эгира — Фимафенга.

Все асы повскакивали со своих мест и подняли страшный крик. Локи выбежал из замка, но гости не успокоились и преследовали его, пока он не скрылся в лесу. После этого асы вернулись к Эгиру и опять принялись пировать. А Локи, не слыша более за собой криков, вышел из лесу и осторожно пробрался назад, во двор замка. Во дворе он встретил другого служителя Эгира, Эльдира, и начал с ним разговор.

— Послушай, Эльдир, прежде чем сделаешь ты хоть еще один шаг вперед, скажи-ка мне, что поделывают теперь на пиру асы? — сказал Локи.

— Толкуют они об оружии и славных боях, но никто из асов и альвов не обмолвился о тебе добрым словом, — отвечивал Эльдир.

— Пусти же меня в залы Эгира, чтобы я сам мог убедиться в этом; насмешками своими я пристыжу асов, и мутным покажутся им пиво и мед.

— Но помни, Локи, — предостерег его Эльдир, — что все твое злословие падет на твою же голову.

— И ты помни, Эльдир, что сколько бы мы с тобой тут ни бранились, последнее слово всегда будет за мной!

Сказав так, Локи вошел в зал. И когда гости, сидевшие в зале, увидели, кто вошел к ним, они все вдруг замолчали.

Тогда Локи молвил:

— Томясь жаждой, вхожу я сюда, свершив долгий путь, и прошу богов: не даст ли мне кто-нибудь чудесного меду? Что молчите вы, боги? Разве вы не хотите мне отвечать? Укажите мне место в зале или прикажите уйти отсюда.

И отвечал ему Браги:

— Никогда никто из богов не укажет тебе места в этом зале. Боги сами прекрасно знают, кого допустить к своему столу.

— И ты то же скажешь, Один? — воскликнул Локи. — А между тем когда-то мы заключили с тобой кровное братство и ты поклялся не касаться губами питья, если оно не поднесено нам обоим.

Тогда сказал Один:

— Встань же, Видар, и уступи место Локи, чтобы не пришлось нам здесь, в залах Эгира, выслушивать брань.

Видар встал и подал Локи рог.

— Честь и хвала вам, боги и богини! Честь и хвала всем, кроме Браги! — вскричал Аоки, принимая рог.

— Я с радостью отдал бы и коня, и меч, и драгоценный свой перстень, лишь бы избавиться нам от твоих ядовитых речей! — отвечал ему Браги.

— Никогда не было у тебя ни коней, ни перстней! — засмеялся Локи.

— Ты первый из всех асов и альвов обращаешься в бегство, пугаясь вражеских стрел и копий.

Браги тогда сказал:

— Если бы не был я ныне у Эгира в доме, давно снял бы твою голову с плеч!

— Хорошо тебе похваться, сидя на месте! Показал бы лучше себя на деле! — не унимался Локи.

— Браги, не состязайся с Локи в обидных речах на пиру у Эгира! — вмешалась в их перебранку Идунн.

Но Локи посоветовал Идунн молчать и начал клеветать на нее. Тогда Один вступился за Идунн:

— Глупо ведешь ты себя, Локи, и напрасно нападаешь на асов.

— Молчи, Один! И сам-то ты не умеешь решить толком ни одного боя: разве не случалось тебе отдавать победу слабейшим? А еще про тебя говорят, что ты ходишь по дорогам вместе с колдуньями и колдунами, путая людей. Некрасивое это занятие!

Вступила в спор Фригг, но Локи и про нее начал рассказывать обидные вещи. Тут поднялся со своего места Ньёрд:

— Много можно сказать о нас и дурного и хорошего. Странно видеть только, что один из асов ведет себя так недостойно!

Локи и ему не дал спуска. Все асы, негодуя на Локи, заступилась друг за друга, но у Локи для каждого из них был готов ответ. Одна только жена Тора, Сив, не вступала еще в спор, и о ней одной ничего еще не успел сказать Локи, и вот начал он наконец бранить и ее. Но тут раздался шум и

грохот, сотрясались скалы: это сам Тор вернулся из похода на восток. Услышал Тор, как Локи порочит Сив, и страшно разгневался.

— Замолчи, негодяй, — закричал он, — если не хочешь, чтобы молот мой Мьёлльнир навсегда закрыл тебе рот! Или я заброшу тебя на восток, где ты сгинешь!

— Ты лучше бы сделал, если бы не поминал походов своих на восток! Раз довелось тебе искать приюта в пальце рукавицы и спокойно проспать там всю ночь.

Разгневался Тор еще больше:

— Молчи, негодяй, если не хочешь, чтобы молот мой Мьёлльнир навсегда закрыл тебе рот! Ни одной кости не уцелеет в тебе под первым ударом моей правой руки!

— Как ни грозишь ты мне своим молотом, а я все-таки намерен еще пожить. Ты же чуть не умер с голоду, когда не хватило у тебя силы развязать ремни великана Скрюмира.

— Молчи же, негодяй! Победитель Хрунгнира живо отправит тебя к Хель!

— Ни одному из асов не удалось заставить меня замолчать; тебе только покоряюсь я, Тор, потому что знаю: ты бьешь наповал! А ты хорошо угостил нас, Эгир! Но пусть пламя пожрет и тебя, и твой дом!

Почему золото называют «Волосами Сив»

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур

Локи втайне как-то раз сделал очередную свою пакость: срезал все волосы с головы Сив. Как только Тор увидал это, схватил он Локи и уже готов был переломать ему кости, да тот поклялся, что добьется от черных альвов, чтобы они сделали для Сив волосы из золота, которые росли бы как настоящие. После этого отправился Локи к карликам — сыновьям Ивальди, и они сделали такие волосы и еще сделали корабль Скидбладнир и копье Одину, что зовется Гунгнир.

После того поспорил Локи с карликом Брокком и даже поставил в заклад свою голову, что брат Брокка, Эйтри, не сделает еще трех столь же драгоценных сокровищ. Пришли они в кузницу, и Эйтри положил в горн

свиную шкуру и велел Брокку раздувать огонь, не переставая работать мехами, пока не вынет он из горна того, что туда положил. Вслед за тем Эйтри вышел из кузницы.

Брокк взялся за мехи, и вдруг муха села на руку ему и стала кусать, но он работал по-прежнему и не остановился, пока кузнец не вынул из горна выкованной вещи, и был это вепрь с золотою щетиной.

Потом кузнец положил в горн золото и опять велел брату раздувать огонь, не выпуская мехов из рук, пока он не вернется в кузницу. Вышел он из кузницы, и снова влетела муха, села Брокку на шею и стала кусать его вдвое сильнее, чем прежде; но он по-прежнему продолжал работать мехами, пока кузнец не вынул из горна золотого кольца, которое зовется Драупнир.

В третий раз положил кузнец в горн железо и сказал, что все пропало, если брат его остановится хоть ненадолго. Снова влетела муха, села Брокку между глаз и стала кусать веки, и когда кровь залила Брокку глаза, так что он ничего больше не видел, он быстро взмахнул рукой и прогнал муху, но мехи успели опасть. Тут вошел кузнец и сказал, что чуть было не пропала даром его работа. И вынул он из горна молот и, отдав брату своему Брокку все выкованные сокровища, просил его отправиться в Асгард, чтобы взыскать заклад.

И вот представили Локи и карлик сокровища, и собрались асы на совет и решили, что приговор вынесут Один, Тор и Фрейр. Тогда Локи отдал Одину копье Гунгнир, которое разит, не зная преграды; Тору — волосы для Сив, которые тотчас приросли к ее голове, стоило их только приложить; а Фрейру — корабль Скидбладнир, которому всегда дует попутный ветер, и корабль этот мог складываться, как плат, и помещался в кошеле.

Выложил тогда и Брокк свои сокровища: Одину дал он кольцо и сказал, что в каждую девятую ночь капают из него восемь колец, равных ему по весу; Фрейру дал вепря, который мог бежать по воздуху и по водам не останавливаясь, день и ночь, быстрее любой лошади, и даже ночью не сыскать столь глубокой тьмы в небе, которая не просияла бы от блеска его щетины. Тору дал карлик молот и сказал, что молотом можно бить с какою угодно силой и по любой цели, и молот никогда не даст промаха и всегда вернется обратно в руку; а если Тор пожелает, молот сделается так мал, что можно носить его за пазухой; один только есть в нем изъян — рукоять его коротка.

И решили асы, что молот — лучшее из всех сокровищ и самое подходящее оружие для борьбы с инеистыми великанами, и рассудили

они, что карлики выиграли заклад.

Стал тогда Локи просить, чтобы позволили ему выкупить свою голову, но карлы отвечали, что на это и надеяться нечего. «Тогда ловите меня!» — крикнул Локи. Хотел Брокк схватить его, но Локи был уже далеко: у Локи были башмаки, в которых он мог бегать по воздуху и по водам. Тогда попросил карлик Тора поймать Локи, и Тор исполнил его просьбу, но лишь только собрался Брокк отрубить Локи голову, как Локи заспорил, говоря, что Брокку принадлежит голова, но никак не шея. Взял тогда карлик ремень и нож и хотел проколоть губы Локи, чтобы зашить ему рот, но как ни колол он ножом, нож никак не резал! «Пригоднее было бы тут шило моего брата», — сказал он и не успел помянуть шила, как оно было уже тут, и он без труда зашил рот Локи. Ремень же, что послужил Брокку для этого, зовется Вартари, но Локи вырвал его с мясом.

Смерть Бальдра и казнь Локи

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур

Бальдру Доброму стали сниться зловещие сны, предрекавшие ему смерть. Когда рассказал он свой сон остальным асам, собрались они на совет и решили оградить Бальдра от всякой опасности. И Фригг взяла клятву со всего сущего — с огня и воды, железа и других руд, с камней, земли, деревьев, болезней, животных, птиц, ядов и змей в том, что они не тронут Бальдра.

И на радостях затеяли асы с Бальдром игру: он стоял посреди поля тинга, а все остальные асы нападали на него — одни стреляли в Бальдра, другие рубили секирами, третьи бросали в него камнями. Но, что ни делали они, ничто не причиняло ему вреда, и все асы радовались, считая это добрым знаком.

Видел все это Локи, сын Лаувейи, и пришлось ему не по нраву, что ничто не вредит Бальдру. Пошел он в Фенсалир, во дворец Фригг, приняв личину женщины. Увидев женщину, Фригг просила, не знает ли та, что делают асы на тинге. Женщина отвечала, что все они нападают на Бальдра, но ничто не может повредить ему.

— Никакое оружие и ни одно растение не может причинить вреда Бальдру, — сказала Фригг, — со всех взяла я в том клятву.

— Неужели все на свете поклялось щадить Бальдра? — спросила женщина.

— На запад от Вальгаллы, — отвечала Фригг, — растет молодой побег, который зовут омелой; он еще слишком молод, чтобы брать с него

клятву.

Услыхав это, женщина сейчас же поторопилась уйти.

Локи разыскал кустик омелы, вырвал его с корнем и поспешил на тинг. Там все еще толпились асы, занятые игрою, и один только Хёд стоял в стороне, потому что был слеп.

— Почему не метнешь ты чем-нибудь в Бальдра? — спросил его Локи.

— Потому, что я не вижу, где Бальдр, а также и потому, что нет у меня оружия.

— Делай то же, что делают другие, и окажи Бальдру такой же почет, — сказал Локи. — Я покажу тебе, где он стоит, метни в него вместо стрелы* этот прут.

Хёд взял ветку омелы и метнул ее в Бальдра, как указывал ему Локи. Стрела попала в цель, и Бальдр мертвым пал на землю, и было это величайшим несчастьем для всех асов и людей.

Когда Бальдр упал, асы онемели, потом бросились к нему, чтобы его поднять, и тут только поняли, что постигла их беда, за которую нельзя даже мстить, ибо то место было для всех священо. Когда же вернулся к асам голос, подняли они великий плач, ибо не в силах были выразить в словах свое горе. Сильнее всех горевал Один: лучше других сознавал он, как много теряли асы со смертью Бальдра.

Наконец стали асы приходить в себя понемногу. Тогда спросила Фригг, кто из асов желал бы снискать ее любовь и расположение и согласился бы поехать в Хель и попытаться выкупить Бальдра. И вызвался исполнить это Хермод, быстрый и отважный сын Одина. Вывели Слейпнира, коня Одина, и Хермод, вскочив на него, пустился в путь.

Тем временем асы подняли тело Бальдра и отнесли его на берег моря. Там стоял корабль Бальдра — величайший из кораблей; приготовив на нем погребальный костер, хотели асы спустить корабль на воду, но не могли сдвинуть его с места. Тогда послали они в страну великанов за одной великаншей по имени Хюрроккин.

Она явилась верхом на волке, взнузданном змеею. Когда спрыгнула она наземь со своего коня, Один позвал четырех берсерков^[1] и поручил им волка великанши, но даже они были не в силах его удержать, пока не удалось им свалить его. Между тем великанша Хюрроккин подошла к носу корабля Бальдра и с такой силой толкнула его, что корабль сразу сдвинулся с места, искры посыпались из-под его катков, и вся земля содрогнулась. Досадно стало Тору, в гневе схватился он было за свой

молот и, наверно, размогзил бы голову великанше, если бы асы не попросили пощадить ее.

После того перенесли на корабль тело Бальдра, и лишь увидела это жена Бальдра, Нанна, дочь великана Непа, разорвалось у нее сердце от горя, и она умерла. Тогда и ее тело перенесли на корабль и разожгли погребальный костер. Когда все было готово, подошел Тор и, подняв в воздух молот, освятил корабль; один карлик по имени Лит пробежал в это время неподалеку, и Тор пихнул его ногою в костер, и он сгорел.

Много разного народу сошлось у костра. Первым пришел Один, а с ним его жена Фригг, его валькирии и его вороны. Фрейр приехал на колеснице, запряженной вепрем Золотая Щетина, или Страшный Клык; Фрейя — на колеснице, запряженной кошками. Хеймдалль ехал верхом на коне Золотая Челка. Пришло множество горных великанов и инеистых великанов. Один положил на костер свое золотое кольцо Драупнир, обладавшее чудесным свойством: на каждую девятую ночь из него выпадало восемь таких же колец. На костер возвели и коня Бальдра в полной сбруе.

Теперь надо рассказать о Хермоде. Ехал он девять ночей такими глубокими ущельями и пропастями, что ничего не видел, пока не выехал к мосту, перекинутому через реку Гьёлль; мост этот был вымощен блестящим золотом. Сторожила мост дева по имени Модгуд. Она спросила, как звать приезжего и какого он рода, и прибавила, что за день до того по этому мосту проехало пять тысяч мертвецов, а между тем мост не меньше гудел под ним одним. Она сказала, что и лицом он не похож на мертвого; спросила, зачем же едет он по дороге в Хель.

— Должен я ехать к Хель, искать у нее Бальдра, — отвечал Хермод, — не видала ли ты его здесь?

Она отвечала, что Бальдр действительно проехал здесь по мосту через реку Гьёлль и что путь к Хель лежит по мосту и все вниз.

Поехал Хермод дальше и добрался до ворот в Хель. Тут он спешился, затянул коню подпругу, снова вскочил на него и так пришпорил, что конь на всем скаку перепрыгнул ворота, да так высоко, что вовсе их не задел.

Подъехал тогда Хермод ко дворцу Хель и сошел с коня. Вошел он в зал и увидал там на почетном месте брата своего, Бальдра, провел с ним весь день и остался во дворце Хель ночевать. Наутро стал он просить Хель отпустить Бальдра домой, рассказывая, какой великий плач подняли по нем асы.

Хель же ответствовала, что нужно проверить, правда ли так любим всеми Бальдр, как говорил Хермод. И, если все, что ни есть на земле

живого иль мертвого, будет оплакивать Бальдра, то отпустит она его назад к асам, но он останется у нее, если хоть кто-нибудь не будет по нем плакать.

Встал тогда Хермод со своего места, и Бальдр вывел его из дворца и, прощаясь, снял кольцо Драупнир и послал его на память Одину; Нанна же послала Фригг свое покрывало и многие другие подарки, а служанке Фригг, Фулле, золотой перстень.

Поехал Хермод обратно в Асгард и рассказал о том, что видел и что слышал.

Асы сейчас же разослали гонцов по всему свету просить всех оплакивать Бальдра и слезами выкупить его у Хель. И все плакало по нем — люди и звери, земля и камни, деревья и всякие металлы. Но в то время

как гонцы, исполняя свое поручение, обходили весь мир, нашли они в глубокой пещере какую-то великаншу; звали ее Тёкк — «Благодарность». Стали они и ее упрашивать оплакивать Бальдра, чтобы выкупить его у Хель, но великанша отвечала: «Сухими слезами согласна я оплакивать Бальдра — пусть Хель удержит у себя то, что ей досталось! Мне он не нужен!»

Думают, что был это сам Локи, сын Лаувейи, причинявший асам величайшее зло.

Когда прознали асы об этих словах, велик был их гнев, и Локи поспешил скрыться в горах. Там построил он себе дом с четырьмя дверями, чтобы было ему видно на все четыре стороны. Днем часто обращался он в лосося и плавал в водопаде, носившем название Фрэнангр. Нередко раздумывал он, сумеют ли асы поймать его в водопаде. Раз, когда сидел он в своем доме перед огнем, взял он льняную бечеву и стал связывать ее петлями, как плетут с тех пор сети, увидел он, что асы уже недалеко: Один разглядел, где укрылся Локи, сидя на своем престоле Хлидскьяльв. Локи сейчас же бросил в огонь сеть, а сам кинулся в реку.

Когда асы приблизились к дому, первым зашел внутрь мудрейший из спутников, Квасир, и, увидав в огне пепел сгоревшей сети, рассудил он, что это снаряжение для ловли рыбы, и сказал о том асам. Асы достали льняной бечевы и сплели себе сеть так, как видно было по пеплу, а после пошли к реке и закинули сеть перед самым водопадом. Один конец взял Тор, другой — все асы вместе и стали тащить сеть. Но Локи проплыл вперед, бросился вниз и спрятался между двумя камнями. Протащили асы над ним сеть и почувствовали, что там прячется кто-то. Вытащили они сеть, зашли с другой стороны и опять закинули ее. Поплыл Локи перед сетью, но скоро увидел, что уж близко море, и перепрыгнул через сеть и поплыл назад в водопад. На этот раз асы видели, куда он делся; поднялись они опять к водопаду, Тор встал посреди реки, а остальные вновь потащили сеть к морю.

Увидел Локи, что надо ему или прыгнуть в море, а это опасно, или же перескочить через сеть; он перепрыгнул через сеть стремглав. Но Тор схватил его, хотя Локи чуть было не выскользнул у него из рук; Тор успел его удержать лишь у самого хвоста. Оттого-то лосось сзади узкий.

Локи был пойман и не мог надеяться на пощаду. Отнесли его асы в одну пещеру, затем взяли три плоских камня и поставили на ребро, в каждом пробив по отверстию. Потом захватили они сыновей Локи — Вали и Нарви — и превратили Вали в волка. Волк бросился на Нарви и растерзал его. Тогда асы связали Локи кишками сына его Нарви и

положили на камни так, чтобы один из них подпирал ему плечи, другой поясницу, а третий колени. И путы эти превратились в железо.

Тогда Скади взяла ядовитую змею и повесила ее над Локи, чтобы змеиный яд капал ему на лицо. Но Сигюн, жена Локи, сидит с тех пор подле него и подставляет под капли яда чашу, и только тогда, когда чаша переполняется и Сигюн отходит, чтобы вылить яд, капли падают на лицо Локи и он так корчится от боли и пытается порвать свои путы, что земля содрогается. Люди зовут это землетрясением. Так будет лежать Локи до дня гибели мира.

Сага о Вёльзунгах

Пересказ П. Полевого в редакции А. Филиппова

I

Жил некогда человек по имени Сиги, и, как говорит о нем предание, был он сын Одина. В то же время и в том же самом месте жил еще и другой необыкновенно сильный человек по имени Скади. У Скади был раб, очень искусный и ловкий.

Случилось как-то, что раб этот пошел вместе с Сиги на охоту. Целый день охотились они порознь, и вечером, когда они сошлись в одном месте, оказалось, что раб набил гораздо больше всякого зверья, чем Сиги. Увидя это, Сиги даже рассердился: ему показалось обидным, что какой-то раб оказался лучшим стрелком, чем он. Между ними завязался горячий спор, и дело кончилось тем, что Сиги, бросившись на раба, убил его. Закопав труп в снег, он вернулся домой и рассказал, что раб разошелся с ним в лесу и

что с тех пор он его не видал. Рассказ этот показался Скади невероятным: он никак не мог отделаться от мысли, что, вероятно, Сиги сам убил раба. Поэтому он послал своих людей искать убитого, и труп его был найден в снегу.

Тут всем стало очевидно, что Сиги убил раба; он был осужден на изгнание и не мог уже более оставаться дома. Но когда пустился он в путь, к нему пришел сам Один, вывел его из этой земли и, прежде чем покинуть его, доставил ему корабли, чтобы Сиги мог посадить на них своих воинов, сопровождавших его в изгнании, и пуститься с ними в море. Счастье сопутствовало ему: он завоевал себе целое королевство, женился и стал могущественным королем и славным полководцем; царство, которым он правил, была земля гуннов. Скоро родился у него сын Ререк; он рос дома у своего отца, и из него вышел высокий ростом, сильный, отважный человек.

Между тем Сиги успел состариться. Среди окружавших его людей у него было много врагов, и наконец дело дошло даже до того, что они составили против него заговор. Выбрав минуту, когда он, не ожидая никакого нападения, был один с небольшою свитою, они напали на него с гораздо большим числом людей и убили его самого и всех его телохранителей. Сына его в эту минуту не было дома, но, узнав обо всем случившемся, он заручился помощью среди остальных вождей и вернул себе землю и царство после отца своего Сиги и жестоко отомстил его убийцам.

Став полновластным господином надо всею своею землею, Ререк выбрал себе жену, вполне соответствовавшую высокому его положению. Много лет прожил он с нею счастливо, и одно только огорчало их обоих — у них не было детей, и немало молитв возносили они к богам, прося их послать им ребенка. Наконец, как рассказывают, молитва их была услышана богиней Фригг и Одним. Не долго думая, призвал Один свою валькирию, дочь великана Гримнира, положил ей в руку яблоко и велел ей отнести его королю. Валькирия, прилетев с яблоком к королю, который отдыхал, усевшись на пригорке, уронила яблоко на его щит, и король сейчас же сообразил, что боги решили исполнить его желание. Однако королю не суждено было видеть своего сына: вскоре отправился он в морской поход, дорогой заболел и умер. Жена его тоже умерла тотчас после рождения сына. Мальчика назвали Вёльзунгом. Рос он необыкновенно быстро и с раннего возраста обнаруживал большую силу и ловкость.

Когда он вырос, великан, о котором было уже говорено, послал к нему свою дочь, валькирию, — ту самую, что принесла яблоко его отцу, и Вёльзунг женился на ней, и они жили вместе долго и счастливо. Было у них десять сыновей и одна дочь. Старшего их сына звали Сигмундом, а дочь — Сигни; они были близнецы и во всех отношениях превосходили остальных детей короля Вёльзунга. А между тем и те недаром пользовались большою славой, и недаром с давних пор переходили из уст в уста рассказы о необычайных подвигах Вёльзунгов, об их победах, великой мудрости и искусстве.

Рассказывали, что в память о своем чудесном рождении король Вёльзунг велел построить большой зал, посреди которого росла яблоня: ствол ее проходил через отверстие крыши, и ветви ее осеняли все здание. Яблоню эту звали детским деревом.

II

Сиггейром звали короля, правившего землею готов; он был могущественный человек, и много было у него подвластного народа. Приехал он к королю Вельзунгу и посватался к дочери его Сигни. Королю с сыновьями понравилось его предложение, невесте же пришлось оно не очень—то по сердцу. Тем не менее она предоставила решение на волю отца. Таким образом стала она невестой Сиггейра.

Свадьба должна была праздноваться у короля Вёльзунга. Король созвал на свадьбу своей дочери невиданное множество гостей. В назначенный день все собрались в большом зале, посредине которого росла упомянутая уже яблоня. Вдоль стен пылали большие костры. Но тут рассказывают, что вечером, в то время как мужчины сидели вокруг костров, в зал вошел никому не известный человек; был он босой, в плотно завязанных у колен полотняных штанах, в грязном плаще и с широкополою шляпой на голове. Был он очень высок ростом, выглядел стариком и имел всего—навсего один только глаз: в руках у него был меч. Он подошел прямо к яблоне и, замахнувшись, всадил свой меч в ее ствол по самую рукоятку. Никто не решился заговорить с этим человеком или поклониться ему, и, видя это, он заговорил сам:

— Тот, кто вытащит этот меч из ствола яблони, получит его от меня в подарок, и тогда ему самому придется признаться, что никогда еще не держал он в руках лучшего меча.

С этими словами вышел он из зала, и никто не мог сказать, кто он был или куда ушел.

Тут все поднялись с мест и наперебой один перед другим изо всех сил старались вытащить меч; но меч по-прежнему плотно сидел в стволе яблони, не подаваясь ни на волос, несмотря на все их усилия.

Но вот дошла очередь до сына короля Вельзунга, Сигмунда, и он без всякого труда и усилия вытащил меч из ствола яблони, как будто он там едва держался. Это был такой отличный меч, что никто, казалось, не видывал ему подобного, и Сиггейр сейчас же захотел купить его и предложил за него Сигмунду столько золота, что вес его втрое превосходил вес самого меча.

— Нет, — отвечал ему на это Сигмунд, — тебе предстоял тут столь же благоприятный случай получить меч, как и мне, если бы он был тебе под силу; но теперь, раз он попал в мои руки, ты его больше уж не получишь, хотя бы ты предлагал мне за него все золото, какое только у тебя есть.

Сиггейр пришел в совершенную ярость от этого ответа и от скрывавшейся в нем насмешки, но, при свойственных ему лукавстве и хитрости, скрыл это, приняв равнодушный вид, хотя сам весь вечер обдумывал план мести, который впоследствии ему так удался.

Так Сиггейр женился на Сигни и по обычаю должен был остаться у короля Вельзунга, пока длились свадебные пиршества. Но Сиггейр на другой же день свадьбы заявил, что поедет к себе домой, воспользовавшись хорошею погодой и не дожидаясь того, чтобы поднялся ветер и задержал его на месте.

Вельзунг с сыновьями и не пытался удерживать его, видя, что он твердо решил раньше времени покинуть гостей. Тогда сказала Сигни своему отцу:

— Очень горько мне уезжать с Сиггейром, и не много радости найду я в его доме. Я, как и все в нашем роде, настолько наделена даром предвидения, что вперед могу сказать, что свадьба эта принесет нам всем величайшее несчастье, если заблаговременно не будет оно предотвращено.

— Неприлично тебе говорить так, — отвечал ей Вельзунг, — и что бы ни ждало нас впереди, мы не можем поступить с ним вероломно и должны держаться данного слова.

Сиггейр между тем совсем уже снарядился в обратный путь. Перед отъездом пригласил он своего тестя, короля Вельзунга, месяца через три приехать к нему в землю готов со всеми своими сыновьями, захватив с собою столько своих людей, сколько этого потребует его высокое звание.

Это дало бы ему случай, говорил Сиггейр, вознаградить их за неудовольствие, которое причинял он им своим несвоевременным и необычным отъездом.

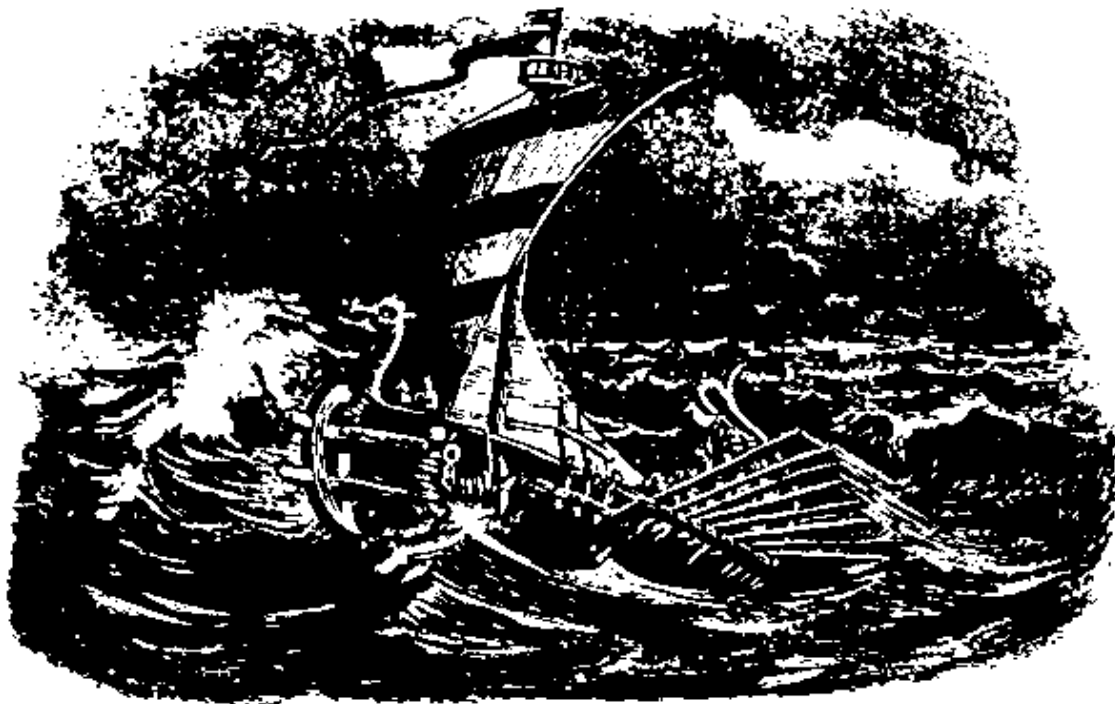
Вёльзунг обещал непременно быть у него в назначенный день. Новые родственники расстались, и Сиггейр поехал домой со своею женою.

В назначенное время король Вёльзунг снарядил три корабля, посадил на них лучших воинов и вместе со своими сыновьями отправился в землю готов. Путь свой совершили они благополучно и поздно вечером высадились на берег. Но в тот же вечер Сигни, дочь короля Вёльзунга, пробралась на берег к тому месту, где стояли корабли, отозвала в сторону своего отца и братьев и рассказала им, что замыслил против них Сиггейр, успевший собрать к этому дню большое войско, чтобы предательски напасть на них.

— А теперь я прошу вас об одном, — dokonчила она, — сейчас же поезжайте назад, в свою землю, соберите там как можно больше войска и возвращайтесь назад, чтобы отомстить Сиггейру. Но теперь не подвергайте себя опасности, потому что, если только вы не послушаетесь меня и не поступите так, как я вам говорю, он наверняка предаст вас — в этом вы можете быть уверены.

На это Вёльзунг отвечал ей:

— Нет на земле народа, который не рассказывал бы обо мне, прославляя меня за то, что первое произнесенное мною слово было обещание никогда не обращаться в бегство из страха перед огнем или железом, и во всю мою жизнь до этой самой минуты не нарушал я своего обещания. Неужели же нарушу я его теперь, на старости лет? Рано ли, поздно ли, каждому придется умереть — этого никто не избежит. А потому мой ответ — защищаться, а не бежать.

Сигни залилась слезами и опять стала упрашивать его позволить ей не возвращаться к Сиггейру, но Вёльзунг отвечал, что она, во всяком случае, должна вернуться к своему мужу и оставаться у него, какая бы судьба их ни постигла. Тогда Сигни вернулась домой.

Между тем Вёльзунг, переночевав со своим войском на кораблях, с рассветом вышел на берег и приказал своим людям готовиться к битве. Недолго пришлось им ждать — скоро появился и Сиггейр со всем своим огромным войском. Завязался отчаянный бой. Восемь раз в этот день проходил Вёльзунг со своими сыновьями из конца в конец все войско Сиггейра, рубя направо и налево, и повернул было уж в девятый раз, но тут счастье изменило им: враги были чересчур уж многочисленны, и старый король Вёльзунг погиб вместе со всем своим войском, за исключением лишь десяти его сыновей; уцелевшие же Вёльзунги были взяты в плен.

III

Сигни, узнав, что отец ее был убит, а братья взяты в плен и осуждены на смерть, пошла к Сиггейру и сказала ему:

— Я пришла просить тебя, чтобы ты не велел убивать моих братьев, а лучше приказал бы заковать их в колоду, потому что, думается мне, правду

говорят, что глаз не перестанет радоваться, пока видит свет. Я не прошу тебя даровать им жизнь, потому что ясно вижу, что это бесполезно.

— Ты, верно, сумасшедшая, — отвечал король, — раз ты просишь для своих братьев доли, худшей даже, чем сама смерть! Но все же я исполню твою просьбу, потому что чем продолжительнее и тяжелее будет их предсмертная мука, тем приятнее будет это для меня.

И он приказал поступить так, как она просила. Братьев вывели из селения, отвели в глухой лес и навалили им на ноги тяжелую колоду. Так пролежали они в лесу весь день. Когда же наступила полночь, из леса вышла к ним большая старая волчица; она загрызла одного из них до смерти, сожрала его без остатка и вернулась назад в лес. На следующее утро позвала к себе Сигни одного человека, на которого могла вполне положиться, и послала его узнать, что-то случилось с ее братьями. Вернувшись назад, он рассказал ей, что одного из них уже не было в живых, и весть эта причинила ей большое горе, так как было очевидно, что всех их ждала такая же участь, если ей не удастся прийти к ним на помощь.

Короче говоря, девять раз, ночь за ночью, приходила все та же волчица и каждый раз съедала по одному из них, так что, наконец, остался в живых только один Сигмунд. Но днем, накануне последней, десятой ночи, послала Сигни все того же доверенного человека в лес к своему брату Сигмунду и дала ему с собой немного меда, приказав ему намазать им лицо Сигмунда и даже положить ему немного в рот. Человек исполнил все, как ему было приказано, и вернулся домой. Ночью, по обыкновению, пришла волчица и собралась было и его загрызть до смерти, да почувствовала запах меда: принялась она лизать лицо Сигмунда и даже просунула ему в рот язык. Сигмунд не потерялся, крепко прикусил ее язык зубами и не выпускал до тех пор, пока волчица, выбившись из сил, не повалилась мертвая. Во время борьбы она упиралась ногами в колоду, которая подломилась под этим напором, и Сигмунд оказался таким образом на свободе. Говорят, что волчица эта была колдунья, мать короля Сиггейра, с помощью чародейства облакавшаяся в личину этого зверя.

Сигмунд, спасшись таким чудесным образом от смерти, поселился в лесу. Между тем Сигни еще раз послала справиться о нем, и когда посланец ее пришел в лес, Сигмунд рассказал ему все, что произошло между ним и волчицею, а посланец, вернувшись домой, в свою очередь, рассказал обо всем Сигни. Сигни сейчас же прокралась в лес к своему брату и договорилась с ним, что он построит себе в лесу землянку, а она

будет до поры до времени скрывать его там, доставляя ему все нужное и заставив Сиггейра думать, что все Вёльзунги погибли.

Время шло. У Сигни было двое сыновей, и старшему исполнилось уже десять лет. Теперь Сигни только о том и думала, как бы отомстить Сиггейру за гибель своих братьев и отца, и готова была пожертвовать для того всем на свете. Когда старшему сыну ее исполнилось десять лет, она послала его к Сигмунду, чтобы помочь ему в попытке отомстить за смерть Вёльзунга.

Поздно вечером пришел мальчик к землянке Сигмунда. Тот принял его ласково и велел ему испечь для них хлеб, пока он сам сходит в лес за дровами. Тут он сунул мальчику в руку мешок с мукой и ушел.

Но, вернувшись домой, он увидел, что мальчик и не принимался еще за печение хлеба. На вопрос Сигмунда о причине такой медлительности мальчик сказал, что он не мог испечь хлеба, потому что ему показалось, будто в мешке кроме муки было еще что-то живое. Понял тогда Сигмунд, что мальчик был недостаточно смел и не мог быть ему полезен. Увидевшись с Сигни, он рассказал ей об этом.

— Ну, так убей его, — сказала она, — в таком случае не стоит ему больше и жить.

Сигмунд послушался ее.

То же случилось и со вторым сыном Сигни.

Кроме этих двух мальчиков, у Сигни жил еще сын самого Сигмунда, хотя никто, кроме Сигни, не знал этого. Мальчика звали Синфьетле; он рос крупным, красивым мальчиком и всем вышел в предков своих, Вёльзунгов. Ему не было еще и десяти лет, как уже Сигни послала его в землянку Сигмунда. Сигмунд встретил его ласково и велел ему приготовить тесто для хлебов, пока сам он сходит в лес за дровами. Когда он вернулся домой, хлеб был уже готов. Тогда Сигмунд спросил мальчика, не нашел ли он чего-нибудь в мешке.

— Да, мне показалось было сначала, что в мешок попало что-то живое, но я не обратил на это внимания и замесил, не разбирая, все что было, — отвечал Синфьетле.

Засмеялся Сигмунд и сказал, что не позволит мальчику есть этот хлеб, потому что в муке была ядовитая змея.

Однако Сигмунду все еще казалось, что Синфьетле недостаточно еще возмужал, чтобы быть ему настоящим помощником. Вследствие этого он часто брал его с собою в лес, желая испытать его храбрость и силу, и всякий раз еще более убеждался, что имел дело с настоящим Вёльзунгом.

Но наконец и Сигмунд нашел, что наступила уже пора попытаться отомстить за смерть короля Вёльзунга. Выбрав удобное время, вышел он вместе с Синфьетле из своей землянки и поздно вечером пробрался во двор короля Сиггейра и спрятался в сенях за бочонками с пивом. Королева знала об их приходе и вышла к ним; переговорив между собою, они решили ничего не предпринимать до наступления ночи.

Между тем двое маленьких детей короля Сиггейра забавлялись тем, что катали по полу золотые кольца и бегали за ними вдогонку. Случилось так, что одно из колец закатилось в сени, а вслед за ним вбежал туда и один из игравших мальчиков. Он увидал двух высоких, суровых воинов, сидевших там в полном вооружении. Не помня себя от страха выбежал он из сеней, бросился к отцу и рассказал ему об этом.

Король Сиггейр, догадавшись, что дело неладно, приказал своим людям сейчас же схватить того, кто скрывался в сенях. Завязалась борьба. Сигмунд с Синфьетле защищались отчаянно, но их было всего только двое против целой толпы нападавших на них людей, и дело кончилось тем, что оба они были схвачены и связаны.

Всю ночь раздумывал король Сиггейр, стараясь придумать для них самую мучительную казнь, и наутро приказал навалить из земли и камней высокий, полый курган, с отверстием на самой его вершине. Приказав перегородить надвое высокою стеною то помещение, что образовалось таким образом внутри кургана, он велел посадить туда Сигмунда и Синфьетле: так они могли слышать предсмертные стоны друг друга, но не могли оказать друг другу никакой помощи. Но в то время как рабы наваливали курган, пришла Сигни с пучком соломы в руках и бросила его Синфьетле, прося рабочих не говорить об этом королю.

Когда наступила ночь, Синфьетле сказал Сигмунду:

— Ну, на первое время у нас не будет недостатка в еде: королева бросила мне сюда кусок свинины, завернутый в солому.

Но, взяв в руки кусок свинины, он нащупал воткнутый в него меч и по рукоятке признал его за меч Сигмунда. Находка эта очень обрадовала их обоих. С помощью этого меча они сейчас же принялись ломать разделявшую их стену, а затем соединенными усилиями выбрались на свободу.

Снова отправились они к королевскому дворцу, где все люди спали глубочайшим сном. Воспользовавшись этим, они подожгли дворец.

Проснувшись среди огня и дыма, король Сиггейр стал спрашивать, кто поджег его дворец.

— Это мы — Сигмунд и Синфьетле! — отвечали они ему. — Теперь ты сам видишь, что не все еще Вёльзунги погибли!

Одну только свою сестру хотел спасти Сигмунд и звал ее, обещая ей, что она будет жить при нем, окруженная почетом и уважением. Но Сигни отказалась.

— Никогда не забывала я зла, что причинил мне король Сиггейр, и я отомстила ему за гибель своих близких, пожертвовав для того всем, даже своими собственными детьми. Но после всего этого я уже не могу жить и умру вместе с ним под развалинами его дворца!

И с этими словами она бросилась в пламя.

Сигмунд же собрал войско, снарядил корабли и вместе со своим сыном вернулся на родину и сам стал править страной, прогнав короля, завладевшего было землями короля Вёльзунга.

Стал Сигмунд могучим и славным королем и женился на женщине по имени Борггильда. Синфьетле жил у своего отца. Летом предпринимал он морские походы, и слава о нем распространилась далеко за пределами земли гуннов. В один из своих походов встретил он очень красивую женщину и пожелал на ней жениться. Но оказалось, что к той же самой женщине сватался и брат Борггильды, жены короля Сигмунда. Соперники уговорились поединком решить вопрос о том, кому достанется она в жены, и в поединке этом Синфьетле победил и убил своего соперника. Борггильда же никак не могла простить ему смерти брата и, выбрав удобное время, поднесла ему на пиру кубок с отравленным питьем. Синфьетле выпил и упал на землю мертвым.

Сигмунд чуть не умер от горя. Взял он на руки тело своего сына и понес его в лес; наконец пришел он к морскому заливу и увидел там в маленькой лодке человека. Человек этот спросил, не желает ли он переправиться через море на тот берег, и Сигмунд отвечал ему «да». Но лодка была так мала, что не могла вместить вместе и его, и труп его сына, а потому решено было, что сначала перевезут тело, а Сигмунд пойдет пока в обход по берегу моря. Но не успела лодка отойти от берега, как вместе с человеком исчезла из глаз Сигмунда. Тогда вернулся он домой и прогнал королеву, которая вскоре после того умерла.

V

Жил на свете могучий и славный король Эйлиме, и была у него дочь по имени Гиёрдис, и не было на свете женщины красивее и разумнее ее. Услыхал король Сигмунд, что она подходила ему в жены, и поехал к королю Эйлиме.

Узнав о приезде Сигмунда, король Эйлиме послал сказать ему, что если пришел он не с войною, то король созовет гостей и приготовит для него большой пир. Сигмунд отвечал, что на этот раз явился он другом, а не врагом, и тогда было созвано множество гостей на роскошный пир. В то же время приехал туда и Люнгви, сын короля Гундинга, и тоже стал свататься к Гиёрдис. Тогда, не зная, как ему быть, король Эйлиме сказал своей дочери:

— Ты благоразумная женщина, и к тому же и мне всегда хотелось, чтобы ты сама выбрала себе мужа: скажи же, кого выбираешь ты из двух королей, и воля твоя в этом деле будет моя воля.

— Трудное это дело, — сказала она, — но все же я выбираю самого славного, и это — король Сигмунд, несмотря на то, что он уже в летах.

Тогда король Люнгни уехал, а Сигмунд женился на Гиёрдис и, весело отпраздновав свадьбу, вернулся к себе домой, в страну гуннов.

VI

Между тем король Люнгни с братьями собрал большое войско и пошел на короля Сигмунда с твердым намерением смирить гордого Вёльзунга. Придя в землю гуннов, послали они предупредить Сигмунда, потому что не хотели нападать на него врасплох и в то же время были уверены, что он не захочет бежать от них. Король Сигмунд отвечал, что он выйдет биться с ними, и стал собирать войско. Жене же своей, Гиёрдис, велел взять с собою своих прислужниц и все его сокровища и спрятаться в лесу.

Викинги с огромным войском высадились на берег; король Сигмунд затрубил в свой рог, и завязался отчаянный бой. Как ни стар был король Сигмунд, но все же бился он очень мужественно и всегда был впереди своих людей, — ни один шлем, ни одна броня не могли устоять под его рукою; весь день бился он, не раз проходя из конца в конец все неприятельское войско, но все еще никто не мог предсказать, на чьей стороне останется победа. Много сыпалось на него стрел и копий, но норны охраняли его, и он не получил еще ни одной раны. Никто не мог бы перечесть воинов, павших под его ударами, и обе руки его были в крови до самых локтей.

Но вот явился в толпе боровшихся человек в широкополой шляпе и голубом плаще; у него был один только глаз, и в руке держал он копье. Человек этот пошел прямо против короля Сигмунда и бросил в него свое копье; король Сигмунд сильным ударом меча отразил копье, но при этом меч его разбился на две части, и с этой минуты счастье изменило ему. Теперь в его войске стал валиться народ, и много его воинов было убито. Король бился, не щадя себя. Но напрасно ободрял он своих людей — более многочисленный враг наконец-таки одолел, и в битве этой погиб и сам Сигмунд, и тесть его Эйлиме, и большая часть его войска.

После битвы король Люнгни прежде всего поспешил обыскать жилище короля, но не нашел там ни женщин, ни сокровищ. Тогда объехал он всю эту землю, поделил ее между своими людьми и думал уже, что

всему роду Вёльзунгов пришел конец и что ему теперь уже нечего было опасаться с этой стороны.

VII

Ночью прокралась Гиёрдис на поле битвы, пробралась к тому месту, где лежал Сигмунд, и стала спрашивать его, не было ли какой-нибудь возможности залечить его раны. Но он отвечал:

— Многим случается вернуться к жизни, когда этого всего менее ожидают, но покинуло меня мое счастье, и я не хочу залечивать своих ран. Сам Один не хочет, чтобы я взмахивал мечом, и потому-то меч мой и разбился на части; я побеждал, пока он желал этого.

— От всего на свете, кажется, отказалась бы я, лишь бы только ты мог вылечиться и отомстить за моего отца.

— Не суждено уж мне этого, — отвечал король, — но скоро у тебя родится сын, которого должна ты воспитать с возможной заботою, и он будет лучше и славнее всех в нашем роде. Береги также эти обломки меча: из них будет сделан добрый меч, и назовут его Грамом; сын наш будет носить его и совершит с ним много подвигов, и память о них не исчезнет, пока стоит мир. Пусть это служит тебе утешением; я же ослабел от ран и перенесусь теперь к нашим отошедшим родичам.

Гиёрдис сидела над ним, пока он не умер.

Между тем начало светать. Тут увидала она, что к берегу подходило множество каких-то кораблей, и сказала тогда своей прислужнице, что им надо поменяться платьем и именами и что впредь она должна выдавать себя за королевскую дочь.

Тем временем викинги с кораблей увидали поле битвы, покрытое трупами, и женщин, бежавших к лесу; поняли они, что тут произошли какие-то важные события, и поспешили выйти на берег. Войском этим предводительствовал Альф, сын датского короля Гиальпрека.

Придя со своими людьми на поле битвы, приказал он догнать женщин и, когда привели их к нему, стал расспрашивать их, кто они были. Ответы их плохо согласовались с их наружным видом; прислужница говорила за обеих и рассказала о смерти Сигмунда, Эйлиме и других могучих воинов и о том, кто был всему тому причиной.

Альф спросил тогда, не знали ли они, где были спрятаны сокровища Сигмунда, и прислужница отвечала, что никто не мог знать этого лучше их, и показала место, где они находились. Тут нашли они такое богатство и столько сокровищ, как никогда еще, казалось им, не видали они собранными в одном месте. Воины перенесли все это на корабли Альфа, и Альф повернул домой, взяв с собою Гиёрдис и ее прислужницу. Во время переезда он несколько раз заговаривал с женщинами и примечал все, что они говорили.

IX

Наконец приехал Альф домой и привез с собою и своих пленниц. Вскоре по приезде их спросила королева своего сына:

— Почему самая красивая из этих двух женщин носит худшие кольца и платья? Я почти уверена, что ты принял госпожу за прислужницу.

— И мне так же кажется, — отвечал Альф, — она душой и нравом не рабыня, и когда мы встретились с нею, она сразу показала, что умеет приличным образом принять высокого гостя. Но мы успеем еще выяснить это дело.

Раз, когда сидели они все за кубками, король завел с пленницами разговор и спросил:

— Какая у тебя примета на то время суток, когда начинает уже светать и ты не можешь видеть ни луны, ни звезд?

— У меня есть на это та примета, — отвечала прислужница, — что в молодости я привыкла пить на заре молоко, а потому и теперь, хотя я и перестала пить его, но все еще по-старому просыпаюсь в это время. Вот в чем моя примета.

Улыбнулся король и сказал:

— Плохая это привычка для королевской дочери.

Тогда он обратился к Гиёрдис с тем же самым вопросом, и она отвечала:

— Отец мой подарил мне золотое колечко, имевшее то свойство, что палец мой холодел от него рано утром на заре; вот моя примета.

— Много же должно быть золота там, где даже служанки носят его, — отвечал король. — Но теперь довольно тебе скрываться, — продолжал он, — и если бы ты раньше открылась мне, то я с самого же начала принял бы тебя как дочь короля.

Тогда рассказала она ему всю правду, и все стали оказывать ей большой почет, как дочери короля.

И Альф женился на Гиёрдис. Сына же ее, родившегося незадолго перед тем, взял к себе сам король Гиальпрек, и здесь рос он, окруженный заботою и любовью, как будто был он собственный сын короля.

X

Мальчика называли Сигурдом. Воспитателем его был Регин. Он обучал Сигурда всякого рода военным играм и упражнениям, игре в шашки, рунам и различным иностранным языкам, каким было в то время в обычае учить королевских сыновей. Раз сказал Регин Сигурду:

— Станным кажется мне, что приходится тебе бегать пешком, как сыну какого-нибудь простого земледельца.

— Нет, это не так, — отвечал Сигурд, — я могу распоряжаться всем, что есть у короля, и могу брать себе все, что захочу.

— Так попроси же Гиальпрека дать тебе лошадь, — сказал Регин.

— Он сейчас же даст мне, как только я попрошу об этом, — отвечал Сигурд и пошел к королю, который спросил его:

— Что хотел бы ты получить от меня?

— Лошадь, чтобы кататься на ней, — отвечал Сигурд.

— Так выбери же себе любую из моих лошадей.

На другой день отправился Сигурд в лес и встретил там незнакомого ему старика с длинною бородой. Старик спросил его, куда он идет.

— Иду выбирать лошадь, — отвечал Сигурд, — дай мне добрый совет, какую мне выбрать?

— Так давай же прежде всего загоним их всех в реку, — сказал старик.

Загнали они лошадей в самое глубокое место реки, и все они поспешили выплыть к берегу, за исключением лишь одной, которую Сигурд и взял себе. Она была серой масти, совсем еще молодая, сильная и красивая; никого еще не носила она на своей спине. И сказал тогда человек с длинною бородой:

— Лошадь эта происходит от Слейпнира; тебе надо хорошенько выездить ее, и она будет служить тебе лучше всякой другой лошади.

С этими словами старик исчез.

Сигурд назвал коня Граном, и ни до него, ни после него не было на свете лучшего коня. Человек же, встретившийся ему в лесу, был сам Один.

В другой раз сказал Регин Сигурду:

— Слишком мало у тебя всякого имущества; досадно мне, что ты бегаешь одетый, как простой мальчишка–поселянин! Я мог бы указать тебе только мне одному известное сокровище, и если бы только был ты в состоянии добыть его, то тебя ожидали бы такой почет и такая слава, какие не снились тебе и во сне.

Стал расспрашивать Сигурд, где находилось это сокровище и кто стережет его.

— Фафнир в образе дракона охраняет его, — отвечал Регин, — и находится оно в долине, называемой Гнитагейди. Придя туда, сам ты убедишься, что никогда еще не случалось тебе видеть столько золота, собранного в одном месте, и большего богатства не понадобится тебе, хотя бы ты прожил дольше и достиг большей славы, чем все короли на свете.

— Как ни молод я, — отвечал Сигурд, — но слыхал уже об этом драконе; знаю также и то, что никто не смеет приблизиться к нему, до того он громаден и злобен.

— Нет, это совсем не так, — возразил Регин, — он нисколько не громаднее любого другого дракона: о нем толкуют гораздо больше, чем он того заслуживает; так, по крайней мере, подумали бы твои предки. Но хотя ты и из рода Вёльзунгов, однако вышел не в них.

— Легко может статься, что мало наследовал я от них мужества и ловкости, — отвечал Сигурд, — а все же нет тебе никакой нужды толковать об этом теперь, когда я едва лишь успел выйти из детства. Почему же так хочется тебе подбить меня на это дело?

— Для того чтобы ты понял это, надо рассказать тебе одну сагу, — сказал Регин.

— Послушаем, — отвечал Сигурд.

И Регин стал рассказывать так.

— Отца моего звали Грейдмаром. У него было три сына; старшего звали Фафниром, второго Выдрой, третий же был я. И был я из всех троих наименее ловкий и искусный, и потому меня при каждом удобном случае оттирали в сторону; умел я только хорошо ковать железо, серебро и золото. Брат же мой Выдра особенно отличался в рыбной ловле, и в образе выдры проводил в реке целые дни; он хватал рыбу просто ртом, выносил ее на берег и весь улов отдавал отцу, и тот очень много выручал за рыбу. Выдра почти всегда ходил в образе выдры, лишь поздно вечером

возвращаясь домой, и, находясь на охоте, ел всегда один, крепко зажмурив глаза, потому что мог видеть только в воде. Фафнир был самый большой и самый свирепый из нас и всегда хотел забрать себе все, что ни попадалось ему на глаза.

В том же водопаде, где обыкновенно ловил рыбу Выдра, жил карлик, по имени Андвари, а потому и самый водопад звали водопадом Андвари. Он жил там в образе щуки и питался рыбой. Раз, когда, по обыкновению, Выдра ловил рыбу в водопаде, выносил ее во рту на берег и складывал друг на дружку, к водопаду подошли Один, Локи и Генир. Брат мой Выдра как раз в это время поймал лосося и, зажмурив глаза, ел его, сидя на берегу ручья. Тогда Локи взял камень и, пустив его в Выдру, убил его. Один со спутниками были очень довольны добычей и, убив выдру, содрали с нее шкуру.

В тот же вечер пришли они к Грейдмару и показали ему свою добычу. Тут мы схватили их и заставили заплатить нам за убийство брата: они должны были не только набить шкуру, но и сверху засыпать ее всю червонным золотом.

Тогда послали они Локи за золотом. Он добыл у Раны, жены аса Эгира, сеть, пошел к водопаду Андвари и закинул ее, рассчитывая поймать щуку. И не ошибся: щука сейчас же попала в сети. И сказал тогда Локи:

— Что это за рыба, что плавает в воде и не умеет избежать сети? Дай же мне за себя выкуп — принеси мне речного пламени^[2].

Зовут меня Андвари, — отвечал карлик, — злые норны издавна присудили мне плавать в воде.

Тут Андвари выложил перед Локи все свое золото, но, выкладывая его, он хотел было утаить одно кольцо, но и его отнял у него Локи. Тогда карлик ушел в камень, предсказав, что кольцо это, так же как и все золото, принесет гибель каждому человеку, который завладеет им.

Всего этого золота вместе с кольцом едва хватило, чтобы набить и засыпать чучело выдры. Когда это было исполнено, Локи, передавая золото Грейдмару, сказал:

— Не принесет счастья сыновьям твоим это золото: из-за него погибнут они оба.

— В скором времени, — продолжал рассказывать Рegin, — Фафнир убил своего отца и один завладел всем сокровищем. Чтобы никто не мог воспользоваться золотом, он перенес его в дикую долину, и, превратившись в отвратительного дракона, сам лежит там и стережет его и по сию пору. Я же отправился к королю и остался при нем кузнецом. Ну

вот, теперь ты знаешь, как это случилось, что я лишился вместе и своей части наследства, и выкупа за брата.

— Да, многого лишился ты, — отвечал Сигурд, — но покажи же теперь свое искусство и выкуй мне меч, какого не бывало еще на свете и с которым я мог бы совершать великие подвиги, и ты увидишь, что я убью этого дракона.

— Охотно исполню я твою просьбу, — отвечал Регин, — поверь, что мечом этим можно будет убить даже Фафнира.

Выковал Регин меч и принес его Сигурду. Тот взял его и сказал:

— Плохо выковал ты этот меч, Регин! — Потом замахнулся им и ударил по наковальне, и меч разлетелся на части. Отбросил он куски и стал просить Регина выковать ему другой, получше.

Послушался Регин и выковал другой меч.

— Этот должен тебе понравиться, — сказал Регин, — хотя и нелегко угодить тебе.

Попробовал Сигурд второй меч, но и он разбился в куски при первом же ударе.

Пошел тогда Сигурд к своей матери. Она встретила его ласково, подала ему пива; сели они и стали разговаривать.

— Правду ли слышал я, — спросил Сигурд, — что король Сигмунд отдал тебе разбитый надвое меч свой — Грам?

— Да, это правда, — отвечала она.

— Ну, так дай же его мне!

Получив от матери обломки меча, пошел Сигурд к Регину и попросил сковать из них новый меч по образцу старого. Рассердился было Регин за то, что Сигурд не давал ему покоя и все заставлял его работать, однако пошел в кузницу и выковал ему из обломков новый меч. Этот меч выдержал, наконец, испытание.

— Ну, раз я сделал тебе такой меч, — сказал Регин, — то и ты должен сдержать свое слово и биться с Фафниром.

— Конечно, я сдержу его, — отвечал Сигурд, — но прежде отомщу за своего отца.

XII

Вскоре после того как получил Сигурд меч, поехал он к своему дяде Грипиру, брату своей матери. Это был необыкновенный человек, которому была открыта судьба всех людей. Приехав к нему, Сигурд стал просить его

рассказать ему, как пройдет вся его жизнь. Долго отнекивался Грипир, но Сигурд настаивал, и наконец он открыл ему все его будущее, и все предсказанное им исполнилось в свое время.

Вернулся Сигурд домой и прошел прямо к Гиальпреку и Альфу.

— Долго прожил я у вас и много видел от вас любви и почета, — сказал он им, — но теперь хотелось бы мне уехать из этой земли и пойти войной на сыновей Гундинга, чтобы доказать им, что не вымер еще род Вёльзунгов. Прошу вас помочь мне в этом деле.

Те обещали дать ему все, чего он от них ни попросит. Снарядили они большое войско, и сам Сигурд управлял лучшим кораблем — драконом.

Пустился Сигурд в путь со своими кораблями при хорошем попутном ветре. Но не прошло и нескольких дней, как налетел на них сильный шторм и море стало красно, как кровь. Однако Сигурд ни за что не хотел укорачивать парусов, как ни рвало их ветром, — напротив того, он приказывал поднимать их все выше и выше. Наконец пронеслись они мимо мыса, на котором стоял человек и кричал, обращаясь к людям, бывшим на кораблях, спрашивая, кто вел это войско. Ему отвечали, что вождя звали Сигурдом и что он самый славный из всей молодежи.

— Да, о нем все говорят, что нет никого, кто мог бы сравняться с ним, — отвечал человек с мыса, — я хотел попросить вас убрать паруса на одном из кораблей, остановиться и захватить с собою и меня.

Тогда спросили они, как его зовут.

— Гникаром^[3] прежде звали меня, когда радовал я ворона, Гутина, — отвечал он, — теперь же зовите меня Фенгом.

Тут пристали они к берегу и приняли этого человека на корабль Сигурда. В ту же минуту буря утихла, снова подул попутный ветер, и они быстро понеслись к земле сыновей Гундинга. Но как только подошли они к берегу, человек, которого приняли они к себе на корабль, вдруг исчез.

Сейчас же по приезде пошли они с мечом и огнем по всей земле, убивали людей, жгли селенья и опустошали все на своем пути. Множество людей сбежалось к королю Люнгви с рассказами о полчище, приведенном из-за моря Сигурдом, сыном Сигмунда, из рода Вёльзунгов. Видно, напрасно хвастался король Люнгви, что ему уже нечего больше опасаться Вёльзунгов. Созвал король Люнгви своих братьев, собрали они огромное войско и пошли с ним навстречу Сигурду. Произошла кровопролитная битва, стрелы и копья так и носились по воздуху, мелькали секиры, разбивались щиты и лопалась броня, и много народу полегло в этот день с обеих сторон; со стороны же сыновей Гундинга погибло столько войска,

что никто не мог и перечесть всех убитых. Да и сами сыновья Гундинга все были убиты Сигурдом.

Одержав такую победу и захватив огромную добычу, покрытый славой, вернулся Сигурд домой, и тут в честь его дан был роскошный пир.

XIII

Вскоре после возвращения Сигурда домой Регин снова заговорил с ним:

— Ну, теперь, отомстив за своего отца, ты, вероятно, исполнишь свое обещание.

— Конечно, исполню, — отвечал Сигурд.

Вот поехали Сигурд с Регином по долине, в ту сторону, где проходил Фафнир, когда отправлялся к воде, чтобы пить.

— Как же рассказывал ты мне, Регин, что чудовище это не больше обыкновенного дракона, а между тем следы его на земле так велики? — спросил Сигурд.

— Вырой себе на его пути яму, — сказал Регин, — и, засев в ней, нанеси ему удар прямо в сердце и таким образом убей его.

— Но что же будет со мной, когда вдруг хлынет на меня вся кровь дракона?

— Можно ли давать тебе советы, когда ты всего боишься? Нет, видно, не похож ты на своих предков! — отвечал Регин.

Сигурд ехал все вперед по долине, Регин же давно уже своротил в сторону и, дрожа от страха, поспешил скрыться из виду.

Сигурд последовал совету Регина и стал было рыть себе яму, но, в то время как был он занят этой работой, подошел к нему старый человек с длинною бородой и спросил его, что это он делает. Тот рассказал, и тогда сказал ему старик:

— Не советую тебе так делать; приготовь лучше несколько ям, так, чтобы кровь стекала в них, а сам нанеси ему удар, сидя в другой яме.

С этими словами старик исчез, и Сигурд поступил так, как он ему посоветовал.

Когда пришло время, дракон отправился пить; земля дрожала под ним, и во все стороны извергал он пламя. Но Сигурд не испугался и не задрожал от страха. В ту минуту, как дракон проходил над ямой, Сигурд вонзил в него меч по самую рукоятку и, выскочив из ямы, выдернул меч. Из раны кровь хлынула потоком. Чудовище, почувствовав, что оно ранено насмерть, стало биться головой и хвостом, разбивая все, что ни попадало под удары. Увидя же своего убийцу, Фафнир спросил:

— Кто ты, кто твой отец и какого ты рода, что хватило у тебя дерзости поднять против меня оружие?

— Род мой никому не ведом, — отвечал Сигурд, — зовут меня дерзким зверем; нет у меня ни отца, ни матери, и пришел я сюда один.

— Если нет у тебя ни отца, ни матери, то каким же чудом явился ты на свет? — возразил Фафнир. — И если ты в этот смертный мой час не хочешь сказать мне своего имени, то, по крайней мере, должен же ты сознаться, что в эту минуту лжешь.

— Сигурдом зовут меня, — сказал тогда Сигурд, — а отца моего звали Сигмундом.

— Если бы ты вырос в кругу твоих родных, то я понял бы в тебе эту дерзкую отвагу, — сказал Фафнир, — но меня удивляет, как мог решиться на это приемыш и пленник! Теперь скажу тебе одно: все мое золото и все мои сокровища приведут тебя только к гибели.

— Всем хочется владеть богатством до последнего дня своей жизни, смерти же никому не миновать, — сказал на это Сигурд.

— Это мой брат Регин виновник моей смерти, — продолжал Фафнир, — и мне отрадно знать, что он же будет виновником и твоей. Сам же он пожнет лишь то, что себе приготовил. Советую тебе скорее ускакать отсюда, потому что нередко бывает, что раненые насмерть перед смертью убивают своих убийц.

— Не слушаюсь я твоего совета, — отвечал Сигурд, — а поеду к твоему логову и заберу все золото, какое только у тебя есть.

— Так поезжай же, — подхватил Фафнир, — ты найдешь там столько золота, что из-за него простишься с жизнью, потому что золото это приводит к гибели каждого, кто завладеет им.

Так умер Фафнир.

XIV

Вслед за тем пришел к Сигурду Регин и сказал:

— Слава тебе, господин мой! Великую победу одержал ты, убив Фафнира, — ни один раз даже самый храбрый человек не смел показываться ему на глаза. Подвига этого не забудут, пока стоит свет!

Тут Регин остановился и, постояв с минуту, устремив глаза в землю, покачал головой и проговорил с раздражением:

— А между тем ведь ты убил моего брата, и вряд ли можно сказать, что я неповинен в этом деле.

Тогда Сигурд, отирая о траву свой окровавленный меч, стал упрекать Регина в том, что он в решительную минуту струсил и убежал.

— Дракон мог долго еще пролежать в своем логове, — оправдывался Регин, — но ни ты и никто другой не мог бы убить его, если бы не

выкопал я этого меча.

— Когда люди идут в битву, — продолжал Сигурд, — то смелое сердце надежнее острого меча.

Тут, взяв свой меч, Регин вырезал сердце дракона, выпил его кровь и сказал Сигурду:

— Исполни, пожалуйста, мою просьбу, тебе это ничего не стоит: возьми это сердце, изжарь его на огне и дай мне съесть.

Сигурд согласился и, взяв сердце, стал жарить его на копье, как на вертеле; потом он дотронулся до него пальцем, чтобы попробовать, готово ли оно, но обжегся и сунул палец в рот. Но как только палец, омоченный кровью дракона, коснулся его языка, в ту же минуту стал ему понятен язык птиц, и он услышал и понял, что защебетали вокруг него разные мелкие птички, приютившиеся в кустах:

— Вот сидит Сигурд и жарит сердце Фафнира; ему следовало бы съесть его самому, и тогда стал бы он мудрее всех людей на свете.

— Вот лежит Регин и замышляет обмануть того, кто ему доверяет, — защебетала другая.

— Ему следовало бы отрубить голову Регину, — заговорила третья, — и тогда все золото досталось бы ему одному.

— Было бы всего умнее, — сказала четвертая, — если бы он последовал вашему совету, а потом поехал бы в Гиндарфиалл, где спит Брунгильда: от нее он мог бы научиться многим премудростям. Да, умно поступил бы он, если бы последовал вашему совету и подумал бы о своей безопасности: надо ждать волка там, где показал он свои уши.

И сказал тогда Сигурд:

— Не потерплю я, чтобы Регин лишил меня жизни, и уж лучше сам отправлю его по одному пути с братом.

И, вынув меч свой Грам, он отрубил им голову Регину. Потом съел он часть сердца дракона и, припрятав остальное, вскочил на коня. По следам Фафнира доехал он до его жилища и, найдя его открытым, вошел туда. Жилище это было выкопано в земле, и все двери, притолки и балки были в нем железные. Сигурд нашел тут кучу золота и множество мечей, шлемов, брони и прочих драгоценностей.

XV

Взял Сигурд путь на юг, к земле франков, и ехал не останавливаясь целыми днями. Долго ли, коротко ли ехал он, но в конце концов приехал к

Гиндарфиаллу. Тут увидал он перед собою на горе яркий свет, который, казалось, происходил от такого большого костра, что пламя, взвиваясь языками, доставало до неба. Но когда подъехал он ближе, то увидал, что это был великолепный укрепленный замок, а над ним развевалось знамя. Вошел Сигурд в замок и нашел там спящего воина в полном вооружении. Сигурд снял с головы его шлем и увидал, что это была женщина. Броня так плотно сидела на ней, как будто бы она приросла к телу, и, чтобы снять ее, Сигурду пришлось разрезать ее всю сверху донизу и по рукавам, и меч его резал железо, как простое сукно. И сказал тогда Сигурд женщине:

— Пора тебе проснуться, довольно ты уж спала.

— Но кто же ты, — спросила она, — который оказался в силах разрезать мою броню и прогнать мой сон? Уж не Сигурд ли, сын Сигмунда, явился сюда, тот, что носит на голове шлем Фафнира и держит в руке меч, нанесший ему смерть?

— Да, я тот потомок Вёльзунгов, который совершил этот подвиг, — отвечал ей Сигурд. — Я же слышал, что ты дочь могучего короля, также слышал я и о твоей красоте и мудрости и хочу теперь испытать ее.

Тогда рассказала ему Брунгильда, что бились между собою два короля, и один из них был старик и великий воин, которому самим Одином была обещана победа.

— Я же убила его в бою, — продолжала Брунгильда, — и Один из мести уколол меня веткой снотворного терновника, и с тех пор не могла я участвовать в битвах и заснула в этом замке волшебным сном.

Тогда попросил ее Сигурд поделиться с ним мудростью и дать ему несколько разумных и полезных советов. Брунгильда согласилась, но прежде предложила ему вместе осушить кубок и пожелала, чтобы слова ее послужили ему на пользу. Потом она открыла ему таинственную мудрость, открыла ему значение рун, которые могли приносить ему победу на поле битвы, укрощать бурные волны морские, открыла ему всякие заговоры, что спасают людей от порчи и колдовства, помогают в болезнях, залечивают раны. Но в конце концов никакая мудрость не может спасти человека от его злого рока: мудрость дает ему только знание будущего, изменить же в нем он ничего не может.

— На всем свете нет женщины умнее тебя, — сказал Сигурд, — дай же мне еще несколько хороших советов.

— Ты так любознателен и умен, — отвечала она, — что мне следует дать тебе еще несколько полезных наставлений. Будь же другом для своих близких и нетороплив на месть, если они обидят тебя: лучше терпеливо

перенеси их обиду. Остерегайся зла и не обижай женщин. Не затевай ссор с целою толпою воинственных людей: они сейчас же огласят тебя трусом, и народ поверит им; бейся лучше с каждым из них один на один. Если случится тебе проезжать местом, где живут злые подземные духи, не задумывайся глубоко и остерегайся их; никогда не останавливайся на пути, разве только когда застигнет тебя ночь, потому что эти злые подземные духи часто доводят до умопомрачения неосторожных путников. Когда встретишь пьяного, который будет говорить тебе глупости, не вступай с ним в пререкание, пока не вернется к нему рассудок: такие встречи нередко приносят большое горе и даже иногда доводят до убийства. Выходи на бой с врагами, а не жди, чтобы они сожгли тебя вместе с твоим домом, и будь верен своей клятве, потому что страшное возмездие ждет вероломных. Заботься об умерших, какая бы смерть ни постигла их — от болезни ли, от оружия ли, или в море, и не оставляй тел их без погребения. Не доверяйся тому, у кого убил ты в бою отца, брата или друга, — как бы молод ни был этот человек, ты всегда можешь найти в нем волка. Остерегайся коварных советов друзей. О будущем твоём мало могу я сказать, — берегись только, как бы не погубила тебя ненависть своих же близких друзей.

— Нет на свете мужчины мудрее тебя, — сказал Сигурд, — и я клянусь в том, что на тебе хочу я жениться, потому что ты только и пришлась мне по сердцу.

— Ия тоже за тебя охотно пойду замуж, — отвечала она.

Уговор этот закрепили они между собою торжественною клятвой.

XVI

Поехал Сигурд своею дорогою. Щит его был окован червонным золотом и на нем был изображен дракон, темно-бурый сверху и светло-розовый снизу; и тот же самый знак носил он на шлеме, седле и на всем вооружении, сверкавшем золотыми украшениями, и носил он его для того, чтобы все видевшие знали, что он за человек и что это он убил дракона Фафнира. Его красивые темные волосы длинными локонами падали на плечи; его короткая густая борода была так же темна, как и волосы; нос у него был горбатый, а лицо — широкое, с большими скулами и такими пронзительными, острыми глазами, что почти никто не мог выдержать их взгляда. Он был так широк в плечах, что издали легко можно было подумать, что это идет не один, а два человека. Роста был он также

необыкновенного, а сила его, кажется, превосходила даже его рост. При всем том был он очень мудрый человек, часто предугадывал то, что должно было случиться, и понимал язык птиц, а потому редко бывало, чтобы что-нибудь застигло его врасплох. Когда же на собраниях выступал он вперед и начинал говорить, он говорил так долго, убедительно и красноречиво, что слушатели поневоле соглашались с ним. Величайшею его отрадой было помогать своим и испытывать свои силы на великих подвигах, потому что был он отважен и смел и никогда не знал страха.

Ехал Сигурд на своем коне, который нес не только его самого в полном вооружении, но также и все его сокровища. Ехал он на юг, за Рейн, в царство короля Гиуки.

Король Гиуки был женат на чародейке Гримгильде, причинявшей людям много зла своим колдовством. Сыновья их считались в числе самых сильных и отважных воинов, а дочь их, Гудрунь, далеко вокруг славилась своею красотой.

Раз утром, проснувшись грустная и печальная, сказала Гудрунь своим прислужницам, что не в силах она веселиться в этот день, и когда одна из них спросила о причине, Гудрунь отвечала:

— Сон, что приснился мне, тяжело лежит у меня на сердце; объясни же мне сон мой, раз уж ты заговорила об этом.

— Расскажи сон свой, — сказала другая прислужница, — но не сокрушайся о нем, потому что сны часто предсказывают лишь непогоду.

— Нет, этот сон не к непогоде, — отвечала Гудрунь. — Приснился мне красивый сокол; он сидел у меня на руке, и перья на нем были цвета золота.

— Давно славишься ты разумом, красотой и обходительностью, — отвечала ей служанка, — и теперь, вероятно, приедет и посватается к тебе какой-нибудь королевский сын.

— Казалось мне, что на всем свете не могло быть ничего прекраснее этого сокола, — продолжала Гудрунь, — и за него была я готова отдать все, что имею.

— Да, так это и выходит, что мужем твоим будет замечательный человек, которого ты будешь очень любить.

— Одно только беспокоит меня, — отвечала Гудрунь, — я не знаю, кто он такой, а потому хочу я съездить к Брунгильде и поговорить с нею: она должна это знать.

Тогда прислужницы одели и нарядили Гудрунь, и, взяв с собою нескольких из своих женщин, поехала она во дворец Брунгильды, что стоял на высокой горе, разукрашенный золотом.

— Это, верно, Гудрунь, дочь короля Гиуки, — сказала Брунгильда, когда слуги известили ее о их прибытии. — Как раз сегодня ночью видела я ее во сне.

Она поспешила к ней навстречу и, дружески приняв ее, повела в свой зал, убранный соболями и устланный коврами. Поднялся тут шум и веселье, но Гудрунь ни в чем не принимала участия и сидела молча.

Тогда сказала ей Брунгильда:

— Почему не принимаешь ты участия в нашем веселье? Развеселись же, и, чтобы развлечься, давай рассказывать друг другу о великих подвигах могучих королей.

— Хорошо, давай! — отвечала Гудрунь. — Скажи же ты мне, кто, по-твоему, самый великий и могущественный король?

— Я думаю, что всех могущественнее и славнее были сыновья Гамунда, — отвечала Брунгильда. — Они совершили немало смелых дел во время своих морских походов.

— Да, конечно, это великие и славные короли, — отвечала Гудрунь, — но они оказывались иногда чересчур мешкотны на месть, когда дело касалось сильного врага. Но почему же не называешь ты моих братьев? В настоящее время, кажется, никого нет лучше их.

— Конечно, они смотрят настоящими викингами, — отвечала Брунгильда, — но они мало успели еще показать себя на деле, и я знаю одного человека, который во многом превосходит их. Это Сигурд, сын короля Сигмунда; в настоящее время он самый могучий и славный человек в мире.

— Однако я приехала к тебе для того, чтобы рассказать те сны, что приснились мне сегодня ночью и сильно тревожат меня до сих пор, — прервала ее Гудрунь.

— Полно, не тревожься этим, — отвечала Брунгильда, — живи себе спокойно среди твоих родных и друзей, которые о том только и думают, как бы порадовать тебя.

— Снилось мне, будто вышла я из дома вместе с несколькими другими женщинами, и вдруг увидали мы оленя необыкновенной величины и красоты; шерсть на нем была золотая. Мы все сейчас же захотели поймать его, но это удалось только мне одной, и никогда еще не видывала я такого красивого животного. Но в эту самую минуту ты застрелила его, и он упал мертвый к моим ногам; это причинило мне ужасное горе, которое я почти не в силах была пережить.

— Я объясню тебе сон твой, — сказала Брунгильда. — К вам приедет Сигурд, тот самый, которого выбрала я себе в мужа; Гримгильда даст ему

волшебного питья, и, выпив его, он забудет все, что было прежде, и ты выйдешь за него замуж. Но замужество это принесет нам всем только одно несчастье.

— Тяжело знать это наперед, — сказала ей на это Гудрунь и вскоре позвала своих женщин и уехала домой.

XVII

Между тем Сигурд подъехал на коне своем Гране ко дворцу короля Гиуки. Когда въезжал он в замок, увидел его один из служителей короля и сказал:

— Уж не из богов ли кто-нибудь приехал к нам сюда? До того много золота на этом человеке, и сам он так красив и широкоплеч, что я никогда еще не видал ему подобного, да и конь его больше всех других коней.

Вышел навстречу ему сам король и спросил:

— Кто ты такой, что въезжаешь в замок, не попросив даже на то позволения у моих сыновей? До тебя никто еще не отваживался на это.

— Сигурдом зовут меня, и я сын короля Сигмунда, — отвечал он.

— В таком случае все мы рады видеть тебя у нас в доме, — сказал король, — и мы постараемся принять тебя как можно радушнее.

Тогда вошли они в зал, и воины, бывшие там, казались карликами в сравнении с Сигурдом; все они наперебой старались служить ему. Скоро он очень подружился с сыновьями короля Гиуки и неразлучно проводил с ними целые дни.

Немного времени понадобилось Гримгильде, чтобы сообразить, какое было бы для них счастье, если бы Сигурд навсегда поселился у них и женился на Гудруни. Она понимала, что равного ему не было на свете, и никто не мог бы оказать им большей помощи в борьбе с врагами; к тому же было у него еще так много золота, как никому никогда не снилось и во сне. Король обращался с ним как с сыном; сами же сыновья короля считали его много выше себя.

С первых же дней приезда Сигурда заметила Гримгильда, как много думал он о Брунгильде, и решила заставить его забыть о ней. Раз вечером, когда сидели они все за столом и пили мед и пиво, королева встала, подошла к Сигурду, поклонилась ему и сказала:

— Все мы радуемся твоему пребыванию здесь и желаем тебе всего лучшего; прими же этот рог и выпей.

Принял он от нее рог и выпил.

— Пусть же будет тебе король Гиуки отцом, — продолжала она, — я — матерью, а сыновья наши братьями, и пусть все вы поклянетесь в этом друг другу! Никто на свете не посмеет тогда помериться с вами силою!

Охотно принял Сигурд это предложение и, осушив рог, сейчас же совсем забыл Брунгильду и все, что было между ними говорено.

Немало уж времени жил он у короля Гиуки, когда раз вошла Гримгильда к королю и ласково заговорила:

— Приехал к нам сюда величайший боец в мире и живет теперь у нас; большою подпорою мог бы он служить нам! Выдай же за него замуж свою дочь и дай за нею столько приданого золотом, серебром и землями, сколько он только пожелает, и тогда, может быть, он навсегда останется у нас.

Неловко казалось королю Гиуки самому предлагать в жены свою дочь, однако же спустя некоторое время решился—таки он заговорить с ним об этом и предложил ему жениться на Гудруни, навсегда остаться у него и помогать ему защищать царство от соседних могучих врагов. С радостью принял Сигурд это предложение и вступил с сыновьями Гиуки в такое тесное братство, как будто были они настоящими братьями.

Созвали тогда множество гостей и задали великий пир, на котором отпраздновали свадьбу Сигурда с Гудрунью.

После свадьбы отправились названные братья в поход, совершили много отважных и смелых дел и вернулись домой с богатою добычею. Сигурд дал Гудруни отведать сердца Фафнира, и с тех пор стала она гораздо сумрачнее, но зато и гораздо умнее. У них родился сын, которого называли Сигмундом.

XVIII

Прошло немалое время, и однажды Гримгильда сказала своему старшему сыну Гуннару:

— Теперь, кажется, есть у тебя все, чего душе угодно; одного лишь только не хватает — жены. А потому хорошо бы посвататься тебе к Брунгильде: она видная невеста, и Сигурд, вероятно, охотно поехал бы с тобою, чтобы помочь в этом деле.

Гуннар согласился, и когда рассказал об этом отцу, братьям и Сигурду, то все они одобрили его намерение.

Вооружившись как можно лучше, Гуннар и Сигурд пустились в путь и долго ехали по горам и долам, пока не приехали к королю Будди, отцу

Брунгильды. Король Будли сказал, что охотно выдаст за Гуннара свою дочь, если только сама она этого пожелает.

Тогда поехали они к Геймиру, приемному отцу Брунгильды, женатому на родной ее сестре. Геймир сказал, что Брунгильда может сама выбрать себе мужа и что она решила выйти замуж только за того, кто проедет к ней через пылающий огонь, разложенный вокруг ее жилища.

Поехали они и увидали замок с золотою кровлей, вокруг которого горел огонь. Повернул было Гуннар своего коня прямо на огонь, но конь не послушался и поскакал назад.

— Почему же вернулся ты, Гуннар? — спросил его Сигурд.

— Конь мой не идет в огонь, — отвечал Гуннар и стал просить Сигурда уступить ему на время своего коня Грана.

Сигурд охотно согласился, но и Гран упирался и не шел в огонь. Чтобы поправить эту беду, решили они тогда поменяться обликами, как заранее научила их Гримгильда: Гуннар принял образ Сигурда, а Сигурд принял образ Гуннара. Обнажив меч Грам и прищпорив коня, он понесся на огонь. Только что почувствовал Гран шпоры своего господина, как сейчас же послушно пошел в огонь. Огонь же между тем превратился в страшное пожирающее пламя, земля содрогнулась, пламенные языки взвивались до самого неба. Никогда и никто не отваживался еще на подобное дело!

Но вот огонь стал утихать, и скоро Сигурд сошел с коня и вошел в замок. Там нашел он Брунгильду.

— Кто ты такой? — спросила она его.

— Гуннар, сын Гиуки, — отвечал он, — и теперь должна ты выйти за меня замуж, потому что отец твой и твой приемный отец согласились на это, если только проеду я через твой волшебный огонь. Так же решила ты и сама.

— Не знаю уж, что и сказать тебе на это, — отвечала она.

Сигурд стоял перед нею, опираясь на рукоятку своего меча, и опять заговорил:

— Взамен твоего согласия я подарю тебе много золота и всяких сокровищ.

Грустно отвечала она ему, сидя на своей скамье, как лебедь на волнах, покрытая бронею, с мечом в руке и шлемом на голове:

— Гуннар! Не говори со мной об этом, если ты не самый могучий и смелый из людей и не надеешься победить всех тех, кто раньше тебя сватался ко мне. Я же веду теперь войну с одним могучим соседним королем, и душа моя все еще жаждет битв.

— Довольно уж великих подвигов совершила ты, — отвечал он ей, — исполни же теперь свое обещание — выйти замуж за того, кто проедет к

тебе через огонь.

Делать нечего, пришлось ей признать, что он был прав. Поднявшись с места, она пригласила его остаться в замке. Три дня провел Сигурд в замке Брунгильды и на прощание получил от нее кольцо карлика Андвари, то самое, что он дал ей когда-то на горе; он же подарил ей другое кольцо, из наследия Фафнира. Потом, опять проехав через огонь, вернулся он к своему другу, снова поменялись они обликами и, возвратившись к Геймиру, приемному отцу Брунгильды, сообщили ему об исходе своей поездки.

В тот же день приехала к своему приемному отцу и Брунгильда и наедине рассказала ему, как явился к ней какой-то король, проехав сквозь волшебный огонь, и сказал, что он приехал свататься к ней; король этот назвал себя Гуннаром.

— Но сделать это мог только один Сигурд, — продолжала она, — Сигурд, которому дала я слово тогда на горе, и только за него хочу я выйти замуж.

Геймир отвечал ей, что теперь уж ничего нельзя было поделывать, так как сама она обещала выйти замуж за того, кто проедет к ней сквозь волшебный огонь.

Покончив дело, короли вернулись домой, а Брунгильда поехала к своему отцу.

Гримгильда с радостью их встретила и благодарила Сигурда за помощь. Не долго думая, приготовились отпраздновать свадьбу, на которую съехалось множество народа, и только тогда, когда все уже было кончено, вспомнил Сигурд о клятве, которою обменялся он когда-то с Брунгильдою в ее замке на горе, но затаил это в своей душе.

XIX

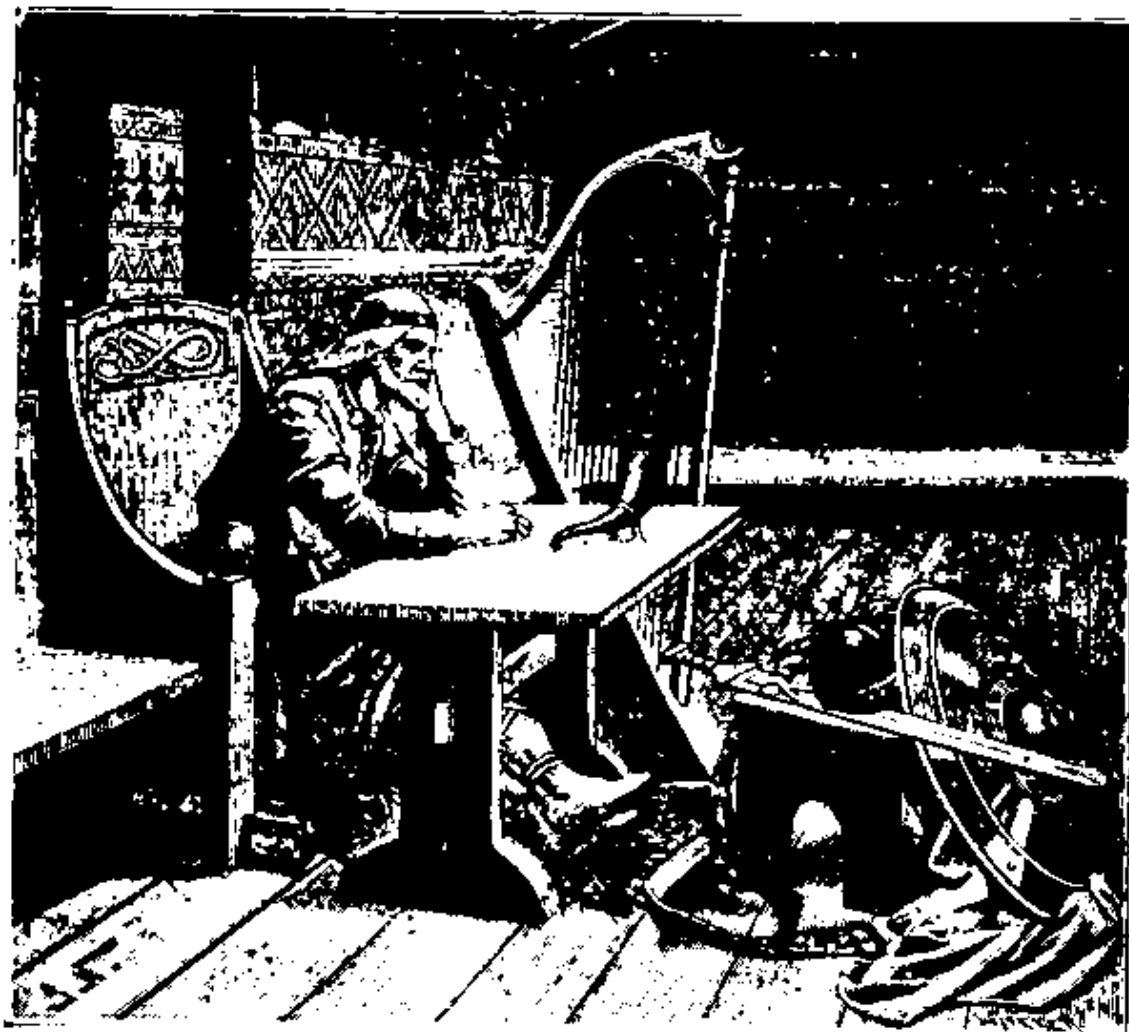
Спустя некоторое время после свадьбы пошла Брунгильда с Гудрунью к реке купаться, и Брунгильда дольше оставалась в воде, чем Гудрунь.

— Отчего не вышла ты из воды в одно время со мною? — спросила Гудрунь.

— Неужели даже в этом должна я брать пример с тебя? — сказала Брунгильда. — Отец мой, кажется, могущественнее твоего, да и муж мой совершил много смелых подвигов и проехал сквозь пылающий огонь, между тем как твой муж был слугою у короля Гиальпрека.

Рассердилась Гудрунь и отвечала:

— Лучше бы тебе молчать, чем порицать моего мужа: весь свет говорит, что подобного ему не бывало еще на свете. Это он убил Фафнира, и он же проехал к тебе сквозь волшебное пламя, между тем как ты думала, что это был король Гуннар; он же снял с твоей руки и кольцо, подарок карла Андвари; посмотри — ты увидишь его у меня на руке.

Брунгильда узнала кольцо на руке Гудруни и, побледнев как смерть, пошла домой и весь вечер не произнесла ни слова.

Великую беду принес с собою этот день!

Горда была Брунгильда, и никак не могла она примириться с тем, что мужем ее был не самый великий богатырь на свете, потому что победу над Фафниром ценила она гораздо выше королевского звания; не могла она помириться и с тем, что Гуннар обманом принудил ее выйти за него

замуж. Особенно же огорчало ее то, что обманул ее и Сигурд, которому она так верила и считала самым лучшим человеком в мире. В отчаянии она не знала, что делать, — принялась было за свою пряжу, но сделала это так нетерпеливо, что пряжа разорвалась. Заперлась она у себя, и никто не решался ни входить к ней, ни говорить с нею. Так прошло несколько дней.

— Сдается мне, что все это кончится для нас какою-нибудь большою бедою, — сказал раз вечером Сигурд, возвратившись домой с охоты.

— Да, удивительно это, — отвечала Гудрунь. — Вот уже семь дней, как Брунгильда спит, запершись у себя дома, и никто не решается разбудить ее.

— Не спит она, — отвечал Сигурд, — а, скорее, замышляет что-нибудь против меня.

Услыхав это, Гудрунь страшно испугалась и залилась слезами, не зная, как предупредить грозившую беду, вызванную ее же собственными неосторожными словами.

Брунгильда же между тем решила наконец заговорить с Гуннаром.

— Не могу я жить, зная, что Сигурд обманул меня! — говорила она. — А потому ты должен отомстить за меня и убить его.

Долго колебался Гуннар: Сигурд был его названный брат, и трудно было ему решиться нарушить клятву в братской дружбе. Но страшнее было потерять Брунгильду; а потому, позвав своих братьев, он уговорил-таки их помочь ему убить Сигурда.

Сигурд же по-прежнему вполне верил им и не подозревал коварных замыслов; да к тому же не мог же он идти против своей судьбы и не мог он продлить свою жизнь хотя бы на один день против того, что положено было ему прожить.

На следующее утро один из братьев Гуннара, Гутторм, прокрался в комнату, где спал Сигурд, и сонного пронзил его мечом. Однако Сигурд, проснувшись от удара, успел-таки еще схватиться за меч свой Грам и, бросив его в спину убежавшего убийцы, уложил его на месте. Вслед за Сигурдом был убит и сын его, Сигмунд.

Велико было горе и отчаяние Гудруни, когда, проснувшись, увидела она, что Сигурд убит. Но и Брунгильде месть ее не принесла отрады. Велела она принести все свои сокровища и сама раздала их на память окружавшим ее женщинам, а затем, когда, по обычаю того времени, приготовили большой костер и, положив на него тело Сигурда, зажгли его, Брунгильда сама бросилась в пламя и сгорела вместе с ним.

Так погибли последние потомки старого короля Вёльзунга.

Велико было отчаяние Гудруни, потерявшей разом и мужа и сына. Убежав из дома, долго скиталась она по лесам, стараясь попасться навстречу волкам, потому что смерть была ей милее жизни.

Наконец набрела она на жилище одного из соседних королей и там нашла себе приют. Три с половиною года прожила она тут, проводя время за ткачеством драгоценных ковров, изображая на них подвиги и забавы великих воинов, и начала уже понемногу утешаться в своем горе.

Тем временем Гримгильда стала уговаривать своих сыновей ехать к тому королю, у которого гостила ее дочь, и помириться с Гудрунью, заплатив ей за смерть ее мужа деньгами и разными драгоценностями. Братья согласились и в сопровождении великолепной свиты поехали к Гудруни.

Долго не шла Гудрунь на примирение, но Гримгильда напоила ее волшебным питьем, от которого она сейчас же забыла все свое горе и согласилась вернуться домой.

Несколько времени спустя стала Гримгильда уговаривать ее выйти замуж за могущественного короля Атли, обещая щедро одарить ее золотом и всякими драгоценностями, а также дорогими коврами, сотканными искусными гуннскими женами. Гудрунь долго отнекивалась — ей очень не хотелось выходить замуж за короля Атли, но Гримгильда умела настоять на своем, и Гудрунь наконец согласилась.

Мужчины сели тогда на коней; женщин посадили в повозки и тронулись в путь. Царство короля Атли было очень далеко. Целых семь дней ехали они сушей, потом еще семь дней на кораблях, а затем семь дней опять сушей, пока не приехали наконец ко дворцу, откуда вышло навстречу Гудруни множество народа. Король Атли заранее сговорился с ее братьями и к приезду ее созвал гостей и приготовил пир, на котором и отпраздновали свадьбу.

Неохотно выходила Гудрунь замуж, и мало радости и счастья видела она в своей жизни с королем Атли. Время шло своим порядком, а дружбы между ними не было.

Но вот король Атли стал задумываться о том, куда бы могли деться несметные сокровища и золото, принадлежавшие Сигурду; знать это мог только король Гуннар да его брат. Король Атли созвал своих людей на совет и стал обсуждать с ними это дело. Трудно было соперничать с Гуннаром и его братом в силе и в военном искусстве, а потому было

решено прибегнуть к хитрости и послать к ним несколько человек, чтобы пригласить их в гости к королю Атли.

Слух об этом тайном совете дошел и до королевы, и она сильно испугалась, заподозрив коварный замысел. Тогда начертала она руны, которыми предупреждала Гуннара об опасности, и, взяв золотое кольцо, прикрепила к нему волчий волос и поручила королевским послам передать это ее братьям; но старший посол дорогою подделал руны так, чтобы можно было думать, что Гудрунь уговаривала братьев на поездку.

Гуннар принял послов радушно, приказал в их честь разложить большие костры и усадил их с собою за стол. За столом они передали ему приглашение короля Атли.

— Король Атли, — сказали они, — приглашает вас к себе и обещает дать вам множество шлемов и щитов, мечей и бронь, золота и платья, людей и лошадей и вдобавок еще много земель и угодий.

Подивились братья и стали обсуждать между собою, принять ли им это приглашение.

— Положим, он предлагает нам большие земли, — говорил Гуннар, — но все наследие Фафнира принадлежит теперь нам, и ни у кого нет столько золота, сколько у нас.

— И меня тоже удивляет его предложение, — заметил брат. — Это так на него непохоже. Разумеется, неблагоприятно было бы ехать к нему! К тому же мне показалось как-то странно, что в числе драгоценностей, присланных нам королем Атли, есть кольцо, перевязанное волчьим волосом: может быть, Гудрунь думает, что он смотрит на нас глазом волка, и прислала кольцо, чтобы предупредить нас.

Тогда показал им посол руны, присланные будто бы Гудрунью. Большинство воинов уже разошлось, и за столом оставались только два брата да еще несколько человек. Жены братьев, обе очень разумные и красивые женщины, подносили им вино и пиво.

Когда короли совсем уже захмелели, посол стал снова уговаривать их:

— Король Атли становится стар для того, чтобы самому защищать свое царство; сыновья же его еще малые дети, потому-то и хочется ему залучить вас к себе, чтобы иметь в вас надежных помощников и поручить вам править его царством.

Братья не могли уже ясно соображать; предложение показалось им теперь очень лестным; к тому же не могли они идти и против своей судьбы и в конце концов обещали приехать.

Когда все улеглись спать, Костбера, жена младшего из братьев, принялась рассматривать руны и скоро разглядела, что они были

подделаны, и, несмотря на это, ухитрилась—таки разгадать то, что было вырезано сначала. Тогда разбудила она своего мужа и сказала:

— Ты собираешься уехать из дома, но это неблагоприятно. Ты сильно ошибаешься, если думаешь, что сестра приглашает тебя: я прочитала руны и поняла, что тут дело идет о вашей гибели, и, вероятно, кто—нибудь другой из вероломства подделал их. Теперь послушай еще, какой сон приснился мне: мне казалось, будто сюда ворвался бурный поток и поломал здесь все балки.

— Вы, женщины, часто замышляете злое, — отвечал ей муж, — я же ничего ни против кого не имею и думаю, что Атти примет нас хорошо.

— Еще снилось мне, будто ворвался сюда другой поток; страшно бушевал он здесь, поломал балки и сшиб с ног обоих вас, братьев. Уж этот сон должен же что—нибудь означать.

— Река, что приснилась тебе, вероятно, обозначает хлебные поля, — отвечал он, — а когда идем мы полем, к ногам нашим осыпается с колосьев много усиков.

— Еще снилось мне, — продолжала она, — что загорелось покрывало на твоей постели и что огонь пробивался даже через крышу.

— Знаю я, что это значит, — отвечал он, — платье наше валяется здесь без призора и, вероятно, как—нибудь загорится.

— Еще снилось мне, будто ворвался сюда большой медведь, сломал почетную скамью, на которой всегда сидит король, и, подняв передние лапы, пошел на нас с таким угрожающим видом, что все мы страшно перепугались.

— Вероятно, надо ждать бури и непогоды, — отвечал ей муж, — белые медведи всегда снятся к непогоде.

— Орел, казалось мне, влетел к нам в зал и обрызгал всех нас кровью.

— Ну, это уж прямо к большой битве: орлы во сне всегда обозначают сечу. Но разве редко случается нам тешиться боем? Нет, король Атти не поступит с нами вероломно.

На том и кончился их разговор. Подобную же беседу вел и Гуннар со своею женою. И она тоже видела зловещие сны и всеми силами старалась отклонить его от поездки; но и Гуннар, как и брат его, ни за что не сдавался и упорно стоял на своем.

На другое утро все снова стали отговаривать братьев. Но они не послушались и с небольшою дружиною тронулись в путь, простившись однако же с остальными своими воинами, как перед смертью; и весь народ провожал их с плачем и рыданиями до самых кораблей.

— Великую же беду, должно быть, принесет нам твой приезд сюда, — сказал один из воинов старшему послу.

— Клянусь вам, что я говорю правду, — отвечал посол, — и пусть завладеют мной все злые духи, если только я лгу!

Видно, не страшно было ему накликасть на себя злобных духов!

— Ну, так счастливый вам путь! — сказала Костбера.

Тут простились они и пошли на корабли.

С такую поспешностью и с такою силой принялись они грести, что у лодок поломались кили, а у весел рукоятки и уключины. Высадившись на берег, они даже не дали себе времени привязать свои корабли. Затем сели они на коней и долго ехали темным лесом. Когда же въехали они наконец в крепость и закрылись за ними крепостные ворота, сказал им посол:

— Ну, теперь подождите здесь, пока поищу я дерева, годного на то, чтобы приготовить вам виселицу. Заманчивы были слова мои, когда приглашал я вас сюда, но под этими словами таились коварство и обман.

— Не пытайся напугать нас, — отвечал ему младший брат, — и сам-то ты теперь не уйдешь от беды! — И с этими словами он нанес ему удар топором и уложил его на месте.

Тогда повернули они к королевскому дворцу, где Атли приводил в порядок свое войско, приготавливаясь к битве.

Враги расположились так, что их разделяла одна только изгородь.

— Добро пожаловать к нам! — заговорил Атли, обращаясь к сыновьям короля Гиуки. — Отдайте же мне теперь все золото, принадлежавшее когда-то Сигурду и которое после его смерти должно было перейти к Гудруни.

— Никогда не получишь ты этого сокровища, — отвечал Гуннар, — а если завяжешь с нами битву, то найдешь в нас людей, которые дорого продадут свою жизнь.

Завязался отчаянный бой. Весть об этом дошла до Гудруни. Она вышла из замка и приветствовала приехавших, обнимала своих братьев и всеми силами старалась выразить им свою любовь. Это было последнее их свидание.

— Надеюсь я, что удастся мне удержать вас от поездки сюда; но, видно, никому не избежать своей судьбы! Стоит ли мне пытаться помирить вас? — добавила она.

На это все решительно отвечали:

— Нет!

Когда увидела она, с каким ожесточением нападали на ее братьев, она надела свою броню, взяла меч и стала биться рядом со своими братьями:

она бросалась вперед смелее любого из мужчин.

Было уже за полдень, а бой не прекращался. Много народу потерял король Атли, но все еще ободрял тех, кто уцелел, хотя сыновья Гиуки сильно теснили его, так что он принужден был укрыться в своем дворце. Но бой продолжался и тут с прежним ожесточением и многим еще стоил жизни. Наконец братья потеряли всех своих спутников и вдвоем бились против толпы врагов. Дело кончилось тем, что оба они были взяты в плен и порознь заключены в темницы.

Пошел тогда король Атли к Гуннару и стал допытываться у него, где лежат сокровища.

— Прежде чем сказать это, должен я видеть окровавленное сердце моего брата.

Приказал тогда Атли вырезать сердце у Гёгни, младшего сына короля Гиуки, и показал его Гуннару.

— Теперь только я один знаю, где схоронено золото! Слушай же, Атли, золото мое скорей достанется Рейну, чем попадет в руки гуннов!

Король Атли, видя, что ничего не добиться ему от Гуннара, приказал бросить его живого на съедение змеям.

Покончив с братьями, король Атли, гордый своею победой, обратился к Гудруни, уговаривая ее помириться с ним, обещая заплатить ей за смерть ее родных, и предлагал ей столько золота и драгоценных украшений, сколько она только пожелает.

— Никогда и ничем не вознаградить тебе меня за смерть моих братьев, и никогда уже не видать мне никакой отрады. Но теперь лишилась я последних моих родственников, и не осталось у меня другого господина, кроме тебя. А потому мне ничего больше не остается, как только попросить тебя созвать побольше гостей, чтобы отпраздновать тризну по моим братьям.

С этих пор стала она с ним гораздо ласковее и дружелюбнее, но только с виду, — в сердце же своем она затаила смертельную вражду. Наступил день тризны, которую Гудрунь праздновала по своим братьям, а король Атли по своим убитым воинам, и тризна эта праздновалась с большим великолепием и пышностью. Но Гудрунь ни о чем не могла думать, кроме своего горя и своей мести. У второго сына короля Гиуки, погибшего вместе с Гуннаром, остался сын по имени Нифлунг.

Нифлунг чувствовал страшную ненависть к королю Атли и объявил Гудруни, что он намеревался отомстить за гибель своего отца. Гудрунь была рада найти в нем помощника.

Вечером в день тризны, когда король Атли крепко заснул, напившись пива и меда, Гудрунь с Нифлунгом прокрались к нему в комнату и закололи его мечом. Потом Гудрунь подожгла дворец, который сгорел весь дотла, а вместе с ним погибли и все находившиеся там люди.

ПРЕДАНИЯ КЕЛЬТОВ

*И вижу я под землей,
И есть у меня под камнем жилье.*

Эдда, Альвис Маль, 3

Эльфы, карлики и трольды. Их происхождение и образ жизни, богатства. Страсть эльфов к музыке и пляске; занятия искусствами и ремеслами. Одежда эльфов; их нравы и обычаи, пороки и добродетели. Переселение эльфов

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции А. Филиппова

В большей части Европы до сих пор еще чрезвычайно распространены верования в совершенно отдельный мир маленьких невидимых существ, известных под общим названием фей и эльфов. Эти верования с далекого скандинавского севера широкими лучами расходятся во все стороны. Чем ближе к югу, тем более лучи слабеют, теряют свои разнообразные цвета и оттенки и наконец совершенно замирают в Альпах. После Швеции, Дании, Норвегии и Исландии всего сильнее верят в фей и эльфов на западе, у кельтов (бретонов, шотландцев, валлийцев, ирландцев) и у смешанного кельто-германского населения островов Шетландских, Оркадских^[4] и Гебридских; затем в Северной и Северо-Западной Франции, и опять крайней границей на юге являются Пиренеи, как Альпы в Германии.

Где верят в эльфов, там народ их всюду видит и слышит: одни из них, по его понятиям, населяют дре-мучие леса, топкие болота, поля, холмы и горы; другие — воды рек, озер, морских заливов и проливов; третьи селятся ближе к людям — в подпольях, на сеновалах, в хлевах и глубоких погребах.

Поселяне считают жизнь свою тесно связанной с существованием эльфов, а самих себя — в строгой зависимости от их произвола и на этом основании часто обвиняют эльфов в том, что происходит из-за собственной беспечности или неосторожности. Пропадет ли корова или лошадь, говорят:

— Это эльфам она понадобилась! Это они ее подцепили!

Прольют ли что-нибудь на пол, разобьется ли какая-нибудь посуда — все эльфы виноваты: они подтолкнули! Попадется ли на пашне камень под плут земледельца, он со злостью схватит его и швырнет в сторону, ворча себе под нос:

— Проклятый эльф — и тут суется под ноги!

А уж если кого разобьет паралич или отнимется у кого-нибудь нога, так и говорить нечего: каждая смышленная старуха скажет вам на ушко:

— Да что вы, сударь, думаете, это и вправду у него, как ваши доктора говорят, нога отнялась? Какое тут отнялась! Видимое дело, что эльфы у него ногу отрезали да вместо нее и приставили деревянную; а все потому, что, верно, им чем-нибудь не угодил, бранил их, может быть, — вот они себя и показали!

Что делать! Видно, так уж человек устроен, что для облегчения всегда старается обвинить в своем горе других.

Наивная и богатая фантазия народа, населив всю окружающую природу легкими и изящными образами фей и эльфов, создала множество прелестных легенд, в которых рассказывается об их жизни и деятельности, о том, как они вредят людям или стараются быть им полезными, о том, как они награждают добродетель или наказывают порок, как проводят время в светлые летние вечера либо осенней бурной ночью обманывают запоздалого путника, являясь ему в виде бледных и игривых блудящих огоньков.

О происхождении эльфов рассказывается различно. В «Эдде» оно тесно связывается с историей всего мироздания и различаются два главных разряда эльфов: *альфы* — белые, светлые, добрые эльфы, и *дверги* — мрачные и угрюмые, хитрые карлики. Любопытно проследить в «Эдде» весь рассказ о сотворении мира и всего, что в нем существует.

«Вначале ничего не было, кроме *Гинунгагапа* — зияющей пропасти. На севере от нее лежал *Нифльгейм* (страна тумана), в середине которого бил ключ *Хвергельмир* (кипучий); из него текли во все стороны реки *Эливагар* (бурные потоки). На юге Гинунгагапа лежала огненная страна *Муспель*, где все пылало и горело страшным жаром.

Когда реки Эливагар уже значительно удалились от своего истока, так что ядовитая влага, заключавшаяся в струях их, стала застывать, они покрылись льдом; туман опускался на этот первый слой льда, обращался в иней и образовывал потом новый ледяной слой. Так к северу от Гинунгагапа накапливалось все более и более льда, и вечно царствовали там бури и непогоды.

Между тем южная сторона Гинунгагапа освещалась и согревалась перелетающими из Муспеля искрами. Эти искры оживляли и самый лед; он стал подтаивать, и произошел из него великан Имир.

Этот Имир, едва появившись на свет, заснул, и пот стал с него лить крупными каплями; тогда из ног его родился сын Трудгельмир, такой же великан, как и он сам. От него пошло поколение великанов.

Лед между тем продолжал таять, и из него вышла корова Аудгумла, молоком которой Имир стал питаться. Сама же она питалась тем, что лизала соленые ледяные глыбы. Лизала она их один день — из них показались чьи-то волосы; лизала их другой день — явилась уже целая голова; лизала третий день — и из-под льдов вышел человек, прекрасный собой, рослый и сильный: то был Бури. Его внуки — Один, Вили и Ве — напали на великана Имира, убили его, бросили в Гинунгагап и создали из тела его весь мир: из крови — море и воды, из мяса — землю, из костей — горы, из зубов — камни, из мозга — облака, а из черепа — небесный свод».

Далее говорится подробно о каждой части Вселенной, о светилах, о море, наконец, о создании первых людей из деревьев; но об эльфах упоминается только вскользь, так что создание их можно считать одновременным с созданием человека. Что же касается до карликов, то о них очень ясно говорится следующее:

«Боги, восседая на своих престолах, держали совет и рассуждали о том, как карлики впервые зародились в пыли, под землей, подобно червям, которые заводятся в мясе, ибо карлики вначале были созданы в мясе Имира и были в нем червями; но по воле богов восприняли в себя часть человеческого разума и наружный вид людей».

Вот единственное предание о происхождении одного из главнейших отделов маленького невидимого мира, дошедшее до нас в своей древней

форме. Все остальные предания явно изменены влиянием христианства. Всего замечательнее исландское.

«Ева, обмывая однажды детей у источника, была внезапно позвана Богом. Она очень испугалась и спрятала в стороне тех из своих детей, которые еще не были вымыты. Бог спросил ее:

— Все ли дети твои здесь?

— Все, — отвечала смущенная Ева.

Тогда Бог сказал ей:

— Скрытое от меня и от людей будет скрыто.

Спрятанные в стороне дети были тотчас же отделены Богом от остальных и стали мгновенно невидимы. Прежде начала потопа Бог загнал их в пещеру и завалил вход в нее камнем. От них—то и после потопа произошли эльфы и все сверхъестественные существа».

Даже у кельтов предание о происхождении эльфов не сохранилось уже в своей древней форме: шотландцы и ирландцы производят своих фей и эльфов от тех ангелов, которые некогда соблазнены были дьяволом и за то вместе с ним низвергнуты с неба. Валлийцы и бретонцы производят своих фей еще более странно: первые — от языческих жриц, будто бы осужденных Богом вечно скитаться по земле; вторые полагают родоначальницами своих фей тех принцесс—язычниц, которые не захотели принять слова Божия от первых появившихся в Арморике христианских проповедников.

Согласно с «Эддою», многие народные предания также делят эльфов на светлых и мрачных, приписывая первым всевозможные добрые качества и красоту, а последних представляя себе в виде злых, безобразных и угрюмых карликов. Те и другие разделяются, в понятии народа, по своему названию, по образу жизни и по выбору занятий. Первых обыкновенно называют общим собирательным именем *добрых людей* и *мирных соседей*, *тихим народом* и *жителями холмов*. За вторым разрядом почти всюду сохранилось древнее название *карликов* (*dwergar, zwerge*) и *трольдов*.

Народ представляет себе житье их чрезвычайно привольным: в нем все время постоянно делится между любимыми занятиями и самым шумным, необузданным весельем. Все они живут либо отдельными

большими семьями в холмах, либо целыми народами в особых подземных государствах. Государства эти обыкновенно состоят из огромных очаровательнейших волшебных садов, по которым текут прозрачные ручейки в золотых и серебряных берегах, где круглый год красуются цветы, поют райские птицы, где вместо солнца, месяца и звезд ярко горят самоцветные камни, где в воздухе вечно носятся звуки дивно прекрасной, неземной музыки... Кто бывал в их холмах — а это в старину, по рассказам стариков, было вовсе не редкостью, — тот надивиться, налюбоваться не мог тем блеском и великолепием, которые там видел: везде золото, серебро, парчи да бархаты и такое множество свеч, что в холме светло как днем. Вообще жить в довольстве эльфам нетрудно, потому что денег у них куры не клюют. В Дании многие поселяне рассказывают, что не раз случалось им видеть издали, как эльфы, готовясь к какому-нибудь празднику, поднимали верхушки своих холмов на красные столбы и суетливо передвигали с места на место сундуки, полные денег, хлопали их крышками или звонко пересыпали червонцы из мешка в мешок.

Если вы спросите шотландца, где живут эльфы, он укажет вам на холмы и расскажет, притом подробно, что и окна, и двери, и трубы есть у их подземных жилищ, как у его собственной хижины; только все это искусно скрыто от глаз людей под видом каких-нибудь скважин, расселин и углублений.

«А если бы вы могли видеть этот холм в темную ночь, — прибавит наивный рассказчик, — там вы ясно различили бы и окна и двери: они тогда бывают изнутри ярко-преярко освещены, и даже издали явственно слышно, как они там хохочут и веселятся. Только не приведи вас бог вечером близко подойти к такому нечистому месту! К этим холмам вечером так тянет, что никак на месте устоять нельзя! Особенно услышишь, как они там пляшут да веселятся, — непременно захочешь зайти к ним поплясать; а позабыл перекреститься — вот и пропадешь ни за что! Много таких случаев было; вот хоть бы лет сто тому назад, при моем прадеде, случилось: шел мимо холмов работник одного фермера и видит, что двери в них настежь отворены, а через двери видно, как они там пляшут да прыгают, и освещено все внутри, как днем, и издали слышен смех, говор и музыка. Его все это ослепило и удивило. Стал он подходить к холмам поближе, а его к ним больше и больше тянет; он было испугался и поднимал уже руку, чтобы перекреститься, как вдруг самая красивая из всех женщин, плясавших в холме, подбежала к нему и поцеловала его в щеку. Тут он всю силу потерял: эльфы его окружили, и всю ночь он

провеселился с ними. Что же бы вы думали? Ведь совсем разума лишился: все только на себе то платье, то волосы рвет да назад в холмы к эльфам просится. Так он до самой смерти сумасшедшим и остался».

Много ходит по Шотландии разных легенд о том, как гибли люди, увлеченные легкомыслием или корыстью в подземные хоромы эльфов. Рассказывают, между прочим, следующее о двух музыкантах:

«В одном бедном шотландском городке жили два музыканта. Оба были ребята молодые и веселые, оба с детства были дружны и жили в своей глуши припеваючи. Да и как было им не жить припеваючи? Все их к себе наперебой зазывали — кто на свадьбу, кто на сельский праздник, кто на новоселье, потому что никто на пятьдесят миль кругом не умел так славно заставить всех плясать своей дудкой, как эти два весельчака. Бывало, примутся они играть джиг, так даже у стариков все суставы заходят, ноги не стоят на месте — так и просятся плясать! А про молодежь и говорить нечего: плясала, бывало, под их музыку до упаду, пока сердце не замрет да голова не закружится! Очень понятно, что для таких мастеров своего дела никто не жалел ни денег, ни подарков, ни крепкого виски. Многие заслушивались их и, бывало, шутя, под веселую руку спрашивали: — Уж вы, полно, не у эльфов ли и музыке-то выучились!

А они, бывало, в ответ только посмеиваются. Однажды (дело было под вечер) явился к ним какой-то господин, очень маленького роста и с ног до головы окутанный зеленым плащом. Он нанял их на всю ночь и предложил очень большую цену, с условием, чтобы они его не спрашивали, куда им идти, а немедленно следовали за ним. Нашим молодцам и в голову не пришло, что в этом-то условии и кроется что-то недоброе. Они тотчас согласились и пошли за незнакомцем. Когда они вышли за город, уже совсем стемнело. Маленький незнакомец повел их в сторону от большой дороги такими тропинками, которые, как им было известно, не вели ни к какому жилью. Шли они, шли и пришли наконец к холмам, про которые носились в народе всякие недобрые слухи. Незнакомец подошел к одному из холмов, ударил в него ногой, и вдруг перед ним явилась настежь отворенная дверь, и яркий свет широкой трепетной полосой пролился из-за нее на музыкантов, и послышался неясный говор множества маленьких звонких голосков, подобный жужжанию пчелиного роя. Музыканты переступили через порог и разом очутились на середине огромной, великолепно убранной и освещенной залы, в густой толпе каких-то прелестных маленьких существ. Между ними заметили они мужчин в каких-то странных колпачках и женщин с прекрасными кудрями по плечам; все были одеты в одинаковые зеленые

платья. Вся толпа приветствовала музыкантов радостными кликами и очень ласково просила их играть. Бедняги поняли, что попали к эльфам, и были так испуганы, так подавлены всем, что видели и слышали, что сначала совсем растерялись; наконец, собравшись с духом, они молча переглянулись и заиграли один из самых известных народных танцев. Едва только раздались первые звуки музыки, как вся окружавшая их толпа быстро разделилась на пары и пустилась плясать так грациозно, стройно, весело, как музыкантам в жизнь свою не случалось видеть, хоть они наперечет знали всех лучших плясунов в округе. Ими стала мало-помалу овладевать веселость, все оживлявшая кругом; они заиграли громче, живее — все около них закружилось, запрыгало, замелькало, сплеталось и расплеталось во множестве разнообразнейших и прелестнейших фигур. Наконец музыканты не выдержали и, продолжая играть, сами вмешались в тесную толпу танцующих. Крик, говор, смех и очаровательная веселость словно удвоили силы музыкантов; они плясали и играли до упаду и хотя утомились донельзя, однако же от души жалели, когда бал кончился, маленькие гости с ними распростились и отпустили их с щедрой наградой. Они вышли на свежий воздух и словно очнулись от тяжелого и глубокого сна: ничего вокруг себя они не узнавали. Где вчера еще они видели глушь да пустыри, там теперь тянулись поля с высокими и густыми хлебами; где вчера были рощи, там уже не было ни деревца, а стояли на месте их фермы да фабрики; где вчера они перебирались вброд через речку, там теперь тянулась плотина и хлопотливо стучала мельница... Музыканты с изумлением взглянули друг на друга и еще более изумились, увидав на лицах своих морщины, а на голове седые волосы. Пришли они в свой город, оглянулись — ни одной знакомой улицы нет и дома как будто не те! Вошли в церковь — и не видят в толпе ни одного знакомого лица, ни одного знакомого наряда; все прихожане смотрят на них с изумлением, иные указывают пальцами и шепчутся...

Да что же это такое, думают про себя несчастные музыканты, боясь даже открыть друг другу свои мысли.

Началась служба, и едва только священник произнес первые слова Евангелия, как оба старика музыканта рассыпались в прах и следов их не осталось».

Эльфы более всего любят собираться хороводами в светлые лунные ночи на лугах и перекрестках; там, взявшись за руки, пляшут они до первых петухов под звук какого-нибудь однообразного напева. Беда, если какой-нибудь неосторожный путник приблизится к тому месту, где они неумоимо предаются своему необузданному веселью: эльфы тотчас

схватят его, заставят плясать с собой и, конечно, заморят до полусмерти; а чуть только он окажет малейшее сопротивление, так ему и в живых не бывать.

Музыку и музыкантов эльфы очень любят. Их собственная музыка состоит из одних минорных тонов и однообразно жалобна. В Норвегии многие пастухи наигрывают разные мотивы, которые называют музыкой эльфов, и говорят, что им случалось послушать их в горах.

— А то есть еще, — рассказывают они, — один танец, музыку которого мы все очень хорошо знаем, только играть боимся.

— Почему же? — спрашивают их иные.

— А потому, что как заиграешь, так все кругом — люди, и звери, и камни — все запляшет, да и сам не устоишь на месте и будешь до тех пор плясать, пока не догадаешься, проиграв весь танец с начала до конца, сыграть его потом с конца до начала. До тех пор все плясать будешь!

В Ирландии представляют себе музыку эльфов совершенно иной, как можно видеть из следующей очень известной легенды:

«Близ Гальтийских гор жил некогда один бедняк, по имени Люсмор, который добывал себе насущный хлеб тем, что по лугам и лесам собирал для продажи разные лекарственные травы, в которых был большим знатоком. Худой и бледный, с большим горбом на спине, он был так безобразен, что все смотрели на него с отвращением и явно его избегали. Тяжело было ему жить! Случилось, что однажды вечером Люсмор тащился из города домой, в свою одинокую лачужку. Настала ночь, и луна уж всплыла на небо, а он все еще шел, и далеко еще ему было до дома; наконец, еле передвигая ноги от усталости, он решился переночевать у подошвы холма Нокграфтон. Едва только он присел на траву, как услышал позади себя тихую и приятную музыку; она походила на звук множества тоненьких голосков, которые сливались и перемешивались так, что выходил довольно стройный хор, хотя все голоса пели на свой лад, беспрестанно повторяя два слова: *понедельник, вторник, понедельник, вторник, понедельник, вторник*, потом смолкали на мгновение и опять повторяли то же самое. Люсмор долго прислушивался, затаив дыхание и не пропуская ни одного звука. Ему стало наконец ясно, что это поют эльфы в холме. Сначала он испугался, но потом слушал беспрестанно повторявшийся напев однообразной песни эльфов и дослушался до того, что она ему прискучила. Когда эльфы чуть не в сотый раз пропели: *понедельник, вторник*, Люсмор громко пропел: *и среда*, искусно подделавшись под мелодию всей песни. Эльфы пришли в такой восторг от этого добавления, что захотели тотчас же видеть смертного, который так

ловко подстроился под голоса их песни. Люсмор был вдруг подхвачен вихрем и мигом очутился внутри холма, среди эльфов, которые с любопытством смотрели на него и все по-прежнему напева-ли свою однообразную песню, с особенным удовольствием повторяя слово, добавленное горбуном. Как ни была приятна Люсмору такая честь, однако же он долго не мог прийти в себя от страха, тем более что эльфы сходились все теснее и теснее в одну кучку, словно совеща-ясь о чем-то важном. Наконец из этой кучки вышел один эльф и, подойдя к Люсмору, очень ласково проговорил:

Успокойся, наш Люсмор!
Мы снимаем с этих пор
Горб с твоей спины...
Разогнись, развеселись
И на горб свой погляди:
Его нет уж назад!

Едва только эльф проговорил это, как Люсмор почувствовал себя на самом деле чрезвычайно легко и хорошо: к величайшему своему удовольствию, увидел он, что несносный горб, словно вязанка дров, сполз на землю из-за его плеч. Он от радости подпрыгнул чуть не на аршин, стал вытягиваться, шагать большими шагами и наконец, вдвойне утомленный разнообразными впечатлениями этого дня, сладко заснул под музыку эльфов. Проснувшись, он увидел себя по-прежнему у подошвы Нокграфтонского холма, но уже без горба и с ног до головы в новом платье. Можно себе представить его радость!

Прошло сколько-то времени. Слух о приключении Люсмора у эльфов разнесся далеко во все стороны.

У одной старухи был сын, и злой и глупый, с большим горбом на груди. Услыхав от самого Люсмора подробный рассказ о том, как и что было, старушка уговорила сына также попытать счастья у эльфов. Сын согласился; отвели его к Нокграфтонскому холму и оставили там на ночь одного. Недолго пришлось ему ждать.

— *Понедельник, вторник, понедельник, вторник и среда*, — раздалось вскоре из холма, и стала по-прежнему однообразно и часто повторяться странная песня эльфов. Сын старухи и не дожидаясь конца песни, и не заботился нимало о том, чтобы, как Люсмор, ловко подстроиться под общую мелодию, а просто собрался с силами да и закричал во все горло:

— И четверг тоже!

Эльфы страшно разгневались на такое неуважение к их искусству и вдруг, высыпав из холма толпой, окружили немзыкального певца.

— Как смел ты испортить нашу песню! Как ты осмелился! — кричали они.

Потом один из них подошел к нему и сказал от лица своих товарищей:

Мы за это отомстим,
Мы тебя накажем:
Другой горб тебе дадим,
На спину навяжем.
Ну же, дети, поскорей
Горб ему несите
И приставьте половчей!..

Несколько самых дюжих эльфов принесли горб Люсмора, приставили его к спине испуганного сына старухи и, громко смеясь, исчезли; а горб остался на его спине, словно крепко—накрепко прибитый к ней гвоздями. На другое утро нашли бедняка мертвого у подошвы холма с двумя горбами вместо одного».

До таких проделок эльфы большие охотники, и хотя иногда бывают довольно жестоки, но, вообще говоря, свои милости и немилости распределяют очень справедливо.

Несмотря на всю свою любовь к музыке, эльфы терпеть не могут колокольного звона и стали гораздо реже являться на землю с тех пор, как всюду звонят в колокола. Грома боятся эльфы еще более, нежели колокольного звона: едва загремит он где—нибудь вдали, как тотчас же они все попрячутся под землей; точно так же невыносим для них и барабанный бой, который они постоянно смешивают с громом. Люди во многих случаях очень искусно пользовались этой боязнью, как видно из следующей забавной датской легенды:

«Давно, очень давно один датский арендатор жил в большой дружбе с трольдом, холм которого находился на поле, принадлежащем арендатору. У арендатора родился сын, и захотелось ему пригласить к себе трольда на крестины, чтобы выманить у него подарок, который тот, в качестве богатого гостя, должен был сделать новорожденному. Пригласить трольда немудрено, да что скажут на это другие гости? Нехорошо. А не пригласи его, он обидится и подарка не даст — тоже плохо. Думал, думал арендатор и стал советовать со своим работником; а тот был малый смысленный, выслушал его да и говорит:

— Я так дело устрою, что и трольда не обижу, и подарок у него выманю.

Когда настала ночь, работник взял большой мешок, подошел к холму трольда, постучался — тот впустил его. Он тотчас же передал ему поклоны своих хозяев и от их имени просил трольда сделать им честь своим присутствием на крестинах.

— Поблагодари их от меня, — сказал сильно польщенный трольд, — да вот снеси от меня подарок новорожденному. — И стал из какого—то ящика сыпать червонцы в мешок работника.

— Довольно ли? — спросил он его, отсыпав с полмешка.

— Немногие из гостей дают меньше, а многие больше, — отвечал тот. Трольд еще присыпал сколько—то и опять спросил:

— Ну, довольно ли теперь?

— Да, почти все гости дают столько же, — равнодушно отвечал работник, заметив, что мешок еще не очень тяжел.

Трольд схватил свой ящик с деньгами и высыпал в мешок все, что в нем оставалось.

— Вот теперь довольно, — сказал работник, — никто не может дать столько, и многие дают гораздо меньше.

— Да кто же там у вас будет на крестинах, кроме меня? — спросил самодовольно трольд.

— О! Полон дом всякой знати и важных особ!

— Гм! Вот как! Нуда ведь важные особы приезжают поздно, а уезжают рано; мне, верно, хоть за печкой местечко найдется. Ну а музыка какая же там у вас будет?

— Какая музыка? Да одни барабаны.

— Барабаны!!! — воскликнул испуганный трольд. — Так уж мне у вас быть не приходится! Благодарю хозяев за приглашение и скажи, что мне никак нельзя быть, потому что все мы этих несносных барабанов боимся.

Работник раскланялся и вышел из холма со своей тяжелой ношей».

Не в одних плясках да музыке проходит время эльфов: они любят заниматься ремеслами и если уж за что берутся, выполняют превосходно. Занятия их чрезвычайно разнообразны, по словам легенд: где население занято горными работами, там оно и эльфов считает отличнейшими рудокопами; где земледелием — там эльфы являются хлебопашцами; где скотоводством — там и эльфы занимаются им успешно. Но почти везде карликов и трольдов одинаково считают искуснейшими кузнецами, которые способны ковать самую гибкую и твердую сталь либо выделывать из золота и серебра такие мелкие вещи, которые едва сможет различить человеческий глаз. Предания об этом свойстве карликов чрезвычайно древни. В одной скандинавской саге вот что об этом рассказывается:

«Локи, сын Лаубейи, из злости сорвал прекрасные волосы с головы Сив, жены громовержца Тора. Увидав это, Тор схватил Локи и, наверно, изломал бы ему все кости, если бы тот не стал кричать и клясться, что заставит эльфов выковать для Сив золотые волосы, которые будут расти на ее голове, как и прежние. Тор отпустил его под этим условием. Локи заказал эльфам сначала сделать золотые волосы, затем складной корабль, которому, как его ни поворачивай, все бы дул в паруса попутный ветер, да еще меч Гунгнир, наносивший в бою смертельные удары при каждом взмахе. Получив все это от эльфов, Локи побился головой об заклад с карликом Брокком, что его брат Эйтри не сумеет выковать три такие же

вещи. Пошли они вместе в кузницу Эйтри, который тотчас же приладил мехи к огню, бросил в него кусок серебра и велел своему брату Брокку раздувать мехами огонь до своего возвращения. Эйтри вышел из кузницы, а Брокк стал раздувать огонь; вдруг прилетела муха, села ему на руку и больно укусила ее. Однако же Брокк не обратил на это внимания и продолжал свою работу, пока брат не вернулся и не вынул из огня большого вепря с серебряной щетиной. Этот вепрь мог лучше всякой лошади бежать через огонь и воду, и не было для него такого мрака, которого бы он не мог осветить своей серебряной щетиной. Затем Эйтри бросил в огонь кусок золота, приказал безостановочно работать мехами до своего прихода и вышел. Опять та же муха укусила Брокка в затылок больнее прежнего, но он не оставлял своей работы до самого прихода Эйтри. Тот вынул из огня большое золотое кольцо, которое могло в каждую девятую ночь отделять от себя восемь таких же больших и тяжелых колец, как оно само. Наконец, Эйтри бросил в огонь кусок железа и, выходя в третий раз из кузницы, сказал брату:

— Если ты теперь в работе хоть на сколько-нибудь остановишься, то все наши труды могут пропасть даром.

Брокк стал работать, и та же муха в третий раз укусила его в лоб: но на этот раз так больно, что он бросил свою работу, быстро схватил муху и оборвал ей крылья, а мехи, между тем опустились. По счастью, Эйтри вошел тотчас же после этого и объявил, что все находившееся в огне испортилось всего лишь на один волос. И вынул он из огня тяжелый молот Мьельнир, имевший то свойство, что, куда бы он ни был брошен, всегда верно достигал своей цели и, как бы это ни было далеко, всегда сам возвращался в руки бросавшего. Когда Локи и Брокк представили свои вещи бессмертным богам для оценки и решения их спора, все боги единогласно объявили, что молот Мьельнир был лучше всех остальных вещей и Локи дорого поплатится за свою дерзкую похвальбу перед умным карликом».

Вообще в Средние века твердо верили в происхождение хороших мечей и кольчуг от карликов; много существует разных преданий о том, как они одаривали любимцев произведениями своих кузниц. Такие подарки всегда отличались какими-нибудь особенными свойствами. Но беда, если подарки эти были вынужденными: карлики, в отмщенье, всегда умели наделять их такими свойствами, что получивший их до конца жизни своей не мог себе простить насилия, сделанного хитрому кузнецу-волшебнику. Вот что рассказывается в древней скандинавской саге:

«Сьёферле, один из потомков Одина, был однажды на охоте. Долго бродил он по лесу и не мог напасть на след какого-нибудь зверя; наконец зашел он в такую глушь, из которой не знал, как и выбраться. Направо от него был холм. Взглянув на него, Сьёферле увидел сидевших перед холмом двух карликов; тогда, выхватив свой тяжелый меч, он стал между ними и холмом и таким образом загородил им дорогу домой. Карлики взмолились о пощаде, предлагая ему за свою жизнь и свободу какой угодно выкуп. Сьёферле отпустил их только с условием, что они выкуят ему меч, который бы не давал никогда промаха, разрубал бы сталь и железо, как щепку, никогда не ржавел и постоянно приносил в битвах и поединках победу тому, в чьих руках находится. Карлики обещали выковать такой меч и назначили день, в который Сьёферле должен был прийти за ним. Когда он явился в назначенный день, карлики вынесли ему из холма чудный волшебный меч в серебряных ножнах, с золотой рукояткой и цепью, на которой надо было его привешивать.

— Вот тебе обещанное, — сказали они Сьёферле, — но знай, что этот меч убьет человека каждый раз, как будет обнажен, что через него совершены будут три постыднейших братоубийства и ты сам будешь им убит.

И все так точно сбылось, как предсказали карлики».

Все кельты, сверх того, считают карликов фальшивомонетчиками, уверяют, что мешочек, который всегда бывает привязан к их поясу, постоянно полон червонцами, и уж если кому удастся овладеть таким сокровищем, тот до конца дней своих будет богат, как Крез.

В Ирландии рассказывают много легенд об одном особенном виде карликов (клюрикаун), которые занимаются башмачничеством. Вот одна из таких легенд:

«Как-то очень давно один ирландский крестьянин шел через двор в конюшню, чтобы задать своей лошади корм; подходит и слышит, что кто-то в конюшне песенку поет, да словно молоточком постукивает: стук, стук, стук, стук, — ну, точно как башмачники, когда башмаки тачают. Он послушал — пение и постукивание не прекращаются. «Э-э, — подумал он, — да это же, наверно, клюрикаун — кому же другому быть? Подкрадусь-ка я к нему потихоньку, схвачу его да отниму у него сумку, что он на поясе носит, — так тогда и заживем!» Сказано — сделано: тихохонько вошел поселянин в конюшню, подкрался к тому стойлу, откуда слышна была песня клюрикауна, заглянул в него и видит, что у самых ног его лошади сидит крошечный человечек в красном колпачке, с молотком в одной руке, с маленьким башмачком в другой, и преспокойно мурлычет себе под нос песенку. Поселянин осторожно нагнулся и ухватил клюрикауна обеими руками.

— Ну, теперь уж не уйдешь! — закричал он. — Не скупись, отдавай кошелек-то! Ну!

— Погоди, отдам, — отвечал очень спокойно клюрикаун, — дай мне только отвязать его от пояса!

Поселянин сдуру и поверил ему, расставил руки, а тот засмеялся да и пропал... Только оставил он после себя башмачок своего изделия, который поселянин с горя сунул в карман и сбыл потом за сущую безделицу».

Шотландцы и датчане почитают эльфов хорошими строителями. Первые полагают, что они построили все те сталактитовые пещеры, которыми так богаты берега и прибрежные острова Шотландии; последние приписывают им даже и постройку многих готических церквей. Чрезвычайно замечательны шотландские предания о знаменитом архитекторе *Михаеле Скотте*, деяния которого так удивляли современников, что даже обратились в сказку для потомства. Он был любимцем эльфов: при их помощи воздвигал он в самое непродолжительное время то, чего другой не мог бы построить в несколько лет. Но проворство помощников было, с одной стороны, очень невыгодно для Скотта: он должен был постоянно придумывать новые труды для своих сподвижников, которые, в случае бездействия, обещались его тотчас же покинуть. Скотт задавал им беспрестанно самые тяжкие работы, но эльфы кончали их за один присест. Наконец, он придумал для них такой труд, который их совершенно озадачил: он велел им скрутить из песка и щелока канат такой длины, чтобы по нему можно было добраться

до Луны. Эльфы принялись за это дело, но при самом страшном труде могли скрутить очень немного такого каната; а Михаэль Скотт обыкновенно пользовался этим и в промежутках между двумя работами постоянно напоминал им об этом производстве. С тех пор, говорит предание, эльфы уж и не думали более над Скоттом умничать.

У датчан также является в преданиях личность, очень похожая на Михаила Скотта: это — знаменитый *Эсберн Снаре*. Про него рассказывается следующее:

«Когда Эсберн Снаре начал строить церковь в Каллундборге^[5], то вскоре увидел, что ему недостает самых необходимых материалов для постройки. Как быть? Дело—то спешное. Вдруг является к нему трольд и предлагает свои услуги с тем уговором, что если по окончании постройки Эсберн Снаре не угадает имени трольда, то должен будет отдать ему свои глаза и сердце. Работа стала быстро подвигаться вперед. Трольд построил церковь на тяжелых каменных столбах. Уже почти все было готово, доставало лишь одного такого столба, а Эсберн все еще не знал имени трольда и уже очень начинал задумываться насчет своей горькой участи. Однажды, озабоченный и печальный, гулял он по полю и, утомленный своей прогулкой, прилег у подножия одного холма для отдыха. Тут услышал он, как внутри холма пел чей-то голос колыбельную песню, в которой он мог явственно расслышать следующие слова:

Спи спокойно, дитя,
К нам вернется *Хитрец*,
Твой искусный отец,
Сердце Эсберна Снаре и очи
Принесет на забаву нам к ночи.

Прослушав эту песню, Эсберн вскочил на ноги и побежал прямо к церкви: на сердце у него было так легко, так легко, как еще никогда, кажется, не бывало.

Прибегает к церкви и видит, что трольд несет к ней тот каменный столб, которого еще доставало; Эсберн тотчас же назвал его по имени. Трольд пришел от этого в такую ярость, что ударил обеими ногами в землю, вместе со столбом взвился вверх и исчез. Вот почему и теперь еще недостает в той церкви одного столба».

О занятиях эльфов скотоводством знают только в Ирландии, Дании и Швейцарии. В Ирландии старики рассказывают, что не раз видели, как в светлые лунные ночи выходили из воды (реки или озера) большие, сытые белые коровы с телятами и паслись на лугах, где после того целый год не росла трава. В Дании пастухи твердо верят в то, что эльфы пасут свой невидимый скот около холмов и очень не любят, когда этот скот мешается с людскими стадами, даже насылают за это на стада всякого рода болезни и беды. Впрочем, у пастухов есть против этого верное средство: приближаясь к холмам со стадами, они обыкновенно кричат: «Маленький трольд, могут ли мои коровы пастись около твоего холма?» Если на это не воспоследует запрещения, то можно совершенно безопасно травить луга трольда.

В Швейцарии предания гораздо живописнее: там скотом эльфов почитаются легкие горные серны, и охота за ними тем страшнее, что дерзкий смертный, осмеливающийся на нее, подвергается опасности быть

сброшенным со скалы маленькими волшебными пастухами, которые жестоко гневаются на людей за их неуважение к чужой собственности. Когда кто-нибудь из бесстрашных горных охотников, поскользнувшись, падает в пропасть, местные жители, находя его тело, ни в коем случае не приписывают его смерть неосторожному прыжку, а, грустно покачивая головами, говорят: «Вот что значит за скотом эльфов гоняться!»

Феи проводят все время, свободное от пляски и пения, в том, что сидят за пряжей или тканьем. Быстрота, тонкость и красота их работы вошли в пословицу. Их искусные руки, гласит предание, производят те плащи и ковры, одаренные всякими чудесными свойствами, те шапочки, колпачки-невидимки и тонкие сорочки, защищающие тело лучше всякой кольчуги, которыми феи часто дарят своих любимцев. Поселяне в Норвегии рассказывают, что «как идешь поутру мимо холмов, так очень часто слышишь, как феи там прядут: колесо так и поскрипывает — видно, что не застаивается, и работа идет не по-нашему».

Все феи и эльфы, без исключения, одарены способностью мгновенно являться, мгновенно исчезать и становиться невидимыми либо принимать на себя наружный вид разного рода животных или неодушевленных предметов. Первые два свойства — мгновенное появление и исчезновение — заключаются в их волшебной одежде. Что же касается оборотничества, то оно у них, кажется, обязательное; по крайней мере, народ утверждает, что эльф не смеет никому явиться днем в своем собственном виде, если только не хочет поразить и испугать своим безобразием. Днем эльфы так же отвратительны, как кажутся прекрасны ночью; глаза у них тогда красные и горят, как уголья, рот от уха до уха; волосы зеленые и все лицо изрезано глубокими морщинами. Вот почему они чаще всего являются днем в виде кошек, собак, козлов или сорок. Всего полнее объясняются свойства одежды эльфов преданиями острова Рюгена, которые мы здесь и передаем.

«Один поселянин из Роденкирхена, по имени Вильде, нашел однажды на горе, где часто плясали эльфы, крошечный стеклянный башмачок. Он быстро поднял его, сунул в карман и пустился бежать домой, крепко придерживая рукой то место, где под одеждой лежала драгоценная находка. Вильде был малый хитрый и смывленный. Еще в детстве слышал он от бабушки, что эльфы обыкновенно носят во время своих ночных плясок на земле маленькие стеклянные башмачки; что кто из них потеряет такой башмачок, тот не смеет участвовать в плясках, пока башмачок не найдется, и должен бывает своими маленькими нежными ножками ходить по острым камням и крупному песку; что если случалось людям находить

эти башмачки, то эльфы ничего не жалели на их выкуп. Вот почему бежал Вильде во весь дух домой и крепко придерживал рукой стеклянную диковинку, побрякивавшую у него в кармане. Ровно в полночь вышел Вильде к девяти холмам, где жили эльфы, и громко закричал:

— Я нашел стеклянный башмачок... Кто его купит, кто его купит?

Едва успел он вернуться домой, как эльф, потерявший драгоценную обувь, принял вид молодого купца и явился к нему в дом.

— Не продаете ли вы стеклянных башмачков? — спросил он очень учтиво. — Теперь их на всех рынках требуют, так вот я их скупаю.

— Да, у меня точно есть стеклянный башмачок, да только он не продажный, то есть не всякий купец может его купить, и я его дешево не отдам, — равнодушно отвечал Вильде эльфу.

Тот с первого слова предложил за башмачок тысячу талеров. Вильде только усмехнулся на это.

— Да, — сказал он, — тысяча талеров — деньги большие, говаривал мой отец, только зачем мне такие большие деньги: я могу свой товар отдать дешевле. — И предложил эльфу вот какое условие: — Чтобы каждый раз, как я проведу на поле борозду плугом, из этой борозды выскакивал червонец.

Эльф мялся, мялся, однако же должен был под конец согласиться, потому что Вильде твердо стоял на своем, и, дав ему слово, исчез вместе с башмачком. На другое же утро Вильде побежал в конюшню, запряг двух коней в плуг и выехал на поле. Что ни проведет борозду, то из нее и выскочит червонец, и так при каждой борозде; он только знай себе их подбирает да в карман складывает. С тех пор его с пашни и согнать было невозможно. Он к своим лошадям прикупил еще лошадей восемь, холил их, ласкал, кормил овсом досыта да с раннего утра до позднего вечера только тем и занимался, что бродил из конца в конец пашни за плугом и собирал червонцы. Ненасытная жажда к золоту усиливалась в нем с каждым часом все более и более. Днем не мог он усидеть дома: все ходил по своему золотому полю, а ночью не мог спать — все лежал на своих мешках с золотом, пересчитывая червонцы и вздрагивая при малейшем шорохе. Желая скрыть от всех свою тайну, он стал молчалив, угрюм и постоянно избегал всех сношений с людьми: не стал он ходить ни к кому и запирался даже от своих домашних. Недолго могла крепкая натура Вильде выдержать такую ужасную жизнь, которая вся состояла из одних тревог, безотрадных трудов и жестоких нравственных мучений: в несколько месяцев он до того похудел и побледнел, что все с жалостью на него смотрели и, не зная настоящей цели его постоянного труженичества, стали

считать его за сумасшедшего. Однажды осенью, когда Вильде по обычаю своему выехал с рассветом на поле и, едва передвигая ноги, побрел по новой борозде, силы ему изменили: он упал ничком на землю и умер. С ним умерла и тайна, сгубившая его. Только уже спустя несколько месяцев его жена и дети открыли в дальнем углу подвала несколько ящиков, полных светлыми червонцами, и зажили себе припеваючи».

Но потеря стеклянного башмачка для эльфов и карликов еще не так важна, как потеря шапочки или того серебряного колокольчика, который обыкновенно бывает пришит к ней наверху: оба эти обстоятельства для них сущее горе.

«К дардесгеймским^[6] холмам карликов, — говорит одна немецкая легенда, — примыкало некогда поле, засеянное горохом, принадлежавшее кузнецу Рихтеру. Он подметил, что около того времени, когда созревшие стручки стали всего слаще, их кто-то начал обрывать по ночам. Чтобы поймать вора, Рихтер построил себе на поле шалаш и стал день и ночь стеречь свой горох; но днем он ничего не замечал, а каждое утро видел ясно, что, несмотря на его ночную стражу, кто-то по-прежнему дочиста продолжал обрывать стручки. Раздосадованный своими тщетными попытками поймать вора, Рихтер задумал обмолотить остальной горох на поле, чтобы ему хоть что-нибудь осталось от всего урожая. С рассветом на следующий день принялся он за работу, но не успел еще обмолотить и десятой доли всего поля, как при одном взмахе цепом услышал у себя под ногами какой-то странный визг. Оглядывается, всматривается и видит, что у самой ноги его лежит крошечный карлик, которому он ударом цепы разбил голову и сшиб с нее шапочку-невидимку. Рихтер хотел поднять его, но тот сам быстро вскочил на ноги, пустился стремглав бежать к горам и исчез в них. С тех пор ни одна горошина на поле кузнеца Рихтера не пропадала более».

На Рюгене рассказывают, что однажды «какой-то эльф обронил серебряный колокольчик со своей шапочки во время ночных плясок на лужайке, где обыкновенно пас овец молодой пастушок Шлагентейфель. Сначала эльф не заметил своей потери, но потом, возвратившись в холмы, хватился колокольчика, бросался и туда и сюда, нигде его не нашел и с горем увидел, что обронил его на поле. Как быть? Между эльфами положено, что если кто потеряет колокольчик с шапочки, тот не смеет заснуть ни на минуту, пока его не отыщет. Пустился бедный эльф искать свой колокольчик на земле и для этого должен был оборачиваться то птицей, то зверем, то змеей, то принимать на себя человеческий образ, и долго, очень долго искал он понапрасну, пока нечаянный случай не навел

его на настоящую дорогу. Колокольчик поднят был Шлагентейфелем, которому на следующий же день хозяин велел пасти свои стада на другом поле, далеко от первого; вот почему и не мог так долго бедный эльф напасть на след потерянной вещи. Раз случилось ему в виде маленькой птички лететь через новое пастбище Шлагентейфеля, и, прислушиваясь к веселому побрякиванию колокольчиков на шее волов и овец, щипавших на поле травку, эльф вспомнил про свой колокольчик и жалобно запел:

Серенький козельчик,
Беленький барашек!
Будь мой колокольчик
Да на вашей шее,
Был бы я спокоен,
Были б вы богаты!

Пастушок услышал эту песенку, глянул наверх и увидел диковинную пеструю птичку, которая вилась над стадом и все так же жалобно напевала. «Что за странность! Какая птица удивительная, невиданная! Говорит совершенно как человек! — подумал пастушок. — Да и что она такое поет про колокольчики, — прибавил он вслух, — сулит моим овцам богатство за то, что у них на шее простые медные колокольчики; а у меня вот и серебряный есть, да он мне ничего не говорит». При этом он вынул из кармана маленький колокольчик, поднятый им на поле, и зазвонил. Птичка наверху все это видела и слышала, вдруг взмахнула крылышками и исчезла. Эльф за первым же деревом сбросил с себя пестрые птичьи перья, оборотился дряхлой старушонкой, закутанной в лохмотья, которая, прихрамывая и опираясь на клюку, побрела через поле прямо к пастушку. Сначала завела она с ним посторонний разговор, но потом, как будто только что заметив в руках его колокольчик, воскликнула с самым неподдельным изумлением:

— Ах, какая диковинная вещица! Да я такой маленькой и хорошенькой отродясь не видывала! Ты не продашь ли ее, мой милый? Я бы ее своему внучонку отнесла!

— Нет, я этого колокольчика ни за что не отдам и не продам, — резко отвечал ей пастух, — такого другого в целом свете не найдешь: ты посмотри-ка, каков его звон! Да мне стоит только позвонить им, чтобы все мое стадо побежало куда мне угодно! Нет, ни за что!

Старуха попробовала соблазнить его деньгами, предлагала три талера, потом десять червонцев, но пастушок и слушать не хотел. Тогда старуха решила повести дело иначе.

— Послушай, дружок, — сказала она, — отдай мне колокольчик, поверь, что я могу сделать тебя за такую услугу счастливейшим из людей! Вот тебе моя клюка вместо посоха. Я отдаю ее тебе за колокольчик. Пока ты будешь пасти стада этим посошком, они будут у тебя быстро плодиться и множиться, и станешь ты сам в короткое время богат, потому что твои бараны будут жиреть всегда четырьмя неделями ранее, чем бараны других пастухов, и на каждой твоей овце всегда будет шерсти двумя фунтами более, чем на других овцах.

Пастушок тут увидел, с кем имеет дело, обрадовался предложению эльфа, ударил с ним по рукам и, получив клюку, отдал колокольчик старухе, которая тотчас с ним исчезла. А пастушок, благодаря волшебному посоху, действительно стал вдруг так счастлив, что быстро разбогател, купил себе большие стада, поместья, а впоследствии даже и баронство».

Вот как дорого ценят эльфы свою волшебную одежду и как щедро выкупают ее у счастливых смертных, которым она попадает в руки!

Очень часто эльфы делают добро людям совершенно бескорыстно, точно так же, как и наказывают порок из одной любви к справедливости. Очень часто помогали они разным беднякам деньгами, от которых те богатели, но которые в руках притеснявшего их обращались в уголья или в мучные лепешки; еще чаще награждали они детей за любовь к родителям (чудесным образом спасая сыновей из плена или избавляя дочерей от власти какого-нибудь чудовища), слуг — за верность господам и чистоплотность. Доброе сердце эльфов еще более выражается в их постоянном покровительстве детям: они их охраняют от опасности, облегчают их работы, кладут на их дороге в лесу или в поле вязанки хвороста или дров и кузовки ягод, кормят их своими волшебными кушаньями, когда они заблудятся в лесу, или вручают им горшки и склянки с удивительными целебными средствами, которыми мгновенно излечиваются болезни их родителей. Но при всей своей доброте они чрезвычайно мстительны и злопамятны. Беда огорчить их чем-нибудь! Ни одной обиды не оставляют они без возмездия. Они гnevаются даже и на то, когда люди изъявляют неготовность услужить им или невольно делают им что-нибудь неприятное. В руках эльфов много разных средств вредить людям: они то насылают какие-нибудь кожные болезни, то спутывают волосы в такой плотный комок, что их нельзя бывает расчесать никаким гребнем, то в виде блуждающих огоньков поджигают крышу дома, то

отгоняют стада, то издали поражают людей своими стрелками (elf-bolt, elf-arrow). Последнее мщение — самое ужасное, потому что маленькие зубчатые стрелки эльфов, попадая в человека или в животное, приносят с собой мгновенную смерть^[7], против которой нет решительно никакого спасения. Только самые искусные знахари умеют отыскать ранку, нанесенную этим волшебным орудием, и даже вытащить его из раны; но подобные случаи, по рассказам людей старых и опытных, *«теперь никогда уже более не повторяются, потому что перевелись искусные знахари, хоть в старину бывали и нередки»*. Чрезвычайно замечательна одна датская легенда, рассказывающая о том, как трольд хотел отомстить людям за постройку церкви на его холме.

«Какой-то трольд поселился однажды в высоком холме близ деревни Кунд^[8]. Окрестные жители задумали строить церковь и не могли избрать для нее места лучше трольдова холма; построили церковь, возвели возле нее колокольню и окружили все тяжелой каменной оградой. Стали в эту церковь стекаться со всех окрестностей благочестивые прихожане и перед началом каждой службы и при конце ее звонить в церковные колокола. Не стало бедному трольду житья от колокольного звона: как он ни прятался под землей, везде гул достигал его ушей и беспокоил его под сводами подземных хором. Наконец трольд не вытерпел и решил переселиться куда-нибудь подальше, но дал себе слово во что бы то ни стало отомстить окрестным жителям за то беспокойство, которое они ему причинили. Случилось как-то одному из жителей деревни Кунд идти по дороге из города в свою деревню. Трольд, приняв вид купца, повстречался ему, очень вежливо раскланялся с ним и спросил самым вкрадчивым голосом:

— Вы, кажется, идете в деревню Кунд?

— Да, — отвечал поселянин, — я из тамошних жителей.

— Так передайте, пожалуйста, вот это письмоцо пономарю; вы меня очень обяжете, если даже и не зайдете к нему, а перебросите письмо через стену ограды. Мы с ним всегда так переписываемся.

— С удовольствием, — отвечал поселянин; сунул письмо в карман, распрощался с незнакомцем и пошел своей дорогой. Проходя мимо церкви, он совершенно позабыл о поручении трольда и вспомнил о письме только тогда, когда поравнялся с той ложиной, в которой теперь находится озеро Тиис (а прежде там не было ни капли воды). Вспомнив о письме, поселянин присел на траву, вынул его из кармана и подумал: «Дай-ка я взгляну, что такое к пономарю пишется». Но едва успел он надломить печать, как из нее стала капать вода, сначала понемногу, потом все сильнее и сильнее; поселянин бросил письмо на землю: оно вздулось, лопнуло, и

вода хлынула из него бурным потоком, потому что злой карлик запечатал в письме целое озеро. Испуганный поселянин едва успел спастись от волн, которые яростно устремились во все стороны и быстро затопляли окрестность. Ясно, что трольд хотел этим наводнением разрушить новопостроенную церковь, но, по воле Божией, письмо было брошено не в ограду, а среди глубокой лощины, которая и занята теперь озером Тиис».

У всех эльфов есть один особенно неприятный порок — их страсть к воровству. Еще пусть бы забавлялись они тем, что обирали бы поля с горохом да опоражничали бочки с пивом либо, забравшись в погреб, вытягивали через соломинку дорогие старые вина! Но нет — они не довольствуются этим, их воровство принимает обыкновенно гораздо более важный и вредный характер: они постоянно стараются уводить в холмы невест тотчас после венца и уносить новорожденных детей до крещения. На место похищенных малюток кладут они в колыбели каких-то своих уродцев, которые мучают всех окружающих несносным криком, злостью и капризами. Эти черты характера эльфов особенно возбуждали против них негодование людей, и много существует разных легенд о подобных проделках жителей холмов. Все подобные легенды, равно как и поверья, послужившие им основанием, очень древни и так сильно укоренились, что до сих пор поселяне в Швеции и Норвегии очень неприязненно смотрят на хромых, горбатых и болезненных детей, называя их *подкидышами эльфов*. У людей, конечно, и против этого порока, общего всем эльфам, есть опять-таки *вернейшие средства*, вынуждающие обыкновенно эльфов к непосредственному возвращению похищенного ребенка, причем *подкидыш* с визгом и вихрем уносится обычно в трубу или вылетает в открытое окно.

«Близ озера Тиис (о происхождении которого мы сейчас говорили) на острове Зеландия жили-были муж да жена. Эльфы унесли у них ребенка, крестины которого были отложены из-за каких-то домашних хлопот, и подсунули им вместо него своего собственного ребенка (подкидыша). Этот безобразный, худой и, по-видимому, хилый ребенок страшно мучил и отца и мать; пока кто-нибудь был в комнате, он целый день ревел и метался в люльке, а чуть только все из комнаты выходили, как он выскакивал из люльки на пол, начинал карабкаться на стены, подпрыгивать и приплясывать; ел он за четверых и никогда, кажется, не бывал сыт. Родители вскоре решили, что это непременно должен быть подкидыш, и задумали от него избавиться во что бы то ни стало. По совету опытной знахарки мать вот как принялась за дело. Взяла поросенка, зарезала его и запекла в пудинг вместе со щетиной, шкурой, копытами и головой. Когда

мнимый ребенок попросил у нее есть, она тотчас же подала ему это странное кушанье. Тот принялся за него со своей обычной жадностью, но, пожевав несколько минут, призадумался, с изумлением поглядел на пудинг и вдруг заговорил:

— Вот странность! Подают мне кушанье со шкурой, с щетиной, с копытами, с глазами! Ха! Ха! Ха! Да я уж сколько живу на свете! Уже ведь три раза видел, как около озера Тиис вырастал молодой лес, но о таких кушаньях и не слыхивал!

При этом он выскочил из люльки и исчез, а эльфы вернули догадливым родителям их настоящего ребенка».

«У одной матери в Ирландии эльфы также унесли ребенка; по крайней мере, она не могла иначе как подкидыванием объяснить себе то, что ее здоровый, румяный малютка в одну ночь побледнел, похудел и изменился в лице и в характере: прежде тихий и ласковый, он теперь постоянно плакал, кричал и капризничал. Бедная мать стала просить помощи у разных умных и опытных людей. Одни советовали ей прямо выбросить ребенка в глубокий снег, другие — схватить его за нос калеными щипцами, третьи — оставить его на ночь при большой дороге, чтобы тем возбудить в эльфах сострадание к их собрату, а следовательно, и принудить к возвращению настоящего малютки. Мать решительно не могла согласиться с ними, потому что ее тревожила мысль: «А что, если это не подкидыш, а действительно мой ребенок, только испорченный чьим-нибудь дурным глазом?» Наконец, одна старушка над ней сжалилась и сказала:

— Прежде всего нужно узнать наверное, подкидыш это или нет. А чтобы это узнать, возьми ты полдюжину яиц, разбей их скорлупу на половинки, положи перед ребенком на очаг и налей в них воды. Что из этого выйдет, сама увидишь. Только смотри, приготовь заранее каленые щипцы, чтобы хорошенько пугнуть эльфа, если ребенок окажется подкидышем.

Мать приняла совет старухи и тотчас по приходе домой положила в печь щипцы калиться и стала разбивать яйца перед очагом. Увидевши это, ребенок вдруг приподнялся, смолк и стал внимательно глядеть на мать. Когда же она разложила на очаге яичные скорлупки и залила их водой, ребенок вдруг обратился к ней и сказал (хотя двухмесячные дети не говорят вообще ни слова):

— Что это ты, мать, делаешь?

Мать невольно вздрогнула, услышав это, но отвечала как можно равнодушнее:

— Ты, я думаю, сам видишь, что я делаю: воду кипячу.

— Как? — продолжал мнимый ребенок с возрастающим удивлением.

— В яичных скорлупах кипятишь воду?

— Ну да, — отвечала мать, заглядывая в печь, чтобы видеть, готовы ли щипцы.

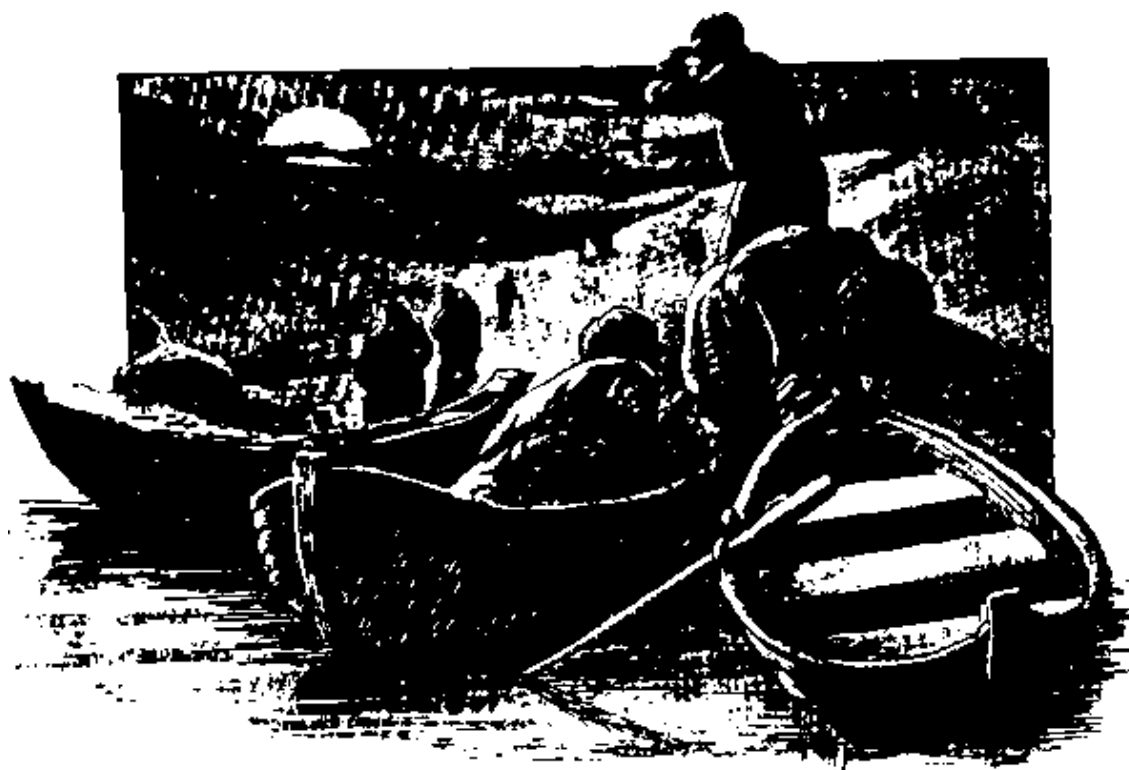
— Да помилуй, — закричал эльф, всплеснув руками, — я вот уже полторы сотни лет живу на свете, а никогда еще ничего подобного не видывал!

Тут мать выхватила из печки раскалившиеся докрасна щипцы и с яростью бросилась на подкидыша, но тот быстро выскочил из колыбели, прыгнул к печке и вылетел в трубу. Когда же мать подбежала к колыбели с раскаленными щипцами, они у нее вдруг выпали из рук: в постельке, на месте безобразного эльфа, лежал ее драгоценный малютка, подложив одну ручонку под голову, а другую крепко прижимая к своей груди, которая слегка подымалась легким и мерным дыханием... Кто передаст радость матери?»

Несмотря на свою власть и силу, эльфы очень часто нуждаются в помощи людей и обыкновенно прибегают к ней в следующих трех случаях. Во-первых, они очень часто просят у людей займы хлеба, извиняясь тем, что их хлеб еще не вышел из печи, а дети голодны, есть просят, причем они действительно через два-три часа всегда отплачивали за хлеб, данный им, свежим, теплым и ароматным печеньем. Во-вторых, весьма часто нанимают они у людей залы и другие комнаты на ночь, прося позволения играть в них свадьбу, за что всегда щедро награждают хозяев своих подарками. В-третьих, они должны бывают всегда призывать людей, когда хотят решить какой-нибудь спор или собираются делить общее сокровище. Люди в последнем случае часто бывали очень несправедливы к эльфам, да нередко обманывали их и во всем остальном; заботясь только о своей выгоде, они не обращали никакого внимания на выгоды жителей холмов, не держали данных обещаний и, наконец, возбудили в них такую ненависть к себе, что те совершенно отказались от сношений с людьми, перестали помогать им в нужде и труде и во многих местах покинули даже свой кров и переселились в другие места, где ожидали встретить в людях более справедливости и внушить им к себе более уважения.

Легенд, рассказывающих о подобных переселениях, удивительно много, и все они описывают их почти с одинаковыми подробностями. В одном месте^[9] задумали карлики покинуть страну своих дедов и переселиться далее на юг. Жители этой местности, зная, как много они из—

за этого теряют, решили, что каждый карлик должен будет положить по червонцу в большую бочку, поставленную при дороге, и, действительно, на другое утро после переселения карликов увидели, что бочка была полнехонька старыми золотыми монетами. В другом месте хитрые жители также ставят на дороге эльфов–переселенцев ящик, в который каждый из них обязан вложить посильную дань, и в то же время некоторые из жителей прячутся под мост, чтобы подслушивать и подсматривать за эльфами; целую ночь напролет они слышат, как по мосту, над головами их, проходят толпы мирных соседей, и рассказывают потом, что шум их шагов очень походил на топот стада баранов.

«Однажды вечером, — рассказывает шведская легенда, — пришел на берег Зунда какой-то странный человек и нанял все перевозчиьи лодки на ночь для перевозки каких-то тяжестей за море. Целую ночь плавали лодки от одного берега к другому, и хотя лодочники ничего не могли видеть в темноте, однако же замечали, что лодки сидят в воде очень глубоко, из чего можно было заключить, что нагружено было на них что-то тяжелое. Под утро получили они от странного незнакомца щедрую награду за свои ночные труды и осмелились спросить его:

— Что мы перевозили нынешней ночью?

Незнакомец не ответил на вопрос их и пошел прочь от берега. Тогда самый смысленный из перевозчиков сошел на берег, взял горсть земли под своей правой ногой, бросил ее в шапку^[10] и тотчас увидел, что и берег, и далекие холмы, и вся окрестность были покрыты бесчисленными толпами крошечных троллей в серых плащах и красных колпачках».

Из всех подобных легенд всего полнее и характернее гессенская, которой мы и заключим первый отдел нашей статьи.

«На берегах Швальмы^[11], близ Уттергаузена, лежит гора Дозен; у самого берега видны в ней два отверстия, служившие прежде входами в подземные хоромы добрых людей. Когда еще жив был Тоби, дед одного тамошнего поселянина, к этому Тоби часто захаживал эльф, который жил с ним в большой дружбе. Однажды, когда Тоби жал на поле рожь, к нему подошел этот эльф и сказал:

— Не возьмешься ли ты в следующую ночь за хорошую плату перевезти тяжести через речной брод?

Тоби согласился и тотчас же получил от эльфа мешок пшеницы в задаток. Около полуночи запряг он четверку лошадей в свою тегегу и отправился к горе Дозен, куда эльф велел ему приехать. Там начал эльф выносить из двух отверстий в горе и накладывать на телегу Тоби какие-то невидимые тяжести, которые должно было переправить на противоположный берег Швальмы. Так ездил Тоби взад и вперед с полуночи до четвертого часа утра, пока наконец лошади не выбились из сил. Тогда эльф сказал ему:

— Ну, будет теперь! Теперь посмотри, что ты такое перевез.

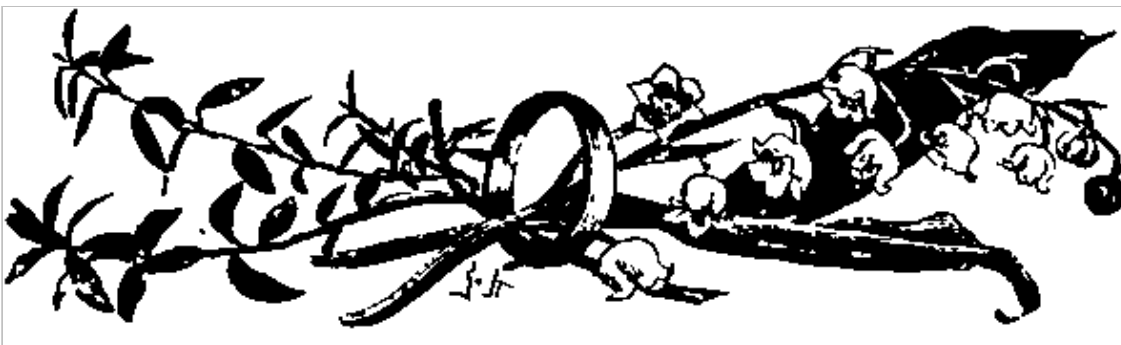
Он обернул поселянина лицом к речке, потом велел ему взглянуть через правое плечо, и тот увидел, что все поле перед глазами его покрыто бесчисленным множеством маленьких человечков. Прощаясь с ним, эльф сказал:

— Тысячи лет жили мы в вашей горе; но теперь наше время уже миновало: мы должны от вас переселиться в другую страну, а в горе оставляем мы вам столько денег, что на весь ваш округ будет их вдоволь.

Потом навалил ему полную телегу золота и исчез. Тоби с большим трудом довез это золото до дома и разбогател, а эльфы с той поры совершенно исчезли из окрестности Уттергаузена».

На вершине горы Дозен есть площадка, на ней не растет ни одна травка: это место, по мнению окрестных жителей, заколдовано эльфами, которые некогда там собирались и плясали. Рассказывают еще, будто через каждые семь лет показывается над ним большое синеватое пламя.

— Оно горит над кладом, который оставлен нам прежними нашими соседями — эльфами, — говорят обыкновенно наивные рассказчики; однако же, сколько ни рылись в горе Дозен, до сих пор не отыскали в ней никакого клада.

Водяные и домовые эльфы. Подводное царство. Морской царь и морские девы. Коннор и никса. Исторические домовые
Пересказ П. Полевого в редакции А. Филиппова

*С глубокого дна
Мы ночью всплываем.
Нас греет луна.*

А. Пушкин. Русалка, IV.443

Нам еще осталось рассказать о двух весьма важных представителях невидимого мира эльфов и фей — о водяных и домовых.

Последние так близки к людям, каждая малейшая подробность ежедневной жизни поселянина так тесно связана с их делами и поступками, что у всех германских и кельтских племен очень много преданий о них. Все такие предания отличаются удивительно веселым, светлым оттенком, и весьма часто проглядывает в них даже едкая насмешка над добродушием или детскими уловками близкого соседа — домового эльфа.

Напротив того, все легенды о водяных проникнуты каким-то страхом и таинственностью, какими-то особенно резкими чертами свирепости, в которых слишком ярко проявляется обычный и невольный трепет человека перед сокрушительным могуществом такой стихии, как вода. Мрачных преданий о водяных эльфах, конечно, больше там, где меньше воды, но и самые бесстрашные моряки и рыболовы, которые проводят всю свою жизнь на воде или в непосредственной близости к ней, и те лично верят в силу водяных и в возможность умиловать их различными обрядами, напоминающими древние языческие жертвоприношения. Так, например, норвежские рыбаки утверждают, что морского человека всего лучше умиловать металлами, и потому ни один из них не забывает, пускаясь на легком челноке в открытое море, воткнуть в дно своего судна нож или всадить гвоздь в один из стеблей прибрежного тростника. В других местностях бросают в воду хлеб и деньги.

В странах с населением германским и кельто-германским водяные эльфы известны под общим названием *никсов* (*nix* для мужского и *nixe* для женского пола), которое в иных местах растягивается в *никель*, *никельхен*, в других, напротив, сокращается в *ник*, *нек*. Однако же в Швеции водяного эльфа, живущего в реках, называют *речным человеком* (*stromkarl*), а в Норвегии эльфы, обитающие в водопадах, известны под названием *духов падающей воды* (*fossegrim*). Никс, олицетворяющий собой мужской пол водяных эльфов, гораздо менее известен в народных преданиях, чем никса, водяная фея, очень близкая к нашей русалке.

Относительно наружности водяных эльфов не все предания согласны между собой: по одним, нике является маленьким, длиннорылым стариком, с зелеными волосами и зубами, чаще же всего он представляется, как и прочие эльфы, ребенком в маленькой красной шапочке, с золотистыми кудрями по плечам.

Эстонцы рассказывают, что одна девушка повстречала на прибрежной лужайке прекрасного ребенка, который остановил ее и заставил чесать себе голову. Та повиновалась ему, и он, преспокойно расположившись на коленях ее, стал засыпать. Одна прохожая подошла к девушке и, взглянув

на ребенка, который с полуоткрытым ртом дремал у нее на коленях, сказала:

— Что ты делаешь? Да разве ты не видишь, что это нике? Посмотри—ка на его зеленые зубы!

Чуть только она произнесла это, как испуганный нике стрелой бросился к воде и в одно мгновение исчез в ней — только пузыри вверх пошли.

Наружность и одеяние никсы известны нам гораздо определеннее: она везде описывается такой же прекрасной девой, как и наши русалки, с такими же длинными, густыми, зелеными волосами, которыми она стыдливо прикрывается, показываясь на поверхности воды. Кельты утверждают, кроме того, что морские девы постоянно носят на голове шапочку и выходят на берег не иначе как в широких и легких белых одеждах, которые ниспадают живописными складками по их прекрасному телу.

По рассказам моряков и рыбаков, чаще всего случается видеть этих морских дев на море при блеске утренних лучей солнца, когда легкий туман еще лежит над румяными водами: они тогда обыкновенно являются сидящими на волнах или на прибрежных скалах и золотым гребешком расчесывают свои чудные волосы либо гонят белоснежные стада свои к крутым берегам мелких островков. Являются они иногда и на берегу, темной осенней ночью, когда резкий и холодный северный ветер насквозь пронизывает холодом, и рыбаки, разложив костер, собираются около него греться. Тогда и никса незаметно выходит из воды, бледная, дрожащая от холода, подкрадывается к костру и садится у одного из них, как можно плотнее кутаясь в свои мокрые и прозрачные одежды. Но рыбаки очень не жалуют ее посещения в эту пору: она тогда не предвещает ничего доброго, а сулит либо страшную бурю, либо утопленника, либо продолжительный неудачный лов.

Впрочем, о водяных эльфах, так же как и о трольдах, говорят, будто они весьма редко осмеливаются являться в образе человека, а чаще всего принимают вид лошади. Оборотившись красивым конем, нике бродит вечерами по берегам рек и озер, прельщая собой взор неопытного и жадного прохожего; но если тот соблазнится красотой и грациозным гарцеванием коварного оборотня и, ухватившись за гриву, вскочит на него, заранее восхищаясь мыслью о таком легком и дешевом приобретении, конь из смиренного и ласкового вдруг становится неукротимо бешеным, не дает седоку опомниться от изумления и испуга, несется к воде и,

бросившись в нее с размаху, мгновенно исчезнет в волнах, увлекая с собой несчастного седока в подводное царство.

Но человек, так естественно изобразивший в этом страшном поверье ничтожество сил своих перед могучей стихией, вместе с тем создал множество легенд, в которых словно хотел сказать: при умении и ловкости даже можно побороться и со стихией. Действительно, всюду, где существуют предания о никсе—коне, существуют и рассказы о людях ловких и сметливых, которые умели с ним сладить и даже наказать его за хитрость долгой и тяжелой службой себе. Таких рассказов особенно много в Шотландии и Германии. Они, однако же, совершенно неизвестны на морских берегах и у кельто—германского населения Шетландских, Оркадских и Гебридских островов. Там полагают, что водяные эльфы и феи являются на поверхности воды не иначе как в виде тюленей. К этому прибавляют еще, что каждому из них дается тюленья шкура (как рюгенским трольдам стеклянный башмачок) — одна на все время существования, и кто из них утратит эту драгоценную шкуру во время своего пребывания на суше, тот уже должен навсегда остаться на земле и обречь себя на вечную разлуку с подводным царством. Это поверье, конечно, послужило канвой многих легенд, из которых мы и расскажем весьма любопытную, записанную доктором Гиббертом на Шетландских островах.

«Несколько рыбаков приплыли однажды на мель, отстоявшую от берега мили на две, для ловли тюленей, которые очень любили выходить на эту мель греться. Ловля шла у них очень счастливо: им удалось оглушить многих тюленей и содрать с них шкуру вместе с жиром. Ободранные тела их побросали в кучу и стали складывать добычу в шлюпку, собираясь возвращаться домой. Но едва успели они все уложить и изготавиться к отплытию, как поднялась страшная буря — все небо заволкло тяжелыми, свинцового цвета тучами, и море закипело, как в котле, от порывов резкого, внезапно налетевшего ветра. Все разом бросились к лодке и так поспешили отчалить, что не заметили, как один молодой рыбак, не успев вскочить в лодку среди общей суматохи, остался на мели. Напрасно несчастный кричал и умолял о помощи: шум волн, яростно разбивавшихся о мель, и голос бури покрывали слабый голос человека. Его товарищи вспомнили о нем уже на середине пути, когда не было никакой возможности вернуться и причалить к мели, окруженной широким седым прибоем. Они вынуждены были оставить несчастного на произвол судьбы.

Наступила темная и бурная ночь. Бедный рыбак в отчаянии и ужасе прижался спиной к одному из разбросанных по мели камней и молча ожидал последней минуты, когда одна из седых и громадных волн прибоя смоет его, как соломинку. Вдруг видит он, что многие из тюленей, ускользнувших от ловцов, медленно подплывают к мели, взбираются на нее, потом скидывают свои тюленьи шкуры и являются в виде водяных эльфов и фей. Сначала они вовсе и не заметили несчастного рыбака: они

подошли к ободранным и безжизненным трупам своих товарищей и оживили их, так что те через несколько времени предстали снова в своем прежнем виде — жителями подводного царства. Среди завываний ветра и грозного рева волн они стали громким плачем и воплями выражать свою печаль об утрате шкур, из-за которой они навсегда должны были разлучиться со своей родиной. Больше всех горевала одна из водяных феей о своем молодом сыне, лишившемся верхнего одеяния, с которым она должна была разлучиться. Но их вопли в одно мгновение прекратились, когда они заметили молодого рыбака, который с отчаянием и дрожа всем телом поглядывал то на них, то на волны, уже заливавшие мель. Фея, плакавшая по своему сыну, вдруг подошла к нему и ласково проговорила:

— Если ты обещаешь мне добыть шкуру моего сына от своих товарищей и бросить ее в море, то я берусь на своей спине доставить тебя на берег.

Несчастный, перед которым так внезапно блеснул луч надежды, конечно, тотчас же согласился на ее условие, а фея обернулась тюленем и подставила ему свою спину. Рыбак уселся на нее верхом, крепко-накрепко обхватил ее своими дрожащими руками и зажмурил глаза, когда та храбро и бесстрашно бросилась в пенистые волны. На несколько минут и вопли оставшихся на мели водяных, и голос вторившей им бури, и плеск окружавшей его пучины слились в ушах его в один ужасающий гул. И вдруг он очутился на берегу. Едва ступил он на родной берег, как пустился бежать к своей деревне, куда его товарищи снесли все шкуры, и, выбрав из них шкуру молодого водяного эльфа, бросил ее в воду, после чего и буря скоро утихла».

Замечательно, что исландцы почитают тюленей потомками того фараонова войска, которое некогда, по словам Библии, было поглощено волнами Черного моря, когда преследовало израильтян по пути, указанному им в пучине самим Богом.

Говоря о водяных эльфах и феях, я уже не раз упоминал о подводном царстве, постоянном месте их жительства. Представление народа в этом отношении чрезвычайно занимательно: он воображает, что вода служит только верхним покровом, крышей такого же точно пространства, как и поверхность земли; такой же точно крышей, как мы видели, является для подземного царства трольдов сама поверхность земли. Приведу для пояснения моих слов одну ирландскую легенду, в которой особенно ярко описывается подводное царство.

«На юго-западе Ирландии есть одно небольшое озеро, которое окрестные жители называли волшебным потому, что, сколько ни тонуло в

нем людей, никогда тела утопленников не отыскивались. О нем ходила в народе страшная молва: одни утверждали, что в темную ночь мрачный цвет его вод становился огненным; другие — что сами видели, как воздушные, легкие тени скользили в сумерки по его поверхности...

На берегу этого таинственного озера жил некогда молодой фермер Родерик Китинг, который собирался жениться на одной из прелестнейших девушек своего околотка. Возвращаясь из Лимрика, куда он ходил покупать обручальные кольца, довелось ему на берегу озера повстречать двух своих приятелей, и среди разговора он стал показывать им свою покупку. Те рассматривали кольца, взвешивали их на ладонях, хвалили отделку их, и в то время как Родерик собирался из рук своих приятелей переложить кольца в боковой карман, одно из них вдруг выскользнуло у него из рук, покатилося по крутому берегу к воде и упало в озеро. Родерик посмотрел ему вслед, печально развел руками и понурил голову: не кольца ему было жалко, хоть оно и стоило целые полгинеи, а боялся он того, что примета—то была уж очень нехороша. Его приятели стали над ним подтрунивать, думая этим его несколько отвлечь, но он не слушал их, а все только упрашивал достать со дна озера его кольцо, за что обещал щедро наградить. Но те ни за что не решались опуститься на дно страшного озера, о котором еще в детстве пришлось им от нянек слышать всяких рассказов такого содержания, что и теперь еще мороз по коже подирал.

— Ну уж если вы не согласны опуститься за кольцом, когда я предлагаю вам такую славную награду, мне остается одно: идти назад в Лимрик и купить другое кольцо!

— Постой, постой, — сказал, подходя к нему в эту минуту, один бедняк, по имени Паддин. Он всем был в округе известен своим тихим и кротким нравом, услужливостью и странными привычками, потому что все время проводил в переходах с одного места на другое и никогда более двух дней нигде не мог усидеть. — Постой, Родерик Китинг! Если ты обещаешь и мне такую же награду, как им, так я берусь достать тебе кольцо, хоть бы оно упало на дно самого глубокого омута во всем озере!

Китинг принял его предложение с восторгом, и Паддин, не говоря более ни слова, быстро разделся и бросился в воду. Долго ли и глубоко ли он нырял, сказать трудно; но только он опускался, опускался и — вдруг очутился на суше. Едва оправившись от изумления, он стал оглядываться во все стороны и увидел такое же небо, такой же свет, такую же зелень вокруг, как и на земле. Перед ним на огромном пространстве предстал великолепный сад: с тенистыми аллеями, извилистыми дорожками, с прозрачными ручейками, широкими, изумрудно-зелеными лужайками. В

самой середине сада стоял большой, богато убранный дворец, к которому отовсюду вело множество стройных и красивых лестниц. Паддин вошел в сад и направился к дому по аллее. На боковых дорожках увидел он молодых поселян, которые сгребали в стога душистое сено и укатывали дорожки, преспокойно мурлыча себе под нос песенку. И каково же было его удивление, когда между ними узнал он нескольких своих старых знакомцев, которые в последние годы потонули в озере! Это его так испугало, что он едва-едва добрался до дому и, дрожа всем телом, стал подниматься по лестнице. Входит в двери и видит, что среди великолепной залы сидит на высоком стуле толстая-претолстая водяная фея с глазами в доброе лукошко и вздутыми губами, из-под которых выглядывают два ряда больших и длинных зубов.

— Здравствуй, Паддин! Зачем к нам пожаловал? — проревела густым басом толстая фея навстречу бедняку.

— Да я сюда за кольцом Родерика Китинга явился, так нельзя ли будет мне получить его? — собравшись с духом, проговорил Паддин.

— Вот что? Ну, уж так и быть, вот оно, — сказала фея, подавая кольцо Паддину.

— Спасибо! Спасибо! А скажи-ка ты мне, добрая и милая фея, как бы мне отсюда выбраться, чтобы опять на землю попасть?

— На землю? Так, значит, ты не затем явился, чтобы на мне жениться? — гневно закричала фея, тяжело спрыгивая со стула и подбегая к Паддину. — Если так, я смогу тебя и принудить...

— Да погоди, — сказал он в ответ ей, стараясь придать голосу возможно больше равнодушия и желая поправить свою излишнюю поспешность, — прежде выслушай меня. Я, конечно, женюсь на тебе очень охотно, но ведь, согласишься, нельзя мне оставлять у себя чужое кольцо, да притом еще заставлять всех о себе беспокоиться. Ну, снесу кольцо, вернусь и женюсь на тебе.

— Пожалуй, так можно. Ступай же вот этой дорогой до ворот и возвращайся скорее.

Паддин даже и не дослушал ее последних слов, чуть не вприпрыжку добежал до ворот, открыл их и вдруг снова очутился в воде. Он стал подниматься вверх, поспешно разводя руками и ногами. И как же изумились ожидавшие его молодые люди, когда после долгого пребывания под водой он выплыл на противоположном конце озера!»

У немцев существует сказка, весьма сходная с этой легендой и очень замечательная по своему содержанию.

«У одной вдовы было две дочери: одна из них была хороша собой и прилежна, другая — дурна лицом и ленива. Но мать больше любила дурную, потому что та была ее собственной дочерью, чем красивую падчерицу, на которой лежала вся черная работа в доме. Бедная девушка эта должна была каждый день садиться на большой дороге у ручья и так много прясть, что кровь выступала у нее из-под ногтей. Вот случилось однажды, что все веретено было у нее в крови; она наклонилась к воде, чтобы обмыть его, а оно выскочило у нее из рук и упало на дно глубокого ручья. Бедняжка заплакала, побежала к мачехе и рассказала ей про свою беду. Та разбранила ее и закричала:

— Сама уронила, сама и достань, а до тех пор мне и на глаза не показывайся!

Девушка со слезами пошла опять к ручью да с отчаяния и бросилась в него доставать свое веретено. Тут впала она в забытие и когда очнулась и снова пришла в себя, то увидела, что лежит на прекрасной лужайке, усеянной множеством чудных цветов и ярко освещенной солнцем. Пошла она по этой лужайке и дошла до печки, в которой было насажено много-много хлебов. Хлебы закричали ей:

— Вынь нас, девушка, вынь поскорей, не то сгорим: мы уже давно испеклись.

Она подошла и все хлебы из печи повынимала. Потом пошла она дальше и дошла до яблони, на которой было много-много яблок. Яблоня сказала ей:

— Потряси меня, девушка, потряси скорей: яблоки на мне уже давно поспели.

Она подошла к дереву, обтрясла все яблоки и сложила их в кучку. Наконец, пришла она к избушке и в окне ее увидела старуху с такими большими и длинными зубами, что испугалась и хотела уже бежать от нее, когда та обратилась к ней и ласково сказала:

— Чего ты, милая, испугалась? Останься у меня: ведь, если ты будешь хорошо у меня в доме работать, так тебе здесь будет хорошо. Только ты прежде всего должна тщательно взбивать мою перину, когда будешь стелить постель, — так, чтобы перья летели во все стороны, потому что от этого на земле снег идет^[12]. Зовут меня старуха Холле.

Девушка согласилась остаться у нее и поступила к ней в услужение. Она верно служила своей госпоже, угождала ей во всем и за то ни разу не слыхала от нее дурного слова, а всякого кушанья, питья и лакомств получала от нее вдоволь. Как ни было ей хорошо жить у старухи, однако

же вскоре захотелось вернуться домой и повидаться со своими. Она сказала старухе:

— Меня одолела тоска по своим домашним, и хоть мне у тебя хорошо, однако же я чувствую, что не в силах жить вдали от своих близких.

Старуха похвалила девушку за привязанность и прибавила:

— Ты мне служила верно, а потому и я хочу наградить тебя по заслугам.

Тут взяла она ее за руку и подвела под большие ворота. Едва только подошла она под их свод, как на нее пролился обильный золотой дождь и все золото к ней пристало и покрыло ее с головы до ног.

— Это тебе на память от меня за прилежание твое, да вот кстати захвати и веретено свое, что в ручей—то упало.

После того ворота захлопнулись, и девушка очутилась на земле, недалеко от дома своей мачехи, которая на этот раз приняла ее ласково, потому что видела, какое она несла с собой богатство».

В сказках и легендах водяные феи описываются по-разному: то коварными и злыми, то добрыми и справедливыми, как в вышеприведенных двух легендах. Вообще говоря, они, кажется, так же капризны и раздражительны, как и все уже известные нам существа невидимого мира. Часто их уловки и шутки бывают очень грубы и жестоки. Часто приходится и людям дорого платить за услуги, оказанные им водяными феями, как рассказывает одна немецкая сказка, которую мы заимствуем из собрания братьев Гримм.

«Жил—был некогда мельник, который вдруг так стал беднеть, что едва—едва мог содержать свою мельницу. Встал он однажды ранешенько, потому что во всю ночь не удалось ему сомкнуть глаз от беспокойства, и вышел в поле развеять тоску свою. Когда он ступил на мельничную плотину, солнце только что показалось на горизонте, и он услышал позади себя в пруду какой—то особенно странный плеск. Оглядывается и видит: из воды медленно поднимается прекрасная женщина; ее длинные волосы, которые она рассыпала по плечам своими нежными руками, падали с обеих сторон широкими волнами и покрывали собой ее белое тело. Мельник понял, что это, должно быть, никса его пруда, и сам не знал, что ему делать: бежать ли без оглядки или оставаться на месте. Никса назвала его по имени и спросила, почему он так печален. Тот сначала молчал от страха, однако же, услышав, как она с ним ласково говорила, собрался с духом и рассказал ей про свое горе.

— Будь спокоен, — отвечала никса, — я тебя сделаю и богаче, и счастливее, чем когда-либо, только ты должен обещать, что отдашь мне то, что у тебя теперь в доме появилось на свет нового.

«Что же это может быть другое, как не щенок или не котенок? » — подумал мельник и ответил никсе, что он согласен.

Никса ласково кивнула ему головой и опустилась в воду, а мельник, успокоенный и обрадованный, поспешил домой. Еще не успел он и до дому дойти, как выбежала к нему навстречу служанка и закричала издали, что дома ждет его большая радость, что жене сейчас дал Бог сына. Бедняк остановился, как громом пораженный этой вестью, и тут только понял, что коварная никса очень хорошо знала, чего у него потребовала взамен своей услуги.

Скоро мельник разбогател, но богатство, приобретенное такой дорогой ценой, было ему постыло. Он все только ухаживал за своим сыночком, с которым должен был вскоре расстаться, и все твердил ему:

— Берегись, дружок, не подходи к пруду, не касайся воды его, а то, чуть только ты к ней наклонишься, никса тотчас тебя схватит и утащит к себе под воду.

Однако же годы шли за годами, а никса и не думала требовать к себе его сына. Мальчик тем временем вырос и поступил в учение к одному охотнику: потом, когда сам стал хорошим охотником, поступил на службу к одному землевладельцу, который подарил ему небольшой домик и женил его на одной из своих дочерей. Наш охотник зажил себе припеваючи и думать забыл об отцовском предостережении.

Однажды случилось ему, после долгого преследования, убить оленя невдалеке от озера никсы. Выпотрошив свою добычу, он подошел к воде, чтобы смыть с рук своих кровь. Но едва успел он опустить руки свои в воду, как никса с диким хохотом обхватила его своими мокрыми и холодными руками и так быстро увлекла под воду, что только волны запенились у того места, где он наклонялся с берега к воде.

Долго ждала его возвращения бедная жена, наконец пошла всюду искать его и, когда увидела на берегу озера мужнину охотничью сумку, поняла, что опасения его отца сбылись, что никса забрала себе обещанное. Мысль о вечной разлуке с мужем так поразила несчастную, что она без чувств упала на землю и впала в забытие. В этом странном состоянии привиделось ей, что она поднимается на одну из крутых соседних гор. Буйный ветер дует ей навстречу; терновник и колючие растения заграждают ей путь. Но вот она всходит на гору, и картина совершенно изменяется: небо там ярко-голубое, солнце жарко светит на красивые

холмики, а на одном из них стоит опрятная избушечка. И вот она подошла к двери, отворила ее и видит, что в избушечке сидит старушка старенькая, седенькая и ласково манит ее к себе. Тут бедняжка и очнулась. Она тотчас же решилась выполнить в действительности то, что привиделось ей в тяжелом сне. Так все и случилось: она действительно отыскала старушку в избушке, та ласково подозвала ее к себе, расспросила о ее горе и сказала:

— Утешься, моя милая; я тебе помогу. Вот тебе три вещи: золотой гребень, флейта и прялка. Сначала ты расчешешь гребнем свои волосы и положишь его у пруда, на берегу; потом сыграешь на флейте песенку и тоже положишь ее поближе к воде; наконец, выпрядешь всю пряжу, какую видишь здесь на прялке, и положишь ее тоже у воды. Что из этого выйдет, сама увидишь. Только ничего не делай прежде, чем луна взойдет высоко на небе.

Жена охотника поблагодарила добрую старушку и тотчас снесла все три вещи к озеру. С нетерпением ожидала она вечера. Наконец стемнелось, луна показалась из-за облака, и она стала расчесывать золотым гребнем свои длинные черные волосы. Чуть только она положила гребень на берег, как тот соскользнул в воду и упал на дно; закипело озеро, расступилось на середине, и из воды показалась на минуту голова молодого охотника и тотчас же снова скрылась. Жена его схватила за флейту, сыграла на ней песенку и поспешно положила ее у воды; флейту тотчас же смыло водой, и опять заволновалось озеро, опять расступилось оно на середине и показался из воды молодой охотник, но уже по пояс. Тогда жена его, подгоняемая надеждой, стала быстро прясть, и, когда пряжа была готова, она поставила прялку к воде и с нетерпением ожидала, что-то будет. Пришла к берегу огромная волна, утащила за собой прялку в озеро, и в ту же минуту молодой охотник поднялся весь из воды, быстро выскочил на берег, взял жену за руку и пустился бежать. Однако же никса не хотела так легко расстаться со своей добычей. Едва успели они сделать несколько шагов, как все озеро выступило из берегов и со зловещим плеском, с ужасающим шумом погналось за бежавшими супругами. Яростно пенившиеся волны уже настигали их, уже радостно хлопала в ладоши и хохотала жестокая никса, рассчитывая на верный успех погони, но старушка, которая помогала жене охотника в ее горе, сжалилась над несчастными, поспешила к ним навстречу и обратила на время мужа в лягушку, а жену — в жабу, так что те успели укрыться от преследования никсы и зажили потом припеваючи...»

Из всех легенд о водяных феях выразительны ирландские. Они изобилуют яркими чертами из жизни этих существ, живыми поэтическими подробностями. Нам не раз еще придется использовать из богатого Крокерова наследия легенды для подтверждения на-ших слов. Между прочим, теперь же приведем одну, в которой рассказывается, что у водяных фей есть своя шапочка–невидимка (как у трольдов), но в которой заключается не только способность исчезновения, а их все могущество.

«В одно прекрасное летнее утро, незадолго до восхода солнца, молодой ирландец Дик Фицджеральд стоял на берегу моря близ Смервикской гавани. Солнце всходило из–за громадной скалы и красными лучами своими прогоняло седой туман, еще лежавший над волнами. Вскоре все море засияло на солнце, как громадное зеркало, в которое спокойно гляделись окрестные берега. Дик с восторгом любовался чудной картиной солнечного восхода, а сам думал: «Как грустно смотреть на все

это одному, когда нет ни живой души возле, с которой бы можно было поделиться дорогим впечатлением, передать свои мысли, свои чувства. А вокруг меня, — сказал он, оглядываясь, — все пусто, ни живой души, — одно только эхо отозвалось бы, может быть, на слова мои...» И вдруг он остановился. Невдалеке, у подошвы утеса, увидел он женщину ослепительной красоты; она сидела на берегу и, медленно, грациозно поднимая руку, белую как снег, расчесывала золотым гребнем свои длинные, ярко-зеленые волосы. Дик, еще будучи ребенком, слышал от матери, что если у морской девы (а он, конечно, тотчас же понял, что это не кто иная, как морская дева) отнять ее маленькую островерхую шапочку, то дева теряет способность возвращаться в подводное царство, пока не вернет свою шапочку. В голове Дика тотчас созрел план: подкрасться тихонько к морской деве и овладеть шапочкой, лежавшей возле нее на песке. Подумано — сделано. Но едва успел Дик спрятать шапочку в карман, как морская дева обернулась в его сторону, потом закрыла лицо руками и горько-прегорько заплакала. Дик, понимавший очень хорошо, что причиной этих слез была мысль о вечной разлуке со своей родиной, подсел к ней поближе, взял ее за руку и стал утешать, как мог. Но фея продолжала плакать по-прежнему; однако же ласки взяли свое: она, наконец, подняла голову, взглянула на Дика и сказала ему:

— Человек, скажи, пожалуйста, ты хочешь съесть меня?

— Съесть? — с удивлением спросил Дик. — Да помилуй! С чего это тебе в голову пришло? Уж не рыбы ли выставили людей в глазах твоих в таком дурном свете?

— Так что же хочешь ты со мной сделать, коли не съесть меня? — спросила фея, не спуская своих глаз с его лица.

— Что? — повторил Дик. — А вот что. Скажи мне: хочешь ли ты быть моей женой? И если ты согласна, так вот тебе мое честное слово: не далее как сегодня же вечером ты будешь носить мое имя!

Фея подумала, подумала и подала наконец ему свою руку в знак согласия. Дик был в восторге.

— Дай мне только проститься с отцом моим, — сказала морская дева и, обернувшись к морю, прошептала несколько невнятных слов, которые были тотчас подхвачены легким ветерком и вместе с легкой зыбью понеслись вдаль.

— А кто же твой отец? — с любопытством спросил ее Дик.

— Кто? Да неужели ты никогда не слыхал о нем? Мой отец — морской царь!

— Царь! Вот что! — проговорил Дик, самолюбие которого было сильно польщено женитьбой на морской царевне. — То-то, я думаю, денег-то, денег-то у твоего отца, моя милая! — продолжал он очень наивно расспрашивать свою невесту.

— А что это такое — деньги? — с удивлением спросила морская дева.

— О! Деньги — это такая вещь, которую очень хорошо иметь, когда в чем-нибудь нуждаешься или хочешь ни в чем себе не отказывать.

— Мне и без того не приходилось себе отказывать ни в чем: чего бы я ни пожелала, стоило только приказать рыбам, и они тотчас же все исполняли.

После этого разговора на берегу Дик повел свою невесту домой и в тот же вечер с ней обвенчался.

Зажил Дик со своей женой припеваючи: все ему удавалось, а у нее вся домашняя работа спорилась и кипела в руках, как будто она всю жизнь свою прожила на земле среди людей, а не между странными существами подводного царства. Через три года у Дика было уже трое детей: двое мальчиков и одна девочка. Можно сказать наверное, что он бы пресчастливо прожил всю свою жизнь с милой феей, если бы мог не забыть в счастье о благоразумной предосторожности. Но — увы! — чем дольше Дик жил со своей женой, тем больше забывал о ее происхождении, о том, что у нее когда-нибудь появится желание вернуться на свою родину. Он даже не позаботился спрятать ее шапочку куда-нибудь подальше, а просто бросил ее в кучу старых сетей, лежавших в темном углу его хижины.

Однажды, когда Дика не было дома, жена его, строго соблюдавшая всюду чистоту и опрятность, захотела вынести из хижины все лишнее и прибрать ее к приходу мужа получше. Она подошла к старым сетям, лежавшим в углу, сдвинула их с места и вдруг увидела на полу свою дорогую волшебную шапочку. Тысячи новых мыслей и старых воспоминаний тотчас же зароились в голове ее; она подумала о своем отце, о своих подругах, о родине... Потом пришли ей на память муж ее, Дик, и маленькие детки, которым еще так нужны были ласки и заботы матери. Однако же, подняв свою шапочку, повертев ее в руках, она подошла к колыбели, где спал ее младший сын, поцеловала его, простилась с остальными детьми и, утешая себя мыслью, что может сойти в море лишь на время и всегда вернуться к своему милому Дику, медленно направилась к берегу.

Дик вернулся домой вечером и, не видя своей жены, стал спрашивать о ней у своей маленькой дочки, но та ничего не могла ему сказать вразумительного. Тогда он направился к соседям и узнал от них, что те

видели, как жена его ходила по берегу и что на голове у нее была какая-то странная шапочка. Тут уж он бросился в угол своей хижины, стал рыться между старыми сетями и, не найдя заветной шапочки, догадался, в чем дело.

Разлука с феей была страшным ударом для Дика. Он совершенно не мог утешиться и решительно не хотел слышать о женитьбе, уверенный в том, что его жена и мать его детей должна к нему когда-нибудь вернуться.

Но год шел за годом, а морская царевна все не выходила на берег. Никто не видел ее с того времени, как она исчезла, но память о доброй, услужливой и кроткой фее все еще живет среди жителей окрестностей Смервикской гавани».

У нике и никсов замечали люди такую же страсть к музыке и пению, как у всех других эльфов. Часто слышалось, что никсы увлекали к себе под воду молодых людей, восхитив их прелестной гармонией своих песен. В Швеции рассказывают про *речного человека* (stromkarl), что он большой музыкант, что музыка его состоит вся из одиннадцати вариаций, из которых, впрочем, только десять могут быть известны людям и доступны их слуху: одиннадцатую играет он лишь тогда, когда хочет заставить плясать все подводное царство. Замечательно среди шведских и норвежских поверий о никсе еще и то, будто он очень охотно берется учить музыке на скрипке или на каком угодно другом инструменте за известную плату. Плата эта обыкновенно состоит в том, что в реку кидают черного ягненка или белого козленочка. Если эти животные бывают тощи, то нике поведет ученика в своих уроках не далее настраивания скрипки; если же он останется доволен приношением, то схватит ученика своего за правую руку, станет водить ею по струнам до тех пор, пока кровь не брызнет из пальцев, и тогда уже из ученика выйдет великий музыкант и будет он в состоянии извлекать из своего инструмента такие звуки, от которых «деревья будут плясать и воды останавливаться в своем течении».

Впрочем, ирландцы и в легендах о водяных феях так же оставляют преимущество относительно музыкальных способностей на стороне людей, как и в легендах о мирных соседях. Как в последнем случае они ловко противопоставили эльфам маленького и горбатого Люсмора, одаренного тонким музыкальным слухом, так точно рассказывают они легенду и про одного слепца-музыканта, которому была известна такая чудная музыка, против которой ничто не могло устоять, которой приобрел он даже руку морской девы, после чего и стал морским царем. Предлагаем эту любопытную легенду.

«Коннор был лучшим из всех свирельщиков в целом Мюнстере^[13]; а это не малость. Он умел исполнять всякие песни и народные гимны, нимало не затрудняясь. Это бы еще все ничего, да ходил про него в народе слух, что он не одну простую музыку знает, а и такую, которой может заставить плясать все вокруг себя. От кого и как научился он этой музыке, никто сказать не мог, потому что Коннор никогда никому не говорил этого и ни перед кем не игрывал заветного мотива — все знали о нем лишь по слухам. Ни одна ярмарка, ни одна свадьба, ни один приходский праздник не обходился без слепого Коннора и его свирели. Старушка—мать водила несчастного слепца под руку с одного места на другое.

Случилось им однажды прийти в Ивераг, приморский городок, известный во всей Ирландии своими бурными берегами и сильным морским прибоем. В тот день был в городе праздник, и все жители гуляли на лужайке, которая простирается за городом от подошвы высоких и крутых гор до самого моря. Чуть только явился слепой свирельщик, все тотчас его окружили и заставили играть. Начались танцы. Долго играл свирельщик, и все слушавшие музыку его и плясавшие под нее беспрестанно говорили: «Вот музыка так музыка!»

Всех больше восхищался ею один горбатый и старый танцмейстер. Когда наконец Коннор остановился, чтобы перевести дух, тот не вытерпел, подбежал к нему и, дружески ударив по плечу, сказал:

— Славно ты играешь, дружок! Только ведь сухая ложка рот дерет. Ты, верно, не откажешься выпить?

— Ну конечно, — отвечал Коннор, — если только будет на то ваша милость.

— Чего же ты хочешь?

— Да я, сударь, неразборчив. Но уж если вы так добры, что осведомляетесь о моем вкусе, так пожалуйста мне стакан виски.

— Что стакан! Я тебе целую бутылку подать велю.

Коннор, конечно, не отнекивался от такого угощения, а, напротив того, поблагодарив за него очень вежливо, скоро осушил бутылку и, поставив ее на стол пустую, очень весело сказал:

— Хорошо было виски!

Он посидел несколько минут молча, потом улыбнулся и, обратившись к танцмейстеру, сказал:

— Ну, друг, потешил ты меня, теперь моя очередь тебя потешить! — И прежде чем кто-нибудь успел понять настоящий смысл этих слов, он вдруг схватил свою свирель и заиграл заветный волшебный мотив, о котором ходило в народе так много разных толков.

Все, что было на лужайке, — старики и молодые, дети и почтенные матери семейств, столы и скамейки, кружки и бутылки, — все заплясало, закружилось в бешеном порыве. Мало того, море заволновалось и, вызванные дивной музыкой на поверхность, стали приплывать к берегу всевозможные рыбы и приплясывать, и подпрыгивать в такт волшебному мотиву. Толстопузые крабы и остроголовые раки выходили из воды и, переплетаясь своими широкими клешнями, составляли уморительные хороводы. Тощие миноги и жирные угри то свивались под музыку в кольца, то расползались по песку прихотливыми и разнообразнейшими фигурами. Сам Коннор, наконец, не усидел на месте и пошел рядом со своей старухой матерью переминаться с ноги на ногу и подпрыгивать среди всеобщей дикой суматохи...

И вдруг из воды показалась женщина дивной красоты. Длинные чудные зеленые волосы ее, падавшие густым покровом на спину и плечи и спускавшиеся до самых колен, были прикрыты маленькой острой шапочкой. Из-за коралловых губок выглядывали два ряда жемчужных зубов. Светлые глазки глядели весело из-под тонких бровей, а стройное тело было прикрыто белой легкой одеждой, разукрашенной кораллами, цветами и раковинами. Едва появившись над водой, она стала легко и грациозно приплясывать под музыку Коннора и быстро приближаться к берегу. Вот вышла она на берег, подошла, танцуя, к Коннору, который выделял ногами неистовые прыжки и фигуры, потрепала его по плечу и сказала:

— Я знатная дева подводного царства; я живу на дне моря. Пойдем со мной, друг мой Коннор; будь мне супругом. Ни в чем не будет тебе отказа, ты будешь есть и пить на золоте и серебре и, женившись на мне, станешь царем над всеми рыбами.

Коннор в ответ на это отыскал ее руку, поцеловал и, продолжая играть и плясать, стал за ней подвигаться к морю. Все кругом по-прежнему плясали в каком-то странном и непонятном неистовстве, совершенно не замечая ни морской девы, ни того, что Коннор, взяв ее под руку, направлялся с ней к морю. Одна только старуха мать заметила с ужасом, что морская дева увлекает ее сына в свое подводное царство, и подняла страшный вопль.

— Сын мой, сын мой! — кричала она. — Что ты ее слушаешь! Зачем идешь ты к ней? На кого ты меня покидаешь? Да ты подумай хоть о том, что если ты на ней, язычнице, женишься, так ведь внучата у меня будут рыбы, наверное рыбы! Поверь своей матери, вернись, пока не поздно!

Коннор стоял уже в это время по колено в воде и приплясывал, по-прежнему опираясь на руку прелестной морской девы. Когда голос матери достиг его ушей среди всеобщего гама и шума, он обернулся в сторону матери своей и закричал ей:

— Не беспокойся, матушка: там мне будет получше, чем на земле. А чтобы давать тебе знать, что я еще жив, каждый год буду я тебе к этому месту берега присылать по волнам обожженное бревно.

Тут снова заиграл он на своей свирели и пошел по воде далее. Огромная пенистая волна медленно двигалась навстречу ему. Морская дева быстро накрыла его своей одеждой, и они исчезли под волной...

Старуха мать умерла вскоре с горя по своему сыну, не дождавшись вестей от него. Если же верить старожилам тех мест, то более ста лет в назначенное время и к назначенному месту постоянно приплывало большое обожженное бревно, да вот только недавно приплывать перестало».

О никсе все предания согласно утверждают, что он очень строг ко всем гордым и недоступным девушкам; но зато уж, если сам полюбит какую-нибудь девушку, так обращается в самого ласкового и даже докучливого услужника. Точно так же доказывают все народные поверья, что нике каждый год непременно требует своей жертвы, и каждого утопленника считают добычей водяных эльфов. Чрезвычайно наивно народное представление о пребывании утопленников в подводных жилищах: народ полагает, что водяные хранят души утопленников под опрокинутыми горшками, а тела их выбрасывают обратно или обращают в таких же водяных, как и они сами.

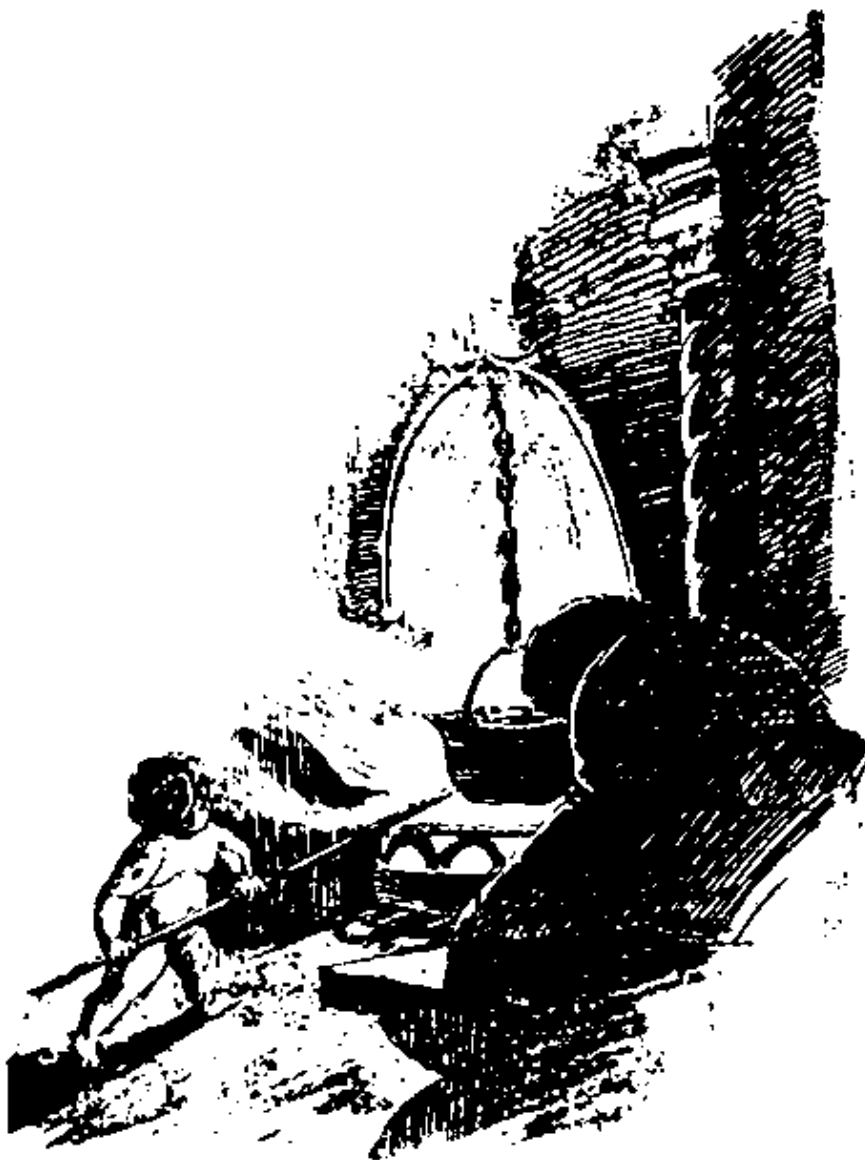
Кроме изложенных нами легенд о водяных феях и эльфах, в разных местах существуют и местные верования в особые виды этих существ. Таковы, например, шотландские — *кельпи*, бретонские — *ночные прачки* и французские — *морганы*, похищающие детей, играющих у воды, и множество мелких существ в Германии, Дании, Швейцарии и др.

Теперь должны мы приступить к последнему и едва ли не самому разнообразному отделу невидимого мира фей и эльфов: мы расскажем о *домовых*. Они известны на скандинавском Севере под общим названием — *нисов*, в Германии — под именем *кобольдов*, в Шотландии — под именем *темненьких* (brown). Все остальные названия происходят от тех звуков, которыми часто беспокойные соседи докучают людям во всякое время дня и ночи^[14]. Всего более поражает в домовых эльфах одна резкая черта, которой нет у остальных разрядов, — отсутствие между ними женского пола, который ни в каких преданиях не упоминается.

Домовой-эльф, судя по множеству преданий, рассеянных у всех народов, совмещает в себе все достоинства и все недостатки эльфа: он добр, ласков и внимателен ко всем тем, которые его ласкают, но в то же время кичлив, обидчив до крайности, нетерпелив и мстителен. Отличительной и лучшей стороной его характера можно назвать горячую привязанность к тому дому, в котором он поселяется. Он не жалеет ни трудов, ни сил на помощь хозяевам своим, выручает их часто из беды неминуемой, часто предостерегает от угрожающей опасности. Любя более всего опрятность и правдивость, он помогает слугам содержать дом в порядке, услуживать господам и гостям; если слуги бывают к нему добры и ласковы, то он даже берет всю их работу на себя, так что исполнение их обязанностей обыкновенно крайне облегчается. Напротив того, если слуги не верят в силу своего домового-эльфа, если они бранят его или не выполняют тех ничтожных условий, которые обыкновенно заключает он с ними, прежде чем принимается за работу, тогда разгневанный домовый жестоко наказывает за это: он бьет горшки и посуду, которые слуги берут в руки, разливает кушанья, которые подают они на стол господам, не дает им спать ночью, камнем наваливаясь на их грудь или сбрасывая их с постели на пол. Если не угодит домовому который-нибудь из конюхов, то тот может быть уверен, что найдет на другой день гривы и хвосты лошадей своих спутанными, их самих постоянно нечищеными, сколько бы раз в день он их ни чистил, и постоянно тощими, сколько бы ни давал им корма. А если он в ладу с домовым, так может целый день спать и ни о чем не заботиться: все и без него будет идти как нельзя лучше. За все свои услуги домовый-эльф требует лишь самой ничтожной награды — небольшого горшка молочной каши или блюда молока с накрошенным в него хлебом (которые обыкновенно нужно выставить на ночь на загнетке печи) да ласкового и учтвого обхождения из уважения к его могуществу.

Все предания одинаково изображают домового-эльфа прекрасным белокурым ребенком или маленьким и сгорбленным старичком, одежда которого напоминает костюм трольда: та же острая, чаще всего красная шапочка, тот же темный плащ или куртка.

Замечательно, что были *исторические домовые*. Летописи Средних веков полны всяких рассказов о разных домовых и их проделках. Особенно любопытны известия, сообщаемые пастором Фельдманом об одном домовом-эльфе, поселившемся около 1584 года в замке Худемюлен, который находился в Люнебургской области, недалеко от Аллера.

«Этот домовой жил в замке несколько лет. Владелец Худемюлена сначала испугался нового своего соседа и вздумал уехать от него, предоставив ему на некоторое время весь свой замок. С огромной свитой выехал он из своих владений и поехал в ближайший город. Во все время пути рядом с его повозкой вилось и летело по воздуху легкое белое перышко. Едва успел барон приехать в город и остановиться со всей свитой в доме одного своего приятеля, как между людьми обоих баронов начались такие ссоры и драки, что хозяин прямо высказал гостю свое неудовольствие и нежелание видеть его долее в своем доме.

Обиженный барон Худемюлен не знал, куда и голову приклонить и как уладить дело со своим приятелем. В ту минуту, как, сидя на постели,

он обдумывал, что же ему делать, позади себя услышал он очень знакомый голос замкового домового—эльфа:

— Это я, Хинцельман, твой домовый!

— Ты как сюда попал? — закричал гневно барон, побеспокоенный не вовремя.

— Кхе—кхе—кхе! Не извольте горячиться, барон! — продолжал Хинцельман. — Ведь вы в моей власти. Ведь это я всех заставил передрасться и перессориться и поставил вас в затруднительное положение; а все за то, что вы вздумали убежать от меня. Не убежите, любезнейший барон: я всю дорогу летел за вами в виде белого перышка и от вас не отстану; так уж лучше вернитесь в свой замок. Вы увидите, что я вам худа не желаю!

Барон должен был повиноваться эльфу и согласился вернуться в свой замок, а Хинцельман тотчас прекратил все ссоры челяди и помирил обоих баронов.

В замке был он после этого происшествия в таком почете, что ему в верхнем этаже даже отвели, по его требованию, особую комнату, в которой поставлены были для него маленькие стулья, кроватка и столик. На этот столик каждый вечер кухарка, с которой эльф очень подружился, ставила его любимое кушанье на блюде и каждое утро уносила его дочиста вылизанным. Хинцельман никому не делал зла, но никому не спускал и обиды. За дворней барона он присматривал так зорко, что никаким порокам нельзя было в ней завестись: чуть только подмечал он, что кто—нибудь из людей барона был нечист на руку, или сварлив, или слишком любил крепкие напитки, он выходил из себя, бранился, кричал и всюду преследовал виноватого невидимыми палочными ударами, которые сыпались на того градом и не давали ни днем ни ночью покоя. Многим из окружавших его этот эльф предсказывал будущее удивительно верно, многих вовремя предостерегал от опасности. Так, например, советовал он одному офицеру, приехавшему к барону в гости, оставить на некоторое время охоту и не стрелять из пищали. Тот посмеялся его словам и на другой же день отправился на охоту; но едва только приложился он и вздумал выстрелить в оленя, пищаль его разорвало и самого его жестоко ранило ее осколками.

— Послушался бы ты меня, так ничего бы этого и не было! — прокричал над его ухом голосок Хинцельмана, в то время как тот без чувств падал на землю.

Хинцельман в бытность свою в замке всего более любил играть с бароновым шутом и с детьми, собиравшимися во дворе замка из

окрестностей. В виде прекрасного ребенка вмешивался он в их толпу и забавлял их, выдумывая самые замысловатые игры. Но никто из жителей замка не видел его в настоящем облике, потому что он никому в нем не являлся. Баронова кухарка, его друг, долго упрашивала его явиться ей и дать на себя насмотреться вдоволь. Он долго не соглашался, наконец сказал:

— Хорошо, я тебе завтра явлюсь в погреб; приходи труда рано поутру и принеси с собой два ведра воды.

Кухарка на другой день чуть свет поднялась, взяла два ведра воды и пошла в погреб. Отворяет дверь, оглядывается — никого нет. Взглянула себе под ноги и видит — лежит на льду нагой ребенок; в сердце у него — нож, и кровь широкой струей течет по его нежному телу, образуя около ребенка большую и темную лужу. Кухарка вскрикнула и упала без чувств, а Хинцельман, явившийся ей в этом страшном виде, схватил оба ведра, облил ее водой и тем привел в чувство.

— Не будь в другой раз любопытна! — закричал ей на ухо эльф, когда она очнулась».

Много рассказывают также и о другом домовом-эльфе, который был особенно привязан к семье епископа Дильдесгеймского Беренгарда и назывался *Шапочка* (Нобекеб). Он много способствовал расширению владений Беренгарда и особенно прославился чудесными подарками, которыми обыкновенно награждал своих любимцев: так, он подарил одному булавочному мастеру кусок железа, из которого у того постоянно выходили золотые булавки, а его дочери — небольшой кусок дорогих кружев, их сколько она ни отмеривала, кусочек все не уменьшался.

Опыт научил людей умению жить и ладить со своими соседями домовыми-эльфами, и они действительно стали очень осторожны. В Исландии даже очень долго существовал престранный обычай торжественного приема домовых-эльфов вечером, накануне Нового года. В этот таинственный вечер, по народным поверьям, домовые-эльфы имеют обыкновение переменять место жительства, которым бывают недовольны. Основываясь на этом поверье, исландцы обыкновенно весь день, предшествовавший вечеру, старались говорить как можно меньше, чтобы как-нибудь неосторожным словом не оскорбить всюду летавших в это время эльфов. Вечером накрывали они в лучшей комнате ужин, ставили на стол свечи, и хозяин дома выходил за ворота, приглашая к себе эльфов в гости, обещая, что жить им будет хорошо и привольно, и прося себе с их стороны снисхождения. Затем все ложились спать, оставляя и

ворота, и все двери настежь отворенными для свободного прихода желанных гостей.

Все народные поверья возникают вместе с языком во времена, не доступные никакому человеческому наблюдению. Читатели, вероятно, заметили из рассказанного мною разительное сходство, существующее между европейскими народными поверьями. Новейшее сравнительное изучение европейских языков указало на точно такое же внутреннее сходство^[15] между ними, несмотря на различие во внешней форме. Причиной такого сходства языков и поверий может быть только одно — единство происхождения. И действительно, язык и поверья уже образовались и окончательно развились, когда народы Европы еще жили в Азии, составляя одно племя, у которого были общие верования. Все поверья и предания представляют собой лишь обширный круг воспоминаний об этих первобытных верованиях, лишь ничтожные остатки их, которыми более всего дорожит народ: он не жертвует ими никаким переменам, никаким переворотам, никаким выгодам.

Распространение христианства более всего имело влияния на народные предания. Ревностные проповедники его, увлекаясь новыми идеями, часто не хотели щадить ничего старого, хотели все разом истребить и вырвать с корнем, но вскоре увидели, что нет никакой возможности лишить народ лучшего сокровища — остатков седой старины в старинной песне, причудливой сказке и строгом предании. Впрочем, лучшие и мудрейшие из проповедников никогда не восставали против всего, от чего не терпело самое существо и дух веры или что не примешивало к христианству заблуждений язычества. Христианство возбуждало этим снисхождением и мирными воззрениями уважение к себе в язычниках.

Вероятно, отсюда-то и произошло множество легенд, смысл которых будет вполне понятен, если пересказать содержание только одной из них. Вот, например, что рассказывает одна шведская легенда.

«Два мальчика играли однажды у реки, протекавшей мимо дома их отца. Никс вышел из воды, сел на ее поверхности и стал весело и звонко играть на своей арфе. Один из мальчиков обратился к нему и сказал:

— Что ты так разыгрался? Чему ты радуешься? Ведь ты же не спасешься и не попадешь в царствие небесное.

Никс, услышав это, горько заплакал и, далеко отбросив арфу, скрылся под водой. Дети пошли к отцу своему, священнику, и рассказали ему о случившемся. Отец строго разбил их и сказал:

— Тотчас же ступайте назад к реке и утешьте никса надеждой на спасение в будущем.

Дети побежали к реке и увидели никса; печально сидел он на берегу и горько жаловался на свою участь. Они сказали ему:

— Никс, не печалься: отец наш говорит, что и тебе можно надеяться на спасение в будущем.

И никс радостно и быстро схватил свою арфу, и сладко заиграл на ней, и играл до самого солнечного заката».

Мог ли народ проще и яснее выразить свое уважение к терпимости в христианстве?

Талиесин

Пересказ П. Полевого в редакции А. Филиппова

У одного могущественного бретонского начальника племени Гвиддно, говорит предание, был сын по имени Эльфин, которому ничего никогда не удавалось. Много горевал об этом отец и не знал, чему приписать постоянные неудачи сына. Наконец, посоветовавшись с друзьями своими, он решился отдать на его попечение тони на морском берегу и таким образом в последний раз испытать его счастье.

Посетив свою тоню в первый раз, Эльфин увидел, что в ней не было ни одной, даже мелкой, рыбы, хотя весной ловы в этом месте всегда были очень хороши. Опечаленный новым доказательством своего постоянного несчастья, он собирался уходить с тони, когда вдруг заметил что-то черное на плотине у самого шлюза. Ему показалось, что это был кожаный мех. Один из рыбаков сказал ему:

— Видно, нет тебе ни в чем удачи. Уж на что лучше этой тони, бывало, в ней каждый год первого мая ловилось многое множество всякой рыбы, а нынче всего вон только и вытащил, что кожаный мех.

Подошли они оба к тому, что казалось им издали кожаным мехом, и увидели корзину, плетенную из ивовых прутьев и покрытую кожей. Подняли крышку, и каково же было изумление их: в корзине спал прекрасный младенец. Минуту спустя он открыл глазки, улыбнулся и потянул к ним свои маленькие ручонки.

— О талиесин! — воскликнул рыбак, указывая на ребенка и в изумлении расставляя руки.

— Талиесин! — повторил Эльфин, вынимая ребенка из корзины и прижимая его к своей груди. — Так пусть же и называется он Талиесин!..

Держа младенца на руках, Эльфин сел осторожно на коня и тихонько поехал домой. Он не мог удержаться от слез, глядя на ребенка и раздумывая о своей постоянной неудаче. Вдруг ребенок запел, и песня его скоро утешила Эльфина.

— Полно плакать, Эльфин, — говорил он в ней, — твое отчаяние не поможет. Полно лить слезы! Не всегда ты будешь несчастлив. Бог посылает человеку богатства и со дна морской пучины, и с высоких горных вершин, и из волн речных. Хотя я слаб и мал, а придет время, когда я буду тебе полезнее множества рыбы. Не сокрушайся. Во мне, по-видимому, нет вовсе силы, но зато уста мои чудесно одарены свыше. Пока я буду с тобой, тебе нечего опасаться.

Эльфин приехал домой веселый.

— Ну, что же ты поймал? — спросил его отец.

— То, что гораздо лучше рыбы, — отвечал сын.

— Да что же такое?

— Я поймал барда, — сказал Эльфин.

— Барда? Да на что он может тебе пригодиться? — печально возразил отец.

Тут Талиесин сам вступился за себя.

— Бард будет ему полезнее, — сказал он, — чем тебе твоя тоня.

— Как! Ты уже умеешь говорить, малютка! — воскликнул изумленный Гвиддно.

— Да, я могу отвечать прежде, чем ты меня спросишь, — сказал Талиесин и запел: — Мне известно все: и прошедшее и будущее.

Эльфин отдал Талиесина своей жене, и с этого дня в течение целых двенадцати лет счастье не оставляло его дома.

В год, когда Талиесину минуло тринадцать лет, Мэлтон, король гвинедский, пригласил к себе Эльфина на праздник. Случилось это на самую Пасху, и потому торжество у короля было великое: столы ломились под тяжестью яств. Когда все гости порядочно подгуляли, отовсюду слышались самые преувеличенные похвалы хозяину.

— Есть ли на свете король славнее Мэлгона — король, у которого и барды были бы искуснее его бардов, — говорили гости, — и воины храбрее, и лошади быстрее, и борзые лучше? Нет, такого короля не найдешь в целом свете.

Такая лесть раздосадовала Эльфина.

— Конечно, — сказал он, — трудно тягаться с королем в чем бы то ни было, но что касается до бардов, то я смело могу сказать, что у меня дома есть бард, который всех королевских за пояс заткнет.

Все барды Мэлгона и между ними Хайнин восстали против Эльфина, и двор и гости ужаснулись неслыханной дерзости и донесли о том королю. Повелел король бросить бедного Эльфина в тюрьму и держать его в цепях до тех пор, пока тот не докажет, что его бард мудрее бардов королевских.

Когда слух о пленении Эльфина дошел до Талиесина, он незамедлительно явился к королю. У того как раз шел пир со знатными людьми королевства. Талиесин вошел в залу пиршества и спрятался в угол, мимо которого должны были проходить придворные барды, направляясь на поклон королю. В то время как барды проходили мимо него, он стал корчить им гримасы, на которые те не обращали внимания; но когда они остановились перед королем, желая приветствовать его, ни один из них не мог выговорить ни слова. Когда же король велел им петь, то все они против своей воли скорчили королю рожи и стали что-то

бормотать себе под нос. Король решил, что они пьяны, и в гневе обратился к главному из них, Хайнину, требуя, чтобы он объяснил странное поведение бардов, угрожая ему страшным наказанием.

Хайнин пал к его ногам:

— Государь, не излишнее употребление вина заставляет нас являться к тебе в таком странном виде: мы не пьяны, но нас попутал бес, он сидит вон там в углу, приняв вид ребенка.

Услышав такую речь, Мэлгон велел призвать к себе Талиесина и спросил его, кто он и откуда пришел. Мальчик отвечал ему на это:

— Я главный из бардов Эльфина. Звездное небо— мне родина. Никому не известно происхождение мое, а мне известно все: и прошлое и будущее. Пророк Иоанн звал меня Мерлин, и еще Гвион Бах я звался, а сегодня зовусь я Талиесином.

Король был очень изумлен, услышав это, и, вспомнив, как Эльфин нагло бахвалился, приказал Хайнину состязаться с Талиесином в пении.

Едва только Хайнин вздумал запеть свою песню, как вдруг смешался, стал опять гримасничать и бормотать невнятные слова. Напрасно Мэлгон грозил ему и, словно разъяренный лев, метался во все стороны, приказывая каждому из бардов своих петь, как, бывало, певали на пирах, напрасно умолял, он их поочередно не срамиться перед бардом его подданного: все придворные барды делали то же, что и Хайнин, самый искусный из них.

Наконец Мэлгон обратился к Талиесину.

— Вижу могущество твое, — сказал он, — но чего же ты от меня требуешь? Зачем ты пришел сюда?

— Я пришел сюда, — отвечал мальчик, — чтобы освободить моего благодетеля. Знай, что много заключается тайной силы в моей песне, что мне стоит только запеть, и ни камни, ни железные цепи — ничто не устоит против моей песни. А тебе я скажу, что с тобой приключится за твое высокомерие.

И он запел грозным голосом песню, от которой кровь застыла в жилах Мэлгона:

— Вон поднимается на море страшное диво, вон несется оно сюда наказать гордого Мэлгона Гвинеда: и лицо, и глаза, и волосы его желтеют, как золото! Смерть ему, неправдивому!.. Сами боги несут эту страшную кару, поднимая ее своим могучим дыханием со дна пучины на Мэлгона, короля Гвинедского.

Чуть только успел он произнести последние слова песни, как с моря вместе с сокрушительным порывом ветра налетел на дворец громадный

водяной столб и разбился о его стены. Пошел по всем покоем от этого удара треск и гул. И король, и весь двор выбежали из дворца, ожидая с каждой минутой, что он обрушится на их головы.

— Скорее освободите Эльфина и ведите его сюда! — закричал в ужасе Мэлтон.

Привели Эльфина и отдали его Талиесину, который тут же спел такую песню, что «цепи сами собой упали с его благодетеля».

Вот что рассказывает нам народная легенда. В ее наивных словах видно все высокое, величавое и грозно-могучее представление, какое составилось в воображении народа о личности барда. Теперь обратимся мы от сказок к действительности и опишем личность Талиесина такой, какой она является нам в древних бретонских памятниках и в его собственных песнях.

Талиесин родился в первой половине VI века. Лучшие историки и критики согласно утверждают, что родиной его был Кумберленд, а не Валлис, как думали валлийские летописцы. Отец его, Ионис, пожелал дать сыну хорошее воспитание и поручил его надзору святого Кадока, который в то время основал в Южной Англии школу для туземного юношества. В этой школе Талиесин ближе всех сошелся с Гильдом, который впоследствии прославился как ревностный христианский проповедник и был причтен за то к лику святых. Несколько лет провели они вместе. Наконец настало время, когда оба, окончив ученье, должны были выйти из школы. Святой наставник призвал к себе Талиесина и Гильда, благословил их и, поцеловав, дал им следующий мудрый совет:

— Дети мои! Трудно жить на свете, и много нужно в жизни осторожности. Послушайте же меня. Когда вам придется говорить, рассудите, во-первых, о чем вы говорите; во-вторых, как вы говорите; в-третьих, с кем вы говорите; в-четвертых, в чью пользу вы говорите; подумайте, что выйдет из ваших слов и кто может стороной слышать вашу речь. Соблюдая такую осторожность в речах, вы никогда не подвергнетесь никакому несчастью.

На пороге училища Талиесин расстался со своим другом, и пошли они в жизни по двум разным дорогам.

Вскоре после того Талиесин, ловивший рыбу с лодки, недалеко от берега, был захвачен в плен морскими ирландскими разбойниками. Горько было ему, когда с борта ладьи увидел он, как родные берега исчезали в туманной дали. Мысль о побеге не оставляла его ни на минуту. В бурную темную ночь, воспользовавшись удобным случаем, он отвязал свою маленькую лодочку от разбойничьей ладьи и пустился в море, захватив с

собой деревянный щит вместо весла и решаясь скорее умереть, чем в тяжелой неволе тосковать по отчизне. Долго носило его по морю, много раз грозил ему смертью шумящий вал и выкинул его, наконец, изнеможенного, беспомощного, на побережье, принадлежавшее Уриену, королю Регеда.

Ум, знания, поэтические способности Талиесина изумили Уриена и весь его двор. Талиесину велел он дать клочок земли, поручил воспитание своих детей и сделал его главным придворным бардом.

С этих пор благодетельствованный им Талиесин горячо привязался к нему и во всю жизнь не покидал доброго Уриена, не раз оказывая ему очень важные услуги.

Время правления Уриена было временем торжества бретонцев над внешними врагами: саксами, пиктами и скоттами. Но недешево обходилось это торжество Уриену и всем его подданным. Они почти не снимали кольчуг и шлемов, почти не выпускали из рук тяжелых топоров, острых мечей, крушительных палиц. Уриен всем подавал пример неутомимости, воздержания, и ему легче было переносить все эти трудности, потому что с ним был Талиесин, который подкреплял его мужество своими сладкозвучными песнями и щедро награждал похвалами его подвиги.

Когда грозно сходились в бою воины Уриена с враждебной ратью, Талиесин, ободряя их, являлся в первых рядах и, воспевая подвиги предков, побуждал их к таким же подвигам. Но когда шумный бой загорался, когда завязывалась лютая сеча, в которой со звуком мечей смешивался громкий нескончаемый хор предсмертных стонов и воплей ярости, тогда Талиесин удалялся на ближайший холм, с его вершины зорким взглядом следил за битвой, и ничто не ускользало от взоров его. Светлое, торжественное вдохновение овладевало им и помогало сложить живую, пламенную песню, в которой не пропадали ни один звук, ни одна черта боевой тревоги.

Легко было на сердце утомленных воинов, весело было им слушать вечером, после боя, новую песню своего вдохновенного певца, когда под открытым небом располагались они у ярко пылавших костров и подкрепляли истощенные силы круговым рогом меда, оплетенным серебряными обручами.

Так Талиесин был во всех битвах вместе со своим покровителем и другом: он был и при Аргоеде (одна из местностей в долине Клейда), где бретонцы бились с саксонцами от восхода до заката и смешали их кровь с кровью союзных им беспокойных скоттов, и при Гвен–Эстраде, где бретонцы под стенами этой крепости погребли целую саксонскую армию, искусно отбросив одну половину ее к реке, в которой враги погибли среди смятения, не отыскав брода; он был и при Менау, где в самом пылу битвы страшный Ида, саксонский богатырь–предводитель, пал от копья Оуэна, сына Уриена.

С самым неподдельным восторгом говорил Талиесин в своих песнях о богатой добыче бретонцев, почти по пальцам пересчитывая быков, коров, лошадей и все захваченное ими добро. Но все песни свои заключает он непременно обращением к Уриену, которому говорит в одной из них, что «перестанет улыбаться, когда Уриена не будет более в живых». А в другой прибавляет: «Какое мне дело до того, любят ли меня все короли Севера или нет, когда все мое высшее благо заключается в тебе, Уриен,

свет мой. В день твоей смерти скорбь пойдет по пути перед тобой; когда смерть посетит тебя, она придет и ко мне».

Все эти похвалы и изъяснения привязанности могут показаться лестью только тому, кто позабыл, что Уриен был освободителем отечества; он был непобедимо мужественен, но кроток и, следовательно, вполне достоин восторженных похвал, проистекавших из нежной сердечной привязанности, от истинного и понятного изумления, а не от желания угодить сильному. Все песни Талиесина вообще проникнуты этой приятной нежностью, и его образы далеко не так резки, жестки и кровавы, как образы других бардов.

Горько оплакав кончину Уриена, Талиесин не покидал его сыновей, но вскоре они пали в битвах, и сам, покинутый всеми, лишившись лучших своих радостей, он удалился на берег озера Кернарвона, где был у него небольшой клочок земли и хижина. Там часто, печальный, одинокий, сидел он на берегу и в глубокой горести повторял: «Горе мне! Я видел, как облетели цветы; я видел, как отсохла ветвь, носившая их».

Пришла наконец и старость, с ее недугами и слабостью, и Талиесина выгнали из его хижины.

В несчастий невольно вспомнил он свое беззаботное детство, своего мудрого наставника и святого Тильда — друга, с которым разлучили его жажда славы и бранные тревоги, так долго находившие себе отголосок в его сердце. Но этот друг был тогда далеко: вместе со значительной частью бретонского населения он, по примеру святого Кадока, переселился на материк Европы — в Арморику (нынешнюю Бретань). До Талиесина дошли слухи о том, что в Арморике царствуют мир и спокойствие, тогда как около себя он видел только торжество грубой силы да тягость чужеземного ига... И захотелось ему, беспомощному, отдохнуть от тревог и бедствий под гостеприимным, мирным кровом дружбы. Он сел на первое судно, отплывавшее в Арморику, и покинул берега своей родины.

Где умер он? Спокойно ли? Об этом ничего не знают летописцы.

Анейрин

Пересказ П. Полевого в редакции А. Филиппова

Анейрин родился в начале VI века близ Дунбартона, столицы клейдских бретонов, живших у границы шотландской. Он был братом

святого Гильда. Вместе выросли они, вместе получили первые начатки образования от придворных бардов своего отца, вместе выучились музыке и пению; но одного влекло на юг, туда, где процветало христианство, где в мирных стенах монастырских, у святых наставников, пылкое юношество училось кротости, смирению и Божественной мудрости; другого прельщали жизнь, слава и громкие деяния предков, погибших в честном бою с иноземцами–притеснителями. Гильд отправился на юг, к святому Кадоку, а Анейрин поступил в касту бардов и принял горячее участие в борьбе за свободу отчизны.

Отличительной чертой Анейрина была пылкость характера, самая сильная восприимчивость всех впечатлений и расположение к поэтическому «бешенству». Невозможно иначе передать смысл прилагательного, которое обыкновенно соединяли с именем Анейрина его современники и писатели последующих веков, называя его бешено–вдохновенным. Ничто лучше этого слова не передаст необыкновенной способности Анейрина к живому представлению кровавых и ужасных картин, к вставлению в песни свои таких страшных проклятий, которые дыбом поднимают волосы у каждого слышащего их и могут исходить только из уст человека, находящегося на высшей степени раздражения и нравственного, и телесного.

Около 578 года все бретонские кланы (на пространстве от Сольвэсского залива до озера Ломонда и от устья Форта до устья Клейда) соединились в один обширный союз для отражения пиктов, скоттов и англов, которые пытались с севера пробиться сквозь ряд стен и укреплений, построенных еще римлянами и служивших кельтам защитой от набегов воинственных соседей. На защите этих стен основывалось счастье и довольство всего бретонского населения. За этими стенами были их жены, дети, старики и могилы предков, все добро их и земля родная, вспаханная в поте лица, орошенная кровью близких... Немудрено, что 363 начальника кланов поспешили на защиту этой священной стены, едва только стала на севере собираться грозная туча. Между этими начальниками кланов на первом месте стоят: бард Анейрин (тогда правивший Гододином, небольшой областью на берегах Клейда), Оуэн, старший сын и наследник Уриена, и Менесок, король Эдинбургский.

Защита стены длилась семь дней и сосредотачивалась преимущественно около главного ее пункта — крепости Кальтраез. Сначала перевес был на стороне бретонов; но потом, увлеченные успехом, они возгордились, забыли осторожность и осмотрительность, главные качества всякого хорошего воина, и стали только петь песни да

бражничать. Тогда враги, воспользовавшись их беспечностью и невоздержанностью, напали на них ночью и всех перебили. Это происшествие Анейрин описал в превосходной поэме, которую назвал, по имени своей области, «Гододин».

«Шумно и весело, — говорит бард в начале своей поэмы, — стекались к Кальтраезу отряды воинов; но бледный мед, их любимый напиток, отравил их, погубил их. Непоколебимо, упорно, без устали бились они с врагом своими огромными, кровавыми мечами. Их было всего три сотни против одиннадцати сотен. Много крови пролили их копья, но сами они пали один за другим в рядах Менесока, славного вождя храбрых, пали от метких стрел Смерти прежде, чем успели в церквах покаяться!»

Так бард начинает свою поэму и описывает потом мелкие стычки первых двух дней, в которых перевес был постоянно на стороне бретонов.

«С восходом солнца на третий день, — продолжает бард, — Тудвульер и многие другие бретонские вожди взошли на вершину башни для наблюдения над неприятелем; потом, собравшись вместе, испустили общий военный крик и устремились на врага из-за стен. Дружно подкрепленные своими, они бились целый день и произвели в рядах неприятельских беспримерное опустошение. Их могли отделить от врагов одни волны прилива, шумно бежавшие с моря на берег и уносившие на себе в пучину груды тел, бледных, страшно искаженных могучими ударами.

Принужденные вернуться в крепость, бретоны предались своей обычной невоздержанности: всю ночь пропировали они и осушили много бочек крепкого меда. Хотя на другой день они продолжали мужественно биться с врагами и вновь отразили их от стен, но уж они бились не так хорошо, как прежде, потому что в голове их бродил хмель, ослабляющий руки.

На следующее утро битва возобновилась с таким ожесточением, что сам Анейрин не вытерпел и, бросив на землю арфу, в порыве бешеного восторга с мечом в руке устремился в самую середину сечи и завоевал бретонам победу, но попал в плен и, скованный по рукам и ногам, был брошен в темную и сырую яму. Долго бы пришлось ему пробыть в этом ужасном положении, если бы Кенев, сын Ливарха, не заметил его отсутствия и не заплатил дорогого выкупа «золотом, серебром и сталью» за его жизнь и свободу.

Поражение неприятеля в этот день было решительное: он отступил, оставив тела своих убитых в добычу волкам и хищным птицам. Громко, весело выли над ними волки, а бретоны шумно пировали в Кальтраезе, празднуя успех свой невозддержанным употреблением крепкого меда.

Между тем к неприятелю, уже отступавшему, пришло подкрепление. Он вернулся под стены Кальтраеза, ворвался в него и окружил залу пиршества. Однако же барды спасли на этот раз бретонов: они запретили пить мед и запели военные песни — осажденные взялись за оружие и отразили нападение после долгой и трудной сечи.

Но на седьмой день, когда бретоны все продолжали пировать по-прежнему и до того много выпили меда, что даже не слышали, как неприятель вторично ворвался в крепость, сами барды не смогли спасти их. Напрасно взывали они к ним и умоляли взяться за оружие, кричали, что неприятель приближается к дверям. Опьяневшие воины продолжали сидеть за своими столами, не думая браться за оружие».

«Оуэн, Месенок и несколько храбрых вождей долго защищали вход в залу, — говорит бард, — но тысячи шли за тысячами против них, и зала наполнилась кровью бретонских воинов, вместе с которыми погибла и последняя надежда на спасение от врагов и на свободу».

Так заключает Анейрин свою песню об осаде Кальтраеза, о гибели цвета бретонских воинов. Из 363 вождей спаслось всего трое, успевших

очистить себе дорогу мечом, да он, спасенный своей арфой и седидами. Но жизнь была в тягость старому барду, пережившему своих близких и принужденному уступить чужеземцам родной очаг и поле. Он взял свою арфу и явился ко двору одного бретонского короля, не участвовавшего в общем союзе и без боя покорившегося врагам отчизны. Смело и грозно упрекал он его при всех в трусости и низости. Его насмешки были колки и резки. В ярости своей изменник приказал схватить барда и бросить в темницу... Никто не решался исполнить его приказание, а бард все продолжал петь. Тогда один из воинов, Эдин, желая угодить своему повелителю, бросился на старого певца и ударом боевого топора разрубил ему голову. Все присутствующие онемели от ужаса. Тяжко пало проклятие современников на убийцу и его оружие...

Замечательно, что Анейрин был первым бардом, который поднял меч рукой, бряцавшей на мирной и мудрой арфе. Судьба словно хотела наказать его за такое отступление от высокого назначения барда-певца, и в лице его, в первый и последний раз во всей истории кельтов, бард пал жертвой убийцы, не побоявшегося поднять на него оружие.

Ливарх

Пересказ П. Полевого в редакции А. Филиппова

Ливарх (или, чаще, Ливарх-Хен, то есть Ливарх Старый) родился в конце V века (около 480 года) на севере, среди лесов Аргоеда, где царствовал его отец Элидир, где он сам должен был впоследствии царствовать. Для воспитания отправили его на юг, ко двору друга Элидинова, Эрбина, короля Корнуолла.

По бретонскому обычаю, все молодые воспитанники находились при дворах под покровительством наследника престола, почему и помещались на его половине вместе с бардом, занимавшимся их воспитанием. Герайнт, старший сын Эрбина, полюбил от души молодого Ливарха, почти не расставался с ним и решился даже взять его с собой в поход против Порта, начальника саксонцев, высадившихся на берегу Корнуолла. Ливарх был тогда еще очень молод: ему было лет шестнадцать. Страшное кровопролитие, которое приходилось ему видеть в первый раз в жизни, груды трупов, блеск и звон оружия, испуганные кони, покрытые белой пеной и бешено скакавшие по телам павших воинов, — вся эта ужасная

картина произвела на юношу такое сильное впечатление, что он превосходно воспел победу бретонов при Лонгборте и смерть своего молодого покровителя Герайнта, который, по его выражению, пал в битве, но своим падением раздавил саксов.

По смерти Герайнта Ливарх поступил в касту бардов и хоть наследовал отцу своему в правлении Аргоедом, однако же большую часть года проводил при дворе своего родственника, знаменитого Уриена.

Это время, по его словам, было счастливейшим временем его молодости. Иноземцы боялись его оружия, подданные любили, женщины хвалили его красоту, храбрые удивлялись его силе и ловкости, все заслушивались его песнями. «Пир да песня — в них протекала вся моя молодость», — говорил про себя бард. Смерть Уриена была тяжким ударом для Ливарха. «Бедствие Уриена — мое бедствие, — говорил бард. — Хвалебные песни будут теперь редко слышны из уст моих, потому что Уриена нет более!»

Войны и напор врагов лишили вскоре Ливарха его владений. Он вместе со своим семейством должен был покинуть их и пришел ко двору Кенделана, одного из валлийских королей, просить себе убежища. Кенделан принял Ливарха чрезвычайно радушно, уважая его высокое звание, преклонные годы и несчастье. Старый бард с удовольствием вспоминает об этом ласковом приеме и почестях, оказанных ему добрым королем. Но бедствия преследовали Ливарха: и под новым кровом не дали они ему покоя. Кенделан вступил в союз с двумя другими королями, и в 577 году в сражении с саксами войско его было разбито наголову, а он сам пал в битве вместе с сыновьями Ливарха.

В одну ночь несчастный старец лишился и семьи и крова. В своих песнях он превосходно описывает эту ночь, когда, склонясь над гробом Кенделана, он оплакивает его смерть в той самой зале, где еще незадолго слышны были звуки его арфы и шум пиров, а теперь царствовали мрак и мертвая тишина, которая нарушалась только криком горного орла, жаждавшего упиться недавно пролитой кровью.

С той поры несчастный старец поселился в небольшом шалаше, на берегу реки Ди, недалеко от аббатства Ланворского, где и теперь еще одна глухая и уединенная местность называется его именем. Грустно было там жить осиротевшему старику; только недуг, скорбь да бессонница разделяли с ним его тяжкую долю. «Я стар, я одинок, я сгорблен, я хил теперь. Поддерживай меня, костыль мой! Ведь недаром же зовут тебя верным другом слабеющего тела!» — восклицает бард в одной из песен своих. Чаще всего вспоминал он в своем уединении о храбрых сыновьях,

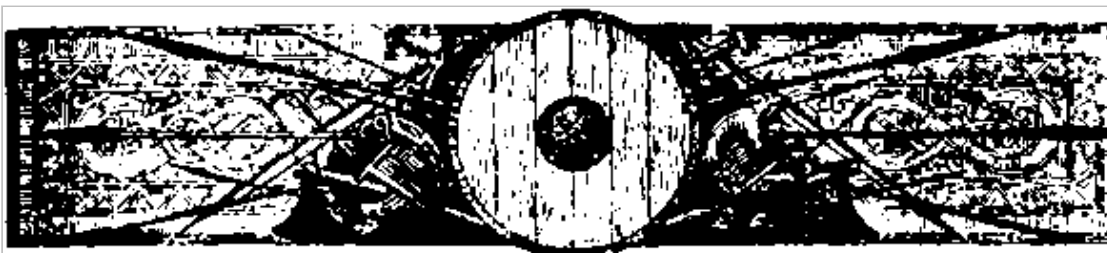
павших в битве, и в горести своей не раз восклицал, сидя на берегу реки и смотря на беспокойные, шумные волны: «Ударяй в берег, волна! Покрывай собой прибрежный песок! Горе тому, кто слишком стар, чтобы отомстить за смерть своих сыновей. Горе тому, кто теряет вас, дети!» Не раз предавался он вполне своему отчаянию и тщетно умолял смерть прийти к нему скорее, укорял ее в измене, проклинал ее медлительность; не раз в своем пламенном поэтическом вдохновении призывал он небо, землю и тени погибших героев отомстить врагам отчизны за смерть его детей, за его беды и горько оплакивал свое бессилие...

Часто случалось, что в эти-то горькие минуты за рекой раздавался с колокольни аббатства Ланворского мерный и торжественный благовест, призывавший иноков к молитве; часто даже легкий ветерок доносил до ушей старого барда согласное и стройное пение их, долетавшее из окон церкви... Тогда мысли его как будто изменялись; на мгновение ему казалось, что он не один, что и в трепетных, слабо дребезжавших звуках колокола, и в отрывке священного пения, долетавшем до него, слышалось что-то знакомое, почти родное и сладостно-примирительное. Иноки ланворские изредка посещали Ливарха, предлагая ему свою помощь, желая приютить бесприютного под кровом святой обители; но он каждый раз отвечал на все их увещания: «Я стар, мне ничего вашего не надо; мне нужна одна могила». Под конец, однако же, мысль о Боге, как единственной опоре и надежде всякого страждущего, всякого удрученного и бедствиями и годами, привлекла все внимание Ливарха; только в ней привык он видеть облегчение своей горести, в последней своей песне бард говорит: «Мои слезы и вздохи ясно доказывают мне, что Бог не дает счастья горделивым, что все на свете обманчиво, кроме милосердия Божия, только в нем нельзя обмануться!»

Предание утверждает, что незадолго до своей смерти он обратился к Богу, поступил в число ланворских иноков и был погребен в их обители. И действительно, имя его было недавно открыто и прочтено на стене трапезной этого древнего аббатства.

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ АНГЛИИ

Сказания о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола *Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур*

Рассказывают, что некогда правил в Англии король Констан, и было у него три сына: Муан, Пендрагон и Утер.

Сенешаля короля звали Вертижье. Вертижье был очень мудрый, сообразительный человек и притом прекрасный рыцарь.

Когда Констан умер, то после долгих раздумий выбрали королем сына его Муана. Во время царствования Муана началась война, а Вертижье между тем по-прежнему оставался королевским сенешалем. Нападали на Муана саксы, не раз приходили и римляне. И Вертижье распоряжался всем по своему усмотрению а король, совсем еще юный, никак не мог сравняться с ним ни мудростью, ни отвагой, ни военными доблестями. Вертижье успел тем временем захватить в свои руки множество земель и привлечь к себе сердца все людей. Добившись этого, исполнился он гордости, и, видя, что нет ему достойного соперника, объявил, что не станет больше вести войну вместо короля, и удалился в свои владения. Саксы же, узнав об этом, собрались в великом множестве и напали на христиан.

Поехал тогда король Муан к Вертижье и сказал ему:

— Прекрасный друг! Помоги мне защитить мою страну — и сам я, и все люди мои будут покорны твоей воле.

Но Вертижье отказался:

— Не могу я помогать вам, государь: среди подданных ваших и без того немало людей, ненавидящих меня за мою службу вам. Если суждено быть этой битве, я останусь к ней непричастен.

Король Муан и рыцари его, видя такую непреклонную решимость Вертижье, вернулись домой и сами пошли биться с саксами, и саксы окончательно разбили их, а все подданные его говорили, что это произошло лишь потому, что Вертижье не принимал участия в битве. Так было во всем. Король Муан был слишком юн, неопытен в ратных делах и в управлении страной, и многие возненавидели его за это.

Так прошло немало времени, и возмутились подданные Муана. Пришли они к Вертижье и сказали ему:

— Господин, нет у нас ни короля, ни владыки, потому что тот, кто правит нами, не заслуживает этого имени. Именем Бога просим мы вас быть нам королем и управлять нами. Во всей нашей земле нет человека, который мог бы сделать это лучше вас!

— Если бы он умер, — отвечал им Вертижье, — и вы выбрали меня королем, то я охотно пошел бы к вам в правители. Но не бывать этому, пока он жив.

Выслушали они слова Вертижье и простились с ним. Придя домой, созвали они совет, на котором решили убить короля Муана и выбрать королем Вертижье. «Узнает он, что ради него убили мы короля Муана, и будет исполнять все, чего мы ни пожелаем, и тогда всегда мы будем властвовать над ним», — говорили они и послали двенадцать человек убить короля Муана, который был еще так юн, что не в силах был сопротивляться врагам, и так мало любим народом, что смерть его никого не опечалила. Пошли убийцы к Вертижье и сказали ему:

— Теперь будешь ты королем нашим, потому что убили мы короля Муана.

Но Вертижье, услышав, что убили они своего государя, сильно разгневался:

— Очень дурно поступили вы, убив своего государя! Советую вам поскорее бежать из этой страны, чтобы верные подданные короля не убили вас, мстя вам за его смерть. И очень жаль мне, что приходили вы ко мне!

На том дело и кончилось.

Вскоре все лучшие люди государства собрались на совет решить, кого бы выбрать им королем. Вертижье, как уже сказано было выше, пользовался всеобщей любовью, а потому хотели его в короли.

На совете присутствовали и двое попечителей, которым поручены были остальные малолетние сыновья короля Констана — Пендрагон и Утер. Узнав о решении выбрать королем Вертижье, попечители взяли своих питомцев и увезли далеко на восток в чужую землю.

После коронации Вертижье пришли к нему убийцы короля Муана, а он сделал вид, будто никогда не видал их. Тогда стали они осыпать его упреками за то, что забыл он тех, кто помог ему стать королем, и обвиняли его в смерти короля Муана. Вертижье между тем, словно тут только узнав, что убили они своего государя, приказал их повесить.

— Это великий грех — поднять руку на своего государя, — сказал он, — и нет вам прощения, ибо так же вы могли поступить и со мной.

Так погибли все двенадцать убийц короля Муана. Но все они имели множество родственников, и после казни родичи их пришли к Вертижье и сказали:

— Вертижье, большую обиду нанес ты нашему роду, предав родичей наших такой позорной смерти, и мы никогда уж не будем служить тебе по доброй воле.

Рассердился Вертижье и стал угрожать им, рассердились и родственники убийц короля Муана и, в свою очередь, стали угрожать Вертижье.

— Какою смертью заставил ты погибнуть наших родственников, такую же смертью умрешь и сам, — говорили они, — ибо обманом завладел ты землею нашей и не по праву властвуешь над нами.

Тут произошла между ними большая ссора, и разгорелась непримиримая вражда между Вертижье и родными убитых им рыцарей. Собрал Вертижье войско, и пошел на их землю, и бился с ними, пока не разрушил их замков, не разграбил имущества и не отнял у них ленов. Но с тех пор Вертижье не знал покоя: все чудилось ему, что его рыцари и воины замышляют против него что-то недоброе и что народ хочет лишить его государства, и так стал он притеснять своих подданных, что все они возненавидели его.

Через некоторое время послал он к саксам своих гонцов, приглашая их вступить с ним в союз. Саксы удивились и не поверили сначала, а когда увидели, что Вертижье не обманывает их, согласились. Самый гордый из саксов, по имени Гангус, долго служил Вертижье. Так долго служил он ему, что король стал помогать этому язычнику в его войнах. И сказал раз Гангус королю:

— Твой народ ненавидит тебя, и несдобровать тебе без союзников — будь с нами заодно и в добром и в злом деле, и не оставим мы тебя в беде!

Подумал Вертижье, как ему быть, и решил согласиться и взял за себя дочь Гангуса. Народ звал ее королевой-язычницей, и старые люди качали головой, приговаривая:

— Плохо нам будет не один и не два года, потому что король наш взял жену язычницу!

После этого еще больше возненавидел народ Вертижье.

Очень боялся Вертижье сыновей Констана, младших братьев Муана, бежавших в восточную землю: знал он, что рано или поздно вернутся они на родину и потребуют своих владений, и задумал он выстроить такую высокую и крепкую башню, в которой он был бы ото всех в безопасности. Но когда возвели стены на три или четыре сажени, стены рухнули, рассыпавшись в прах. И так было до трех раз. Когда король увидел, что стены его башни не устоят, рассердился он и сказал, что не будет ни смеяться, ни пировать, пока не узнает, от чего стены падают. И велел он созвать со всего царства мудрейших людей. Когда пришли они, рассказал им Вертижье о чуде со стенами и попросил совета. Подивились они чуду, а объяснить его не сумели.

— Обратись, государь, к духовным лицам: они мудрые книги читают, людей добру учат, может, ответят тебе!

Отпустил король мудрецов своей земли и собрал духовенство. Когда собрались все прелаты, аббаты и клирики, рассказал им король о своем горе и просил их указать причину и избавить его от несчастья. Испугались они, услышав, что король ждет от них ответа и избавления, и сказали ему:

— Не дано нам распознавать дьявольских козней. Спроси тех, кто по звездам читает, по небу судьбу узнает!

— Вы сами знаете лучше меня, — возразил им король, — тех, кто по звездам читает, по небу судьбу узнает. Позовите же их, и пусть они без утайки ответят мне, почему рушатся стены моей башни.

Собрались прелаты, аббаты и клирики на совет и спрашивают на ухо друг друга, кто по звездам читать умеет, по небу судьбу узнает. Оказалось таких семь человек. Позвали их к королю, и спросил их Вертижье, почему не держатся стены его башни. Ответили они ему, что этого не дано знать ни одному человеку. Рассердился на них король и стал грозить им смертью, если они не ответят ему. Испугались астрологи и попросили одиннадцать дней отсрочки. Король согласился с условием, что если они и после того ничего не ответят, то души их простятся с телами. Тогда мудрейший из них сказал своим товарищам:

— Надо нам от беды спастись!

По его совету все расселись по разным местам на звезды смотреть, а он спрашивал каждого, что тот видел, и каждый сказал ему свое, не зная, что сказал товарищ. И сказали все одно и то же — ничего о башне узнать им не довелось, зато открыто им было, что мальчик с клюкой, сын дьявола, причинит им смерть. Не хотелось им погибать от мальчика, и решили они сами убить его, если только смогут найти, тем более что сам он исчадие ада. Тогда решили они сказать королю, каждый порознь, что

стены башни не будут стоять до тех пор, пока не смешают с известью крови мальчика с клюкой, сына дьявола. А для того чтобы мальчик сам не успел сказать чего-нибудь, что погубило бы их, придумали они другую хитрость: пускай убьют мальчика прежде, чем скажет он слово. На одиннадцатый день пришли астрологи к королю, и мудрейший из них сказал:

— Спроси, государь, каждого из нас по очереди, что прочитали мы по звездам!

И подзывал король каждого, и каждый говорил ему одно и то же. Удивился король этому чуду, удивился еще больше тому, что на свете может жить сын дьявола, но ничего больше не добился от них. И послал он во все концы света искать чудного ребенка, сына дьявола.

Пошли двенадцать послов в двенадцать концов земли, поклявшись наперед королю, что тотчас убьют ребенка, как только найдут его. Ходили послы долго, исходили много стран, городов и царств и думали уже, что нет на свете такого ребенка и что нарочно обманули короля астрологи. Но вот четверо из послов сошлись вместе и уже решили было вернуться домой. Проходя предместье одного города, увидели они толпу играющих в бабки детей. Мерлин, так звали одного из играющих мальчиков, подшиб клюкой другого ребенка, и тот, падая, заплакал и стал бранить Мерлина, называя его сыном дьявола. Подбежали послы к плававшему ребенку и спросили его, кого он так зовет, и, прежде чем тот успел указать на Мерлина, сам Мерлин подошел к ним и сказал смеясь:

— Господа, я тот, за кем вы посланы, кого вам надо убить и чью кровь вы должны отнести королю Вертижье!

Ужаснулись послы, услышав слова Мерлина, и спросили его, откуда ему это ведомо.

— Я знаю, что поклялись вы убить меня, — отвечал он им, — но если поверите мне, то не сделаете этого, и я пойду с вами и расскажу королю,

почему не держатся стены его башни и почему пришли вы сюда искать моей крови.

Послы удивились, слушая речи Мерлина, и говорили друг другу:

— Что за необыкновенные вещи говорит этот мальчик! Не согрешим ли мы, убив его?

И каждый из них отвечал: «Я готов скорее нарушить свою клятву».

— Но, — продолжал Мерлин, — прежде чем идти с вами, я должен проститься с моей матерью и тем добрым человеком, который всегда заботился обо мне. Пойдемте со мной, и он примет вас радушно и угостит всем, чем может.

— Мы охотно всюду пойдем с тобой, — отвечали ему посланные.

В том же городе жил один разумный и хороший человек по имени Блез — старинный друг матери Мерлина и всей его семьи. Блез с детства заботился о Мерлине и никогда не оставлял его своими советами, но Мерлин уже в раннем возрасте обнаружил такую мудрость и такое знание того, что было прежде и что должно было еще случиться, что Блезу нечему было учить его, и, по совету самого Мерлина, завел он большую книгу и стал записывать в ней все, что делал и что предрекал этот необыкновенный ребенок. Из этой книги и мы знаем историю Мерлина.

Убедив посланных Вертижье не убивать его, Мерлин повел их в дом Блеза и при них простился со своим учителем.

— Я должен идти с этими людьми, — сказал он ему, — но и тебя я прошу отправиться в ту же землю. Зовут ее Нортумберлендом, и много в ней чудесного и необычайного. Большая часть ее заросла густыми лесами, и немало там мест, куда не ступала еще нога человеческая. В этой стране будешь ты продолжать свое дело и записывать все, что я скажу тебе, и не кончишь своего труда, пока не наступит царство славного короля Артура и пока ты не запишешь всех подвигов и деяний как его самого, так и его рыцарей и истории чаши Грааля. И знай, что книга твоя навсегда останется для всех самой любимой книгой на свете.

Обрадовался Блез, что не навсегда приходится ему расстаться с Мерлином, и, взяв с посланных слово, что не причинят они мальчику зла, простился с ним.

Пошел затем Мерлин проститься с матерью, и она тоже не стала удерживать его.

Вскоре Мерлин с послами отправились в путь. Шли они не один и не два дня. Встретился им крестьянин; ему было с ними по пути, и по дороге рассказал он, что идет из города, где купил кожу — башмаки починить, а

то худы стали — долго не проносишь. Рассмеялся громко Мерлин, а когда крестьянин ушел, стали послы спрашивать мальчика, отчего он засмеялся.

— Как же мне не смеяться, — сказал Мерлин, — крестьянин заботится о том, что его башмаки недолго прослужат, а сам умрет раньше, чем донесет кожу до дому.

Удивились послы и не поверили мальчику, решили они, что двое из них пойдут за крестьянином. Вернулись они уже через два часа и рассказали, что нашли крестьянина мертвым на дороге.

Еще более утвердились тогда послы в решении не убивать Мерлина. Но, когда подошли ко дворцу Вертижье, испугались и не знали, как быть. Засмеялся опять Мерлин и сказал им:

— Идите смело к королю, расскажите ему обо мне всю правду, и хотя вы и отвечаете за меня головой, но беды не приключится с вами.

Вертижье выслушал послов и велел привести к себе мальчика. Представ перед королем, Мерлин сказал, что может сообщить ему, почему стены башни повергаются в прах; но прежде чем открыть ему это, он просил собрать к строящейся башне клириков, аббатов и всех умеющих читать по звездам и узнавать судьбу по небу. Когда собрались они, а с ними множество народа, вышел Мерлин вперед и рассказал королю об их хитрости, и пришлось им покаяться в своем грехе.

При этом они просили только короля отложить их казнь, пока не убедятся они, что мальчик сумеет верно объяснить, отчего разрушаются стены башни.

— Государь, не предавайте их смерти, пока сами не убедитесь в истине моих слов, — сказал Мерлин. — Вы желаете узнать, государь, отчего разрушаются стены башни? — продолжал он. — Если вы хотите, я скажу вам это. Знаете ли вы, что под этой башнею есть большое подземное озеро? А под водою лежат два дракона, которые не видят ни зги. Один дракон белый, другой красный. Над каждым из них навалено по большому, тяжелому камню, которые нисколько не беспокоят их, потому что оба дракона великой силы. Но когда воздвигаются стены башни, они начинают сильно давить на воду, вода же давит на драконов, и драконы поворачиваются под тяжестью, и при этом озеро так сильно волнуется, что колеблется земля, а стены рассыпаются в прах. Теперь же, государь, прикажите разрыть землю под башней и казните меня, если солгал я.

Созвал король людей с лошадьми и тачками и приказал им рыть под башнею землю и увозить ее как можно дальше, и все видевшие это считали такую работу большим безрассудством, но не смели ничего говорить. Мерлин же приказал приставить к клирикам и звездочетам

надежную стражу. Принялись работники за дело и вскоре обнаружили подземное озеро. Вертижье вместе с Мерлином пришел посмотреть на невиданное чудо.

— Правду сказал ты, Мерлин, что под башнею было подземное озеро, но не знаю, правду ли сказал ты о драконах. Научи же меня теперь, как спустить озеро, чтобы добраться до лежащих на дне драконов, — сказал Вертижье.

— Немудреное это дело, — отвечал ему Мерлин. — Прикажи прокопать во все стороны от озера канавы и спусти воду на соседние луга.

Вертижье сейчас же приказал приняться за работу.

— Как только сбудет вода и появятся на свет драконы, — продолжал Мерлин, — так сейчас же схватятся они между собою и будут биться долго и жестоко. Так созови же своих людей, чтобы могли они полюбоваться на битву!

И кликнул король клич по всей своей земле, созывая горожан, мирян и клириков, а между тем прокопали уже глубокие канавы и отвели воду на соседние поля, и тогда обнаружились скрывавшиеся под водою камни, лежавшие на драконах.

— Видишь ли, государь, эти камни? — спросил Мерлин у короля. — Под ними лежат два дракона. Но они не пошевельнутся, пока не прикоснутся друг к другу. Почувствовав же прикосновение, они начнут биться и не прекратят боя, пока один из них не убьет другого.

— Мерлин, можешь ли ты сказать мне, который из них победит? — спросил король.

— Битва их и исход ее имеют большое значение, — сказал Мерлин, — и я охотно скажу тебе все, что могу, но призови к себе троих или четверых мудрых советников.

Послушался король и созвал на совет четверых из мудрейших своих советников. Пришел и Мерлин.

— Знай, государь, — сказал он королю, — что белый дракон убьет красного. Но прежде чем убьет он его, самому ему придется очень плохо. И победа их будет нам знамением. Но до конца битвы я ничего больше не скажу тебе.

Между тем множество людей собралось посмотреть на битву. Работники с большим трудом отвалили камни, под которыми лежали два дракона, столь огромных, сильных и страшных, что в страхе попятились все от них. Красный казался гораздо крупнее, страшнее и сильнее белого. Но оба они лежали неподвижно, пока не положили их совсем рядом. Почувствовав прикосновение, драконы повернулись, вцепились друг в

друга зубами и когтями, и начался меж ними бой, продолжавшийся весь день, всю ночь и весь следующий день до полудня, и все присутствовавшие думали, что красный дракон победит белого. Однако кончилось—таки тем, что белый дракон убил красного, но и сам прожил после того всего лишь трое суток.

— Теперь, Вертижье, ты можешь строить башню, какую тебе будет угодно! — сказал Мерлин.

И Вертижье тотчас же приказал приступить к постройке.

Не раз упрашивал король Мерлина поведать, что означала победа белого дракона над красным, хотя красный и долго одерживал над ним верх. Наконец согласился Мерлин, но просил прежде собрать лучших людей королевства и привести на советщслириков, что замыслили погубить его.

Собрался совет в полном своем составе, пришел на совет Мерлин, привели и клириков и астрологов. И сказал им Мерлин:

— Безрассудно и недостойно поступили вы, вздумав хитростью погубить меня, и за такой обман заслуживаете вы смерти. Но я буду просить короля даровать вам жизнь, если обещаете вы исполнить то, чего я от вас потребую.

— Мы исполним все, чего только ты пожелаешь! — отвечали они ему.

— Поклянитесь же мне, что навсегда откажетесь от чародейства и будете вести суровую и строгую жизнь, заботясь лишь о спасении своей души!

Поклялись ему клирики и звездочеты, и по просьбе его король отпустил их на свободу.

— Объясни же мне теперь знамение! — сказал Вертижье Мерлину.

— Вертижье, — отвечал ему Мерлин, — красный дракон — это ты сам, белый же — сыновья Констана. Ты сам знаешь, что сыновья Констана остались после отца малыми детьми и что тебе следовало защищать их и быть им добрым советником. А между тем ты хитростью и коварством добился смерти короля Муана и сам же предательски казнил его убийц. Ты захватил все принадлежавшие ему земли, а также и земли младших сыновей, успевших бежать в чужие страны. Однако, свершив все это, ты не находил покоя, чувствуя себя окруженным врагами, и, чтобы спастись от них, задумал построить башню. Но никакая башня не спасет тебя.

— Вижу, что ты мудрейший человек на свете, — сказал ему Вертижье, — потому, прошу тебя, посоветуй мне, как мне быть, и скажи мне, какую смертью я умру.

— Я скажу тебе, какою смертью ты умрешь, — отвечал ему Мерлин. — Знай же, что большой и надменный дракон — это ты и твое высокомерие. Белый же дракон — наследство бежавших детей. То, что бились они так долго, значит, что долго ты не по праву владел их землями. А что белый дракон убил красного, значит, что дети эти убьют тебя. Не думай, что построенная тобою башня может спасти тебя от кары.

Рассердился Вертижье при таких словах Мерлина и спросил его с гневом, где же теперь эти дети.

— Теперь они в море — со множеством кораблей, и войска ведут они сюда, чтобы учинить над тобою суд и расправу. Через три месяца будут они в Винчестере.

Огорчился Вертижье и спросил, нельзя ли как-нибудь избежать такой судьбы.

— Нельзя, — отвечал Мерлин, — они убьют и сожгут тебя подобно тому, как белый дракон спалил красного.

Вскоре простился Мерлин с королем и, как тот ни упрашивал его, не согласился с ним остаться, но пошел, разыскал Блеза и велел ему записать все, как было.

Между тем взял своих людей Вертижье и пошел навстречу сыновьям Констана, и ровно через три месяца, день в день, появилось на море много чужеземных кораблей и лодок с людьми. Стали спрашивать их, кто они такие, и сказали они, что пришли с детьми Констана, чтобы прогнать Вертижье. И была радость великая по всему царству. Вертижье защищался, но рыцари его перешли на сторону сыновей своего законного короля. Вертижье, видя, что плохо ему придется, с Гангусом и другими саксами заперся в замке на берегу моря. Воины сыновей Констана подожгли замок, и много народу погибло в пламени, в том числе и сам Вертижье.

Так вернули себе земли сыновья Констана, и старший из них, Пендрагон, был провозглашен королем. Однако долго пришлось ему еще воевать с саксами, которые ни за что не желали отказаться от захваченных ими земель и замков. Дольше всех сопротивлялся Гангус. Он заперся в своем крепком замке и не сдавался. Осада продолжалась более полугода, и наконец Пендрагон собрал совет и стал обдумывать, как захватить замок. На совете присутствовало пятеро человек, знавших когда-то Мерлина, видевших бой драконов и слышавших, как предсказал Мерлин гибель Вертижье и возвращение сыновей Констана.

— Это величайший чародей на свете, — сказали они, — и если бы нам удалось найти его, он, конечно, сумел бы сказать нам, сдастся замок

или нет.

— А нельзя ли его как-нибудь найти?

— Не знаем мы, где он теперь, — отвечали они, — знаем только, что сами говорили с ним, и знаем, что он находится в этой земле.

И разослал Пендрагон гонцов по всей земле разыскивать Мерлина. Мерлин же, узнав об этом, поспешил проститься с Блезом и отправился в тот город, где, как он знал, остановились отдохнуть и повеселиться посланные короля. Он явился в город под видом угольщика, в старой заплатанной одежде, и выглядел человеком, всю жизнь свою проводившим в лесу в полном одиночестве и никогда не выдавшим людей. Так пришел он и в дом, где находились посланные Пендрагойа.

— Не с добром, кажется, пришел этот человек, — говорили они друг другу, с недоумением поглядывая на него.

— Господа послы, — обратился к ним Мерлин, — плохо же исполняете вы поручение вашего господина, отправившего вас разыскивать Мерлина.

— Кто рассказал о нашем деле этому мужлану? — спрашивали друг друга посланные.

— Если бы меня послали за ним, я, конечно, нашел бы его скорее вашего, — продолжал Мерлин.

Повскакали тут посланные со своих мест, окружили угольщика и принялись расспрашивать его о Мерлине.

— Знаю я хорошо его убежище, — отвечал им угольщик, — но вам не найти его, если сам он не пожелает явиться вам. А потому не трудитесь понапрасну, а скажите вашему господину, что он не возьмет замка, пока не умрет Гангус. Из тех же пятерых человек, кто когда-то знал Мерлина, вернувшись домой, вы найдете в живых только троих. И еще скажите вы вашему господину, что если хочет он видеть Мерлина, то должен прийти сам в наш лес.

Подумали посланные, потолковали и пустились в обратный путь. Узнав об их возвращении, собрал король совет и стал их при всех расспрашивать. Рассказали посланные его, как было; не умолчали и о предсказании угольщика, что из пятерых человек, знавших когда-то Мерлина, они, вернувшись домой, найдут в живых только троих. Услыхав об этом, все пришли в удивление, потому что действительно за это время двое из тех людей умерли. Никто не узнал в безобразном угольщике самого Мерлина, потому что никто тогда еще не знал, что мог он по своему желанию принимать различные облики, но всем казалось, что никто, кроме Мерлина, не мог бы предсказать такого.

Захотелось Пендрагону посмотреть на Мерлина, поручил он свое войско брату своему Утеру, а сам отправился в леса Нортумберленда, взяв с собою людей, знавших в лицо Мерлина.

Долго бродил он из селения в селение, расспрашивая всех о Мерлине, но никто ничего не мог сказать ему. Тогда сел король на коня и поехал в самую глубь леса разыскивать Мерлина. Тут случилось, что один из спутников короля увидел человека, очень безобразного, который пас множество диких зверей.

— Кто ты такой? — спросил он его.

Тот отвечал, что он из Нортумберленда и находится в услужении у одного из тамошних жителей.

— Не можешь ли ты сказать мне чего-нибудь о человеке, которого зовут Мерлином? — продолжал расспрашивать спутник короля.

— Нет, не могу, — отвечал пастух, — но слышал я, что сам король собирался приехать за ним сюда, в этот лес. Не знаешь ли ты чего-нибудь об этом?

— Правда твоя, — отвечал тот, — король сам приехал сюда. Не можешь ли ты сказать мне чего-нибудь?

— Я скажу кое-что королю, но не тебе, — отвечал пастух.

— Ну, так пойдем со мною: я отведу тебя к королю.

— Хорошо же пас бы я тогда свое стадо! Не мне король нужен, а я ему. Я сказал бы ему, как найти того, кого он здесь ищет.

— Так я приведу к тебе короля.

Расставшись с пастухом, рыцарь разыскал в лесу государя и рассказал ему все, как было.

— Веди меня к нему, — сказал король.

— Вот, я привел своего господина, — сказал рыцарь, когда пришли они на то место, где безобразный пастух пас свое стадо. — Скажи же ему то, что ты обещал сказать.

— Я знаю, что ты пришел сюда искать Мерлина, — заговорил пастух, — но ты не найдешь его, пока сам он не захочет открыться тебе. Ступай же, государь, в один из твоих крепких городов неподалеку отсюда и ожидай его там. Он сам придет к тебе.

Делать нечего, отправился король в город, бывший неподалеку от леса, и в то время, как он жил там, ожидая Мерлина, явился в дом его какой-то горожанин, очень хорошо одетый и с виду состоятельный человек, и потребовал, чтобы его провели к королю.

— Государь, — сказал он, — Мерлин кланяется вам. Он сам послал меня сюда. Он велел сказать вам, что это он был тот человек, которого

встретили вы в лесу и который стерег там зверей, и что он сам придет к вам, однако пока вам нет еще в нем большой нужды.

— Он очень нужен мне, — отвечал король, — никогда еще никого не хотелось мне так видеть, как его.

— В таком случае он велел мне сообщить вам одну новость: Гангус умер, и убил его брат ваш, Утер.

— Возможно ли это? — спросил пораженный неожиданностью король.

— Больше ничего не велел он мне говорить вам. Но если вы не верите, пошлите справиться, и тогда поверите мне.

Послушался король и, выбрав двух послов, дал им лучших своих лошадей и приказал как можно скорее принести ему вести о Гангусе. Но уже по дороге рыцари встретились с гонцами Утера, скакавшими к Пендрагону с известием о смерти Гангуса.

Очень дивился король, как это Мерлин мог узнать об этом, и все еще ждал его прихода и не покидал города: особенно хотелось ему расспросить о том, как был убит Гангус, так как гонцы брата не могли сказать этого.

И вот раз явился к нему очень почтенный, благообразный человек, поклонился и спросил:

— Государь, кого ждете вы в этом городе?

— Я жду Мерлина, — отвечал король.

— Государь, вы не в состоянии будете узнать его, если он заговорит с вами. Позовите же тех, кто предполагает, что они знают Мерлина, и спросите, не я ли Мерлин?

Удивился король и велел позвать людей, знавших Мерлина.

— Все мы ждем здесь Мерлина, — сказал он, — но сможете ли вы узнать его?

— Государь, мы наверно узнаем его, когда увидим, — отвечали они, не обращая никакого внимания на незнакомца.

Тогда гость попросил короля удалиться с ним в отдельную комнату и сказал ему наедине:

— Государь, я желаю добра как тебе самому, так и твоему брату. Знай же, что я тот самый Мерлин, за которым ты пришел сюда. Но эти люди, предполагающие, что они меня знают, в действительности вовсе не знают меня. Поди же теперь за ними и приведи их сюда, и, как только они увидят меня, они сейчас же меня признают.

Обрадовался король и поспешил за людьми, знавшими когда-то Мерлина. Мерлин же между тем успел уже принять тот облик, в котором

они его знали.

— Государь, — сказали они, как только вошли в комнату, — вот Мерлин.

— Скажи же мне теперь, государь, чего ты от меня желаешь? — спросил Мерлин.

— Скажи мне, Мерлин, как узнал ты о смерти Гангуса? — спросил король.

— Государь, я давно уже знал, что Гангус задумал убить твоего брата, и я пошел к твоему брату и предупредил его о том, что Гангус замышлял ночью один пробраться в его палатку и убить его во время сна. И брат твой, никому не сказав ни слова, сам вооружился и стал ночью на страже у входа в свою палатку, подстерегая Гангуса. Гангус среди ночного мрака прошел прямо в глубь палатки, рассчитывая найти там твоего брата спящим, и, не найдя никого, направился было к выходу, но тут брат твой напал на него и без труда покончил с ним, так как Гангус, чтобы облегчить себе бегство, пришел без доспехов, с одним только мечом.

— Знает ли брат мой, что сам Мерлин явился к нему, чтобы предупредить его об опасности? — спросил король.

— Нет, государь, он этого не знает.

— Дорогой и истинный друг мой, Мерлин, — сказал ему король, — не останешься ли ты при мне? Мне очень нужно твое присутствие и твоя помощь!

— Государь, я всегда готов помогать тебе, если только хватит у тебя благоразумия всегда верить мне и слушаться моих советов. Не могу я навсегда остаться при тебе, но обещаю время от времени появляться при твоём дворе.

После этого разговора Мерлин опять отправился к Блезу и, рассказав все, как было, велел ему занести все в свою книгу. С его-то слов и знаем мы эту историю.

Мерлин сдержал слово и не оставлял короля Пендрагона своими советами. Благодаря ему Пендрагону удалось окончательно изгнать саксов за море и водворить в стране мир и порядок. Большая часть людей, бывших при его дворе, искренне уважали Мерлина, признавая за ним великую мудрость, и всегда радовались его появлению, но немало было у него и завистников, стремившихся унижить его во мнении короля.

Один из таких завистников пришел к королю и сказал:

— Государь, вы так дивитесь этому человеку и так верите ему, а между тем, если вы позволите, я берусь доказать вам, что нет в нем ни капли истинной мудрости.

— Хорошо, — отвечал король, — испытай его, но только смотри, как бы не прогневать его.

Получив разрешение короля испытать Мерлина, завистливый барон, выждав день, когда Мерлин явился при королевском дворе, встретил его с притворною радостью и на совете, в присутствии самого короля, стал просить:

— Расскажи мне, какой смертью мне суждено умереть?

— Знай, что в день твоей смерти ты свалишься с лошади и сломаешь себе шею.

Получив такой ответ, барон переоделся в другое платье и, вернувшись ко двору, притворился больным. Король по просьбе барона, не предупредив Мерлина ни единым словом, подвел его к больному и просил сказать, какую смертью умрет этот человек.

— Больной этот, — отвечал Мерлин, — не умрет от этой болезни, но в день его смерти его найдут в петле.

Проговорив так, Мерлин, притворившись сердитым, нарочно вышел из комнаты, оставив барона наедине с королем.

— Видите, государь, как лжет этот человек, предсказавший мне две разные смерти, — сказал мнимый больной королю.

Тем не менее решено было испытать Мерлина до трех раз.

Переоделся барон монахом и поехал в соседнее аббатство и оттуда послал за королем, прося его приехать к нему. Поехал король и взял с собою Мерлина. После обедни подошел к ним аббат с пятнадцатью монахами и попросил взглянуть на приезжего монаха, который вдруг заболел и слег. Опять спросил король Мерлина, какую смертью умрет больной, и Мерлин отвечал:

— Человек этот легко может встать, если захочет, потому что он нисколько не болен. Я предсказал ему уже две разные смерти и теперь предскажу еще третью, совершенно на них непохожую: после того как, упав с лошади, он сломает себе шею и повесится, он еще и утонет.

Получив три столь различных ответа на один и тот же вопрос, барон сказал королю:

— Видите, государь, как лжет этот человек? Он предсказал мне три различные смерти. Неужели и теперь вы по-прежнему будете верить ему?

— Я не перестану верить ему, пока само время не покажет, правду ли он сказал или нет, — отвечал король. И барон был очень огорчен, убедившись, что не прогнать ему Мерлина до своей смерти.

Между тем слова Мерлина скоро оправдались на деле: барон в сопровождении множества народа переезжал реку по мосту, там лошадь

его оступилась и упала на передние колени. Барон перелетел через ее голову и, упав наземь, сломал себе шею, но от сильного толчка тело его скатилось с моста и упало в воду, причем вожжи одним концом запутались вокруг его ног, другим же концом зацепились за одно из бревен моста. Так и сбылись слова Мерлина, что в день своей смерти барон, упав с лошади, сломает себе шею, повесится и утонет.

С этой минуты Мерлин решил, что будет высказывать свои предсказания только в самой туманной форме, так, чтобы люди могли понять их истинный смысл лишь после того, как они оправдаются на деле. Придворные же Пендрагона просили короля завести большую книгу и записывать все слова Мерлина. Пендрагон согласился, и тем положено было начало книги, которую все знают под названием «Пророчества Мерлина».

Тем временем саксы, изгнанные Пендрагоном и Утером, успели вернуться в свою землю и рассказать там о гибели Гангуса. У Гангуса были многочисленные и сильные родичи, которые, узнав о его смерти, решились отомстить за него и с громадным войском высадились на берегах Англии. На каждого из воинов Утера и Пендрагона у саксов приходилось, по крайней мере, по два человека. Тем не менее благодаря советам Мерлина саксы были разбиты, и все они остались на поле битвы, но зато погиб и один из братьев, Пендрагон, и был похоронен на Салисберийском кладбище.

По смерти Пендрагона Утер был провозглашен королем и в память брата принял имя Утера Пендрагона. Мерлин по-прежнему время от времени появлялся при дворе и не оставлял короля своими советами.

Сделался Утер королем и стал править по совету Мерлина. Мерлий вскоре пришел к Утеру и спросил его:

— Что ты сделаешь для Пендрагона?

— Что могу я для него сделать? — ответил Утер. — Он покоится в могиле в Салисбери.

— Ты должен устроить во славу его памятник, — сказал Мерлин.

Утер согласился и с этим — как и всегда, ни в чем не перечил он Мерлину. Послали они огромные корабли в Ирландию за большими острыми камнями, поехал туда и сам Мерлин, чтобы показать, какие именно камни следует взять. Но когда он указал эти камни, спутники его

засмеялись и ответили, что не было еще на свете таких людей, которые могли бы поднять их, ни таких кораблей, на которых могли бы отвезти их к могиле Пендрагона. На меньшие камни Мерлин не согласился. Люди вернулись к королю Утеру и сказали ему, что не могли исполнить желания Мерлина. Стал тогда уговаривать его Утер привезти другие камни, но Мерлин ответил, что он один сделает свое дело и сослужит последнюю службу королю Пендрагону — и очутились камни сами собой на кладбище Салисбери.

Позвал Мерлин короля и всех рыцарей и показал им камни, и много дивились они этому чуду, а с ними дивился и весь христианский народ. Тогда Мерлин сказал:

— Надо поставить камни на могилу Пендрагона, чтобы спокойно спалось ему под их охраной.

Засмеялись рыцари, засмеялся народ вместе с ними.

— Великанам не поднять их, — сказали они Мерлину.

— Ну, хорошо, я сослужу последнюю службу королю Пендрагону, — отвечал он и чарами поставил камни на могилу, и стоят они там целые сотни и сотни лет во славу Пендрагона. Время и рука Создателя щадят их.

Затем сказал Мерлин Утеру:

— Пришло время утвердить могущество рода твоего. Надо тебе соорудить вечный Круглый Стол, за которым было бы место лишь самым мудрым и храбрым рыцарям твоей земли. Пусть эти рыцари заключат между собой вечный союз, чтобы помогать тебе и твоим наследникам, и пусть этот стол станет залогом бессмертия твоего рода. Стол должен быть круглым, потому что все рыцари, сидящие за ним, будут равны между собою — старый и молодой, царского и крестьянского рода — все должны служить одному господину, Спасителю нашему, и ходить на подвиги во имя Христа, защищая слабых, угнетенных и притесненных.

Обрадовался Утер такому предложению и поручил Мерлину это дело. По мысли его и желанию стол был сооружен в Кардуэле, в земле Гальской. Когда все было готово, выбрали пятьдесят самых доблестных рыцарей, и каждому назначил Мерлин его место, а угощал и обносил их кушаньем сам король, и тогда только сел Утер за стол, когда они все уже насытились. Так пировали они за этим столом всю неделю Святой Троицы, и было великое веселье в эти дни при дворе Утера.

Когда же разъехались по домам все гостившие рыцари и бароны, дамы и герцоги, обратился король к сидевшим за столом рыцарям и спросил их, что намерены они делать. И сказали они все, как один человек, что хотят остаться жить в этом городе, охранять Круглый Стол и

отсюда ходить на подвиги Христовы. Дивился король, что так легко само собой исполнилось его тайное желание. Каждый рыцарь получил за столом такое место, которого бы хватило на троих, и осталось только одно незанятое место. Мерлин сказал, что оно будет занято лишь после смерти Утера, при его наследниках, и что тот из его потомков, который займет это место, будет рыцарь, чистый душой и телом, но что прежде должен он будет совершить все подвиги, связанные с поисками сосуда Грааля.

Ушел после того Мерлин в Нортумберленд к Блезу, уехал и король из Гэльской земли в свою столицу Лондон и зажил там шумно и весело: турниры и поединки, на которые собирались к нему дамы и рыцари, занимали все его время. На Пасху же ездил он в Кардуэль к рыцарям Круглого Стола. Так прошло целых два года.

Во время царствования короля Утера Пендрагона случилось, что один из могучих герцогов Корнуолла долгое время вел с ним ожесточенную борьбу. Герцога этого звали Тинтагилом. Но вот потребовал Утер Пендрагон к своему двору всех своих баронов, герцогов и других вассалов с их женами и дочерьми на празднества, которые устроил он на Рождество в Кардуэле. Приехал и герцог Тинтагиль со своею женой, славившейся необыкновенной красотой и доброжелательностью. В первый раз увидел ее король Утер Пендрагон, и так она ему понравилась, что он сразу же забыл всю свою вражду к герцогу, стал с ним очень ласков и любезен, а жену его явно отличал перед всеми другими дамами, съехавшимися на празднества: ни одна из них не видела от него столько внимания и не получала таких подарков. Не нравилось это ни самому герцогу, ни его жене, и, зная, что король ни за что не согласится добровольно отпустить их домой, собрались они потихоньку и вместе со всеми своими людьми уехали тайно, никому не сказав ни слова.

Страшно разгневался Утер, узнав об их самовольном отъезде. Созвал он своих ближайших советников и рассказал им об этом деле, и посоветовали они ему послать к герцогу послов с приказанием немедленно вернуться ко двору. Не исполнит он этого приказания — король сочтет себя вправе начать с ним войну.

Так и сделали. Отказался герцог Тинтагиль вернуться ко двору и стал готовиться к обороне. Жену свою Игрейну оставил он в замке Тинтагиль, поручив надежным рыцарям, а сам со своими людьми засел в другом своем замке, Террабиле, снабженном многими выходами и потайными ходами. Король Утер тоже не медлил и в скором времени явился с большим войском и осадил замок Террабиль, разбив перед ним свой лагерь, и много произошло тут кровавых стычек и битв.

Долго длилась осада. Между тем король Утер никак не мог забыть прекрасной Игрейны, и чем больше думал о ней, тем больше хотелось ему получить ее в жены. Стал он советоваться с приближенным рыцарем своим Ульфиусом о том, как бы повидать ему Игрейну, и посоветовал ему Ульфиус обратиться за помощью к Мерлину и по приказанию короля сам поехал разыскивать Мерлина.

Раз как-то, проезжая среди войска, Ульфиус встретил совершенно незнакомого ему человека, который сказал ему:

— Сэр Ульфиус, охотно поговорил бы я с тобою!

— Да и я с тобою тоже, — отвечал ему Ульфиус.

Тогда выбрались они на полянку, подальше от войска, и Ульфиус, спешившись, спросил человека, кто он такой.

— Я старик, — отвечал тот, — и хотя в молодости слыл я умным человеком, но теперь, говорят, уже выжил из ума. Однако я все-таки мог бы указать тебе того, кто сумеет помочь королю в его беде.

Подивился Ульфиус словам старика и сказал, что он должен сообщить об этом королю.

— А переговорив с королем, найду ли я тебя на этом месте? — спросил он.

— Найдешь или меня самого, или моего посланного.

Рассказал Ульфиус королю о своей встрече, и на другое же утро король сам отправился на то место, где Ульфиус видел старика. Он нашел там калеку.

— Король, — закричал калека, — если Господь исполнит желание твоего сердца, дай мне то, за что я буду тебе благодарен.

Засмеялся король и сказал Ульфиусу:

— Сослужи мне службу, Ульфиус!

— Государь, я сделаю все, что будет в моих силах, — отвечал ему Ульфиус.

— Так пойди же к этому калеке и скажи, что я дарю тебя ему и что я ничем не дорожу так, как тобою.

Послушался Ульфиус и, подойдя к калеке, сказал:

— Государь хочет, чтобы я стал твоим.

Засмеялся калека и сказал:

— Полно, Ульфиус, король видел меня и знает меня гораздо лучше, чем ты.

Вернулся Ульфиус к королю и передал ему слова калеки.

— Знаешь ли ты, что старик, с которым ты говорил вчера, и этот калека — один и тот же человек? — спросил король, — — Знай же, что

это Мерлин издевается над нами. Он сам придет к нам, когда захочет говорить с нами.

Действительно, в скором времени Мерлин сам, в обыкновенном своем виде, явился прямо в палатку короля, где застал его вместе с Ульфиусом, и сказал:

— Знаю я, государь, что больны вы от любви к Игрейне, и готов я помочь вам — при одном условии.

Король поклялся выполнить любое желание Мерлина, если будет оно в разумных пределах, и Ульфиус поклялся тоже в том, что никому не откроет тайны и во всем будет помогать королю.

— Тогда сегодня ночью возляжете вы с Игрейной и после этой ночи будет вами зачато дитя, и когда родится младенец, отдадите вы мне его, ибо воспитаю я его на славу всего государства.

Утер согласился.

Дождавшись ночи, Мерлин вместе с королем и Ульфиусом тайком выбрался из лагеря и, приняв образ одного из слуг герцога Тинтагиля, дал королю облик самого герцога, а Ульфиусу — облик другого его слуги, и так незаметно и благополучно пробрались они среди неприятельского войска к замку Тинтагиль. Стража, стоявшая у ворот замка, приняла их за своих и беспрепятственно пропустила в замок.

Между тем герцог Тинтагиль заметил, что с наступлением ночи король Утер покинул свое войско, стоявшее перед замком Террабиль, и решился воспользоваться отсутствием Утера. Потайным ходом вышел он со своими воинами из замка и напал на войско короля Утера, рассчитывая застать его врасплох. Но ошибся: в войске Утера все было готово к бою. Произошла кровопролитная битва, в которой сам герцог Тинтагиль был убит, а затем и замок его взят. Быстро разнеслась весть о смерти герцога, и слух о ней достиг замка Тинтагиль прежде, чем король Утер успел вернуться домой.

А ночью той был зачат король Артур.

Так кончилась вражда герцога Тинтагиля с Утером.

Вскоре после смерти герцога стали приступать к Утеру графы и бароны, уговаривая его помириться с Игрейной. Обрадовался Утер и приказал Ульфиусу уладить дело. Игрейна тоже сама не вступала ни в какие переговоры и поручила все дело своим родным и баронам. Долго совещались обе стороны и наконец порешили, что король Утер женится на Игрейне и тем будет положен конец всяким распрям.

Так и сделали: в одно прекрасное утро пышно и радостно отпраздновали свадьбу короля Утера Пендрагона с Игрейной.

Тут же выдали замуж и двух дочерей герцога Тинтагиля — одну, Моргаузу, будущую мать Гавейна и Мордредра, убийцы короля Артура, повенчали с королем Лоутеанат и Оркнеев, вторую, Элейну, отдали за короля Нантреса из земли Гарлоит, а третью же, Фею Моргану, отдали в учение, и постигла она всю великую науку, и вышел из нее большой знаток черной магии. Потом она обвенчалась с королем земли Гоор Уриенсом, отцом сэра Ивейна Белорукого.

Через год явился к Утеру Мерлин и потребовал, чтобы тот отдал ему родившееся у Игрейны дитя. Огорчился Утер, но не мог отказать, так как поклялся Мерлину, что отдаст ему все, чего тот у него ни попросит.

— Не бойся, — сказал ему Мерлин, — твой сын вырастет могуч и славен и, воспитываясь вдали от двора, будет угоден Богу.

И сказал тогда король Утер жене, что за грехи свои должны они посвятить свое дитя Богу и расстаться с мальчиком навсегда. Долго плакала королева, но наконец согласилась. Король же, по совету Мерлина, вызвал к себе барона Эктора, человека честного и мужественного, у которого были прекрасные владения по всей Англии, и выразил ему свою волю: Эктор, из любви к королю, должен был отдать своего новорожденного сына на воспитание кормилице, а сам воспитать малыша Утера как своего родного ребенка. Эктор согласился, и Мерлин тайно ночью унес ребенка из замка и передал его барону.

Сына Утера называли Артуром, и он рос, считая себя сыном своего приемного отца, Эктора.

Недолго жил благополучно король Утер — сделалась у него подагра в руках и ногах, и совсем он ослаб. Узнав о его немощи, восстали против него недруги. Послал король против них войско, но оно было побеждено, и Утер, больной и слабый, не знал, что ему делать. Тогда явился Мерлин и сказал королю:

— Веди сам свое войско в битву: теперь все бароны, рыцари и вассалы, думая, что ты умираешь, не имея наследника, тянут каждый в свою сторону, и им некогда идти в битву, а когда ты сам пойдешь во главе своего войска, пойдут и они поневоле.

— Как пойду я во главе своего войска, — возразил Утер, — когда я не могу двинуть ни одним членом?

— Вели поднять себя на носилки и нести впереди войска, и уверяю тебя, что ты победишь, и хотя ты недолго проживешь после победы, но зато умрешь тихо и мирно.

Послушался король, созвал войско и велел нести себя впереди на носилках. Обрадовались рыцари и воины, что Утер опять с ними, с пением

пошли они в битву, кинулись на врагов с ожесточением и положили их немало тысяч.

Недолго после того прожил король Утер. Чувствуя приближение смерти, простился он со своими близкими, с женой, с рыцарями и пажам, долго говорил с Мерлином, своим советником, потом призвал священника и при всех объявил, что наследником его должен быть сын его Артур.

Ночью короля не стало: звезды ярко горели на небе, но вдруг звезда Утера погасла. Вассалы, рыцари и весь народ оплакивали короля Утера, их доброго господина.

После похорон Утера собрался совет и единогласно просил Мерлина выбрать им короля.

— Мы знаем, что ты всех мудрее на свете и правил нами при Утере, помоги же нам теперь выбрать себе достойного короля.

— Не дано мне от Бога выбирать королей, — ответил им Мерлин, — но если хотите, то послушайтесь моего совета: никого не выбирайте королем до Рождества, и тогда Господь укажет вам своего избранника.

Согласились рыцари, бароны и герцоги, и каждый втайне молился, чтобы Господь избрал его самого на царство. В это время Артур был уже подростком, и Эктор пришел вместе с ним и названным его братом Кэем в город. Накануне Рождества ездил герольд по городу и сзывал весь народ к церкви. Все бывшие в городе собрались у церкви. Не пошли только Кэй с Артуром: молоды еще были для этого, сказал им отец.

И сказал епископ народу:

— Собрал я вас сюда для того, чтобы видеть, кого Господь выберет вам в короли и защитники.

Тут показал он им около церкви глыбу мрамора, из которой торчал плотно всаженный в нее меч, и объявил им, что Господь повелел избрать в короли того, кто вынет этот меч. Поднялся большой шум и толкотня, каждый продирался вперед, желая попытать счастья. Оказалось, однако, что никто не в силах был вытащить меч, как ни старался. Каждый день от Рождества до самого Крещенья приходили новые толпы и уходили назад ни с чем.

Но вот как-то Кэй, собираясь за город на военные игры с товарищами, послал Артура разыскивать свой пропавший меч. Долго ходил Артур по городу и предместьям, заглядывал в кусты, в ямы и нигде не нашел он меча Кэя, как ни старался. Наконец, проходя перед церковью, увидел он меч, воткнувший в камень. Думая, что меч этот ничей, он вынул его без затруднения и отдал Кэю вместо пропавшего, рассказав, где он его нашел. Кэй побежал с мечом к отцу и стал хвастаться, что сам вынул меч;

но отец, зная сына, привел его в церковь и перед Распятием заставил рассказать правду, а затем велел Артуру отнести меч назад и вложить его в камень. Когда Артур исполнил приказание, меч тотчас же словно врос в камень. Тогда Эктор открыл Артуру, что тот не сын его, а только приемный сын и избранник Божий на царство.

Поутру в Крещение повел Эктор Артура к епископу и просил его посвятить юношу в рыцари. Собрал епископ баронов, герцогов и рыцарей и, подозвав к себе Артура, велел стать на колени и подать свой меч для благословения. Артур же, не имея меча, пошел к мраморной глыбе и, при всех вынув меч из камня, подал епископу. Удивились бароны и рыцари и в недоумении говорили:

— Немыслимо, чтобы такой мальчик правил нами!

— Ну, хорошо, — сказал епископ, — отложим испытание до завтра: завтра мы соберем всех вассалов и рыцарей, и снова Артур вынет меч из камня. А теперь, дитя мое, положи меч назад.

Артур вложил меч, и меч опять прирос к камню. И сказали тогда рыцари и бароны:

— Мы не хотим противиться Божьему избранию, но только дивимся, что такой мальчик предназначен нам в государи!

Тем не менее бароны, герцоги и рыцари были недовольны избранием в короли худородного и просили отложить окончательное решение до заговенья; а затем, когда Артур снова вынул меч, еще раз отсрочили избрание до Пасхи.

На Пасху собрался народ, бароны и рыцари из всех городов и селений, но снова никто не мог вынуть меча, и один только Артур вынул его без затруднения. Тогда обратился к нему епископ и сказал, что по воле Господней Артур отныне — король и что народ будет слушаться его и повиноваться ему, но что рыцари и бароны хотят еще отложить коронование до Троицы.

— Будь же добрым королем и христианином, — сказал Артуру епископ.

Стали бароны и рыцари просить Артура повременить с коронованием, желая испытать его. Он согласился и выказал при этом такой ум и такую щедрость, что они решили не противиться его избранию.

Накануне Троицы, вечером в субботу, епископ посвятил его в рыцари, а затем в Троицу возложил на его голову королевский венец.

Через месяц после коронования, когда при дворе Артура продолжались еще великолепные празднества, явился к Артуру Мерлин в образе четырехлетнего мальчика и открыл королю, что тот сын его друга, умершего короля Утера. Но Артур не мог поверить в такое, не мог поверить и тому, чтобы этот ребенок был другом его отца, и тогда Мерлин

явился в образе старика, открылся Артуру и долго разговаривал с ним, обещая доказать, что Артур действительно сын Утера. Тут только поверил Мерлину король Артур и сказал, что будет слушаться его во всем. Мерлин посоветовал устроить большой праздник и пригласить на него короля Лота с женою и вдову короля Утера, Игрейну, жившую у своей дочери. Сам Мерлин предупредил обо всем бывших еще в живых Ульфиуса и Эктора, приемного отца Артура.

После турнира на пиру встал со своего места Ульфиус и, обратясь к Игрейне, спросил, куда дела она своего сына, родившегося на следующий день после ее свадьбы? Уж не убила ли она его и не скрыла ли этого преступления от короля Утера? Тогда поднялся в зале шум, и все стали обвинять королеву в убийстве ребенка. Но она горько плакала и уверяла, что во всем виноват Мерлин, уговоривший короля тайно отдать ему своего сына, и что она с тех пор не знает покоя и готова пожертвовать жизнью за того, кто указал бы ей, где находится теперь ее дитя. В эту минуту явился в залу Мерлин в своем обычном виде и подтвердил слова королевы, прибавив, что он отдал ребенка на воспитание одному благочестивому человеку, сэру Эктору, так как не надеялся, что наследник престола мог сохранить чистоту души и сделаться истинным христианином, живя при дворе, где царят вражда и зло. Позвали сэра Эктора, и он подтвердил слова Мерлина. Велика была радость всего народа при известии, что их король оказался сыном Утера, а радость королевы и описать нельзя. Долгое время пиры и празднества не прекращались при дворе ни на один день.

И вот в один из этих дней, когда все садились за стол и король Артур, сидя около своей матери, собирался отведать первого блюда, явился во двор оруженосец, ведя под уздцы коня и поддерживая едва державшегося в седле смертельно раненного рыцаря. Оруженосец рассказал, что в самом царстве Артура и даже недалеко от его столицы какой-то неизвестный рыцарь поставил в лесу свою палатку и не пропускает лесом ни конного, ни пешего, заставляя каждого биться с собой в поединке, и каждого убивает или ранит. Тут подошел Мерлин к королю Артуру, огорчившемуся при этой вести.

— Это первое приключение из всех, которые суждены тебе в твоей жизни, — сказал он ему, — и будет их так много, что напишется о них целая книга и еще многое останется неизвестным.

Подумал Артур и позвал оруженосца, привезшего рыцаря, и расспросил его обо всем подробно. Оруженосец рассказал, что рыцаря надо искать в лесу на поляне, у большого дерева, на котором по очереди караулят прохожих и проезжих два его оруженосца. Услышав этот рассказ,

юный рыцарь Грифлет, столь же юный, как и сам король, стал просить Артура отпустить его биться с рыцарем. Не мог отказать ему в этом Артур и дал свое согласие. Но Мерлин сказал, что Грифлет слишком молод и не устоит против рыцаря, а потому Артур должен будет сам помочь ему, за что Грифлет будет служить королю верой и правдой. Отпуская Грифлета, король взял с него слово вернуться немедленно после первой схватки.

Въехал Грифлет в лес, нашел палатку и увидал около нее вороного коня, чернее ночи, и рядом на кусте висевший щит. Снял Грифлет его и положил на землю. Тогда закричал ему рыцарь, находившийся тут же:

— Эй, рыцарь, ты невежливо поступил со мной, сбросив мой щит на землю; кто ты такой и откуда едешь?

— Я из людей короля Артура, недавно посвящен в рыцари, — отвечал ему Грифлет.

— Ну, лучше тебе и не пробовать биться со мной! — заметил рыцарь.

При этих словах Грифлет, обиженный, первый напал на него. Но рыцарь вышиб его из седла ловким ударом.

Грифлет, верный своему слову, возвратился к королю Артуру, где ему перевязали раны. Между тем Артур тихонько встал ночью и выехал из города биться с лесным рыцарем. На рассвете встретил он в лесу Мерлина, преследуемого тремя дровосеками, хотевшими его убить за то, что он предсказал им раннюю смерть. Артур освободил Мерлина, и они продолжали путь вместе, но, когда они подъехали к палатке лесного рыцаря, Мерлин вдруг исчез. Неподалеку, у ручья, стоял вооруженный рыцарь, и Артур закричал ему, не кланяясь:

— Зачем это ты, рыцарь, поставил свое знамя в чужом лесу, да еще не пропускаешь ни прохожего, ни проезжего без поединка?

Рыцарь отвечал ему грубо, и завязался бой. Схватились они в первый раз, и во второй, и в третий, и ранил рыцарь коня Артура: взвился конь на дыбы, сбросил всадника и ускакал в лес. Рыцарь тоже спешил, и бой продолжался мечами. Долго бились они, рыцарь был тяжелее и менее ловок, чем король, но оружие его было лучше, и меч короля разбился вдребезги о его щит. Остался король безоружен с одним щитом, но продолжал на него нападать рыцарь один, два, три раза, и отражал король удары щитом.

— Видишь, как тебе трудно биться против меня без меча, — сказал ему наконец лесной рыцарь, — покорись, и я тебя пощажу, иначе быть тебе без головы.

Но Артур схватил рыцаря поперек тела и бросил его на землю, но убить не мог, не имея оружия. Между тем рыцарь высвободился, подмял

Артура под себя и готов был отрубить ему голову, когда подбежал к ним Мерлин, невидимкой следивший за боем, и, прежде чем рыцарь успел опустить занесенный меч, усыпил его волшебным сном.

— Видишь, как плохо без доброго меча! Рыцарь без меча — все равно что без чести, — заметил Мерлин Артуру. — Знаю я один чудесный меч, но лежит он в озере, которым владеют феи. Бессилен я сам достать его, но, если хочешь, я поеду с тобой и постараюсь помочь тебе в этом деле!

Сначала отправились они вместе на коне рыцаря к отшельнику, жившему на горе в пещере. Святой жизни был этот отшельник, и, когда они подъехали к пещере, вышел к ним монах с длинной бородой; помог он королю сойти с лошади и, сказав, что нужно осмотреть раны, омыл их и залечил в несколько часов.

Затем Артур и Мерлин поехали дальше. Подъехали они к морю и поехали вдоль него до глубокого озера, посредине которого виднелась поднятая рука в рукаве богатого белого шелка с мечом; ни доплыть, ни достать до нее было невозможно. И сказал Артур Мерлину:

— Что же станем мы теперь делать?

— Подождем немного, — посоветовал Мерлин.

Вот, мало ли, много ли прошло времени, подъезжает дама на маленьком черном коне — то была Владычица Озера. Поклонилась она королю, и Мерлин рассказал ей о цели их приезда. Засмеялась дама, услышав его рассказ.

— Не достать вам этого меча без меня, — сказала она, — а уж я, конечно, не отдам вам его!

— А мы затем-то и пришли, чтобы просить тебя отдать нам его, — сказал Мерлин. — Проси за него у короля чего хочешь!

— Хорошо, — отвечала дама, — я отдам вам меч, но с условием, чтобы король отдал мне то, чего попрошу я у него в первый раз.

Артур согласился, и дама прошла по воде, как посуху, не замочив даже ног, и взяла меч из руки, которая тотчас же скрылась под водою. Получив меч, Артур залюбовался им и его богатыми ножнами. Затем отправились они в обратный путь, и дорогой спросил король Мерлина о том, что случилось с рыцарем, с которым он бился.

— Ничего дурного, — отвечал ему Мерлин. — Мы встретим его на пути к твоему дворцу.

И спросил еще Артур, как могла дама пройти по озеру, не замочив ног. Засмеялся Мерлин и сказал, что она прошла по невидимому мосту.

И еще спросил Мерлин Артура, что тому нравится больше — меч или ножны.

— Меч, — отвечал Артур.

— Вот и не прав ты, — засмеялся Мерлин. — Ибо пока ножны будут при тебе, не сможет никто причинить тебе вреда оружием.

И было имя тому мечу Экскалибур — «Разрубающий сталь и железо».

Уже несколько лет прошло с тех пор, как начал Артур править своим королевством, и стали придворные и весь народ требовать от него, чтобы он выбрал себе наконец жену: что за царство без наследника и что за пиры и турниры без королевы? И выбрал себе Артур в жены Гвиневру, дочь короля Лодегранса, владевшего в то время Круглым Столом короля Утера.

Похвалил Мерлин выбор Артура, но предупредил его: Гвиневра — не подходящая для него жена, ибо влюбится в нее сэр Ланселот, а она в него.

Мерлин сам пошел сватать за него дочь короля Лодегранса и потребовал за нею в приданое Круглый Стол, за которым насчитывалось уже сто рыцарей. А должно было сидеть их за Столом полтора ста, и не хватало их у короля Лодегранса целых пятидесяти. Потому-то и согласился он передать Круглый Стол со всеми рыцарями королю Артуру. Поручил тогда Артур Мерлину найти еще пятьдесят самых храбрых рыцарей, чтобы Круглый Стол навсегда остался в его роде. Выбрал Мерлин сорок шесть человек, и не знал, кого еще выбрать. В это время явился к Артуру племянник его Гавейн и попросил дядю в день своей свадьбы посвятить его в рыцари; вслед за ним пришел крестьянин и привел с собой своего сына Тора, прося и его посвятить в рыцари, так как тот ни работать с братьями, ни добывать деньги торговлей не хочет и только бредит подвигами да опасностями. На все согласился Артур по совету Мерлина.

Наконец в самый день свадьбы Артура приехал ко двору король Пелинор и попросил позволения навсегда остаться в числе рыцарей самого храброго короля на свете, и вскоре выяснилось, что сэр Тор — его незаконнорожденный сын. И признал король Пелинор Тора сыном своим. И вот имена этих трех рыцарей оказались написанными на трех незанятых местах за Круглым Столом, и таким образом оставалось еще одно пустое место: его Мерлин никому не мог отдать, так как было оно предназначено не родившемуся еще на свет рыцарю Ланселоту, которому суждено было

спасти от бедствий потомков Утера. Пока же это незанятое место должно было напоминать королю Артуру, что бедствия его рода далеко еще не кончились.

И еще было там Погибельное Сиденье, на котором, по предсказанию Мерлина, доведется сидеть лишь самому лучшему и чистому рыцарю в мире, тому, что суждено увидеть Священный Грааль.

И все рыцари Круглого Стола должны были никогда не поднимать оружия для участия в несправедливой войне, не совершать грабежей и убийств, бежать измены и даровать пощаду тому, кто испросит, заступаться за дам, девиц, благородных женщин и вдов и никогда не учинять над ними насилия. И в том поклялись все рыцари, и каждую Пятидесятницу подтверждали они свою клятву, и в этот же день избирали и новых рыцарей Круглого Стола взамен умерших и погибших.

На свадебном пиру короля Артура и Гвиневры, в то время как все рыцари сидели за столом и обед уже кончался, Мерлин сказал:

— Господа бароны, не удивляйтесь тому, что вы скоро увидите. Вам предстоят три неслыханных еще приключения: первое из них достанется на долю Гавейну, Тору — второе, а королю Пелинору — третье. И знайте, что каждый из них выполнит свою задачу с честью.

В эту минуту вдруг показался белый олень, преследуемый по пятам охотничьей собакою, а затем и дама в коротком зеленом платье с тридцатью сворами черных собак. Все собаки были спущены и с громким лаем гнались за оленем. На шее охотницы висел рог из слоновой кости; в руках же у нее были лук и стрелы. С жаром преследуя оленя, она то и дело понукала своего коня. Олень на всем бегу ворвался во двор замка — собака за ним. Олень, спасаясь от нее, бросился в залу, где сидели рыцари, но тут собака настигла его, крепко впилась в его ляжку и повисла на нем. Олень от боли перепрыгнул через один из столов. Тут один из обедавших рыцарей схватил собаку и бросился на двор к своему коню и, вскочив на него, ускорил из замка.

Видя это, охотница крикнула ему вслед:

— Послушайте, рыцарь, лучше оставьте тут мою собаку, иначе вам придется отдать ее поневоле!

Но рыцарь не обратил никакого внимания на ее слова.

Тогда охотница въехала прямо в залу, где все рыцари были уже в полном смятении от неожиданного появления оленя и преследовавших его собак, успевших тем временем выбежать из замка через другой ход и скрыться в парке.

Не найдя в зале ни оленя, ни собак, охотница остановилась в полном недоумении, бросила наземь свой лук и стрелы и, сойдя с коня, обратилась к королю Артуру с жалобой на то, как дурно поступили с нею в его замке.

— У меня похитили любимую мою собаку, — говорила она, — и я потеряла след оленя, которого уже совсем было настигла. Все это случилось со мною в твоём замке, король Артур, и теперь желала бы я знать, что-то сделаешь ты, чтобы вознаградить меня за это?

— Сударыня, — заговорил Мерлин, поспешно выступая вперед, — я могу сказать вам наперед, что все, утраченное вами, будет вам возвращено. Но не торопите рыцарей: в замке этом таков уж обычай, что никто не предпринимает никакого дела, пока не отойдет трапеза.

Король подтвердил его слова, и Мерлин сказал, обращаясь к Гавейну:

— Приключение с оленем приходится на твою долю: возьми оружие, отправляйся на поиски этого оленя и привези сюда его голову. Но береги преследующих его собак — смотри, чтобы ни одна из них не погибла, иначе ты не доведешь благополучно до конца своего дела. Тебе, Тор, надлежит отправиться в погоню за рыцарем, похитившим собаку, — продолжал Мерлин, обращаясь к Тору.

Но не успел он сказать этого, как какой-то неизвестный рыцарь в полном вооружении и верхом на рослом белом коне въехал прямо в залу, где сидели рыцари, увидел охотницу, подхватил ее и, перекинув через седло, пришпорил своего коня и ускакал из замка прежде, чем кто-нибудь успел прийти в себя от неожиданности.

— О, король Артур, — успела крикнуть похищенная дама, — я погибну из-за своего доверия к тебе, если ты не пошлешь кого-нибудь из своих рыцарей освободить меня!

— Не правду ли сказал я вам, господа бароны, что вам предстоят три неслыханных приключения? — спросил Мерлин, обращаясь к рыцарям. — Король Пелинор, — продолжал он, — это последнее приключение приходится тебе на долю. Садись на своего коня и отправляйся в погоню за рыцарем, похитившим неизвестную даму-охотницу, и, освободив ее, привези сюда.

Таким-то образом начались приключения рыцарей при дворе короля Артура, и все рыцари по очереди ездили совершать подвиги, а вернувшись, рассказывали всем остальным, поклявшись наперед, что будут рассказывать все без утайки и одну только сущую правду.

Первым пустился в путь Гавейн в сопровождении своего младшего брата и первым же вернулся в замок Артура.

Но вернулся он не вполне благополучно, и по обычаю должен был сам подробно рассказать все, что с ним было.

Выехав с братом из замка, ехал он лесом, сам не зная, в какую сторону направить ему путь, как вдруг встретил двух рыцарей, которые ожесточенно сражались. Бились они уже пешими, и оба были покрыты множеством ран.

— Господа, — сказал он им, — прошу вас честью, скажите мне, из-за чего завели вы эту ссору?

— Мы два брата, — отвечал один из них, — и были на пути ко дворцу Артура, как вдруг перебежал нам дорогу белый олень. Его преследовало тридцать свор собак, но нигде не было видно ни охотников, ни рыцарей. Видя такое чудо, мы догадались, что это одно из тех приключений, что за последнее время стали нередки, и заспорили, кому из нас пуститься преследовать оленя. Я говорил, что по праву приключение это принадлежит мне, как старшему годами, брат же — что ему, как лучшему рыцарю из нас двоих. Тут мы заспорили, кто из нас лучший рыцарь, и от слов перешли к оружию.

Услыхав это, Гавейн стал уговаривать их помириться, тем более что сам он и есть тот рыцарь, которому суждено приключение с оленем, и посоветовал им поспешить ко двору Артура. На прощание же он попросил их указать, в какую сторону побежал олень.

Только к вечеру, после нескольких приключений, Гавейн напал на след оленя, а вскоре услышал и лай преследовавших его собак. Пришпорив коня, во всю прыть скакал он за оленем, миновал лес и на открывшейся перед ним равнине увидел большой укрепленный замок, окруженный рвом. Олень, спасаясь от погони, бросился в открытые ворота замка и пробежал прямо в залу. Собаки — за ним! Но тут они его настигли и напали на него в таком числе, что олень пал наземь мертвым посреди залы; собаки же расположились вокруг, чтобы стеречь его тело.

Но вот отворилась дверь в соседнюю комнату, и из нее вышел рыцарь; увидя мертвым оленя, которого поручила ему его дама, он в отчаянии и ярости принялся бить собак и трех из них положил на месте. Как раз в эту минуту подоспели в залу и Гавейн со своим братом.

— Не смей трогать моих собак, рыцарь! — крикнул Гавейн.

— Как же мне не бить их, раз они загрызли в моем же собственном замке любимого моего оленя? — с раздражением отвечал рыцарь, продолжая гоняться за разбежавшимися от него собаками.

Гавейн же тем временем, сойдя с коня, подошел к оленю, чтобы отрезать ему голову, и тут только заметил, что три собаки убиты.

Вспомнив предостережение Мерлина, он так огорчился и рассердился, что напал на рыцаря, и между ними завязалась отчаянная схватка. Однако незнакомый рыцарь был слабее и хуже владел оружием, а потому Гавейн скоро уже поверг его на землю и занес меч, собираясь отсечь голову. В эту минуту из другой комнаты выбежала дама и при виде опасности, которой подвергался ее рыцарь, бросилась к нему, чтобы остановить битву, но Гавейн не заметил ее и, взмахнув мечом, занесенным над рыцарем, одним ударом отсек ей голову. При виде такого недостойного рыцаря поступка Гавейн смутился, выпустил своего противника и не знал, что ему делать.

Между тем из соседних комнат выскочили еще четыре рыцаря и напали на Гавейна, а вслед за ними появился и стрелок. Натянув лук, пустил он в Гавейна отравленную стрелу. Раненый Гавейн упал наземь, и рыцари уж подскочили было к нему, намереваясь отсечь голову, но появилась молодая девушка и от лица владелицы замка приказала заключить Гавейна и его брата, который повсюду следовал за ним, в тюрьму и держать там, пока они не скажут, кто они такие.

Братьев заключили в подземелье, высокое окно которого выходило в сад. Комната владелицы замка приходилась как раз над этим подземельем, и, сидя у своего окна, она слышала все стоны и жалобы братьев, томившихся в заключении. Стало ей жалко лишить жизни таких молодых пленников, едва лишь начавших свои подвиги, и, высунувшись из окна, она сказала им:

— Неприлично и дурно поступили вы, нанеся мне такой ущерб и такое оскорбление в моем собственном доме, но я не стану мстить вам и отпущу вас на свободу, если вы обещаете исполнить то, что я вам прикажу.

Братья обещали, и она приказала выпустить их на свободу. Потом брату Гавейна отдала она голову оленя, чтобы видно было, что поручение, возложенное на них, братья исполнили. Гавейну же она приказала взять к себе на седло тело убитой дамы, самому отвезти его ко двору короля Артура, рассказать там о своем жестоком и неприличном для рыцаря поступке и отдаться на суд королеве и ее дамам.

Гавейн согласился и в точности исполнил ее приказание. Королева и ее дамы после долгого совещания присудили ему до самой смерти состоять на службе у всех дам, как знакомых ему, так и незнакомых, всюду являться на их защиту, помогать им во всяком деле и исполнять каждое их поручение.

Между тем Тор, покинув замок Артура, пустил лошадь свою скорой рысью, торопясь в погоню за похитителем собаки. Скоро въехал он в лес и не успел проехать и одной английской мили, как увидел направо, посреди

полянки, два шатра. Тор хотел было проехать мимо, но из одного шатра показался карла с большою палкою в руках и, бросившись ему наперерез, с такою силою ударил коня Тора по лбу, что заставил его попятиться и остановиться.

— Эй, карла! Чем помешал тебе мой конь? Убирайся прочь с дороги, или тебе будет плохо! — крикнул Тор.

— Как, неужели ты думаешь проехать тут, не померившись силами с рыцарями, поселившимися в этих шатрах?

— Мне некогда останавливаться: я тороплюсь в погоню за одним рыцарем, похитившим собаку в замке Артура.

— Я знаю его, — отвечал карла, — я видел его недавно. Но ты не уйдешь отсюда, не доказав нам своего искусства владеть мечом. В шатрах этих поселились два только что посвященных рыцаря и нарочно остановились тут, чтобы помериться искусством и силами с рыцарями Артура, и тебе неприлично отказать им в поединке.

Делать было нечего. Тор согласился.

Тогда выехал из шатра рыцарь в полном вооружении, но не успел начаться поединок, как Тор нанес уже рыцарю такой удар, что сразу выбил его из седла, и рыцарь, упав наземь, остался лежать неподвижно, не имея силы шевельнуть ни рукой, ни ногой. Тор, не обращая на него никакого внимания, подошел к его лошади, взял под уздцы и передал карле.

— Вот, карла, поддержи пока эту лошадь — это начало моих подвигов.

Но не успел он договорить этих слов, как из другого шатра выехал другой рыцарь, тоже в полном вооружении, и, в свою очередь, напал на Тора.

Но и на этот раз бой продолжался недолго: скоро Тор нанес ему тяжелую рану и сбросил на землю.

Тогда, выхватив меч, крикнул он рыцарям, что снесет им с плеч головы, если они не признают себя побежденными, и оба рыцаря стали просить у него пощады. Тор согласился даровать им жизнь при условии, что они от лица его, Тора, в качестве пленников явятся ко двору Артура и отдадутся на милость королю.

Отпустив рыцарей, Тор собрался в дальнейший путь, но карла стал проситься к нему на службу — так не хотелось ему больше служить побежденным рыцарям. Подумал Тор и согласился, приказав своему новому слуге взять себе лошадь одного из побежденных рыцарей.

— Итак, ты видел рыцаря, похитившего собаку? — спросил Тор у карлы, когда шатры скрылись у них из виду. — Знаешь ли ты, кто он такой?

— Видел, господин, и знаю, кто он такой, — отвечал карла. — Это Абелиус, один из лучших рыцарей в нашей земле, но в то же время чуть ли не самый гордый.

— Тем не менее, если бы мне удалось только найти его, я заставил бы его отдать мне собаку, — сказал Тор.

— Я проведу вас прямо в его убежище, — продолжал карла, — и надеюсь, что мы найдем его там.

Разговаривая так, долго ехали они лесом и выехали наконец на поляну, на которой стояло несколько шатров и между ними один, роскошнее всех остальных. У входа в каждый шатер висело по щиту, и все они были красные, за исключением лишь одного, который был совсем белый, и этот белый был всех богаче.

— Вот, господин, — заговорил карла, — в шатре с белым щитом у входа найдете вы свою собаку, да, вероятно, и самого рыцаря. Он здесь господин надо всеми.

Передав лошадь свою карле, вошел Тор в шатер и никого не нашел там, кроме одной дамы. Дама эта спала, и в ногах у нее спала похищенная собака. Тор протянул было руку к собаке, но собака, проснувшись, соскочила с кровати и принялась громко лаять. Дама проснулась и, испугавшись присутствия неизвестного ей вооруженного рыцаря, выбежала из шатра и побежала в другой. Между тем Тор, призвав собаку, взял ее и передал карле, вскочил на лошадь и тронулся в путь.

День давно уже клонился к вечеру, и наступила такая темная ночь, что в лесу нельзя было разглядеть даже тропинки.

— Не знаешь ли, не найдем ли мы здесь где-нибудь пристанища на ночь? — спросил Тор у сопровождавшего его карлы.

— Право, уж не знаю, где бы могли мы переночевать, если не у одного отшельника, живущего неподалеку отсюда в лесу. Если хотите, я проведу вас прямо туда.

— Ступай же вперед — я от тебя не отстану: очень уж хочется мне отдохнуть.

Карла пошел вперед и привел Тора в темное и дикое ущелье, заросшее сорными травами и колючими кустарниками.

В эту минуту появилась на небе луна, полная и прекрасная, и они ясно увидели перед собою жилище отшельника. Это был маленький, бедный, крытый соломой домик. Карла, бывавший здесь уже и прежде, стучал в дверь до тех пор, пока наконец отшельник не подошел к окошечку и не выглянул в него. Увидя рыцаря, он догадался, что тому нужен ночлег, и отпер дверь. Сойдя с коней, путники вошли в дом, сняли с

себя военные доспехи, потом карла расседлал лошадей и пустил их пастись на траву, так как никакого другого корма в доме не оказалось. Рыцарь поужинал хлебом с водою — пища, которою довольствовался и сам отшельник, и сладко заснул на свежей траве вместо постели. Проснувшись с рассветом, он благочестиво выслушал обедню, вооружился и, вскочив на коня, простился с отшельником, поручив себя его молитвам.

Не успели они проехать и с полмили, как услышали за собою конский топот: какой-то рыцарь в полном вооружении скакал, догоняя их, во весь опор.

— Ну, господин, на этот раз не миновать вам битвы! Знаете ли вы, кто это такой? — спросил карла.

— Конечно! Это тот самый рыцарь, что похитил собаку при дворе Артура. — И, взяв у карлы свой щит и копье, Тор повернул коня навстречу рыцарю.

— А, недостойный рыцарь! Себе же на горе украл ты у моей дамы собаку, так как теперь придется тебе возвратить ее с позором для себя, — кричал ему рыцарь. Но Тор ждал его, не промолвив ни слова.

Рыцари съехались, и произошла между ними отчаянная битва. Оба были отважны, и оба равно умели владеть оружием: они нанесли друг другу немало ран, и оба потеряли много крови, но у Тора меч был гораздо лучше, чем у его противника, и победа осталась за ним. Повергнув рыцаря на землю и сорвав с него шлем, Тор занес над ним меч.

— Проси пощады и признай себя побежденным! — воскликнул Тор.

— Нет, лучше смерть! — надменно отвечивал рыцарь.

Не хотелось Тору убивать рыцаря, и несколько раз опускал он меч и снова заносил его над рыцарем, надеясь, что тот попросит пощады, но рыцарь упорно стоял на своем.

В это время, изо всех сил разогнав своего коня, подъехала к ним какая-то дама.

— Прекрасный рыцарь, — проговорила она, упав пред Тором на колени, — обещайте даровать мне то, о чем я вас попрошу!

— Вы первая дама, обратившаяся ко мне с такой просьбой, и я не могу отказать вам, если только в моей власти будет совершить то, о чем вы попросите! — отвечал ей Тор.

— В таком случае отдайте мне голову этого рыцаря! — сказала дама.

— Как? Неужели вы хотите, чтобы я его убил?

— Да, я только о том и прошу вас.

— Не по душе мне такое дело, потому что был он хороший рыцарь.

— Что толку в его искусстве владеть оружием, раз он самый бесчестный из живущих на земле рыцарей и величайший убийца!

— Не верь ей, рыцарь, — вступился тут побежденный, — это самая лживая дама, когда-либо жившая на свете. Не убивай меня по ее просьбе, но дай мне время признать себя побежденным и попросить у тебя пощады!

— Теперь уже поздно, — отвечал ему Тор, заноса над ним меч, — я дал слово даме и должен сдержать его.

— Не сжалитесь ли вы над ним, — продолжал, однако же, Тор, обращаясь к даме, — и не позволите ли мне отпустить его живым?

Но дама осталась непреклонна.

— Он у меня на глазах убил моего брата, несмотря на все мои мольбы и слезы! — сказала она.

Убив рыцаря, Тор сказал своему карле:

— Не знаешь ли, где бы мне отдохнуть и перевязать раны? Я совсем ослабел от потери крови!

Услыхала это дама, попросившая у Тора голову рыцаря, и предложила ему отдохнуть в ее замке. Тор согласился, и, когда приехали они в ее замок, их встретили там с великой радостью и почетом.

— Да будет благословен тот час, когда явились вы в нашу страну и убили этого рыцаря, не дававшего никому ни минуты покоя! — говорили все обитатели замка.

Переночевав в замке, поутру пустился Тор в путь и к вечеру благополучно добрался до дворца Артура и застал уже там Гавейна; Пелинора же еще не было. Но его ждали к вечеру.

Король Пелинор, снарядившись, выехал из замка и, проехав селение, очутился в лесу, где встретил возвращавшегося в замок пажу на тощей, замученной лошаденке.

На вопрос Пелинора, не видал ли он рыцаря, похитившего молодую девушку, паж указал ему, в какую сторону повернул этот рыцарь: он встретился пажу по дороге, и дама, которую вез он с собою, была в таком отчаянии, какого никто и никогда еще не видывал. Пелинор поспешно пустился за ними в погоню.

До самых сумерек во весь опор скакал он лесом, пока наконец не попался ему крестьянин с вязанкою дров на спине.

— Послушай-ка, не повстречался ли тебе на пути рыцарь, насильно увозивший с собою даму? — спросил его Пелинор.

— По правде сказать, господин, видел я этого рыцаря и даму, — отвечал крестьянин. — Недалеко отсюда, в долине, пришлось ему

миновать шатер другого рыцаря, который не дал ему продолжать свой путь: похищенная дама оказалась его двоюродною сестрою, он вступился за нее, и завязалась между рыцарями битва. Долго уже бьются они, да, пожалуй, бьются и до сих пор, так что, поспешив, вы, чего доброго, застанете их еще на том же месте.

Обрадовался Пелинор и, прищпорив коня, поскакал к лощине. Рыцари все еще бились перед самым шатром, а похищенная молодая девушка сидела на траве и плакала. Оба рыцаря были равно отважны и искусны, оба получили уже глубокие раны и потеряли много крови, но ни один не мог одолеть другого.

Не обращая внимания на бойцов, подошел король Пелинор к молодой девушке и сказал ей:

— Сударыня, вас насильно увезли из дворца короля Артура, и король послал меня за вами, с тем чтобы я проводил вас назад в его дворец.

С этими словами он протянул ей руку, но к нему подскочили оруженосцы, сидевшие тут же и сторожившие даму.

— Нет, рыцарь, не дадим мы вам так без спросу увести эту даму. Обратитесь к этим рыцарям, доверившим нам ее, и мы передадим ее вам, если они согласятся на то, — говорили они Пелинору.

Не сходя с коня, подъехал Пелинор к рыцарям и сказал им:

— Господа рыцари, постойте минутку, дайте мне поговорить с вами!

Рыцари послушались его.

— Господа, дама эта была похищена во дворце короля Артура, и я явился за нею, чтобы проводить ее туда, откуда была она увезена насильно, — заговорил Пелинор.

Оба рыцаря отвечали ему, что провожать ее ему не дадут.

— По какому же праву хочешь ты удержать ее? — обратился Пелинор к одному из рыцарей.

— Я хочу удержать ее при себе, потому что она моя двоюродная сестра, и я отвезу ее к ее друзьям и родным: они давно уже не видались с нею и очень по ней соскучились.

— А ты по какому праву требуешь ее себе? — спросил Пелинор другого рыцаря.

— Я требую ее, потому что завладел ею благодаря своей ловкости и отваге, так как я похитил ее открыто, на глазах у самого короля Артура и у всех рыцарей Круглого Стола, — отвечал тот.

— Ну, так я скажу вам, что оба вы можете считать себя большими безумцами, коли начали вы битву: ни тот ни другой из вас не получит этой дамы, а вместо того я сам отвезу ее ко двору короля Артура.

— Конечно, если это удастся тебе, — отвечали они, — но этому не бывать: на время мы отложим наш спор и вместе будем биться против тебя одного.

С этими словами они оба стали нападать на сэра Пелинора. Один из рыцарей, налетев на него на всем скаку, убил под ним лошадь, но король успел—таки вовремя соскочить на землю. Рассердился Пелинор, замахнулся мечом и нанес рыцарю такой удар, что тот мертвым покатился на землю. Это был тот самый рыцарь, что похитил молодую девушку. Товарищ его, оставшись один, смутился: он и без того уже выбился из сил во время первой схватки с похитителем, был сильно ранен и не надеялся на свои силы.

— Глупо было с моей стороны затевать с тобою битву, — сказал он королю Пелинору, — знаю я, что явился ты сюда не для того, чтобы обидеть или оскорбить двоюродную мою сестру, но для того, чтобы отомстить похитителю. Я уступаю ее тебе, но прошу обращаться с нею, как подобает обращаться с принцессой, так как она происходит из очень высокого рода. Но она до того любит охоту, что ни за что не хочет жить среди своих друзей и баронов и сердится, как только заговаривают с нею об этом.

— Знай же, — отвечал ему король, — что ни один мужчина, ни одна женщина не обидят ее в моем присутствии. Спасибо тебе, что освободил ты меня от битвы, но сделай милость, дай мне лошадь вместо моего убитого коня!

Рыцарь обещал отдать королю Пелинору прекрасного коня, но упросил переночевать у него в лагере, так как наступала уже ночь.

На другой день рано утром король Пелинор со своею дамою пустился в путь. Долго ехали они путем—дорогою и наконец около полудня попали в глубокое ущелье, ехать которым было очень трудно, так как все оно было завалено мелкими и крупными камнями. Молодая девушка недоглядела за своим конем, он споткнулся о большой камень, а сама она вылетела из седла и, упав, вывихнула себе руку. От боли она лишилась чувств. Пелинор, слыша ее крик, оглянувшись, соскочил с коня, отбросил в сторону щит и копьё и поспешил к своей даме.

— Как чувствуете вы себя? — спросил он, когда она понемногу пришла в себя.

— Благодарю вас, я очень испугалась и думала, что сломала себе руку. Однако теперь мне несколько лучше, — отвечала она. — Тем не менее пока я не могу продолжать путь — мне надо отдохнуть.

Пелинор, подняв ее на руки, донес ее до дерева и положил в тени на траве.

— Попробуйте уснуть, — сказал он ей, — я думаю, что это принесет вам пользу. — И, нарвав свежей травы, он положил ее девушке в изголовье.

Когда дама заснула, он снял с себя доспехи, разнуздал лошадей, пустил их пастись на сочную траву, а сам лег тут же неподалеку и крепко заснул. Так проспали они оба до глубокой ночи.

С наступлением ночи стало значительно холоднее. Спавшие путники проснулись и с удивлением увидели, что в лесу было уже совсем темно, так что не видно было даже тропинки. Пускаться в путь было невозможно, хотя спутница Пелинора и успела совершенно оправиться от своего падения. В то время как совещались они о том, как им быть, послышался топот лошадей.

— Помолчим, — сказал Пелинор своей даме, — сюда приближаются какие-то люди, послушаем, о чем они говорят.

Едва успел он промолвить эти слова, как совсем около них сошлись два рыцаря: один только ехал в замок Артура, другой возвращался оттуда. Встретившись, рыцари узнали друг друга и остановились поговорить.

— Ну, что новенького? — спросил тот, что только еще направлялся в замок.

— Да ничего хорошего, — отвечал другой, — у короля Артура столько искренних друзей и столько преданных рыцарей, и он так умеет привлекать к себе сердца людей своею щедростью и лаской, что, если бы соединились все короли со всех западных островов и вздумали бы напасть на него, ему и тогда нечего было бы опасаться их. А потому я тороплюсь теперь к своему господину, чтобы посоветовать ему отказаться от безрассудного плана лишить Артура его царства и прогнать его из этой земли. Вот с какими новостями возвращаюсь я домой. Ну а ты куда идешь?

— Я иду как раз туда, откуда ты возвращаешься, и надеюсь, что мне удастся, не откладывая надолго, сделать так, что придет королю Артуру конец. Я несу склянку такого сильнейшего яда, что нет человека, который, отведав его, не умер бы на месте. При дворе же Артура есть у меня знакомый рыцарь, пользующийся полным доверием короля: рыцарь этот обещал мне, что, как только доставлю я яд, он сейчас же подмешает его в питье короля.

— Берегись, как бы дело это не было заблаговременно раскрыто и не кончилось твоим позором. Я посоветовал бы тебе отказаться от этого

намерения и вернуться домой. И остерегайся Мерлина, ибо всегда ему все известно.

Но тот стоял на своем, и рыцари расстались и пошли каждый своею дорогою.

— Слышали вы, что говорили эти люди? — спросил Пелинор даму, когда рыцари отошли настолько, что не могли уже его слышать.

— Конечно, — отвечала она, — и кажется мне, что Господь нарочно заставил нас проспать здесь так долго, чтобы мы могли разрушить этот заговор. Но в таком случае нам теперь надо торопиться и с зарею трогаться в путь.

— Конечно, — отвечал Пелинор, но, подумав немного, прибавил: — Впрочем, премудрый Мерлин находится теперь при дворе, а он так любит Артура, что не допустит до беды.

— Как? Премудрый Мерлин при дворе! Ну, в таком случае мы, разумеется, можем быть совершенно спокойны: заговор будет раскрыт еще до нашего возвращения.

Успокоенные, они опять заснули и проспали до утра. В тот же день явились они к вечеру во дворец, где начинали уже тревожиться долгим отсутствием короля Пелинора. Поклявшись говорить только правду, король Пелинор рассказал все свои приключения и обо всем, что видел и слышал он на пути.

Когда все успокоились и все пришло в обычный порядок, молодая девушка-охотница, поблагодарив короля за хлопоты и возвращенных ей собак и за голову оленя, стала прощаться с Артуром, торопясь к себе домой. Но королю не хотелось отпускать так скоро свою гостью, и стал он уговаривать ее погостить еще при дворе.

— Королеве и ее дамам будет скучно без вас! — говорил он ей.

Стала просить ее о том же и королева, и дело кончилось тем, что молодая девушка сдалась наконец на их просьбы.

Спросила тогда королева, какое имя дали девушке при крещении. Молодая девушка отвечала, что зовут ее Ниневой, но не сказала она, что она одна из приближенных Владычицы Озера. Была она та самая Нинева, что воспитала потом знаменитого своею доблестью рыцаря Ланселота.

Мерлин очень охотно проводил время с молодою девушкою, и кончилось тем, что полюбил ее. Нинева была еще очень молода — было ей тогда не более пятнадцати лет, но при этом она была не по летам умна и рассудительна. Заметя любовь Мерлина, она очень испугалась, как бы не опутал он ее своими чарами. Но страх ее был напрасен: Мерлин любил ее

так безгранично, что ни за что не решился бы сделать ничего такого, что могло бы вызвать ее неудовольствие.

Месяца четыре гостила она при дворе короля Артура, и Мерлин каждый день приходил беседовать с нею и не раз высказывал ей свою любовь.

— Я ни за что не полюблю вас, пока вы не откроете мне все тайны чародейства и колдовства, — отвечала она ему. Она все еще боялась его и надеялась защититься от него заговорами и заклинаниями. И он охотно обещал передать ей все свое искусство. Так начала она учиться у него чародейству и чернокнижию.

Однажды объявил Мерлин королю Артуру, что недолго ему, Мерлину, осталось жить и что ничего он поделать с тем не может, а еще открыл он Артуру будущее и наказал беречь Экскалибур с ножнами, ибо будут у него они похищены женщиной, которой он очень доверяет.

Вскоре расстался Мерлин с Артуром и вместе с Ниневой отправился в путь.

По дороге замышлял Мерлин овладеть ее девственностью, и так докучал ей, что не чаяла она от него избавиться, потому что никого в мире не ненавидела она так, как его, но скрывала свои чувства к нему, опасаясь колдовских чар.

После долгого и утомительного пути выехали они на берег моря. Тут был приготовлен для них корабль. Они сели на него и благополучно переправились в Малую Бретань. Но тут путь стал гораздо затруднительнее и опаснее. Они попали в эту землю как раз в разгар ожесточенной войны, и жутко было бы им очутиться среди враждующих, если бы не Мерлин. Миновав эту землю, вошли они в прекрасный лес, прозванный Логом, потому что большая часть его находилась в лощине. Лес этот был невелик, но во всей Малой Бретани не было другого такого прекрасного и живописного.

Придя в этот лес, сказал Мерлин Ниневе:

— Не хотите ли вы взглянуть на озеро Дианы, о котором, вероятно, не раз слышали?

— Право, я с удовольствием посмотрела бы на него: все, что касается Дианы, непременно должно нравиться мне, потому что и она не меньше моего всю жизнь любила лесную забаву.

— Так я покажу вам его.

Мерлин повел ее лощиной и привел к большому и очень глубокому озеру.

— Вот озеро Дианы! — сказал он.

Тут же неподалеку была мраморная гробница.

— Видите ли вы эту яму? — спросил Мерлин. — В ней погиб молодой Фавн, которого коварная Диана за любовь его и преданность к ней живого заключила в эту могилу.

И потом по просьбе Ниневы Мерлин подробно рассказал ей, как некогда, еще во времена царствования Вергилия, жила прекрасная Диана, любившая охоту больше всего на свете. Охотясь, исходила она все леса Франции и Бретани и нигде не нашла места лучше этого лога. Тогда

построила она себе на берегу озера роскошный дворец и поселилась здесь навсегда, проводя все свое время на охоте в лесу и возвращаясь в свой дворец лишь ненадолго, чтобы отдохнуть. Так долго жила она в этом лесу, пока наконец не увидел ее молодой Фавн, сын короля. Он пленился как ее красотой, так и ее легкостью и отвагой на охоте, в чем не мог бы поспорить с нею ни один мужчина. И Диане тоже сначала понравился Фавн, но не хотела она расставаться со своим лесом и лесными забавами, и потому Фавн, покинув своего отца, короля, и свое царство, сам поселился вместе с нею в этом лесу. Но недолгим было его счастье. Встретила Диана на охоте рыцаря по имени Феликс и разлюбила Фавна, по-прежнему неотступно преследовавшего ее своею преданностью и любовью, и стала раздумывать, как бы ей погубить его. Недалеко от ее дворца была яма, наполненная чудодейственной водой, залечивавшею всякие раны, и накрытая тяжелой каменной плитой. Раз Фавн возвратился домой с охоты опасно раненный. Узнав об этом, Диана приказала выпустить поскорее всю воду из ямы, и, когда Фавн, не найдя воды, в отчаянии стал жаловаться ей, что теперь ему негде искать исцеления, она уговорила его спуститься в яму, обещая доставить ему туда целебных трав, которые действительны лишь в темноте. Поверил ей Фавн, и Диана, как только спустился он в ту яму, приказала закрыть ее тяжелой каменной плитой, а в щели налила расплавленного свинца. Радостно побежала она рассказать о своем поступке Феликсу, но тот, с ужасом выслушав ее рассказ, взял меч, отсек ей голову и бросил ее в озеро. С тех пор озеро стало называться «озеро Дианы».

— Но что же стало с тем роскошным дворцом, что она себе здесь построила? — спросила Нинева.

— Отец Фавна, узнав о гибели своего сына, разрушил все.

— Напрасно, — заметила Нинева, — никогда еще ни одна местность не нравилась мне так, как эта, и я непременно хочу построить себе такой же прекрасный дворец и остаться здесь навсегда, чтобы охотиться в этих лесах, и прошу вас, Мерлин, помочь мне в этом деле.

Обратившись затем к сопровождавшим ее рыцарям — ближайшим ее родичам, она сообщила им о своем намерении навсегда поселиться на озере Дианы и просила их, если можно, не покидать ее здесь одну, и все они охотно обещали ей это.

Мерлин же собрал со всей страны каменщиков и плотников, и под его руководством они построили такой богатый и великолепный дворец, какого не бывало еще до той поры во всей Малой Бретани. Когда все было готово, Мерлин в присутствии самой Ниневы при помощи чар и

заклинаний сделал дворец невидимым для всякого постороннего глаза, так что приближавшиеся к нему ничего не видели, кроме озера, пока не попадали во внутренние покои.

Любовь Мерлина к Ниневе все возрастала, и он старался исполнить все ее малейшие желания, надеясь тем заслужить ее взаимность. К этому времени он успел уже настолько обучить ее всякому колдовству и чародейству, что она знала в этом деле почти не менее его самого. Никого на свете не ненавидела она так, как Мерлина, и охотно погубила бы его, пустив в ход предательство или яд, если бы не боялась его сверхъестественного знания. Однако и сама она была уже настолько искусна, что начала пользоваться полученным от него знанием против него же самого и могла многое говорить и делать так, что Мерлин и не подозревал об этом.

Раз как-то Мерлин пожаловался, что его знание будущего как будто притупилось: он все еще мог предсказать многое, что касалось его жизни, но дальше все терялось в тумане. Он знал, что смерть его близка, но не мог сказать, отчего, как и где он умрет.

Обрадовалась этому Нинева и еще более укрепилась в намерении погубить его.

Раз Мерлин, сидя за столом с Ниневой, сказал ей:

— Ах, Дева Озера, если вы искренне любите короля Артура, вы будете огорчены кознями, которые строит против него злая сестра его, волшебница Моргана! Желая погубить короля, она задумала похитить у него чудесный меч с волшебными ножнами и передать их рыцарю, чтобы тот бился с королем и убил Артура его же собственным мечом.

— Да, поистине беда немалая, — отвечала Нинева и стала упрашивать Мерлина ехать на помощь королю Артуру.

Но Мерлин отказался как из любви к Ниневе и из нежелания покинуть ее, так и потому, что предвидел, что на пути этом он умрет, хотя и не знал хорошенько, как и где. Тем не менее Нинева уговорила его не покидать в опасности короля Артура и предложила сама сопровождать Мерлина в этом путешествии, чтобы охранять от грозящих ему чар какого-то неизвестного и коварного волшебника, заклинаниями своими ослабляющего теперь силу Мерлина.

Согласился Мерлин и на другой же день в сопровождении одного рыцаря, доверенного родственника Ниневы, и четырех пажей пустился в путь.

Всю дорогу Мерлин был невесел и говорил о близкой своей смерти, а Нинева не переставала опутывать его своими чарами и заклинаниями. Они

были уже недалеко от царства Артура. Путь их лежал через лес, прозванный Опасным. На ночлег остановились они в одной очень глубокой и скалистой лощине, дно которой было усеяно крупными и мелкими камнями. Поблизости не было ни замка, ни другого какого селения. Ночь была темная, и путники, набрав валежника, развели костер и поужинали бывшими у них припасами.

После ужина, когда они сидели еще у костра и разговаривали, Мерлин сказал Нинева:

— Знаете ли вы, что неподалеку отсюда, среди этих диких камней я могу показать вам самую роскошную комнату, высеченную прямо в скале и так тщательно укрытую, что никто ее не смог бы найти?

— Неужели в этом месте, которое, казалось бы, может служить убежищем лишь чертям или диким зверям, действительно существует такая комната? Кто же построил ее? — спросила Нинева.

— Не прошло еще и сотни лет с тех пор, как строною этою правил король Ассен, — заговорил Мерлин. — У короля Ассена был сын, доблестный и отважный рыцарь Анастей. Он полюбил дочь одного очень бедного рыцаря и непременно хотел жениться на ней, но король Ассен ни за что на это не соглашался. Анастей стоял на своем, и король стал наконец грозить сыну, что если тот не откажется от своего намерения, то будет казнен, так же как и невеста его. Огорчился Анастей и испугался за свою невесту и, чтобы спастись от гнева отца своего, выбрал самое потаенное и недоступное место в лесу, приказал высечь в скале две комнаты и убрал их как можно роскошнее и, избегая людей, навсегда поселился здесь со своею невестою. Тут провели они всю свою жизнь и умерли в один и тот же день. Их положили в один гроб и похоронили в одной из комнат, высеченных в скале. Тела их до сих пор еще не истлели, так как они были набальзамированы.

Услыхав это, обрадовалась Нинева, решив, что навсегда оставит Мерлина в этом потайном доме, если только удастся ей заманить его туда.

И сказала она Мерлину:

— Не трогательно ли, что люди эти отказались от всего на свете, чтобы не расставаться друг с другом?

— Не так ли поступил и я, покинув ради вас короля Артура и всех его рыцарей? — заметил Мерлин.

— Исполните мою просьбу, Мерлин, — продолжала Нинева, — проведем ночь в этих комнатах в память Анастее и его невесты.

Мерлин охотно согласился на это и повел всех к потайному убежищу, до которого было совсем недалеко. Подведя их к большой скале, Мерлин

показал им маленькую железную дверь, отпер ее, и при свете факелов они увидели небольшую комнату, расписанную золотом и серебром и обставленную драгоценною мебелью. В одной из стен была вторая железная дверь, которая вела во вторую комнату, поменьше первой, но отделанную, если возможно, еще того роскошнее. В комнате этой находилась гробница, облицованная оксамитом, скрывавшим тяжелую надгробную плиту из красного мрамора.

— Может ли человеческая рука поднять эту плиту? — спросила Нинева.

— Нет, но я, если вам угодно, подниму ее, — отвечал ей Мерлин, — хотя никому не может быть приятно видеть тела, так долго лежавшие в могиле.

— Тем не менее мне хочется, чтобы вы подняли этот камень, — настаивала Нинева.

Послушался Мерлин и поднял тяжелую плиту. Под нею оказался открытый гроб, но тела покойников все-таки нельзя было видеть, потому что они были тщательно закутаны в белый саван.

Нинева не позволила положить плиту на место, и могила осталась открытой.

Расположились они на ночлег, и скоро все заснули. Не спала одна только Нинева: своими чарами и заклинаниями лишила силы она бедного Мерлина и, позвав рыцаря, давно уже бывшего с нею в заговоре, и пажей, приказала опустить Мерлина в могилу и накрыть мраморной плитой, и затем с помощью тайного знания, полученного ею от самого же Мерлина, она навсегда приковала плиту к могиле.

Наутро, крепко заперев железные двери, пустилась Нинева в путь: не хотела она покинуть в беде короля Артура, которого искренне любила, и направилась прямо на место битвы, чтобы спасти короля от грозившей ему опасности. Когда явилась она на поле битвы, рыцарь, которому волшебница Моргана передала чудесный меч, уже занес было его над Артуром, но Нинева чарами остановила руку злодея и заставила выпустить меч.

Так в последний раз, никем не узнанная, явилась она ко двору Артура, и с тех пор никто ничего не слышал ни о ней самой, ни о Мерлине.

***Бретонская легенда о сэре Персивале, или Поиски
чудодейственного Сосуда Грааля***

Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. Будур

После того как отошла обедня, во время которой Артур был помазан на царство, он отправился в свою страну, и вместе с ним Кэй, его сенешаль, и все другие бароны. Вскоре после того явился ко двору Мерлин, и бароны, служившие когда-то Утеру Пендрагону, очень обрадовались и устроили в честь Мерлина большой пир. Видя их всех в сборе, Мерлин открыл им, что король Артур был сын самого короля Утера Пендрагона, тайно переданный Мерлином на воспитание одному почтенному человеку, Эктору, отцу нового сенешаля Кэя.

При этих словах поднялся большой шум: все бароны возликовали, узнав, что избранный ими король был законный наследник престола.

После этого король приказал поставить столы, и все, усевшись в разных концах залы, принялись есть, и каждый получал в изобилии все, чего ни требовал.

После пира Артур подошел к Мерлину и стал упрашивать его навсегда остаться при его дворе и помогать ему своими советами.

— Не могу я навсегда остаться с тобою, — отвечал Мерлин, — но обещаю часто показываться при твоём дворе и помогать тебе во всяком деле.

Так расстались они, и Мерлин отправился в Нортумберленд к своему учителю Блезу и рассказал ему все, как было, а Блез все это записал, и из его-то записи знаем об этом и мы.

Между тем не было на свете короля, которого окружал бы такой блестящий двор, и не было короля, которого бы так любили его бароны, как Артур. И сам он был самым доблестным мужем и самым лучшим рыцарем из всех окружавших его воинов, и заслужил он такую славу, что ни о ком столько не говорили, как о нем, и все рыцарство стекалось к его двору, чтобы посмотреть на него.

В это время в земле Артура жил человек по имени Ален Толстый, сын Брона, хранителя чудодейственного сосуда Грааля. Долго жил Ален, ничего не зная ни об отце своем, ни о сосуде Грааля, и, наконец,

смертельно заболел. Перед смертью услышал он таинственный голос, сообщивший ему, что отец его Брон, прозванный щедрым королем Рыболовом, находится в этой же стране и по-прежнему владеет Граалем. Он очень уже стар и болен, но не может перейти от жизни к смерти, пока не найдет его сын Алена Персиваль и не проникнет в тайну чудодейственного сосуда. Тогда только выздоровеет Брон от своих болезней...

— Ия приказываю сыну твоему отправиться ко двору короля Артура, — продолжал голос, — и там узнает он то, что побудит его разыскать своего деда, щедрого короля Рыболова!

Выслушал эти слова Ален, протянул руки к небу, закинул голову и умер.

После смерти отца Персиваль сел на коня и целый день, не отдыхая, ехал лесами и приехал наконец ко двору короля Артура, явился к нему и попросил дать ему оружие, и король Артур очень охотно оставил его при себе, и скоро при дворе все полюбили его.

Между тем Артур, придя к рыцарям, сказал им:

— Господа, не найдете ли вы удобным собраться сюда в день Пятидесятницы? Я задам в этот день великий пир, какого не бывало еще на земле, и хотел бы, чтобы рыцари мои, желающие навсегда оставаться при мне, заняли все свободные места за Круглым Столом, учрежденным Мерлином во времена Утера Пендрагона, и назывались бы с тех пор рыцарями Круглого Стола.

Когда наступил день Пятидесятницы, король Артур приехал в Карлион, где был Круглый Стол, и, видя множество съехавшегося народу, приказал отслужить обедню. После обедни король взял своего племянника Гавейна и других лучших людей, каких только нашел при своем дворе, и посадил их вокруг Круглого Стола. Осталось одно только свободное место, то самое, что по воле Божией оставалось незанятым еще со времен Утера Пендрагона; так сказал ему Мерлин, и Артур не решился отдать это место никому из рыцарей.

Никогда еще не было такого пира! Артур приказал всем бывшим на пиру одеться в одинаковое платье, и в день этот раздал он шесть тысяч четыреста одинаковых нарядов, отличавших рыцарей Круглого Стола.

Сам же Артур был в короне и в золотом платье, и обращение его всем очень понравилось.

Когда все насытились, король пригласил рыцарей в поле для военных игр, а все дамы вышли на стены и подошли к окнам, чтобы смотреть на военные забавы, и рыцари изо всех сил старались отличиться, потому что между ними не было ни одного, который не имел бы тут своей сестры, жены, подруги. В этот день победу одерживали все рыцари Круглого Стола.

Жила в это время при дворе молодая девушка по имени Елена. Она была племянница короля Артура, дочь его сестры, и была она самая красивая девушка, какую только знали в ее времена. Увидала она Персивалья, полюбила его, и неудивительно, потому что он был самый красивый рыцарь на свете. А после турнира рыцари занялись беседой с дамами, и все очень веселились. Елена же только и думала, что о Персивале. С наступлением ночи все рыцари разошлись по своим комнатам и палаткам. Елена же не находила себе покоя: она послала одного из своих служителей к Персивалю и приказала сказать ему, что она, племянница короля Артура, очень желала бы, чтобы он принял участие в военных забавах с рыцарями Круглого Стола, и просит его надеть красное вооружение, которое она ему посылает. Персиваль очень удивился и обрадовался, что такая прекрасная молодая девушка приказала ему вооружиться против рыцарей Круглого Стола, и отвечал посланному, что готов исполнить все, что бы ни приказала ему его госпожа.

На другой день после пира опять все рыцари вышли в поле для состязания, и все дамы и девушки собрались смотреть на них.

Выехал и Персиваль в великолепном красном вооружении, присланном Еленой. В этот день Персиваль бился так много и так удачно, что победил всех рыцарей Круглого Стола, так что видевшие это говорили, что он был лучший рыцарь на свете и должен занять последнее свободное место за Круглым Столом. Король, отличавшийся не только военными доблестями, но и мудростью, подошел к Персивалю и сказал:

— Благородный рыцарь! С этого времени я желаю, чтобы ты принадлежал к моей дружине, и знай, что я хотел бы оказать тебе большую честь.

Персиваль отвечал:

— Благодарю вас, государь.

И тут снял он свой шлем, и король, узнав его, очень удивился и спросил, каким образом случилось, что, вчера еще безоружный, он явился в полном вооружении и почему скрыл свое имя. И Персиваль отвечал ему:

— Одно только могу сказать вам — все это сделал я из любви к одной прекрасной даме, и, если бы предстояло мне начать все сначала, я не

задумался бы ни на минуту.

Услыхав его ответ, король засмеялся и от души простил его, сказав, что то, что совершает рыцарь из любви, должно быть прощено без затруднения. И так же простили ему и остальные рыцари Круглого Стола.

Видя потом, что все стали усаживаться за Круглый Стол, Персиваль сказал, что и он желал бы занять тут свободное место. Но Артур отвечал ему:

— Персиваль, прекрасный друг, не садись тут, если ты веришь мне, потому что раньше уже пробовал сесть на это место один человек и погиб.

Персиваль отвечал, что, если не позволят ему сесть на этом месте, он вернется назад в свою землю, откуда он пришел, и никогда больше не появится при дворе короля Артура. Услышав это, сильно рассердился Артур, потому что крепко помнил он то, что сказал ему Мерлин. Но все другие доблестные рыцари стали так упрашивать короля, что он наконец согласился. Собрались все рыцари к Круглому Столу, сели по своим местам, и осталось одно только свободное место. Персиваль прошел прямо к этому месту и сел, но, как только сел он, камень провалился с треском, и земля сотряслась так ужасно, что всем, бывшим тут, показалось, что они проваливаются в бездну. Из трещины же, которую дала земля, поднялся дым, и наступила такая тьма, что никто из них не мог видеть друг друга. Вслед за тем послышался голос:

— Король Артур, ты нарушил приказание, данное тебе Мерлином: Персиваль, сядя на это место, совершил величайшую дерзость, какой никогда еще не позволял себе доблестный рыцарь, и много еще бед причинит это как ему самому, так и всем рыцарям Круглого Стола. Если бы не великие заслуги отца его, он погиб бы ужасною смертью. Итак, знай, король Артур, что чудодейственный сосуд Грааль находится теперь в твоей земле, в доме одного богатого человека, которого зовут щедрым королем Рыболовом. Он болен великой болезнью и постигнут великою немощью и не может умереть, пока один из сидящих здесь рыцарей не прославится своими военными и рыцарскими подвигами как самый лучший рыцарь в мире. Когда он достигнет этого, Господь направит его в дом щедрого короля Рыболова, и король Рыболов велит пронести сосуд мимо всех, находящихся в его доме, и, если рыцарь спросит, для чего служит этот сосуд, король Рыболов выздоровеет. По выздоровлении он передаст рыцарю сосуд и откроет сокровенную тайну, известную теперь ему одному, и страна освободится от тяготеющих над нею чар.

Голос смолк, и Персиваль поклялся душою своего отца, что не проведет и двух ночей в одном месте, пока не найдет жилище богатого

короля Рыболова. То же сказали и многие другие рыцари. Узнав об этом, очень обрадовался король Артур и, проводив рыцарей в путь, распустил свой двор: многие рыцари вернулись в свои земли, другие же остались при короле.

Между тем Персиваль и другие рыцари, простившись с королем, целый день ехали все вместе, и не встретилось им на пути никакого приключения. На другой день в третьем часу оказались они на распутье четырех дорог: тут возвышалась часовня, росло одно дерево и стоял крест. И сказал тогда Гавейн:

— Господа, мало будет проку, если все мы поедem вместе, и я посоветовал бы каждому из нас отправиться своим путем—дорогою, потому что иначе предприятие наше кончится неудачею.

И все отвечали ему:

— Очень хорошо сказано.

На том они расстались: каждый выбрал себе путь по вкусу, и все порознь отправились они на поиски сосуда Грааля. Но о приключениях, бывших с ними в пути, ничего не говорится в книге.

Рассказ ничего не говорит ни о Гавейне, ни о его товарищах. Рассказывается только, что Персиваль, расставшись с ними, целый день ехал, никого не встретя на своем пути и не найдя ни одного постоянного двора, где бы мог он пристать на ночлег, так что пришлось ему остановиться на ночь в лесу. Он разнуздал свою лошадь и пустил ее пастись на траву, а сам ни на минуту не сомкнул глаз и всю ночь стерег свою лошадь, опершись на щит и держа наготове меч.

На заре он взнуздал коня и, немедленно пустившись в путь, не отдыхая, ехал до полудня. Ехал он так, глядя перед собою, и увидал на дороге рыцаря, лежавшего на траве и пронзенного насквозь пикой. Как раз около него к дереву привязаны были мул и лошадь, и тут же сидела прекраснейшая в мире дама и так горестно оплакивала рыцаря, лежавшего на траве, что каждый, видя это, поневоле пожалел бы ее.

И Персиваль поскакал к ней, пришпорив коня.

— Спаси вас Господь, — сказал он ей, — и да пошлет Он вам в будущем побольше радости!

— Прекрасный рыцарь, — отвечала ему дама, — никогда уж не видать мне радости после того, как погиб тот, кого я так любила и который сам так же сильно любил меня.

— Как звали его, сударыня? — спросил Персиваль.

— Имя ему было Гюргане, он принадлежал к рыцарям Круглого Стола и вместе с другими рыцарями отправился на поиски сосуда Грааля.

Услыхав это, Персиваль почувствовал сильнейший гнев и чуть не свалился с лошади; сердце его до того сжалось, что он не в силах был произнести ни слова. И когда он наконец в состоянии был говорить, он сказал:

— Давно ли странствуете вы с ним?

И она отвечала:

— Я скажу вам это. Случилось так, что один великан, живший на расстоянии половины дневного пути от нашего замка, просил моей руки у моего отца, и родители мои отказали ему. И когда великан этот узнал, что родители мои должны были отправиться ко двору короля Артура на его празднество, он очень этому обрадовался, явился в наш замок, где я осталась совершенно одна, разбил двери, проник в залу, никого не встретив на своем пути, нашел меня в комнате моей матери, подхватил меня на руки, вынес из дому, посадил на мула, которого вы тут видите, и привез сюда. В то время проезжал лесом этот рыцарь. Услыхав мои крики, он поскакал к нам. Завязалась битва, и рыцарь, отличавшийся необыкновенной отвагой и военным искусством, отсек великану голову и повесил ее в ветвях дерева. Потом он велел мне следовать за собою и посадил меня на мула. Я очень обрадовалась и обещала во всем повиноваться ему и всюду следовать за ним в благодарность за то, что он освободил меня. Так ехали мы весь день до утра и все утро, пока не доехали до шатра, из которого доносился шум и веселый говор. Мы въехали в шатер прямо на лошадях, так как полы его были высоко подняты для пропуска слуг, носивших кушанья. Там нашли мы нескольких молодых девушек. Они то выражали безмерную радость, то вдруг погружались в столь же глубокую печаль. Рыцарь очень удивился этому и спросил их о причине такого странного поведения. Одна из них вместо ответа посоветовала ему поскорее удалиться, если не хочет он быть убитым. Но он отвечал им, что ни за что не уйдет. В то время как мы стояли как раз посреди палатки, явился карла на лошади с хлыстом в руке и вместо приветствия стегнул меня по руке, потом, подъехав к бревну, на котором держался шатер, повалил его на нас, а за ним и весь шатер. Все это очень раздосадовало моего спутника, но он счел недостойным сражаться с карлой. Карла же повернул свою лошаденку, стегнул ее хлыстом и уехал. Мы тоже повернули назад и поехали своей дорогой, потому что тут нам делать было нечего. Так продолжали мы ехать лесом, и вскоре послышалось нам, что лес зашумел, словно надвигалась буря, и я сильно испугалась. Оглянувшись, мы увидели рыцаря в красных доспехах, скакавшего во весь опор, так что лес трещал и шумел.

— Клянусь Богом, рыцарь! — крикнул он, приблизясь к нам. — Это ты опрокинул мой шатер!

Услыхал это сопровождавший меня рыцарь и, с досадою повернув коня, поскакал ему навстречу. Но в стычке копье моего спутника переломилось, и враг ранил его смертельно и, повернув коня, ускакал.

Кончив рассказ, дама опять зарыдала.

— Ничего, — сказал ей Персиваль, тронутый ее горем, — вы не вернете его и не поможете себе слезами. Сядьте лучше на своего мула и проводите меня к шатру этого рыцаря.

— Прекрасный рыцарь, — отвечала ему дама, — не ездите туда: рыцарь так силен, что, если нападет на вас, убьет без пощады.

Но Персиваль поклялся душою отца своего, что не остановится ни на минуту, пока не найдет рыцаря и не убедится, действительно ли он так силен, как уверяла его дама.

Он помог ей сесть на мула, и они поехали к шатру. Уже издали услышали они, как веселились и радовались там молодые девушки. Но как только увидели они Персиваля, шумная радость их сменилась столь же громкими стенаниями, и они стали упрашивать его уехать поскорее, потому что господин их убьет его, если увидит здесь. Но Персиваль не обращал внимания на их слова.

Но вот явился карла верхом на старой кляче и с хлыстом в руке. Стегнув Персиваля по шлему, он сказал:

— Убирайся вон из шатра моего господина!

Потом, стегнув и даму по спине и по рукам, он повернул свою клячу и выехал из шатра. Рассердился Персиваль и, ударив карлу копьем в спину между лопаток, сбросил наземь, но не убил. Карла же, поспешно вскочив на ноги, побежал к своей лошади, восклицая: «Дорого же заплатишь ты мне за это!» — и скрылся из виду. Но не прошло и минуты, как он уже вернулся в сопровождении прекрасно вооруженного рыцаря.

— Сэр Персиваль, вот тот, кто убил моего господина! — в ужасе воскликнула приехавшая с Персивалем дама.

Увидев рыцаря, Персиваль выехал к нему навстречу.

— Клянусь Богом, рыцарь, ты изуродовал моего карлу, силой ворвавшись в мою палатку, и, если я не заставлю тебя раскаяться в этом, карла мой вправе будет сказать, что он служил плохому господину.

Но Персиваль, не отвечая ни слова, поскакал ему навстречу. Произошла отчаянная стычка. Оба воина были прекрасно вооружены, и оба отлично владели оружием. Бились они сначала на конях, потом пешие, и с таким упорством, что оба удивлялись силе друг друга. Однако в конце концов Персиваль победил, сорвал с рыцаря шлем и уже готов был отсечь ему голову, когда рыцарь запросил пощады. Услыхав это, отпустил его Персиваль, но под условием, что тот проводит спутницу Персиваля ко двору короля Артура, передаст ее королю с рук на руки и заявит, что побежден Персивалем и является пленником короля.

Расставшись с рыцарем и с дамою, Персиваль отправился один своею дорогою, моля Бога вразумить его и указать ему путь и послать более покойный ночлег, чем в прошлую ночь.

Рыцарь же верой и правдой исполнил возложенное на него поручение, и Артур, вместо того чтобы посадить его в темницу, с честью принял его к своему столу.

Между тем Персиваль, погруженный в глубокую думу, ехал по дороге, пока не увидал башню, показавшуюся ему большой и красивой. Обрадовавшись надежде на хороший ночлег, поспешил он повернуть в ту сторону коня. Подъехав ближе, увидел он прекраснейший в мире замок. При его приближении подъемный мост опустился сам собою и двери замка отворились. Сильно удивленный, въехал он во двор замка и, сойдя с коня, привязал его к кольцу при входе в залу. Но никого не встретил он в зале — ни мужчин, ни женщин. Он вошел в соседнюю комнату, но и там никого не было.

— Господи Боже, пол посыпан свежим песком, очевидно, тут только что были люди, а между тем нигде никого нет!

Снова вернулся он в залу и увидал у окна серебряную шахматную доску и на ней шахматы из слоновой кости в полном порядке, как бы установленные для игры. Взял он одну из фигур, посмотрел на нее и опять поставил, подвинув вперед, как бы делая ход, и вдруг с противоположной стороны тоже двинулась вперед фигура для ответного хода. Пораженный Персиваль продолжил играть, и три раза кряду получил мат.

— Клянусь Богом! — воскликнул он. — Я, кажется, недурно—таки играю в эту игру!

И, собрав шахматы в полу своего платья, он подошел к окну, собираясь выбросить их за окошко в воду, чтобы впредь не удалось им опять посрамить какого—нибудь рыцаря. Но в ту минуту, как уж он готов был выпустить их из рук, над ним из окна башни высунулась молодая девушка и крикнула ему:

— Клянусь Богом, прекрасный рыцарь, вы затеяли дурное дело, задумав бросить в воду мои шахматы!

— Я не брошу их, сударыня, если вы спуститесь ко мне.

Сначала молодая девушка отказалась было, но потом, видя, что Персиваль собирается привести в исполнение свою угрозу, согласилась. Тогда Персиваль подошел к доске и, расставляя шахматы, уронил одну фигуру на пол, которая, к удивлению его, подскочила сама собою и вернулась на свое место.

В эту минуту в комнату вошла хозяйка замка в сопровождении десяти молодых девушек и четырех слуг, которые поспешили помочь Персивалю снять военные доспехи и оружие. Молодая девушка была так прекрасна, что Персиваль сейчас же признался ей в любви и стал просить ее взаимности.

— Прекрасный рыцарь, — отвечала ему молодая девушка, — прежде надо мне знать, такой же ли мастер вы на дело, как и на слова, а потому вы тогда только заслужите мою любовь и я сделаю вас властелином этого замка, когда вы исполните мое поручение. — И она продолжала: — Знайте, прекрасный рыцарь, что в этом лесу живет белый олень. Убейте его и принесите мне его голову. Я одолжу вам мою охотничью собаку — как только спустите вы ее на землю, она сейчас же побежит по следу оленя, а вы скачите тогда за ней во весь опор.

На ночь Персивалю приготовили великолепнейшую постель, но спал он плохо и всю ночь думал о владетельнице замка и о ее поручении. Наутро он встал с зарею, вооружился и приказал слуге подать коня.

Провожать его вышла сама прекрасная дама и дала ему собаку, которую она очень любила и потому поручила беречь ее. Персиваль обещал, что доставит собаку домой в целости, взял ее к себе на лошадь, простился и тронулся в путь. Въехав в лес, он спустил собаку, которая тотчас же побежала по следу и скоро настигла в кустах оленя и, бросившись на него, повисла на нем.

Персиваль, полный радости, соскочил с коня и отрубил оленю голову. Пока был он этим занят, появилась какая-то старуха, подхватила собаку и хотела было скрыться в лесу, но Персиваль, спохватившись, нагнал ее и схватил за руку:

— Сударыня, отдайте мне добром мою собаку, потому что нехорошо поступаете вы, утачив ее исподтишка.

Но вероломная старуха только оглянулась и сказала:

— Напрасно остановил ты меня, рыцарь, тем более что неизвестно еще, твоя ли это собака. Я знаю больше, чем ты думаешь, и передам собаку тому, кому она принадлежит; ты же не имеешь на нее никакого права.

Рассердился Персиваль и сказал старухе:

— Отдайте лучше добром: не отдадите — возьму силой.

— Прекрасный рыцарь, — отвечала ему старуха, — сила не право, и, конечно, можешь ты употребить против старой женщины силу, но если ты сделаешь то, о чем я тебя попрошу, то я отдам тебе собаку по доброй воле.

— Говорите же, что должен я сделать, — ответствовал сэр Персиваль.

— Впереди на дороге увидишь ты могилу, — заговорила старуха, — ты подойдешь к ней и скажешь: «Вероломный человек был тот, кто здесь погребен!» И когда ты сделаешь это, я отдам тебе собаку.

— От этого я ничего не потеряю, — сказал Персиваль. Затем подошел он к могиле, но не успел он проговорить этих слов, как увидел неизвестно откуда взявшегося рыцаря в черных доспехах на черном коне, скакавшего на него во весь опор. Испугался Персиваль при виде его, поднял руку, осенил себя крестным знамением и снова набрался духу и храбрости. Поскакал он навстречу рыцарю, и произошла между ними ужаснейшая стычка. Бились они и копьями, и мечами, и на конях, и пешие, а пока они бились, выехал из лесу другой рыцарь в полном вооружении, схватил голову оленя и собаку, которую все еще держала старуха, и молча ускакал назад в лес. Видел это Персиваль и очень огорчился, однако не мог он преследовать его, ибо бился с черным рыцарем.

Но сила и храбрость Персиваля словно еще возросли, и он так стремительно напал на врага, что тот не выдержал и повернул назад к

могиле, которая раскрылась перед ним и поглотила его. Персиваль чуть было не бросился следом за ним, но не успел, потому что могила закрылась над черным рыцарем так стремительно, что кругом осыпалась земля. Подивился этому Персиваль, подошел к могиле, трижды окликнул рыцаря, но не получил ответа.

Вернулся тогда Персиваль к своему коню и поскакал в погоню за тем рыцарем, что похитил у него голову оленя и собаку, и поклялся, что не остановится, пока не найдет его. Долго странствовал он по лесам, и много случилось с ним в лесу приключений, о которых теперь не пойдет речь, и в конце концов, сам того не зная, приехал он к дому своего отца, тому дому, где он родился, и въехал во двор. На дворе увидела его служанка, бросилась к нему, ухватила за стремяна и стала упрашивать войти в дом. Согласился Персиваль, и она помогла ему снять оружие. Навстречу ему вышла и сама хозяйка дома, и была она его родная сестра, которая не узнала его, потому что давно уже они расстались. Ввела она его в дом и усадила на лучшее место, а сама села напротив и стала плакать. Персиваль, видя ее слезы, огорчился и спросил, о чем она плачет. И рассказала она тогда, что оплакивает брата своего, Персиваля, мальчиком отправившегося ко двору короля Артура после смерти отца их, Алена Толстого. Между тем в лесу этом ожидало его столько опасностей, говорила она, что он, конечно, успел бы сто раз погибнуть, прежде чем добрался до двора короля Артура.

— Знайте, прекрасный рыцарь, — продолжала она, — что мать моя умерла от горя и я теперь живу здесь в этом лесу совсем одна с двумя слугами и молодой девушкой, моей племянницей. И каждый раз, видя здесь рыцаря, не могу я удержаться от слез, вспоминая о своем брате, и не было еще никого, кто бы походил на него так, как вы, так что, увидя вас, я подумала, что это он.

Услыхав о смерти матери, Персиваль так огорчился, что сначала не в силах был произнести ни слова.

— Прекрасная сестра, — заговорил он наконец, — знай, что я брат твой Персиваль, отправившийся мальчиком ко двору короля Артура.

Услыхав это, сестра его бросилась к нему на шею, и оба они не могли нарадоваться нежданной встрече. Не хотелось сестре отпускать Персиваля, и стала она уговаривать его отказаться от своего предприятия и остаться жить с нею в доме его отца. Но Персиваль твердо стоял на своем.

Видя, что он непреклонен, заплакала она и сказала:

— Прекрасный брат! Исполни, по крайней мере, хоть то, о чем я попрошу тебя! Я хочу, чтобы ты поехал со мною в дом моего дяди —

отшельника. Он один из сыновей Брона и родной брат отца нашего Алена и живет всего лишь в полумиле отсюда. Ты покаешься перед ним в вине своей перед матерью, которая умерла от горя в разлуке с тобою, а он оделит тебя своими советами.

Обрадовался Персиваль и сказал, что очень охотно поедет с сестрою к своему дяде.

Когда подъехали они с сестрою к низенькому дому отшельника, слуга отпер им дверь, и Персиваль с сестрою, сойдя с коней, вошли в дом.

— Добрый дядя, — обратилась к отшельнику сестра Персиваля, — это Персиваль, мой брат, который так давно уехал ко двору короля Артура.

Услыхав это, святой человек обрадовался, подошел к Персивалю, нежно обнял его и спросил:

— О племянник мой Персиваль, побывал ли ты уже в доме моего отца, хранителя сосуда Грааля?

Персиваль отвечал, что он там еще не был, и отшельник продолжал:

— Прекрасный племянник, знай, что тебе суждено после него стать хранителем чудодейственного сосуда Грааля. Только грех твой перед матерью помешал тебе до сих пор найти жилище Брона. Теперь же могу я дать тебе два совета: избегай убивать рыцарей и остерегайся греха, и будешь ты тем непорочным и доблестным рыцарем, которого Господь избрал Себе слугою.

— Да будет воля Божия, если Он избрал меня на служение Ему, — отвечал Персиваль.

Всю ночь провел Персиваль у отшельника и все утро, пока не отслушал обедни. После обедни, как только отшельник снял с себя облачение, Персиваль подошел к нему, глубоко ему поклонился и просил отпустить его на поиски Брона.

— Поклонись от меня отцу моему, Брону, если найдешь его, — сказал ему на прощание отшельник.

Поспешно пустился Персиваль в обратный путь вместе со своею сестрою, которая была очень довольна свиданием его с отшельником.

В то время как проезжали они дорогой мимо того креста, где Персиваль часто игрывал ребенком, когда жил еще в доме своей матери, появился прекрасно вооруженный рыцарь на коне и во весь опор поскакал на них, восклицая:

— Клянусь Богом, рыцарь, я не позволю тебе провожать свою даму, если ты не возьмешь своего права с бою!

Персиваль слышал эти слова, но продолжал путь, не обращая на них никакого внимания, и рыцарь опять воскликнул:

— Клянусь Богом, рыцарь, если ты не повернешь коня, я тебя убью!

Персиваль слышал и это, но ничего не отвечал: он так глубоко задумался о своем деле, что даже и не заметил, что тот кричал. И рыцарь, почувствовав к нему презрение, гордо направил на него своего коня, держа наготове копье, чтобы сразить им Персиваля, и ранил бы его, если бы сестра его не воскликнула:

— Берегись, прекрасный брат мой, этот рыцарь убьет тебя!

Удивился Персиваль, когда заметил наконец рыцаря; он так был погружен в думу о своем деле и о молодой девушке, одолжившей ему свою охотничью собаку, что не обратил никакого внимания на рыцаря. Но при словах сестры он повернул к нему лошадь и поскакал на него. Завязалась битва, и дело кончилось тем, что Персиваль выбил его из седла, и рыцарь при падении убился до смерти. Очень огорчился Персиваль, увидя это:

— Ах, рыцарь, рано же заставил ты меня нарушить завет моего дяди, но, видит Бог, нечего мне было делать: ты сам был так безумен, что первый напал на меня.

Потом вернулся он к сестре, захватив с собою лошадь рыцаря. Сестра его тоже была глубоко огорчена при виде убитого. Вскоре подъехали они к своему дому и сошли с коней. Слуги приняли их и поставили в конюшню и немало дивились вновь приведенной лошади. Когда Персиваль снял с себя доспехи, он сел с сестрою за стол и подкрепился обедом, а потом лег отдохнуть, потому что совсем не спал всю прошлую ночь. Проснувшись, он потребовал доспехи и стал вооружаться. Видя это, сестра его опечалилась.

— Персиваль, прекрасный брат мой, — сказала она, — неужели опять собираешься ты уехать без меня и оставить меня одну здесь, в этом лесу?

— Прекрасная сестра, — отвечал ей Персиваль, — знай, что я вернусь к тебе, как только удастся мне исполнить свое дело.

И, несмотря на ее горе, Персиваль со слезами простился с нею и тронулся в путь.

Ехал он целый день, не встретив на пути своем никакого приключения, и, не найдя на ночь пристанища, остался ночевать в лесу, пустив коня пастись на сочную и густую траву, а сам не спал всю ночь, наблюдая за ним. Едва забрезжила на небе заря, как он уже поднялся и все утро ехал лесом, слушая птиц, что распевали здесь так громко и весело. Около полудня увидел он светлый ручей, протекавший свежим зеленым лугом. На лугу был расставлен роскошный шатер, и Персиваль направил в ту сторону коня, желая дать ему напиться. Но в ту же минуту из шатра выскочил рыцарь, прекрасно вооруженный, и крикнул ему:

— Клянусь Богом, рыцарь, не к добру собрался ты поить свою лошадь в моем ручье: придется тебе за это биться со мною!

С этими словами он занес над ним свое копьё. Начали они биться и наносить друг другу удары копьями, но кольчуги их были так крепки, что копья только ломались. Однако в стычке Персиваль так сильно толкнул рыцаря, что тот не устоял на коне и упал прямо в воду, причем даже шлем слетел с его головы. Не захотел Персиваль, конный, биться против пешего, сошел он с коня и снова напал на рыцаря. Но тот был так ошеломлен его натиском, что не мог сопротивляться и запросил пощады. И Персиваль поклялся душою покойного отца, что не даст рыцарю пощады, если не скажет тот, кто он такой и почему запрещает поить лошадей в своем ручье. И рыцарь отвечал:

— Я скажу тебе это: знай же, что я рыцарь Урбан и в рыцари посвятил меня сам король Артур. Как только посвятил он меня в рыцари, пустился я странствовать по всей стране в поисках приключений, и при помощи Божией ни разу не встретил я еще рыцаря, которого не превзошел бы в умении владеть оружием. Один раз ночью проезжал я этим лесом, и шел такой сильный дождь с громом и молнией и вообще была такая ужасная погода, что мне казалось — само небо разверзлось надо мною, и я не видел ни зги. Вдруг при блеске молнии лошадь моя так понесла, что я не мог ее удержать, и в ту же минуту увидел пред собою молодую девушку на коне, ехавшую очень скоро. При виде ее я сдержал коня и поехал следом и наконец въехал за нею в один из прекраснейших замков в мире. Тут лишь, увидя меня, она повернула ко мне навстречу и радушно предложила остановиться в замке на ночлег. Это настолько ободрило меня, что я стал просить ее любви. Она отвечала, что охотно полюбит меня, если

я соглашусь остаться там, куда она меня приведет. Итак, поместился я у этого ручья, замок же находится позади моего шатра, но он ни для кого не видим, кроме меня и моей дамы. Много уже рыцарей победил я, и если бы удалось мне удержаться здесь семь лет, то я оказался бы лучшим рыцарем на свете. До срока же этого оставалось мне всего лишь семь дней. Но Господь решил иначе. Теперь ты можешь остаться здесь вместо меня, и если продержишься здесь год, то тебя признают первым из рыцарей нашего времени.

— Друг мой, — отвечал ему Персиваль, — знай, что я здесь не останусь, как не останусь нигде, куда бы ни привела меня судьба.

В то время как Персиваль разговаривал с рыцарем, защищавшим Опасный Ручей, послышался страшный шум — казалось, лес провалился в пропасть, из которой поднялись облака черного дыма. Среди этого мрака раздался громовой горестный голос:

— Да будешь проклят ты, Персиваль, причинивший нам такое никогда еще не испытанное горе! И если бы только было это в нашей власти, тебе никогда не удалось бы найти то, чего ты лишился. Поспешите же, Урбан, или ты совсем утратишь мою любовь!

Услышав голос, рыцарь очень огорчился, залился слезами и без чувств упал перед Персивалем, который был несказанно удивлен всем увиденным и поспешил осенить себя крестом. В то же время рыцарь пришел в себя, поспешно побежал к своей лошади и хотел было вскочить на нее, но Персиваль, нагнав его, удержал и сказал:

— Клянусь Богом, рыцарь, не уйдешь ты, пока не объяснишь мне этого чуда.

Тут снова послышался тот же голос:

— Поспешите же, Урбан, или ты утратишь меня!

Урбан опять рванулся к лошади, но Персиваль крепко держал его и поклялся душою своего отца, что не отпустит рыцаря ни за что, пока тот не скажет ему, что это такое. И рыцарь более сотни раз восклицал:

— Ради Бога,пусти меня, рыцарь, ты сделаешь доброе дело!

Тут Персиваль заметил, что появилось такое множество птиц, что, казалось, они заслонили небо: большие, со страшными клювами, очень черные, они, казалось, старались окружить Персивала и выклевать ему глаза сквозь отверстия шлема. Рыцарь же при виде прилетевших птиц ободрился, взял свой щит и меч и с яростью напал на Персивала. Увидя это, Персиваль вознегодовал:

— Что это, рыцарь, уж не хочешь ли ты возобновить битву?

— Защищайся! — отвечал ему рыцарь, разя мечом.

В гневе Персиваль тоже замахнулся и нанес ему такой удар, что, если бы меч не повернулся, он рассек бы врага пополам, несмотря на его шлем и щит. Затем размахнулся он еще раз и ударил одну из птиц, всего ближе кружившуюся около него, но вместо птицы на землю упала мертвая женщина, и остальные птицы с громкими криками подхватили ее и унесли. Персиваль бросился тогда к рыцарю, но тот запросил пощады, и Персиваль отвечал, что пощадит его лишь в том случае, если тот объяснит ему тайну совершившихся здесь чудес, и Урбан отвечал:

— Хорошо, я объясню тебе это: знай, что шум, который ты слышал, произошел вследствие падения замка, разрушенного моей дамой с горя обо мне; ее же голос слышал ты: это она призывала меня. А когда увидела она, что ты не отпускаешь меня, она превратилась со своими дамами в птиц и прилетела сюда мне на помощь. Но ты оказался лучшим рыцарем на свете. Молодая девушка, которую ты убил, была сестра моей прекрасной дамы. Теперь же, ради Бога, отпусти меня!

Персиваль отпустил его, и рыцарь отправился в путь пешком, но не прошло и минуты, как он очутился уже на неизвестно откуда взявшемся коне. Персиваль бросился было за ним, но и рыцарь и лошадь в одну минуту скрылись у него из виду. Подивился Персиваль этому новому чуду, сел на коня и поехал своим путем—дорогою. Целый день ехал он, не встретив на пути никакого приключения, ни постоянного двора, где бы мог найти приют. Вдруг увидел он перед собою прекраснейшее дерево и крест на перекрестке четырех дорог. Персиваль повернул в ту сторону и остановился, чтобы полюбоваться деревом. Рассматривая его, увидел он на нем двух маленьких детей, совершенно нагих, перебегавших с ветки на ветку. Каждому из них было не более семи лет. Долго смотрел на них Персиваль и стал, наконец, заклинять их именем Господа сказать ему, Божии ли они создания. Дети отвечали:

— Сэр Персиваль, знай, что живем мы на свете по воле Бога и теперь пришли сюда для того, чтобы увидеться с тобою. Мы знаем, что ты отправился на поиски Грааля — чудодейственного сосуда, который хранит теперь дед твой Брон, прозванный во многих землях щедрым королем Рыболовом. Держись вон той дороги направо от тебя и знай, что, как только дойдешь ты до ее конца, то увидишь и услышишь такие вещи, что путь твой будет окончен, если только суждено тебе когда-нибудь достичь его конца.

Выслушав эти слова, Персиваль не успел оглянуться, как все исчезло — и дерево, и дети, и крест. Очень удивился Персиваль и сам не знал, идти ли указанной ему дорогой или нет. В то время как он раздумывал об

этом, увидал он перед собою какой-то огромный призрак, двигавшийся взад и вперед по дороге. Целых семь раз прошел он мимо него. Перекрестился Персиваль, а конь его даже заржал от страха.

— Не сомневайся в том, что сказали тебе дети, — заговорил наконец призрак, — как только дойдешь ты до конца дороги, ты увидишь и услышишь такие вещи, что путь твой действительно будет окончен, если только суждено тебе достичь его конца.

Обрадовался Персиваль и стал было громко призывать призрак, желая расспросить его поподробнее, но не получил ответа и поехал по дороге, указанной ему детьми. Долго ехал он и, миновав лес, выехал на обширную и совершенно пустынную равнину. Не по себе стало ему, видя, что приходится ехать таким открытым местом, и предпочел он опять свернуть в лес. В непродолжительном времени выехал он на чудесный луг, на дальнем конце которого стояла прекрасная водяная мельница. Подъехал Персиваль к мельнице и увидел на реке в лодке трех рыбаков. Вскоре лодка причалила к берегу, и старший из бывших в лодке стал просить Персиваля остановиться и погостить у него в доме, где он найдет отдых. Персиваль же с благодарностью принял это предложение.

— Ступай в гору до самого конца этой проезжей дороги, — сказал ему рыболов, — а там спустишься к нашему дому. Я же отправлюсь вперед, чтобы поспеть туда раньше тебя.

Повернул Персиваль коня и ехал до самой вечерни и во весь день не получил никаких новых указаний, как проехать ему к дому короля Рыболова. Огорченный неудачей, стал он наконец проклинать рыбака, пославшего его в эту сторону.

Так ехал он, грустный и задумчивый, пока не увидел между двумя горами верхушку какой-то башни, стоявшей на дне лощины в стороне от леса, которым он ехал. Обрадовался Персиваль и повернул в ту сторону, раскаиваясь уже, что напрасно проклял доброго человека. Подъехав к замку, нашел он подъемный мост опущенным и ворота открытыми. Не успел он въехать во двор замка, как слуги бросились снимать с него оружие и отнесли все в отдельную комнату, а лошадь Персиваля поставили в роскошную конюшню. Персиваль вошел в залу, и двое слуг принесли ему короткий пунцовый плащ и посадили на богатую постель; трое же других служителей вошли в комнату, где лежал король Рыболов — отец Алена Толстого и дед Персиваля. Они взяли своего господина на руки и перенесли в залу, и Персиваль встал и пошел навстречу.

И сказал тогда Персиваль:

— Напрасно, государь, доставили вы себе такое беспокойство!

— Прекрасный рыцарь, — отвечал ему владелец замка, — мне хотелось оказать вам возможно больший почет.

Тогда сели они на постель и стали разговаривать о разных вещах, и владелец замка стал расспрашивать его, откуда он приехал и хорошо ли провел ночь. Персиваль отвечал:

— По чести, государь, ночевал я очень неудобно — в лесу и больше думал о своей лошади, чем о себе.

Когда владелец замка услышал это, он позвал трех служителей и спросил, нельзя ли им с Персивалем сейчас же поесть в этой самой комнате.

— Когда только вам будет угодно, — отвечали они.

Сейчас же накрыли столы, и владелец замка с Персивалем сели за обед. Когда подали им первое кушанье, из соседней комнаты вышел паж и принес, держа обеими руками, копье, с острия которого стекла по древку капля крови и упала на руку пажа. Следом за ним шла молодая девушка с двумя серебряными тарелками и двумя салфетками в руках, а за нею паж нес чудодейственный сосуд — источник всевозможных благ и всякой благодати. И когда проходили они, все бывшие в зале низко кланялись им. Хотел было Персиваль спросить о значении того, что происходит перед его глазами, но побоялся, как бы не было это неприятно владельцу замка.

Ночью он много думал обо всем, вспоминая отшельника, исповедовавшего его у сестры, который запретил ему слишком много говорить и слишком много рассказывать о том, что видит, потому что человек, склонный к пустословию, неугоден Богу. А между тем хозяин замка сам заговаривал с ним и наводил его на вопросы, но Персиваль ни о чем не спросил его, потому что был истомлен двумя бессонными ночами.

Видя это, владелец замка приказал убрать стол и приготовить для Персиваля постель, сказав, что и сам пойдет отдохнуть в своей комнате, и просил Персиваля не докучать ему. Как уже сказано, ночью долго и много думал Персиваль о чаше и копье и решил наконец, что обо всем этом расспросит на другое утро придворных пажей. Как только наступило утро, он встал и спустился во двор, но не встретил там ни мужчины, ни женщины. Осмотревшись, увидал он свое оружие и свою лошадь, поспешно вооружился, сел на коня и поехал к воротам замка; они были открыты, а мост опущен. Персиваль подумал, что кто-нибудь из слуг вышел из замка наколоть дров или накосить травы, и решил разыскать его, чтобы расспросить обо всем, происходившем в замке. Долго ехал он лесом и опять не встретил на пути ни мужчины, ни женщины. Это очень огорчило его, и он ехал, погруженный в глубокую думу.

В то время как ехал он так, он увидел молодую девушку, которая горько плакала и, казалось, была в большом горе. Увидя Персиваля, она громко воскликнула:

— Будь ты проклят, Персиваль, если тебя преследует такая неудача, при которой не видать тебе на свете ничего доброго! Был ты в доме щедрого короля Рыболова, твоего деда, и ничего не спросил о Граале, который пронесли перед тобою. Видно, прогневал ты чем-нибудь Господа, и остается только удивляться, как это земля не разверзнется под тобою!

Услыхав это, Персиваль направился к молодой девушке и стал просить ее именем Бога объяснить ему, что он видел. И она сказала:

— Разве не ночевал ты в доме щедрого короля Рыболова и разве не проносили перед тобою сосуда и копья?

— Да, — отвечал он.

— Так знай же, что, если бы ты спросил, что это делают, король, твой дед, излечился бы от недуга, постигшего его в юности, и тем заслужил бы ты милость деда и исполнилось бы желание твоего сердца: ты стал бы после него хранителем чаши Грааля — источника всех благ и всякой благодати, и разрушились бы чары, тяготеющие над Бретонской землею. Но я знаю, почему лишился ты этого: недостаточно ты еще разумен и доблестен, мало еще совершил подвигов, недостаточно еще умудрен опытом, чтобы стать хранителем чудесного сосуда. Знай же, что ты еще раз вернешься туда и спросишь о Граале, и, как только спросишь, — дед твой будет здоров.

Удивился Персиваль ее словам, но объявил, что немедленно отправится назад в дом короля Рыболова, и молодая девушка сказала:

— Ступай с Богом.

Вернулся Персиваль к замку, но нашел ворота затворенными, и не мог уже достучаться. В горе поехал он прочь. Так ехал он долго, пока не достиг большого леса.

Там увидел он под деревом прекраснейшую молодую девушку. Около нее была привязана необыкновенно красивая верховая лошадь с великолепным седлом и в роскошной сбруе, а наверху, на ветви дерева, висела голова оленя, которую он сам когда-то отрубил. Персиваль подъехал и молча, с сердцем сорвал голову с дерева. Видя это, молодая девушка сердито крикнула ему:

— Не трогайте этой оленьей головы, сэр рыцарь! Она принадлежит мне и моему господину!

— Прекрасная дама, — отвечал Персиваль, — я не расстанусь с ней и отдам ее той, для которой я ее добыл.

В это время увидел он небольшую лань, стремительно пробежавшую мимо него, а следом за нею и свою собаку, преследовавшую ее по пятам и с остервенением хватавшую ее за ляжки. Миновав Персиваля, собака подбежала к молодой девушке. Обрадовался Персиваль, подхватил собаку, взял ее к себе на лошадь, стал ласково гладить и тут только заметил и утащившего ее рыцаря.

— Напрасно поймал ты мою собаку! — с досадою крикнул ему рыцарь, поворачивая коня ему навстречу.

Тут столкнулись они на всем скаку, и ни один не усидел в седле. Вскочив на ноги, стали они биться мечами, и хотя рыцарь сильно ранил Персиваля, однако Персиваль все-таки одержал над ним верх, и рыцарь стал просить пощады.

— Хорошо, — отвечал Персиваль, — но только скажи мне, зачем похитил ты мою собаку, кто был рыцарь, с которым я дрался в то время, и знаешь ли ты, что это была за старуха, указавшая мне могилу?

И рыцарь отвечал:

— Все это я охотно скажу тебе: рыцарь, с которым ты бился, был мой двоюродный брат, и был он один из лучших рыцарей нашего времени. Случилось так, что одна молодая прекрасная девушка полюбила его, и брат мой, заметя это, почувствовал к ней такую же любовь. И она стала просить его, чтобы он, не расспрашивая, отправился с нею туда, куда она его поведет. Брат мой согласился, но с условием, что она поведет его в такое место, где ему можно будет совершить столько подвигов, сколько никто еще не совершал на свете. Молодая девушка повела его в лес по дороге, которую ты видел, когда ты был на лугу у могилы. Тут они остановились отдохнуть. Подкрепившись, брат мой лег и заснул и, проснувшись, очутился в прекраснейшем парке, окруженный молодыми девушками и пажам, готовыми служить ему по первому его призыву. Около этого замка была могила, та самая, из которой появился рыцарь, вступивший с тобою в бой. Старуха же, указавшая тебе могилу, могла по желанию превращаться в прекраснейшую молодую девушку — ту самую, кто увела брата моего в лес.

Удивился Персиваль и сказал:

— Клянусь Богом! Ты рассказываешь мне величайшие чудеса, когда-либо слышанные мною.

И потом спросил его, не может ли он указать ему дорогу к дому щедрого короля Рыболова.

— Клянусь Богом! Я ничего о нем не знаю, — отвечал рыцарь, — и никогда не слыхивал, чтобы какой-нибудь рыцарь нашел его, хотя и

немало встречал расспрашивавших о нем.

— Не можешь ли ты сказать мне, кто была молодая девушка, давшая мне свою собаку? — спросил опять Персиваль.

И рыцарь отвечал, что он хорошо знает ее и что она сестра той девушки, которую полюбил его брат.

— Оттого-то и дала она тебе свою собаку, — продолжал он, — что знала, что собака приведет тебя к моему брату, и хотела, чтобы ты бился с ним. Знай, та, что дала тебе ищейку, ненавидела свою сестру и ее рыцаря: ведь тот не пропускал ни одного рыцаря, проезжавшего тою дорогою, — и все надеялась, что явится же наконец рыцарь, способный отомстить за всех других.

Тогда спросил его Персиваль, не бывал ли он когда-нибудь в замке, где жила эта молодая девушка, и рыцарь отвечал:

— Если ты будешь держаться той дороги, что ведет направо, то ты придешь туда к ночи.

Персиваль с радостью сейчас же пустился в путь, взяв наперед с рыцаря обещание, что тот явится ко двору короля Артура и сдастся ему в плен от имени Персиваля. Король Артур освободил пленника и принял его как доблестного рыцаря к своему двору.

Расставшись с рыцарем, Персиваль все ехал вперед по дороге, пока не подъехал к замку, где ждала его молодая девушка, давшая ему свою собаку. Молодая девушка вышла к нему навстречу и приняла его очень радушно.

— Прекрасный рыцарь! — сказала она. — Знайте, что, увидя вас, я сейчас же простила вам, что вы так долго не возвращались ко мне.

— Прекрасная дама, — отвечал ей Персиваль, — я не имел никакой возможности вернуться раньше.

Потом рассказал он ей все свои приключения: и о старухе, укравшей у него собаку, и о гробнице, которую она ему указала, и о том, как явился рыцарь, чтобы биться с ним, и как он его поборол, и о том, как нашел он голову оленя и собаку.

Услыхав все это, молодая девушка очень обрадовалась и приказала снять с него оружие, повела его в свою башню и старалась принять как можно лучше.

— Вы победили злейшего моего врага, и я обещаю вам полное послушание; будьте же господином этого замка и оставайтесь всегда со мною.

Но Персиваль отвечал ей:

— Прекрасная дама. Будь на то моя воля, не ослушался бы я вас, но я предпринял одно дело и дал обет Богу, что нигде не переночую более одной ночи, пока не доведу свое дело до конца.

— Надо быть вам врагом, чтобы заставить вас нарушить обет, и я не могу больше упрашивать вас. Я прошу только, если Господь сподобит вас довести до конца ваше дело, чтобы вы как можно скорее вернулись ко мне.

— Об этом, — отвечал ей Персиваль, — нет нужды меня просить, и я сам ничего лучшего не желаю.

Тут он простился с молодою девушкой, потребовал свое оружие и собрался в путь.

— Сэр Персиваль, — сказала она ему на прощание, — переночуйте еще одну ночь у меня в замке!

Но Персиваль отвечал:

— Я нарушил бы свой обет.

И она ничего больше не могла сделать и поручила его Богу.

Персиваль поехал рысью и до самой ночи все ехал лесом. Целых семь лет странствовал он потом по всей стране, имел множество приключений и совершил много подвигов, и не осталось ни одного приключения, ни одного подвига, подобного которому не совершил бы он в течение этих семи лет. Более ста пленников послал он ко двору короля Артура, и от множества виденных им чудес, а также оттого, что не мог он найти дома своего деда, впал он в такое горе, что совсем потерял память, забыл о Боге и никогда не входил в церковь. Дело дошло до того, что в Страстную Пятницу ехал он на коне в полном вооружении, как бы готовый к бою. Но вот вдруг встретил он рыцаря и несколько дам с четками в руках, шедших от исповеди. Остановились они, поклонились ему и спросили, какое

безумие овладело им, если в такой день, когда Господь наш пригвожден был к кресту, мог он вооружиться, чтобы убивать людей и искать приключений.

Но как только заговорили они о Боге, вернулась к Персивалю память, глубоко раскаялся он в безрассудной жизни, которую вел все это время, снял с себя доспехи и по воле Божией постучался у дверей своего дяди отшельника, исповедался перед ним, выполнил епитимью, которую тот наложил на него, и сказал, что хочет поехать навестить сестру.

— Никогда уж не увидишь ты ее, — сказал ему дядя, — вот уже более двух лет, как она умерла.

Сильно огорчился Персиваль и заплакал; отшельник же дал ему отпущение всех содеянных им грехов и всего причиненного им зла и не отходил от него целых два дня и две ночи.

Но об этом ничего не говорят труверы, которые воспользовались этой историей для своих стихов, служащих одною лишь пустою забавою. Мы же рассказываем вам все по порядку, так, как Мерлин велел записать это Блезу, своему учителю, на память достойным и почтенным людям.

Итак, Персиваль, покинув своего дядю утром в восьмой день Пятидесятницы, долго ехал лесом и слушал пение птиц; дубовые ветви весело хлестали его по шлему и щиту, и это доставляло ему большое удовольствие. Так ехал он весь день вплоть до девятого часа, и не случилось с ним на пути никакого приключения, пока наконец не заметил он впереди на дороге семь человек.

С пением несли они за спиною щиты и вели на поводу лошадей, за ними следовала целая телега копий. Персиваль нагнал их и спросил, кто они такие и куда везут они все эти доспехи. И они отвечали:

— Мы принадлежим Меллианцу де Лизу и отправляемся на турнир, который готовится в Белом Замке. Дочь владельца Белого Замка — одна из прекраснейших молодых девушек в мире, и все видевшие ее говорят, что если бы собрать вместе всю красоту женщин на свете, то она все-таки не сравнялась бы с ее красотой. И так как она еще и богата, то многие рыцари просили ее руки, но она и слышать не хочет о замужестве. Наконец мать ее объявила о турнире, на котором тот, кто получит первый приз, получит и руку ее дочери, хотя бы был он совсем бедный рыцарь. Между тем знайте, что отец молодой девушки самый состоятельный человек во всей Бретонской земле, за исключением лишь короля Артура.

Тогда спросил их Персиваль, когда должен был бы состояться турнир, и они отвечали:

— Через три дня.

И спросил еще Персиваль, ожидается ли к тому времени большое стечение рыцарей.

— Прекрасный рыцарь, — отвечали ему слуги, — об этом не стоит и спрашивать, потому что о турнире было объявлено при дворе короля Артура и, разумеется, на него съедутся все рыцари Круглого Стола, потому что все они должны были вернуться ко дню Пятидесятницы после бесплодных поисков Грааля. На этом-то празднестве при дворе Артура и было объявлено о турнире, причем сенешаль Кэй стал похваляться, что непременно получит руку молодой девушки благодаря своей ловкости и отваге. Но все рыцари, конечно, сочли это большим безумством.

«Вот если бы до Персиваля дошла весть о турнире, — сказал король, — то весьма возможно, что он взял бы приз, потому что прислал он мне уже около сотни пленников». Очень огорчен был король, что не явился Персиваль ко двору к этому празднику, и уже считал его мертвым.

— Итак, мы рассказали вам все, о чем вы нас спрашивали, — закончили слуги Меллианца, — теперь вы скажите нам, поедете ли вы с нами в Белый Замок или нет.

Персиваль отвечал, что не поедет, и те продолжали:

— По чести, вы правы — будет там довольно народу и без вас, а нам не верится, чтобы вы могли справиться с таким делом.

На том они и расстались. Персиваль поскакал во всю прыть и не останавливался, пока не увидел Белого Замка, владелец которого с шестью слугами сидел на стене над самым мостом и рассматривал всех приезжавших на турнир.

Как только увидел он Персиваля, сейчас же сошел к нему и пригласил его в свой замок, и Персиваль, обрадованный приглашением, проворно соскочил с лошади.

Выбежали слуги и стали помогать ему разоружаться: одни повели его лошадь в конюшню и ходили за ней, как могли лучше, другие понесли в комнату его оружие. Затем они надели на него короткий пурпурный плащ, принадлежавший их господину, и хозяин усадил своего гостя в самой большой парадной зале.

— А жаль, если такой красивый рыцарь не обладает достаточной ловкостью и отвагой, — проговорил владелец замка.

Персиваль тем временем стал расспрашивать, много ли народу собралось в Белом Замке.

— Никто не припомнит еще такого множества рыцарей, как приехало сюда прямо от двора короля Артура: съехались сюда почти все рыцари

Круглого Стола, а за ними следовало еще более пяти сотен рыцарей, они везли с собою богатейшее вооружение, которое я когда-либо видал.

Услыхав это, обрадовался Персиваль.

Между тем совсем уже стемнело, и хозяин замка спросил, нельзя ли им поужинать, и слуги отвечали:

— Да, господин, уже время.

Тогда пошел хозяин замка в залу, ведя за руку Персиваля и оказывая ему величайший почет, и приказал готовить столы. Кроме хозяина замка и Персиваля, за столом с ними сидели еще дочь хозяина и его жена. За ужином молодая девушка не раз смотрела на Персиваля, а также и ее мать, и обе они сказали в сердце своем, что никогда еще не видали они такого прекрасного рыцаря.

После ужина хозяин позвал к себе Персиваля и спросил:

— Явитесь ли вы завтра утром на турнир?

И Персиваль отвечал, что он совсем и не думал об этом, что он в первый раз услышал о турнире только утром от пажей, везших доспехи Меллианца де Лиза.

Тогда хозяин дома сказал:

— Это тот, что принял вызов и явится сюда завтра во время вечерни, — и стал просить Персиваля отправиться вместе с ним на турнир.

— Государь, я охотно пойду из любви к вам, — отвечал Персиваль, — но ни за что не надену завтра оружия.

— Я не стану настаивать, если это вам неужгодно.

Тем временем постели были готовы, и слуги увели Персиваля спать.

Видя, что уже рассвело, Персиваль встал. Хозяин дома, как оказалось, тоже встал; пошли они к обедне, а потом вернулись в залу и позавтракали. После завтрака владелец замка спустился во двор и приказал седлать лошадей, а когда лошади были готовы, он пристегнул оружие и вместе с Персивалем поехал в свой укрепленный замок смотреть турнир. Однако, как ни рано выехали они, значки в полях были уже расставлены. Подъехав к замку, увидели они множество великолепных доспехов и оружия, потому что никогда еще во времена короля Артура не собиралось на турнир столько доблестных рыцарей. Меллианц де Лиз выехал уже в поле; на нем было прекрасное вооружение и золотой щит с изображением двух львов. На руке у него был повязан рукав, принадлежавший молодой хозяйке Белого Замка, ибо в те времена рукава шились отдельно и могли привязываться к разным платьям. Меллианц разъезжал по полю на великолепном коне в богатой сбруе, и его сопровождало более пятидесяти рыцарей.

Но вот герольд крикнул: «К шлемам!» — и все пришло в движение. Меллианц де Лиз впереди всех своих спутников поскакал быстрее стрелы, пущенной из лука, потому что он охотно готов был сделать все, что могло быть угодно молодой хозяйке замка. Увидал его Гавейн и стремительно понесся ему навстречу, и, съехавшись, они с такою силою скрестили пики и столкнулись щитами, что пики их переломились; но ни тот ни другой не был выбит из седла. Тем временем съехались и их спутники и тоже столкнулись щитами и шлемами. Так начался этот громадный турнир. Много раз возобновлял битву Меллианц, и много забрал он в плен лошадей и рыцарей и отослал их в город. На стенах же Белого Замка собралось более трехсот дам и молодых девушек, смотревших на рыцарей и указывавших друг другу наиболее отличившихся из них. Лучшие рыцари Круглого Стола — Гавейн, Ланселот и Бедивер — не встретили ни одного рыцаря, которого они не выбили бы из седла. Но и Меллианц со своими спутниками тоже совершали чудеса ловкости и храбрости, так что дамы, смотревшие со стен замка на турнир, не знали, кому отдать предпочтение. Но дочь владельца замка находила, что всех больше отличился Меллианц, хотя ни мать ее, ни другие дамы не могли согласиться с нею. Турнир продолжался весь день, и только ночь разлучила бойцов.

По окончании турнира владелец замка вернулся с Персивалем домой и приказал поставить столы. Когда кушанье было подано, все уселись по своим местам, и хозяин замка, сэр Персиваль и хозяйка дома с дочерью много говорили о турнире. Хозяин спросил Персиваля, кто, по его мнению, наиболее отличился в турнире. И Персиваль отвечал, что хорош был рыцарь с золотым щитом и двумя львами, но и рыцарь с белым щитом бился не хуже. Тогда господин замка сказал ему, что рыцарь с золотым щитом и двумя львами был сэр Меллианц, а с белым щитом — сэр Гавейн. И Персиваль продолжал:

— Эти два рыцаря, по моему мнению, одержали верх над всеми другими. Но теперь, после того как я видел все это, ни за какую цену не соглашусь я завтра отсутствовать на турнире.

Услыхали это хозяин замка и его жена и порадовались в душе.

— Знайте, что из любви к вам я завтра сам вооружусь и поеду, чтобы помогать вам, — сказал хозяин, и Персиваль поблагодарил его за это.

Так весело провели они вечер и потом разошлись спать. С рассветом они поднялись, отслушали обедню, потом закусили хлебом и вином, и дочь владельца замка подошла к Персивалю и просила его из любви к ней носить на турнире ее рукав. Персиваль поблагодарил ее и сказал, что из

любви к ней он желал бы превзойти всех в умении владеть оружием, и господин замка с удовольствием слушал эти речи. Затем они сели на коней, и слуги понесли впереди их доспехи. В замке рыцари вооружались, а дамы толпились у окон и на стенах. Персиваль надел военные доспехи, но не свои, а те, что одолжил ему чей-то чужой вассал, потому что не хотел он, чтобы его узнали.

Как только все было готово и герольд крикнул: «К шлемам!», со всех сторон стали спускаться в долину рыцари, и первым выехал Меллианц. Увидя его, Персиваль гордо поскакал ему навстречу, и на шее у него развевался рукав молодой хозяйки замка. Когда молодые девушки увидели его со стен замка, все они сказали в один голос: «Теперь мы видим самого прекрасного рыцаря, когда-либо жившего на свете!» И одна говорила другой: «Подобного ему нет во всем мире».

На всем скаку ударили они друг друга копьями, прямо в середину щитов, и древки их переломились на несколько частей. Но Персиваль был так силен, что, толкнув Меллианца сбоку, выбил его из седла, и тот при падении сломал себе правую руку и три раза терял сознание. Затем Персиваль выбил из седла сенешаля Кэя и поскакал далее. Немало отличались в этот день и сэр Гавейн, и сэр Ланселот, но больше всех отличался Персиваль, потому что не было рыцаря, которого не сбросил бы он на землю. Все, смотревшие на них со стен замка, удивлялись ему и говорили, что хорошо послужил он даме, давшей ему свой рукав. По окончании турнира Персиваль подвел к хозяину замка трех лучших коней из всех, взятых им в плен, и сказал, что просит дочь его принять их в дар за рукав от ее платья, который носил он во время турнира. Отец поблагодарил его за свою дочь, и Персиваль хотел было отойти, но владелец замка окликнул его и сказал:

— Прекрасный рыцарь, разве не пойдете вы к молодой хозяйке Белого Замка просить ее руки?

— Нет, — отвечал ему Персиваль, — потому что дал я обет никогда не брать себе жены.

В то время как они так говорили, встретился им престарелый уже человек, с косою в руках и обутый в большие сапоги. Подойдя к Персивалю, он сказал:

— Легкомысленный ты человек! Ты совсем не должен был участвовать в турнире, и уже этим одним нарушил ты свой обет.

Стыдно стало Персивалю перед хозяином замка, и сказал он старику:

— Болтливый старик! Тебе-то какое дело?

— Верно говорю тебе, — отвечал ему старик, — большая часть твоего дела лежит на мне.

И стал тогда Персиваль упрашивать старика открыть ему хотя бы втайне значение этих слов. Отвел его в сторону старик и сказал ему:

— Персиваль, ты нарушил обет, данный Богу в том, что ни разу не переночуешь в одном месте более одной ночи, пока не найдешь Грааля.

— А кто же сказал это тебе? — спросил его Персиваль.

— Кто сказал, тот знал, что говорил, — отвечал старик.

— Скажи же мне, кто ты такой? — спросил опять Персиваль, и тот отвечал:

— Я — Мерлин и нарочно пришел сюда, чтобы предостеречь тебя: знай, что по молитве дяди твоего простился тебе грех твой. Дед твой, король Рыболов, очень болен и скоро умрет, но он не может умереть, пока не переговорит с тобою и не передаст тебе на хранение чудодейственного сосуда Грааля. Отправляйся же в путь, и с помощью Божиею на этот раз ты благополучно достигнешь цели.

— Скажите же мне, Мерлин, когда достигну я дома деда моего?

— Через год.

— Это очень долгий срок, — заметил Персиваль.

И Мерлин отвечал:

— Другого нет и не может быть, и я больше ничего не скажу тебе.

После беседы с Мерлином Персиваль вернулся к владельцу замка, у которого он гостил, простился с ним и пустился в путь.

Ровно через год ночью приехал он в дом своего деда. Слуги поспешили принять его как можно лучше, сняли с него оружие, поставили коня его в роскошное стойло, а самого Персиваля повели в залу, где находился король Рыболов. Увидя Персиваля, он поднялся к нему навстречу, и Персиваль сел рядом с ним, и они стали говорить о различных вещах. Тогда приказал господин накрыть стол; вместе умылись они и вместе сели за еду. И когда было принесено первое кушанье, из соседней комнаты вынесли чашу Грааля, а за ним и остальные реликвии. И как только увидал все это Персиваль, то почувствовал сильнейшее желание проникнуть в тайну того, что видел перед собою, и сказал:

— Государь, прошу вас, скажите мне, для чего служит этот сосуд, перед которым вы так преклоняетесь?

Не успел Персиваль произнести эти слова, как король Рыболов стал здоров и освободился от недуга. Обрадовался король, бросился ему на шею и сказал:

— Прекрасный друг, знай, что ты спрашиваешь меня о величайшей тайне, но, прежде чем я открою ее тебе, ради Бога, скажи мне, кто ты такой, потому что, вероятно, хороший ты человек, если имел власть излечить меня от болезни, которою я так долго страдал!

— Зовут меня Персивалем, — отвечал ему его внук, — я сын Алена Толстого и прекрасно знаю, что вы отец моего отца.

Услыхав это, опустилсся король Рыболов на колени и возблагодарил Бога, а потом, взяв Персиваля за руку, подвел его к Граалю и сказал:

— Прекрасный внук, знай, что эта чаша — источник всех благ и всякой благодати и вместе с тем величайшая святыня, не допускающая в присутствии своем никакого греха, а потому обладателем ее может быть только истинно доблестный и беспорочный рыцарь. И теперь я молю Бога лишь о том, чтобы он сделал тебя достойным хранителем этой святыни.

Затем, уединившись с Персивалем, Брон долго поучал его, наставляя на путь добродетельной и беспорочной жизни, и наконец открыл тайное значение чудодейственной чаши, передав таинственные слова, дошедшие от его предков и передававшиеся в роду их из поколения в поколение.

Престарелый Брон, жизнь которого давно уже клонилась к концу, прожил еще три дня и без всякой болезни отдал Богу душу.

Персиваль же, став вместо него хранителем чудодейственного сосуда, повел строгую и беспорочную жизнь, отличался большою мудростью и навсегда отказался от военных забав и рыцарских подвигов.

В день смерти Брона король Артур, сидя со своими рыцарями за Круглым Столом, основанным когда-то Мерлином, вдруг услышал страшный грохот и треск, напутавший всех, бывших в то время в замке, и затем камень, провалившийся в землю, когда Персиваль неопытным еще юношей попробовал было сесть на него, снова появился рядом со столом. Это было величайшее чудо, и все, видевшие его, не знали, что думать.

В тот же день пришел к Блезу Мерлин и сказал, что труд его жизни окончен и исполнилось наконец заветное желание его сердца. Потом повел он Блеза к Персивалю, и Персиваль так был рад видеть этого разумного и мудрого человека, что никогда уж не расставался с ним.

Покончив это дело, Мерлин отправился ко двору Артура, и король очень обрадовался ему.

— Государь, — сказали тогда Артуру его бароны, — спросите у Мерлина, что значит, что камень опять поднялся на свое место у Круглого Стола.

И король настоятельно просил Мерлина разъяснить им это.

— Король Артур, — заговорил наконец Мерлин, — знайте, что в эту минуту моей жизни исполнилось величайшее пророчество в мире: король Рыболов выздоровел от своей болезни; Персиваль стал обладателем чудодейственного сосуда и вместе с тем Великая Бретань освободилась от тяготевших над нею чар. Потому-то и появился вновь на поверхность камень, провалившийся под Персивалем. И знайте вы все, рыцари Круглого Стола, что это Персиваль победил вас на турнире в Белом Замке, но знайте также, что навсегда простился он с рыцарскими подвигами.

Услыхав это, заплакали король и бароны, Мерлин же, простившись с ними, пошел к Блезу и Персивалю и заставил их записать и это последнее чудо.

Беовульф

Пересказ И. Токмаковой

Глава I

ЗЛЫЕ ВЕСТИ ИЗ-ЗА МОРЯ

В обширном пиршественном зале короля геатов Хигеляка чадили смоляные факелы и жарко пылали толстые поленья в очаге. В зале было душно. На дворе растеплело, снег сделался рыхлым, а из-под него уже пробивались тоненькие, тихо звенящие ручейки. Однако дрова подбрасывать в очаг не переставали, и лбы сидящих за трапезой воинов покрывались испариной. Хмельной медовый напиток беспрестанно подливался в оправленные серебром рога. В дальнем углу четыре огромных пса не сводили глаз с пирующих и напряженно ждали, когда кто-нибудь бросит им недоглоданный мосол. Трапеза подходила к концу. Король откинулся на резную спинку своего высокого кресла.

— Уж не заснул ли наш королевский бард Ангельм? — спросил он обычным голосом. — Так разбудите его, а он пусть разбудит звуки своей лютни да потешит нас песнопениями!

В это самое мгновение высокий и тонкий Ангельм как раз и вошел в зал, держа в руках неразлучную лютню, поклонился королю, но не униженно, а с достоинством. Вторым поклоном бард приветствовал всех остальных сидевших за столом. Его ясный взор взметнулся к небу, голос зазвучал звонко и чисто: Ангельм запел один из гимнов, принятых в первые века христианства:

Вспомним про наше начало начал,
Как Великий Творец всего сущего
Создал землю, и эти поля и леса,
И воды просторных морей...
И подарил небесам
Гордое солнце и ясный месяц,
И земные просторы
Украсил лесной бахромой,
И наградил все древесные листья
Трепетом жизни.

Этот взлетающий к небесам голос, эти новые, еще малознакомые, но такие привлекательно-таинственные слова как бы очищали души слушателей, освобождали их от груза грубого, примитивного и жестокого язычества.

Но прежние представления оставляли умы и души медленно, сопротивлялись, как вросшие в землю корни столетних дубов...

Вдруг неожиданно песня прервалась, послышался какой-то шум у дверей, слуги ввели гостей. Они явно были чужеземцами, приплывшими в страну геатов сразу же после того, как море очистилось ото льда. Тот, что постарше, был, скорее всего, их капитаном, его сопровождали еще полдюжины моряков. Нахмурившийся было Хигеляк, готовый наказать того, кто помешал ему слушать барда, гостеприимно поднялся со своего сиденья навстречу пришельцам. Он усадил их рядом с собой, движением руки приказав освободить место за столом. Рога были вновь наполнены медом, слуги внесли круглые подносы, на которых горой высились огромные куски дичины, зажаренной на углях.

А Ангельм все перебирал и перебирал тонкими пальцами струны своей лютни. И песня его все звучала и звучала под то стихающий, то вновь нарастающий шум застольной беседы.

...И Всемогуший изгнал демонов,
Наказывая их за смерть Авеля.
И не все они, каиново отродье,
Поселились в аду,
А часть из них осела на земле,
Попряталась в лесах и болотах,
Приняв разные формы зла,
Сделавшись чудищами,
И гоблинами, и злобными великанами
Вопреки светлой воле Господа...

— О! — воскликнул, прерывая певца, тот, что казался капитаном прибывших моряков. — Хигеляк, славный король геатов! Твой мудрый бард коснулся в своем песнопении именно того, с чем мы прибыли в твою страну. Выслушай наш странный и печальный рассказ.

Говоривший устремил свой пристальный, зоркий взгляд бывшего моряка на Хигеляка и голосом грустным и взволнованным начал свое повествование.

— Слушайте меня, великий Хигеляк и все доблестное воинство! Вы, конечно, знаете о могущественных королях датчан, что в былые времена добывали победу всего несколькими взмахами своих острых мечей! А в недавние времена Хродгар, взойдя на датский престол, покрыл славой свое королевство. И молодые парни все захотели служить в его войске, и так велика сделалась королевская рать, что решил он построить

невиданный доселе пиршественный зал, чтобы мог этот зал вместить все доблестное воинство. Чтобы они, все вместе, могли праздновать свои победы, наполнив оправленные в серебро и золото рога, вспоминать свои ратные подвиги и привечать гостей, сколько бы их ни приплыло к датским берегам. И так огромен и великолепен этот зал, что нет ему в мире равных. Он даже, осмелюсь сказать, богаче и роскошнее, чем тот, где принимает нас сегодня радушный хозяин, господин наш, король Хигеляк. Король Хродгар над парадным входом прибил позолоченные рога могучего оленя, и свой пиршественный зал назвал Хеорот, что на нашем языке означает «Олень».

Сопровождавшие капитана мореплаватели согласно покивали головами, а тот продолжал свой рассказ, и невыразимая печаль звучала в его голосе:

— Но увы! Лучше бы крышей ему послужила раскидистая сосна, а столом пень от старого дуба, лучше бы стены, которые защищали бы его от морских ветров, были бы сплетены из простых ивовых прутьев...

В это время предупредительный слуга подошел и вновь наполнил рог говорившего медовым вином. Капитан отхлебнул из рога, но, не допив, глубоко задумался, продолжая держать его в руках.

— Почему же это? — спросил Хигеляк. — Разве обрушилась крыша этого прекрасного сооружения, или случился пожар?

— Ничего этого не случилось, король Хигеляк, — покачав головой, ответил капитан.

— Ну и слава Всевышнему! — отозвался король.

— Ты слышал, о чем пел твой бард? — отозвался капитан. — Зло прячется по темным углам и оврагам, в лесной глухомани и на дне зыбких болот.

— Ну и... — поторопил его Хигеляк, перестав улыбаться и устремив пристальный взор на капитана.

— И вот что скажу я тебе, славный король геатов. Даже королю в его веселье надо об этом помнить и остерегаться того, кто может в ночной черноте услышать радостный смех и победные гимны пирующих.

— Кто может услышать? — переспросил Хигеляк, и все сидящие за столом примолкли, словно прислушиваясь.

Однако снаружи не доносилось никаких звуков, кроме рокота разбуженных теплым весенним ветром волн.

Ты хочешь знать, кто услышал? — вскочив с места, чуть ли не прокричал капитан. — Грендель! Грендель — ночное чудище, человек-волк, Грендель — приносящий смерть. Таится он в самых глубинах прибрежных болот. Там он дремлет в зловонной гнилой темноте И смотрит свои темные, злые сны. Но звуки лютни, радостный смех и заздравные песни потревожили его сон. Нет для него ничего досаднее человеческой радости. Потому что убийца радости он по сути своей. Побрел он туда, откуда доносились ненавистные ему звуки. Шел по болотам, по бесплодной земле, поросшей бесполезным, сорным кустарником, и оказался у дверей прекрасного Хеорота. Двери стояли настежь, король Хродгар не привык осторожничать, да и зачем бы?

Примолкшие слушатели невольно стали кидать настороженные взгляды по темным углам, как бы вдруг испугавшись, не затаился ли там

тролль, или гоблин, или еще какой-нибудь дух зла...

— И Грендель двинулся прямо в зал, — устало продолжал рассказчик. — Он был полон ненависти к людям, к их радости и веселью. К тому времени пир уже затих, и люди Хродгара безмятежно спали, устроившись на мягких звериных шкурах. Грендель жаждал человеческой крови. Он напал на людей с такой быстротой, что никто не успел даже вскрикнуть.

Но, когда оставшиеся в живых проснулись на рассвете, Хродгар недосчитался тридцати своих танов, и только кровь на стенах да безобразные гренделевы следы в кровавых лужах поведали им страшную ночную повесть...

Слушатели сидели потрясенные, безгласные, безмолвные от ужаса.

— Злые вести приплыли к нашим брегам, — нарушил молчание Хигеляк. — О страшных делах поведал ты нам, капитан!

— И конца этим страшным делам не видно, — отозвался тот, залпом допив остаток хмельного меда и отложив в сторону рог. — Этот дух зла и смерти не знает утоления своей жажде злодеяний. Ни уговорить, ни умолить его нельзя, нет возможности купить его золотом или богатыми угодами. Злобный и кровожадный, бродит он, не зная ни сна, ни покоя. Жажда крови и мести людям за то, что они познали истинного Бога, владеет им безраздельно. Он убивает, кого только может, поэтому Хеорот опустел, и лишь таясь и прячась от Гренделя злополучные даны могут спасти свою жизнь.

— О, отважный Хродгар тоже должен прятаться? Никогда не поверю я в это! — воскликнул Хигеляк.

— О нет, — отвечал ему капитан. — Его защищает сам Господь, которого Гренделю не дано познать. Но Хродгар стареет, и сердце его не может превозмочь печали.

Из груди воинов, сидевших на длинных скамьях и, затаив дыхание, слушавших страшную повесть, вырвался печальный и сочувственный вздох. Охватившее их невольное оцепенение отпустило, они разом зашевелились, заговорили, зашумели.

Один из танов короля Хигеляка, высокий, мускулистый, светловолосый, устремил твердый взгляд своих серых внимательных глаз на капитана датчан пристальнее других слушателей. Точно рассказ моряка взволновал его душу сильнее, чем прочих. Это был сын сестры короля геатов, первый и лучший из его воинов, Бео вульф.

Он стремительно поднялся со своего места и решительными шагами направился к высокому резному трону, на котором восседал Хигеляк.

— Господин мой, — сказал он, прямо глядя в глаза королю Хигеляку, — я прошу твоего разрешения отправиться в плавание.

Он кинул быстрый взгляд на некоторых своих друзей: Вэгмунда, юного Хондсио, на Скаэфа; ему показалось, что при пляшущем свете факелов он читает одобрение в их глазах.

Хигеляк пристально посмотрел на блестящего воина и любимого племянника и, помедлив всего лишь одно мгновение, ответил:

— Я, может, и отпущу тебя, только прежде поведай, что ты задумал.

— Задолго до того, как я родился на свет, — отвечал ему Беовульф, — отец мой, Эдгето, убил одного человека из племени Вюльфингов. Опасаясь кровной мести этого могучего племени, он отправился вместе со своей молодой женой и немногочисленной дружиной бороздить моря и даже вынужден был заняться морским разбоем. Однажды шторм прибил его корабль к датским берегам, и при дворе Хродгара этот невольный пират нашел приют, а в лице самого короля обрел такого друга, какого редко можно встретить в беде. Хродгар не просто приютил моих родителей и меня, когда я появился на свет. Он заплатил Вюльфингам вергельд — выкуп — и помирил отца с этим воинственным племенем, а когда мне исполнилось шесть лет, помог нам вернуться к родным берегам. А теперь, как я вижу, Хродгар сам нуждается в надежном друге, и пришло мне время заплатить долги.

Хигеляк глубоко задумался. Тревога пробежала по его лицу.

— Беовульф, — наконец произнес он, — сын сестры моей, ты мне ближе и роднее всех, сидящих за этим столом. Сердце мое обливается кровью от одной мысли, что ты отправишься в это далекое и опасное плаванье. Кто знает, не грозит ли оно тебе гибелью. Но благородному тану надлежит платить долги. Что ж, собирайся в путь. Но помни, отсюда, с высокого утеса, пара нетерпеливых глаз будет вглядываться в горизонт, ожидая, когда там мелькнет парус твоего корабля, возвращающегося на родину.

Глава II

С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ — К ДАТСКИМ БЕРЕГАМ

Беовульф позвал с собой самых сильных и храбрых воинов. Всего числом четырнадцать, и пятнадцатый — сам.

Предзнаменования были добрыми.

И, не откладывая отплытие ни на день, он повел их по скалистой тропе к заливу, где на волнах покачивался стройный и изящный, с пестро раскрашенным драконом на носу, быстроходный военный корабль. Попутный ветер поспешил надуть их паруса. Боевые щиты, украшенные золотой чеканкой, поблескивали на улыбчивом весеннем солнце. Корабль скользил по волнам легко, точно веселый тюлень...

И очень скоро неусыпный страж, глядевший на море с высокого датского берега, заметил быстро приближающийся корабль. Он насторожился, приподнялся в стремени, прикрыл глаза ладонью. Сомнений быть не могло, это был военный корабль. Враги? Но почему тогда они не подбираются крадучись, как это обычно бывает? Их корабль с раскрашенным драконом на носу подплывает без страха, открыто. Вот уже и парус опал, обвис, потому что корабль движется между уступов фьорда в полном безветрии. Вот они уже выходят на берег, и блещут их кольчуги, и сверкают на солнце мечи. Ого! Вот они затаскивают по прибрежному песку свое судно носом на сушу, укрепляют его канатами, чтобы прилив не смог сдвинуть его с места.

Береговой дозорный Хродгара взял тяжелое копье наперевес, дал коню шпоры и, рискуя свернуть себе шею, ринулся вниз, к берегу. Камни посыпались из-под копыт его рослого, сильного коня.

Дозорный насчитал пятнадцать человек, возившихся возле корабля. Он приблизился к ним настолько, что слышал, как позванивают их серебряные кольчуги, до него донеслись слова одного из них:

— Воздадим хвалу Господу за благополучное плаванье!

Кстати, говоривший был на голову выше всех остальных, широкогруд, крепок. Его светлые волосы разлетелись по ветру, когда он снял свой на мгновение вспыхнувший солнцем шлем.

Дозорный осадил коня прямо перед ним и, грозно потрясая копьем, потребовал ответа, твердо, но вполне уважительно:

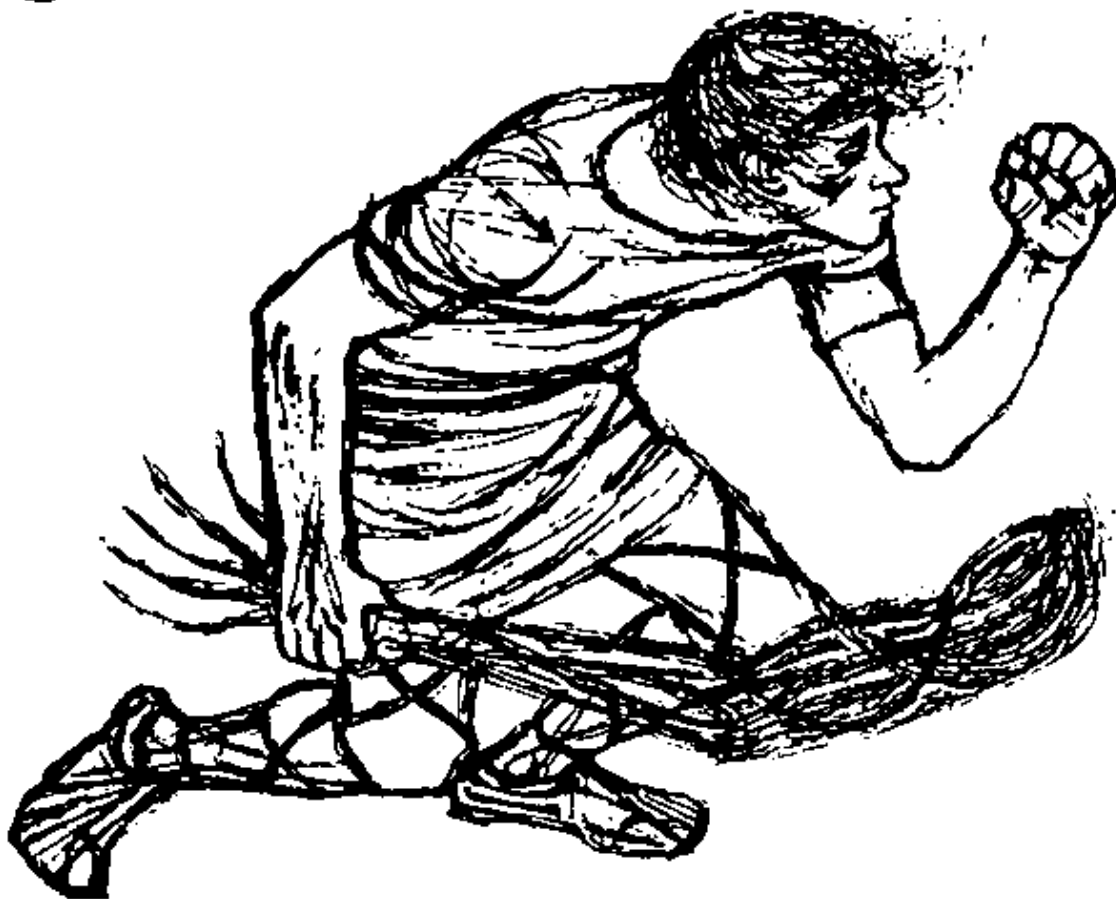
— Кто вы? Чьи вы воины, кому служите? Зачем ваш корабль принес вас по морской дороге сюда, к брегам моей родной страны? Знайте, что я охраняю этот берег столько лет, сколько вы еще пока не прожили на свете. Поэтому ни один враг, ни один разбойник, являвшийся, чтобы отнять наши жизни и завладеть нашим золотом, не топтал еще этой земли. Вы явились сюда не таясь и не скрываясь, однако ни один из вас не произнес пароль, не показал мне никакого знака от моего повелителя, короля Хродгара, или какого другого разрешения от датских военачальников, позволяющих причаливать к нашим берегам. Правду сказать, я никогда

еще не встречал мужа такой силы и такой красоты, как ваш предводитель! Его облик дышит благородством, если только вид его не обманчив.

Затем он обратился к самому Беовульфу:

— Скажи мне твое имя и имя твоего отца, и откуда вы все прибыли и зачем. И поскорее. Так будет лучше для всех нас.

— Не беспокойся, славный воин, — отвечал ему Беовульф. — Хотя мы и прибыли на боевом корабле, хоть ты и видишь на нас кольчуги и в руках мечи, мы не собираемся сражаться с твоим народом. Нас ждет совсем другая битва. При дворе короля Хигеляка (может быть, ты слышал об этом славном короле геатов) узнали мы о тяжком горе, постигшем Хродгара и его дружину. Знаменитый и мудрый Хродгар в беде, и вот мы здесь, чтобы помочь ему побороть зло. Непобедимого зла не бывает, потому что велик Господь, на которого мы уповаем.

— Это так, — согласно кивнул дозорный.

— Ты спрашиваешь, кто я? — продолжал предводитель прибывших геатов. — Зовусь я Беовульф. Я сын сестры короля Хигеляка. Со мной мои

верные воины, мои братья по оружию, в чьем мужестве и благородстве прошу тебя не сомневаться.

Дозорный, продолжая сидеть в седле, минуту или две, сощурившись, пристально разглядывал геатов. Он уже долго жил на свете и, пожалуй что, неплохо разбирался в людях... Затем он кивнул, как бы соглашаясь со своими собственными мыслями.

— Да. Так! — произнес он наконец. — Я старый воин и, сдается мне, могу различить, где просто пустая болтовня, а где дело. Я готов поверить вашим словам, и в ваших истинных чувствах к Хродгару я не сомневаюсь. Сколько уж пролетело лет, а следом и зим, а Хродгар и его воины все не могли дожидаться подмоги ниоткуда. Следуйте за мной, я укажу вам путь, что приведет вас к Хеороту.

— Повремени, — остановил его Беовульф. — Сначала надо здесь все уладить. Разве ты, старый воин, не помнишь, что в конце пути следует прежде всего позаботиться о лошади или о судне, на котором прибыл?

— Не тревожься, — откликнулся дозорный. — Мои люди позаботятся о твоём корабле. Они уберегут его от высокого прилива. И приберут на палубе и охранят надёжно. Скорее в путь. И коли вы действительно отважны и храбры, как кажется, то не заставите моего короля ждать вас хоть минутой дольше.

И, тронув поводья, он направил коня по узкой тропе, что вилась между густо растущими кустами орешника и дрока.

Люди двигались друг за другом в затылок, тропа была слишком узкой, чтобы идти рядом. Лошадь дозорного шла шагом. Воины следовали за ней, и кованые кольчуги на них тихонько позванивали. Тропа пошла вверх, к гряде скалистого фьорда. Сверху отчетливо был виден боевой корабль геатов, покачивающийся на волнах прилива. Какие-то люди уже копошились возле него. Отсюда, с высоты, они казались крошечными черными муравьями, а сам корабль казался греющимся на солнышке тюлененком. Серо-голубые волны перекатывались до самого горизонта, а там, за горизонтом, была родная страна, дом, славный их король Хигеляк, который верил в них и ждал их назад с победой и, возможно, с богатыми дарами.

Тропа неожиданно свернула вправо и тут же оборвалась, потому что дальше уже вела вымощенная камнем широкая дорога. Прищурившись, Беовульф увидел, что она ведет к возвышающемуся над прочими, более низкими строениями великолепному сооружению. В ярких лучах солнца оно казалось сказочным дворцом. А дорога производила впечатление нацеленной на него стрелы.

— Вон там находится Хеорот, — махнул в сторону дворца береговой дозорный. — Дорога приведет вас прямо к парадному крыльцу. Я должен вернуться на берег, мой долг призывает меня нести дозорную службу. Но вы уже не собьетесь с пути. — И, заметив, как какой-то невысказанный вопрос мелькнул в глазах у Беовульфа, поспешил заверить его: — Не тревожьтесь о своем корабле, за ним присмотрят не хуже, чем вы это сделали бы сами.

И не говоря больше ни слова, он развернул свою лошадь и быстро пропал из виду в зарослях орешника и дрока. Беовульф и его спутники двинулись вперед.

Дорога пошла чуть под уклон, удаляясь от каменной гряды фьорда. Затем она двинулась через зеленые пастбища, на которых паслись стада коров и табуны лошадей, а после повела их ячменными полями, на которых изумрудом отливали дружные, уже сильно подросшие всходы. А за полями виднелись людские поселения. Возле домов играли ребяташки. Тут же вертелись собаки и в лужах валялись домашние свиньи. Женщины, занятые всякими хозяйственными делами — кто в ступах растирал зерно, кто накручивал пряжу на веретено, — поднимали глаза, с недоумением провожая взглядом чужестранцев.

Сейчас, при ярком свете дня, ничто не наводило на мысль об ужасах, рассказанных мореплавателями при дворе Хигеляка.

Все казалось таким мирным, таким спокойным.

И вот они уже почти поравнялись с Хеоротом. Пиршественный зал короля Хродгара точно взметнулся к небу. Все пятнадцать без смущения поднялись на парадное крыльцо, над которым были прибиты вызолоченные рога огромного оленя. В дверях их встретил один из танов короля Хродгара. Так же как и дозорный на берегу, он задал им те же самые вопросы:

— Кто вы, чужеземные воины? Зачем вы прибыли в военном облачении, как добрались сюда и что вы ищете здесь, на пороге знаменитого пиршественного зала короля Хродгара?

Воины Беовульфа расположили свои закаленные в боях щиты рядами вдоль наружной стены. Лесом выросли прислоненные к стене ясеновые с железными наконечниками копья. Пришедшие присели на гостевую скамью, стоящую на широком крыльце. Между тем приближенный короля продолжал вопрошать:

— Откуда у вас эти украшенные золотом щиты? Эти серебряные кольчуги и шлемы и великолепные копья, которыми вы устали всю стену?

Беовульф отвечал ему:

— Что до того, кто мы есть, то я племянник короля Хигеляка, сын его родной сестры. Со мной мои верные воины, мои братья по оружию. А для чего мы здесь — мы об этом поведаем самому королю, потому что именно его касается то дело, с которым мы прибыли в ваши края. Приветствуй славного короля данов от нашего имени и спроси, выразит ли он желание говорить с нами.

— Что ж, — отвечал им тот, которого звали Вульфгар. Он, кстати сказать, был высокого рода и известен как храбростью своей, так и мудростью необычайной.

— В вас вижу я благородную повадку, — продолжал он. — Я доложу нашему доброму королю и вернусь к вам с его ответом.

С этими словами Вульфгар поспешил к Хродгару, восседавшему во главе стола в окружении своих приближенных. Подождав, пока король обратит на него внимание, он произнес:

— Там, на крыльце, — геаты, прибывшие из-за моря, преодолевшие пространство волн и бурь. Ведомы они неким воином по имени Беовульф. Они ждут твоего разрешения предстать перед тобой и поведать тебе о цели своего появления, о славный король наш! Коли мне будет позволено подать совет, я думаю, прими их и позволь им говорить. Они выглядят храбрыми воинами, и оружие их таково, что им владеют люди кровей благородных. Это не какие-нибудь бродяги. А Беовульф, их предводитель, видно, что могучий воин, сильный и мудрый.

Король кивнул. И тут же Вульфгар ввел в зал геатов, знаком приказав до поры оставить оружие на крыльце.

Поистине великолепным и неподражаемым показался пришедшим Хеорот, пиршественный зал короля данов Хродгара. Пол был выложен широкими отполированными разноцветными каменными плитами. Стены были украшены оружием и искусно вырезанными из моржовой кости белоснежными украшениями. В зале пылали целых три очага, и дым от них устремлялся к потолку, находя свой путь в небеса. За длинными столами сидели воины Хродгара. На столах высились груды золотистых овсяных лепешек и ароматного дымящегося мяса. В руках у каждого — по рогу в серебряной оправе, наполненному хмельным медом. Сам король — широкоплечий и седовласый — восседал на возвышении в самом дальнем конце стола, так что геатам пришлось пройти через весь зал. Шум голосов утих. Все замерли, глядя на пришедших. Король, облокотившись о резные подлокотники, не сводил глаз с самого высокого из геатов, с гордо поднятой головой остановившегося перед его тронном.

Глава III

ТЕНЬ СМЕРТИ ПО НОЧАМ

Беовульф тут же угадал в старом короле давно забытые черты, которые отражали одновременно и твердость характера, и спрятавшуюся за этой твердостью сердечную доброту. Однако знакомые черты к тому часу поблекли и увяли. Щеки избороздили глубокие морщины, на лице лежала печать печали. Борода, спадавшая на шитый золотом нагрудник, была совсем седой.

— Так вот каким ты стал! — воскликнул король. — Я помню тебя ребенком, не выше холки Гарма, любимой моей собаки. Я помню Эдгето, отца твоего, женатого на единственной дочери славного короля Хретеля, который был отцом и Хигеляку, геатов мужественному королю. И хоть тебя, о Беовульф, не видел я годов немало, узнал бы я тебя и среди сотни воинов! Что, однако, привело тебя сюда, какой волной прибило к берегу? Уж не убил ли ты, как твой отец в былые годы, кого-нибудь из Вюльфингов и мести их избежать хочешь, или надо помочь тебе с выкупом, сын мой? Как вообще ты жил все эти годы, поведай мне и воинам моим.

Беовульф поклонился Хродгару, а за ним отвесили поклон и его спутники.

— Приветствую тебя, король и отец датчан! — торжественно произнес Беовульф. — Ты спрашиваешь, как я жил? Что ж, юность я свою провел в битвах и не без славы. Но вот в наших землях эхом пронеслось поганое имя Гренделя. Заезжие мореходы поведали нам о Хеороте, самом прекрасном пиршественном зале, какие существуют и существовали на земле. Рассказали они и о том, что становится это дивное сооружение совершенно бесполезным, как только на землю опускается темнота. И не только бесполезным, но и опасным. Потому что, говорят, по ночам тут у вас бродит тень смерти.

— Или, лучше сказать, сама смерть, — тихонько проговорил кто-то из датчан, стараясь не прервать речи славного геатского воина.

— И вот люди мои, вернее, лучшие и мудрейшие из них, сказали, что долг мой призывает меня ринуться на помощь Хродгару, доброму и могучему королю данов. Почему они назвали именно меня? Ведь не все знают, что ты, король, в свое время спас моего отца от мести яростного рода Вюльфингов и дал за него выкуп.

— Тогда почему же? — спросил Хродгар-король.

— Потому, что они сами, и не раз, могли убедиться в том, насколько я силен. Потому что они сами видели, как многожды я возвращался из темных глубин страшных битв, и кровь, которая капала с моих рук, была кровью моих врагов. Пятерых кровожадных чудовищ—великанов изрубил я на кусочки и думал уже, что удалось мне смести весь их подлый род с лица нашей прекрасной земли. Но еще и морские чудища вызывал я со дна и убивал их, одно за другим. Освободить род людской от всей этой нечисти было призванием моим. Видно, призвал меня к этому сам Господь. А теперь — Грендель! Я должен сойтись с ним в смертельной схватке, вот почему я здесь!

Легкий шепоток пробежал по рядам датских воинов, но никто не решился вмешаться в беседу Хродгара и его знаменитого гостя.

— Прошу тебя, опора и надежда всех данов, выполни всего одну мою просьбу, — продолжал Беовульф, по-прежнему стоя перед Хродгаром с гордо поднятой головой. — Я пересек бурное море, рискуя жизнью, я проделал вместе с моими воинами такой дальний путь, что, право же, я заслужил это.

— О чем же ты просишь, скажи яснее, — повелел Беовульфу Хродгар.

— Я прошу тебя вот о какой милости. Позволь мне и моим воинам, нам и только нам, освободить тебя и весь твой народ от смерти, являющейся сюда по ночам.

— Но как же... — начал было Хродгар.

— Прости, но я еще не договорил, — осмелился перебить его Беовульф. — Я слышал, что Грендель так презирает весь род людской, что не пользуется никаким оружием, да и не боится ни копья, ни меча. Что ж. И я не убоюсь ничего и вооружаться также не стану. Думаю, что государь мой Хигеляк был бы невысокого мнения обо мне, коли мой меч двинулся бы туда, куда моя нога боялась бы ступить. Пусть мои руки постоят за мою жизнь. И пусть Господь рассудит, кому должно достаться ледяное объятие смерти. Грендель, я полагаю, поступит по своему обычаю: проникнет в Хеорот, чтобы набить свою утробу нашими телами. Если, конечно, сможет. Если сможет, говорю я. Но если вдруг пробьет мой час, я думаю, вам и хоронить будет некого. Грендель уволочет наши бранные останки в свои зловонные болота. Вам, данам, саваны для нас шить не придется. И если вдруг вправду так случится, то отошлите Хигеляку мое оружие. Это наследство, полученное мной от деда. Но пусть, однако, судьба так развернется, как она сама судила.

— Что ж, посмотрим, какова будет воля Всевышнего, — вздохнув, сказал Хродгар. — Я знаю, Беовульф, что ты явился к нам, побуждаемый добрым чувством дружбы и в благодарность за тот прием, который твой отец когда-то получил при нашем дворе. То, что случилось с Эдгето, твоим отцом, грозило бесконечной и непримиримой враждой. Он убил Хатлафа, воина Вюльфингов. Но геаты страшились войны, которая неизбежно бы вспыхнула, вернись твой отец на родину. Поэтому ему не было туда пути, его сограждане все равно бы прогнали его. И тогда он повернул свой корабль, направив его к датским берегам. В то время я только-только вступил на трон, еще совсем молодым человеком. Я заплатил за Эдгето, купив ему прощение: послал я Вюльфингам старинные сокровища, а Эдгето обещал мне твердо больше не начинать вражды.

Хродгар помолчал немного, устремив взгляд куда-то в пустоту.

— Язык мой тяжелеет и немеет, и сердце разрывается на куски, как я подумаю о том, скольких прекрасных воинов унес проклятый Грендель. Ты посмотри, видишь, сколько за моим столом теперь пустует мест! А ведь какие были храбрецы! Мечи их были продолжением руки! Отвагой бились их сердца. Не хотели они покидать на ночь Хеорот. А наутро... Наутро, как только заливало солнце все своим янтарным блеском, так в каплях крови отражался этот блеск, и воинов моих становилось все меньше числом, все меньше... Но что это я? Забыл законы гостеприимства? К столу садитесь, гости дорогие! Друзья, освободите для Беовульфа и всех прибывших с ним почетные места!

За столом вновь стало шумно, пирующие усадили геатов на почетные скамьи, приветствуя их радостно, потому что с их появлением мелькнул у каждого из присутствующих луч надежды. Все повеселели. Все, кроме одного.

Унферт, сын Эгклафа, любимый шут короля, который вечно был при Хродгаре и старался не отойти от него ни на шаг, нахмурился, затуманился взор его. Зависть ужалила его в самое сердце. Был он по сути своей человеком недобрым, завистливым и злоязычным. Тщеславие съедало его, и всегда хотелось ему быть на виду, и красоваться, и вызывать улыбки одобрения и восхищения. Он подождал, пока утихли возгласы приветствий и даны успели осушить за здоровье прибывших по полному рогу пенного медового напитка. Тогда поднялся он и, насмешливо глядя в глаза высокому и статному предводителю геатов, сказал с издевкой:

— Ага! Ты тот самый Беовульф, тот истинный глупец, хвостун несносный, который в юности затеял состязаться с Бреккой, сыном

Бенстана, кто дольше проплывет в ледяных волнах? Ха-ха-ха! Решил похвастаться, рискуя жизнью! И ради чего? Ради какого дела? А просто так, ради самого хвастовства! Хотя тебя предупреждали те, кто был и старше и мудрее! Ну и чем кончилось твое хвастовство? Тем, что ледяные волны таскали тебя по морю семь долгих дней и семь долгих ночей, так что ты еле выжил. Сын Бенстана, Брекка, победил тебя в этом состязании. Так что не хвастай, бывает, счастье и тебе изменяет. Не стоит ли тебе поопасаться и не вызывать на бой самого кровавого из демонов, когда-либо существовавших на свете?

Беовульф усмехнулся и ответил ему незлобиво:

— Дружок мой, Унферт, твое лицо пылает от выпитого пенного меда, а язык твой не слушается доводов холодного разума. Ты попытался рассказать нам здесь о Брекке, сыне Бенстана. Но правды ты сказать не захотел. А правда проста, знаешь ли, очень проста, и заключается она в том, что ни один человек не может сравниться со мной в выносливости на волнах. Да, когда мы с Бреккой были еще безрассудными мальчишками, мы решили, что рискнем своими жизнями и отправимся по морю вплавь. В руках у каждого из нас, к тому же, должен был быть обнаженный меч, на случай встречи с разъяренным тюленем или острозубой рыбой-иглой. Брекка никак не мог сравниться со мной в скорости, и поэтому целых пять дней и ночей я плыл рядом с ним, чтобы не бросать его одного. Но тут сильное течение разъединило нас. Ветер исполнился небывалой ярости, шквалами налетая с севера, шторм потревожил опасных чудовищ, дремавших на дне. Один из этих монстров схватил меня, вонзил свои острые когти в мое тело. Но Господу было угодно, чтобы, извернувшись, я сумел ударить мечом прямо чудищу в сердце и тем самым спасти свою жизнь. Судьба благоволит к тем, кто всеми силами тоже старается отогнать от себя смерть! Затем понемногу добрался я до финских берегов. И знаешь, Унферт, ни разу не слышал я о тебе ничего такого, что говорило бы о твоих геройствах, кровавых битвах и сражениях, из которых бы ты вышел победителем. И ничего такого никогда я о себе не рассказал, что было бы неправдой и чистым хвастовством. А ты? Быть может, надеешься ты скрыть, что отправил самолично на тот свет своих обоих братьев, чтоб одному завоевать сердце вашего короля, ни с кем не разделив его привязанности? Быстрый ум и острый язык не спасут тебя, дружище. Душе твоей гореть в геенне огненной, поверь мне. И вот еще что я хотел бы сказать тебе. Не думаешь ли ты, что если б был ты и умен и силен, то допустил бы, чтоб Грендель унес так много славных жизней и разорил бы Хеорот, заставив сердце Хродгара страдать и обливаться кровью. И тогда

такому дураку, как я (как ты меня назвал), нужды бы не было высаживаться с дружиной храбрых воинов на датских берегах. Но Грендель понял, что безраздельно он может наводить ужас и убивать себе на радость, кого захочет. Чем ты тут помог своему королю, Унферт, сын Эгклафа, желающий опозорить меня перед лицом короля и уличить в пустом бахвальстве? Геаты покажут вскоре этой кровожадной гадине, на что они способны.

Хродгар с радостью и надеждой внимал этим речам. И все воины его с улыбкой не сводили глаз с Беовульфа.

И посрамленный Унферт понял, что все симпатии — на стороне пришельца.

— Ха-ха! — завертелся он волчком на полу, у ног короля. — Хорошо быть храбрым воином, но надо ведь и шутки понимать. Я тебя нарочно раззадорил, геат высокородный!

Но перевести в шутку свои недобрые речи он не сумел. Никто даже не улыбнулся его выходке. Беовульф вновь занял свое место на скамье, взял в руки рог и осушил его одним глотком. Тут за тяжелой занавеской послышались женские голоса и тихий смех. Занавеска дрогнула, и в зале показалась Велтеов, королева, в пурпурной мантии, темноглазая и темноволосая, в головном уборе из чистого золота, держа в руках большую золотую чашу.

Беовульф не был с ней знаком, потому что она была второй женой рано овдовевшего Хродгара, но по одеждам, драгоценным уборам и горделивой осанке он сразу догадался, что это нынешняя супруга короля. Мужчины, бывшие в зале, приветствовали ее радостными возгласами. В сопровождении прислужниц, несущих за ней украшенный драгоценными камнями сосуд, она прежде всего подошла к королю и протянула ему золотую чашу, желая ему хорошо и весело провести время за пиршественным столом. Дальше она двигалась от воина к воину, предлагая каждому глотнуть из золотой чаши, которую следовавшие за ней женщины постоянно наполняли. Когда подошла очередь Беовульфа, то королева, приветствуя в его лице все|; прибывших с ним геатов, сказала:

— Великий принц геатов! Я благодарю Господа за то, что Он услышал мои молитвы, удостоил меня поднести чашу с пряным вином тому, кто, я уверена, освободит мой истерзанный народ от страшного чудовища.

Осушив чашу, Беовульф ответил ей так:

— Я знаю твердо, королева, что или заслужу любовь датчан, или погибну в жестокой схватке с Гренделем. Иного не дано.

Королева милостиво ему кивнула. Ей понравился ответ Беовульфа. Женщины удалились. А вскоре, как только солнце устремилось к горизонту, встал со своего резного трона и Хродгар. Сон уже начинал туманить взор его все еще зорких глаз. Он точно знал, что Грендель явится в Хеорот, лишь ночь накроет землю черной своей сетью и черные тени безмолвно расползутся по земле. Воины Хродгара поднялись вслед за ним. Король подошел к вождю геатов, сердечно обнял его за плечи.

— Никому когда-либо вступавшему на эту землю, — сказал он, — не оказывал я такой чести. Но тебе я говорю: «Будь в Хеороте, как дома у себя. Считай его своим. Освободи его от нечисти. И тогда корабль твой вернется к родным берегам, просев до самой палубы от нагруженных на него даров».

Глава IV ***КРОВАВОЕ СРАЖЕНИЕ***

Сопровождаемый всеми своими воинами, домочадцами и слугами, Хродгар удалился вслед за своей супругой в опочивальню. Геаты закрыли двери Хеорота на все замки и засовы, хотя и знали, что это их не сможет защитить от Гренделя. Разве что минутой раньше они узнают о его приходе, когда он начнет ломиться в двери.

Все воины-геаты устроились на лавках на ночлег. Беовульф, стоя у своей постели, воскликнул:

— Грендель не сильнее и не храбрее меня! Что славы было бы мне заколоть его моим мечом? Нет! Я его встречу безоружным. Так сердце его скорее дрогнет, если увидит он, что жду я его без страха. И пусть рука Господня в неизъяснимой мудрости Его протянется и поможет тому, кого найдет достойным!

С этими словами отважный вождь геатов опустил голову на подушку. Рядом с ним расположились его воины, готовые в любой миг вскочить и по первому же знаку ринуться на врага. И каждый из них был убежден, что наступающая ночь в его жизни — последняя, что не судьба ему вернуться домой и встретиться с любимыми детьми, женой, друзьями, увидеть снова островерхие крыши знакомых городов. Каждый думал о датских воинах, чьи жизни уже похитил Грендель как раз тут, в Хеороте, где по доброй воле в эту ночь расположились не даны, а они, геаты. Беовульф лежал без сна, прислушиваясь, поджидая. Ему не терпелось

скорей схватиться с врагом, и одновременно его охватывала ярость при одной мысли о Гренделе.

А тем временем от подножья окутанных туманом холмов, из глубины смрадных болот шел кривыми тропами Грендель, пробирался к прямой мощеной дороге, чтобы, как всегда, дойти до Хеорота в полночь. Правда, давно уже там он не встречал поживы.

Он шел широкими, неслышными, быстрыми шагами к сияющему Хеороту. Огромный, черный, страшный. Дошел и дернул дверь.

Дверные запоры взбесили его, и, навалившись плечом, он вырвал дверь «с мясом».

Эти люди посмели запирались от него! Он им покажет! Он прыгнул за порог.

А! Люди! Здесь, точно, люди! Он протянул свои лохматые, когтистые ручищи и во мгновение ока схватил того, кто расположился на ночлег с краю. И разодрал его как цыпленка.

И, захлебываясь, стал пить теплую, живую человеческую кровь. Напившись, он швырнул разодранное тело наземь и протянул руку, чтобы снова схватить другого воина.

Но его руку перехватила другая рука.

И Грендель понял, что она не слабее его собственной. Его поганую черную душу уколол страх. И что-то ему даже подсказало, что лучше бы убраться назад к себе в болото — так было бы надежнее. Однако ему пришлось понять, что этой ночью он попал в совсем другой Хеорот, чем тот, который опустошал и обаграл горячей кровью людей, пред ним ни в чем не виноватых. В его глазах, зелено-мутных, как те болота, где он жил, мелькнул ужас. Такой же ужас, какой он до сих пор поселял в человеческих сердцах.

А Беовульф сжимал его когтистую руку все сильнее и сильнее, и уже затрещали у чудища кости.

Отвратительный монстр боролся теперь уже не за чужую плоть и кровь. Он просто жаждал свободы, но никак не мог вырваться. Он понял, что попал в ловушку.

Хеорот сотрясаясь, когда в жаркой схватке эти двое ударились о его стены. Даны, ожидавшие событий вне Хеорота, дрожали от ужаса.

Но прекрасный Хеорот был так дивно построен, что какая бы битва ни происходила внутри, стены его не рушились. Падали со стуком скамьи, срывались со стен прекрасные украшения из резного дерева, слоновой кости и золота. Но постепенно звуки битвы сменились другими звуками, и новый ужас охватил датчан: кричал от боли враг людей и Бога — Грендель. Беовульф намеревался держать чудовище и не выпускать из рук, пока монстр не испустит дух.

Все воины-геаты обнажили свои мечи и были готовы разом ринуться на защиту своего вождя.

Но это было бесполезно.

Грендель, это сатанинское отродье, сумел так заколдовать все человеческие мечи, и копья, и кинжалы, что они не могли принести ему ни малейшего вреда. Прикоснувшись к его омерзительной шкуре, они становились мягкими, как воск.

И все же время его кончилось, и дни его иссякли, и смерть его была близка. И тут он понял, что значит вести войну со Всемогущим Богом. В этой войне победы не бывает. Силы начали оставлять Гренделя. Боль была нестерпимой. Он выворачивался и вырывался из последней мочи. Тут кости его затрещали, мышцы разорвались, рука выдернулась из плеча. Ночной убийца был на Свободе.

Оглашая окрестности воплями и стонами, он скрылся в темноте. Смерть его шла за ним по пятам, потому что рана его была смертельна.

Беовульф тяжело опустился на сломанную скамью, ловя ртом воздух, пытаясь выровнять дыхание. Его воины столпились вокруг него, один за другим зажигая факелы от все еще тлеющих в очагах углей, с изумлением уставившись на нечто, что лежало у Беовульфа поперек колен. Один из воинов, по имени Вэгмунд, сказал:

— Хоть бы и демон, а не человек, все равно с такой раной он не проживет и дня.

— Во всяком случае, наш бедный погибший Хондецио не остался неотомщенным, — заметил Беовульф. — Давайте прибьем этот трофей к стене. Пусть все смотрят, как удалось мне, безоружному, вырвать руку из плеча этого мерзкого чудовища. По крайней мере, кое-кто не скажет уже, что мы бахвалимся попусту.

И полные восторга, с чувством одержанной победы, они пригвоздили мерзкую ручищу к потолочной балке как раз над резным креслом короля.

Первый луч солнца пробежал уже по поверхности мрачных болот, когда смертельно раненный монстр добрался наконец до своего обиталища.

Вскоре и датчане, пробудившись, поспешили к Хеороту. Кто б мог надеяться! Их встретил Беовульф, живой, хоть в шрамах и царапинах от мерзких когтей. Со священным ужасом взирали они на страшную мохнатую ручищу, длиной, пожалуй что, в три человеческих руки, с когтями дикого зверя на пальцах. Даже и сейчас всем казалось, что когти эти вот-вот вопьются в дерево потолочной балки.

Некоторые из данов оседлали лошадей и двинулись по кровавому следу, который оставил Грендель, пока не доскакали до непроходимых болот. Вода там бурлила и кипела зловонной кровью монстра.

Тем временем оставшиеся приводили в порядок пиршественный зал, вместе со слугами отмывая кровь со стен и ставя новые скамейки, заменяя украшения на стенах.

А иные, начав уже праздновать, устроили скачки или боролись друг с другом, а королевский скальд бродил по саду между деревьев, сочиня хвалебную песнь в честь Беовульфа.

Наконец и король Хродгар появился, а с ним и его королева. Им все подробно поведал сам Беовульф, что и как было этой отчаянной ночью.

— Я думал, что смогу повалить его на лавку и буду душить до тех пор, пока черная душа его не покинет тела. Но он все же смог вырваться от меня, такова сила его невероятная. Но вы сами видите — долго он не проживет.

Хродгар пристально, в полном молчании, смотрел на страшный трофей. Потом медленно произнес:

— Да, долго он не проживет... Сколько горя мы видели из-за него здесь в Хеороте, который был построен для одной только радости.

— Горе больше не вернется, и радость поселится в Хеороте навсегда, — уверенно ответил Беовульф.

— И все благодаря тебе! — с жаром воскликнул Хродгар. — Будь твой отец жив, он должен был бы гордиться. И если жива твоя мать, то она может вознести благодарственную молитву Отцу нашему Небесному, за то, что даровал ей такого сына. С этого дня и я тебя буду считать своим сыном, и нет такого, что бы я дал своим сыновьям, а тебе бы в этом отказал. Все, что захочешь, можешь у меня просить — отказу не будет.

И вот уже кипят приготовления в зале, все разбитые столы и скамьи заменили, и женщины из сундуков достали и повесили новые вышивки, где золотом были расшиты никем не виданные диковинные птицы со змеиными хвостами, и все факелы были зажжены, и пир готовился такой, какого еще никогда не видывали стены Хеорота.

И когда пир был в самом разгаре, Хродгар сказал, обращаясь к своим воинам:

— Ну а теперь час настал, друзья мои, одарить дарами геатов. Они их доблестно заслужили.

И все тут же поднялись со своих мест, и вышли, и вернулись с богатыми приношениями.

Король Хродгар, прославленный сын Хельфдана, подарил Беовульфу шитый золотом стяг — в качестве знамени его победы. К тому же он преподнес ему шлем, и тончайшую кольчугу, не толще кожи лосося, и старинный меч. Но и это было еще не все. Вслед за этим король, опора и надежда всех датчан, повелел привести восемь белых лошадей. У каждой лошади была золоченая уздечка. А одна из них была под боевым седлом, украшенным изумрудами. Это было королевское седло. В него усаживался Хродгар, отправляясь на битву. И всегда возвращался обратно — цел и невредим.

Затем хозяин Хеорота приказал принести ценные дары каждому из спутников Беовульфа, старинное воинское облачение и оружие, еще и выкуп в золотых монетах за того геата, который был убит Гренделем.

Тут пир начался такой пышный, такой великолепный, какого не видел даже славный Хеорот.

И появился бард короля, и заиграл на лютне, и спел хвалебную оду в честь победителя страшного монстра:

И день пришел.
И ночь пришла.
Сгустились тени.
Стали черной мглою.
Явился тот, кто с Господом самим
В разладе вечном,
Убийца радости,
Людей губитель,
Неодолимый, страшный,
Похитивший так много жизней,
Что вскоре был бы счет потерян,
А небо почернело бы от копоти
Костров погребальных.
Но тут явился
В сиянье славы Беовульф
Трижды великолепный,
И славная дружина вместе с ним.
И в поединке страшном,
Кровавом и смертельном
Он победил чудовище.
Кто станет сомневаться,
Что Бог в Его непреходящей мудрости
Держит землю в Своей ладони!
И воздаст за мужество и верность.
Победою и славой одаряет.
Будь бесконечно на земле и на морях
Прославлен, Беовульф!

Глава V

СНОВА УЖАС И СМЕРТЬ

Пир длился и длился, казалось, целую вечность. Все вместе — воины Хродгара и воины Беовульфа в этот день наелись как короли. Рога, оправленные в серебро и золото, то и дело наполнялись пенным медом. Казалось, печаль и горе покинули всех навсегда. И страх растаял. И успокоились сердца. О чем тужить, чего бояться? Ведь Грендель, страшный, кровожадный монстр, — мертв. Его поганая кровь вытекла

через рану, вскипела и свернулась в смрадном его болоте. Господь творит Свои чудеса несчетно, держа весь мир в руке Своей и взирая на него недреманным Оком!

И не знали они все, и не догадывался никто из них, что час окончательного торжества еще не настал. Но человеку не дано знать, что с ним случится, так уж устроено промыслом Божиим...

Настала ночь. Король и королева удалились в свои покои. Удалились и геаты, уставшие от страшной ночи накануне. А воины—датчане остались, как в былые благостные времена, в Хеороте на всю ночь. Каждый расстелил свою постель, в изголовье прислонив к стене золоченый щит и повесив над головою шлем. Копья выстроились рядами, точно мгновенно выросший лес. А тонкие кольчуги, выкованные искуснейшими мастерами, так и оставались надетыми на них. Это соответствовало обычаю данов — быть готовыми к битве в любой час, в любую минуту, в любую секунду, по первому же зову короля. В эту ночь они заснули спокойно и глубоко. За этот глубокий сон одному из них придется заплатить своей жизнью...

...В глубинах темных болот, там, где бродят черные тени и клубятся злые туманы, страшная мать Гренделя поджидала сына. Дождавшись его, покалеченного и умирающего, задумала она месть. Была она такой же кровожадной, как сын ее, таким же исчадием ада, с одним только отличием: ей было дано любить. Она любила своего сына. И поэтому была еще страшнее. Он просто убивал. Она жаждала мести.

Откуда взялись они, эти чудища, эти страшилища, эти мерзкие твари? Как попали они в эти смердящие болота, зеленые, как ядовитая плесень? Старые люди говорили, что произошли они от Каина, убившего своего единственного брата, сына своего отца. Что будто от него пошло это проклятое племя, отвергающее Отца Небесного и отвергнутое Им.

И вот поднялась со дна эта страшная мать страшного монстра и достигла Хеорота, где мирным сном спали датские воины.

Услышав ее тяжелые шаги, вскочили они на ноги, схватив в руки мечи и щиты, во мгновение ока защитив головы шлемами.

Не желая вступать с ними в битву, мать Гренделя схватила одного из них и, перекинув его через плечо, умчалась назад, в свои болота, крепко держа когтями добычу. А добычей ей стал Эшер, самый близкий друг и советник короля. Наутро король, узнав о случившемся, весь дрожа от горя и гнева, приказал позвать к себе Беовульфа.

Даже не догадываясь о ночной трагедии и хорошо выспавшись, Беовульф, проснувшись, первым делом подумал о том, как он пойдет к королю Хродгару и спросит его:

— Все ли спокойно? Мирно ли прошла ночь?

Но когда они свиделись, Хродгар ответил ему:

— Нет данам ни спокойствия, ни счастья. Нет больше на свете Эшера, старшего брата Эрмлафа, друга и товарища моего, чьим советам я доверял больше всего, с которым мы плечом к плечу бились с врагами. О, эта проклятая ведьма, она мстит нам за твою победу над ее кровожадным сыном. Годами он терзал моих людей. И вот явился ты, и за одну ночь его не стало. Где теперь эта страшная тварь, терзающая тело друга моего любезного, пьющая его кровь?

Люди говорили мне, что видели они не одного, кого называли они Гренделем, а двух чудовищ. И вроде бы та, вторая, была похожа на женщину.

Где нам искать ее? Я слышал, что живут чудовища и нелюди в тайных местах, где ветры бродят между скал, в волчьих логовах, где сбегаящая с каменных уступов вода находит путь под землю. А там, под землей, клубятся черные туманы и странные деревья поднимают свои ветви прямо из воды болотной, и покрыты они бывают льдом нетающим, и корни их в болотной жиже выются змеями. А по ночам освещается болото изнутри каким-то странным, красным светом, и дна его никто еще не мерил. И если охотники из лесу выгонят оленя и собаками его затравят, то зверь скорее примет смерть, чем ринется вперед, к болотам этим страшным. И вся надежда наша снова — на тебя, о Беовульф, сын Эдгето! Где прячется мать Гренделя — найди ее, если решишься, если посмеешь! К ногам твоим лягут горы золота и древних сокровищ, если выиграешь ты и эту битву!

Беовульф отвечал королю так:

— Пусть утихнет твоя печаль! Для каждого из нас бывает лучше, когда мы за своих друзей мстим, а не оплакиваем их до своего последнего часа. Все мы смертны, и час пробьет для каждого из нас. Крепись, сильнейший в этом королевстве! Вставай! Отправимся с визитом к этой даме-монстру. Я обещаю тебе: нигде не найдет она убежища, ни в какой норе под землей, ни на дне самого глубокого озера. Потерпи еще один только день. Большого я у тебя и не прошу.

В ответ на эти речи престарелый король, точно юноша, быстро поднялся на ноги, благодаря Бога за то, что он только что услышал.

Королю подвели его оседланного коня. Он тронул поводья. Конь двинулся в путь. Следом за королем шли оруженосцы. Беовульф не отставал от Хродгара. Вся его дружина неотступно следовала за ним.

Сначала следы чудовища привели их в лес, затем потянулись к скалистым холмам и снова — вниз, по узеньким и скользким тропам, по которым никто из них ни разу не хаживал. Затем они поравнялись с купами каких-то странных, мрачных деревьев, а внизу... внизу разливалось озеро, вода в нем была кроваво-красной и точно кипела. Все задрожали от ужаса, хоть и были испытанными воинами и людьми не трусливого десятка: на скале, нависшей над самой водой, лежала окровавленная голова Эшера.

Отважные воины протрубили в боевые рога и обнажили мечи. В бурлящей воде, точно в кипящем котле, извивались змеи, какие-то еще неизвестные, фантастические чудища.

Беовульф прикрепил к поясу свой меч. На нем была кольчуга, которая смогла бы защитить его от когтей той, которую он жаждал отыскать. Подаренный Хродгаром, прекрасный старинный шлем обережет его голову, когда он опустится туда, на страшную глубину, к зыбучим пескам на дне.

Но тут вдруг заговорил Унферт, приближенный короля и его шут, не разлучающийся с ним никогда.

— Возьми-ка лучше мой меч, Беовульф, — сказал он. — Люди зовут его Хрунтинг. Его клинок пропитан древним ядом и закален кровью в боях. Он еще никогда никого не подвел, и тот, в чьих руках он находится, всегда одерживал победы.

Беовульф перевел испытующий взгляд с лезвия на Унферта, потом снова — на поблескивающий серым клинок. Странно. Унферт, который насмехался над ним и оскорблял его, сейчас выглядел и доброжелательно и серьезно. На лице его читалось искреннее раскаяние. Беовульф колебался только одну минуту.

— Благодарю тебя, друг, за то, что ты хочешь одолжить мне свое оружие, — сказал он, отстегивая свой меч и отдавая его одному из геатов. — С Хрунтингом я наверняка одолею эту женщину-волчицу. Или уж больше никогда не поднимусь со дна.

Затем он повернулся к королю.

— Хродгар, повелитель данов, — взволнованно сказал он. — Я отправляюсь в страшные места, и придется ли нам снова свидеться, рассудит судьба. Если я не вернусь, прошу тебя, дары, которые так великодушно мне преподнес, отошли Хигеляку, моему родичу и господину. Все, кроме меча, который ты мне подарил. Пусть им владеет Унферт. Пусть это будет для него как дар от друга и в возмещение ущерба, если Хрунтинг погибнет вместе со мной. А теперь пришла мне пора

прощаться, — продолжал Беовульф растроганно. — Прошу тебя, великодушный и щедрый повелитель, если я не вернусь, то стань отцом всем, кого я после себя оставляю. Позаботься о них. А ты, Унферт, не откажись от старинного роскошного меча, пусть он пребудет в твоих руках. Либо мы с Хрунтингом добьемся славы, либо судьба сгонит меня с этой земли!

Договорив, он, взмахнув мечом, прыгнул в озеро, ни от кого не дожидаясь ответа. Тяжелые воды сомкнулись у него над головой.

Глава VI

КОНЧИНА БОЛОТНОЙ ВЕДЬМЫ

Все вниз, вниз и вниз скользил Беовульф, в холодную колышущуюся глубину. Сколько прошло времени? Может быть, час, а может быть, и целый день. Со всех сторон, то справа, то слева страшные клыкастые морские чудовища нападали на него, пытаясь вонзить свои острые клыки в его плоть. Великий меч Хрунтинг мелькал у него в руке и помогал ему отбиться.

Наконец его ноги коснулись морского дна, и в то же самое мгновение мать Гренделя, морская ведьма, набросилась на него. Она сжала его руками, не менее сильными, чем обладал ее ужасный сын, она попыталась вонзить в него свои острые когти, которые были не короче, чем у Гренделя. Она повлекла его куда-то, не разжимая своих страшных объятий, потащила в самые темные глубины, затем борьба переместилась в какую-то пещеру, вход в которую находился под водой. И, по-прежнему не отпуская, она стала с ним вместе подниматься все вверх и вверх, пока они не оказались в странном, кем-то когда-то выстроенном зале для битв. Через отверстие в крыше, выходившее к островерхой, отдаленной скале, лился неприятный серо-зеленый свет, под ногами хрустел темный песок.

Беовульф отчаянным рывком развел сжимавшие его руки и, размахнувшись Хрунтингом, с силой опустил его на голову ведьмы-волчицы. Вся пещера зазвенела от этого удара, но в первый раз с тех пор, как этот меч был выкован, он не сумел как следует укусить, и в следующий миг ведьма вновь набросилась на Беовульфа. Тот покачнулся и рухнул под ее нестерпимой тяжестью, а она все пыталась и пыталась вонзить в него кинжал, добираясь до того места, где билось его благородное сердце. Но кольчуга, которую подарила отважному герою королева, не позволила чудищу добиться своей цели. Тогда, рыча и скаля

страшные кривые зубы, она, отбросив оружие, стала терзать тело Беовульфа когтями. Но и когти ее тоже не справились с замечательной кольчугой. Собрав все силы, Беовульф отшвырнул ее, и во второй раз, вложив всю свою мощь в удар, снова накинута на нее с мечом. Но нет! Ее заколдованная шкура отбрасывала оружие, каким владели люди, точно пруттики, которым размахивала детская рука.

— Нет пользы от тебя, Хрунтинг! — воскликнул Беовульф, отшвырнув от себя знаменитый меч. — Может, голые руки окажут мне большую службу, они ведь уже помогли мне в Хеороте в ту ночь!

И он первым ринулся на страшилище, предупредив ее нападение. Одной рукой он плотно обхватил ее за шею, а другой так сильно сжал запястье, что ее ручищи в конце концов разжались, и кинжал, которым она так стремилась пронзить сердце героя, упал на песчаный пол. Сражение длилось отчаянно долго. К несчастью, мать Гренделя обладала еще большей силой, чем ее сын, и Беовульфу никак не давалась победа.

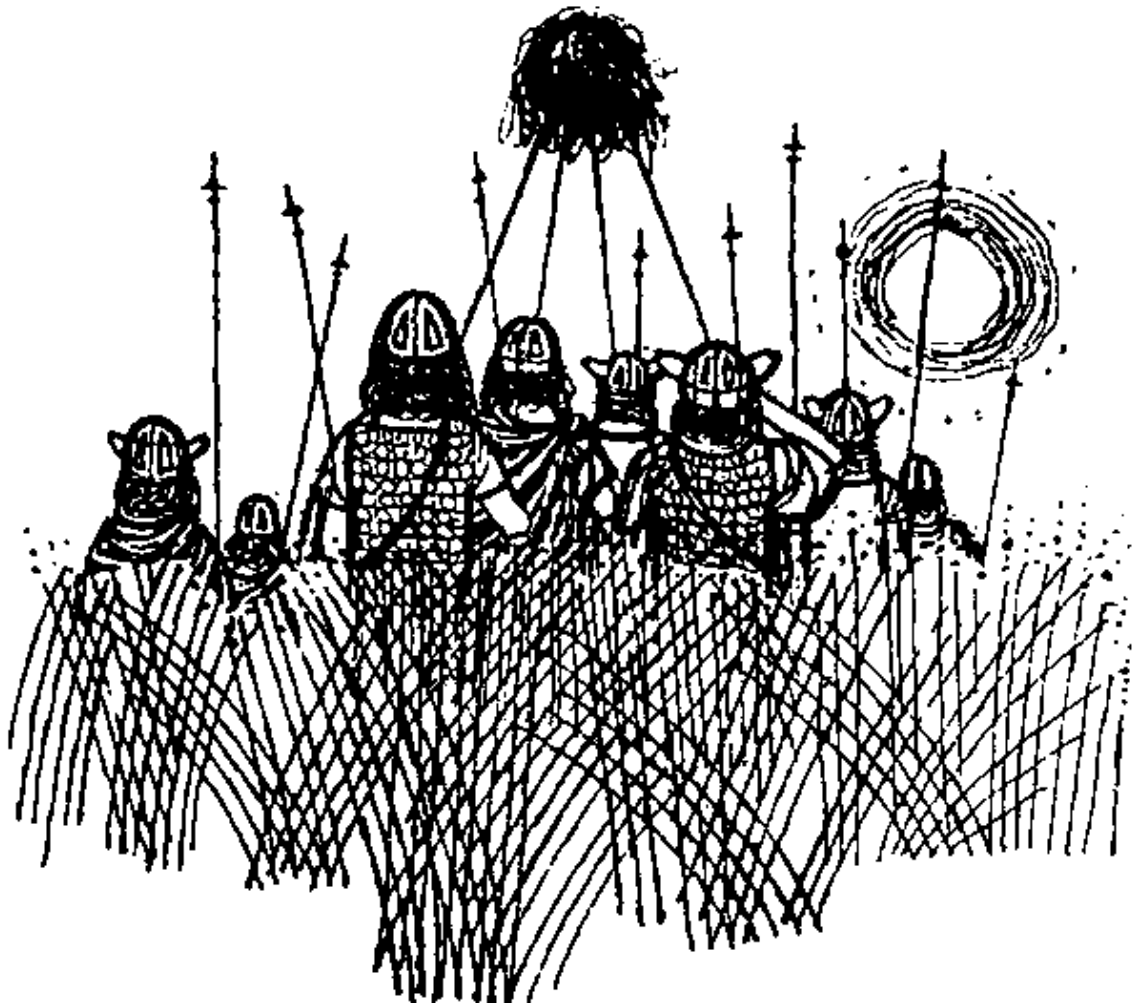
Нет, все-таки ему надо было бы хоть чем-нибудь вооружиться! В пылу битвы ему удавалось время от времени бросить взгляд то на одну, то на другую стену в надежде обнаружить висящим на стене или меч, или кинжал, или, на худой конец, топор. Действительно, диковинного вида были развешаны старинные мечи и ножи. Вдруг на мгновение блеснувший откуда-то сверху зеленый луч упал на гигантский меч, возможно, еще в незапамятные времена сработанный гномами, живущими в горах, для великанов. Меч был такой громадный, клинок его был таким длинным, что ни один смертный не смог бы его даже и поднять. Ни один, кроме Беовульфа. Надежда снова вспыхнула в его сердце. Собрав все свое мужество, призвав на помощь весь свой ум и хитрость, он увернулся от очередного нападения ведьмы, подпрыгнул, отскочил в сторону и сорвал меч со стены. Его рука плотно обхватила рукоятку меча, и с торжествующим воинственным кличем он, развернувшись, быстрым и точным ударом снес голову ненавистной болотной ведьме, этой волчице черных глубин. Она мгновенно рухнула на песок.

Беовульф замер на месте, пытаясь перевести дух. С волшебного меча струйкой сбегала кровь. Он огляделся вокруг. Далеко наверху, там, где кончалась вода и начинался берег, Беовульф увидел мертвое тело Гренделя. Он двинулся к нему, ступая по изрытому и залитому кровью песку. Так вот, оказывается, каким оружием можно было проткнуть эту вонючую волосатую кожу! И, размахнувшись мечом, он разлучил его черную голову с его черным телом, хоть и был Грендель мертв еще с позавчерашней ночи. Кровь полилась, и смешалась с водой, и вода

забурлила, точно закипела. И пока Беовульф стоял и смотрел на обезглавленное тело побежденного им монстра, его проклятая кровь, густая и темная, начала разъедать клинок меча, съев сначала острие, потом поднявшись выше, пока не осталась в руке у Беовульфа лишь одна изукрашенная золотом рукоятка.

Все еще держа эту самую рукоятку в правой руке, Беовульф намотал на левую руку волосы отрубленной головы чудовища и, празднуя победу в душе, поднырнул со своей добычей под скрытые под водой своды пещеры, выбрался из нее и поплыл туда, где неизвестно сколько времени назад расстался со своими воинами. Тут он заметил, что вода стала прозрачной и ясной, она точно светилась, переливаясь, сверкала голубоватым сиянием. Вверх, вверх, к берегу несла его теперь добрая и светлая волна.

Тем временем даны и геаты томились ожиданием наверху, на голых моржовых скалах. Когда солнце уже начало склоняться к закату, они увидели, как со дна поднялся непостижимо огромный сгусток крови, точно само море извергло его из своих глубин. Они сгруппировались все у самого края скалы и смотрели, смотрели в глубину, отчаянно напрягая зрение, пока глаза уже просто начинали слепнуть. Но никого не было видно в темных глубинах, никакого знака, никакого намека на то, что Беовульф может вернуться живым и невредимым. С каждой минутой надежда становилась все тоньше и тоньше, пока совсем не истаяла.

Наконец, тяжело вздохнув, заговорил король Хродгар:

— Видно, все кончено. И больше он не вернется к нам. Беовульф, которого я любил как собственного сына. Бесполезно ждать. Пора возвращаться.

И он жестом приказал своей дружине трогаться в путь.

Печальные, убитые горем, как будто они сами потерпели жестокое поражение в бою, приближенные Хродгара двинулись вслед за своим повелителем.

Однако геаты не двинулись с места. Они, как и удалявшиеся люди Хродгара, почти не питали никакой надежды, но остались ждать, поскольку их предводитель просил своих воинов ждать его возвращения.

И не успели набегающие волны заглушить своим шуршанием шаги удалявшихся данов, как один из геатов, по имени Вэгмунд, вдруг закричал:

— Смотрите! Смотрите! Видите, что делается на соседних скалах? Звери что-то почуяли, кого-то приметили! Они кого-то боятся, они срываются со скал и прыгают в воду!

— Смотрите! Смотрите! Вода очистилась! — зашумели многие из геатов. — Вода стала совсем прозрачной!

И когда они, рискуя соскользнуть со скалы, все столпились на самом ее краю, там, в прозрачной глубине, мелькнул силуэт долгожданного, плывущего к поверхности воды живого и невредимого Беовульфа!

Нетерпеливые руки протянулись к нему, помогая выбраться на берег. И вот он уже с ними, среди них! Измученный, вымотанный, он опустился на твердый камень скалы, жадно глотая свежий воздух. Кто-то помог ему снять шлем, кто-то положил ему руку под голову, чтобы легче было раздышаться. И все, все они, не отрываясь, в ужасе смотрели на страшную волосатую голову с мертвыми глазами и оскаленной пастью и на странную, в золотых змеях, рукоятку меча без лезвия, которую Беовульф все еще сжимал в правой руке.

— О, братья мои! — воскликнул он. — Какое счастье снова видеть вас всех!

Он оглянулся вокруг.

— А где же Хродгар и все его таны? — спросил он в недоумении. — Ожидание показалось им слишком долгим?

— Они увидели кровавую волну, — ответил Вэгмунд, который опустился на колени рядом с лежащим Беовульфом. — И тут они решили, в глубокой печали, что ждать больше нечего.

— Это была кровь матери Гренделя, этой проклятой болотной ведьмы, и кровь самого Гренделя, когда я отсек ему голову. Он там лежал мертвый, где кончается вода и начинаются скалы. А вы что же? Вы не видели крови?

— Видели, — отозвались несколько человек сразу.

— И при этом ваши сердца не покинула надежда?

Вэгмунд потупился.

— Что касается надежды, то, признаться, у нас она почти что совсем иссякла. Но мы-то сами были по-прежнему твоей дружиной, твоими братьями по оружию.

— И поэтому остались ждать, — заметил Беовульф.

И неожиданно он рассмеялся, и смех его напоминал звук победного рога. Он вскочил на ноги, протягивая к ним руки.

— Ну и молодцы! — воскликнул он. — Посмотрите, я один не смог бы справиться. Нам потребуется, по крайней мере, четыре копья, чтобы

донести до Хеорота мой трофей!

И так, водрузив голову Гренделя на копья, они двинулись в обратный путь, оставляя за собой незамутненные злом глубины чистой, прозрачной воды.

Глава VII

ДОМОЙ! ДОМОЙ!

День уже угасал, король данов благородный Хродгар безмолвно сидел в своем опустевшем пиршественном зале, что звался Хеорот, Олень, в такой глубокой тоске, что не замечал ничего вокруг. Он не слышал и топота многих ног, и говора, и смеха, что стремительно приближались к парадному крыльцу. Он встрепнулся, только когда услышал голос Беовульфа, громкий и счастливый:

— Хродгар, сын великого Хеальфдана! Взгляни же на этот знак победы нашей, который теперь преподносят тебе веселые геаты! Жизнь моя висела на волоске, и могла бы победа легко достаться дьяволице, болотной ведьме. Была она еще сильнее страшного своего сына. Хрунтинг, благородный меч Унферта, не мог с ней ничего поделаться. Но Отец наш Небесный помог мне. Он помощь подает тем, кто, кроме как от Него, ниоткуда не может ее получить.

И я воспользовался тем оружием, которое подал мне Он. Он указал мне на тот меч, который мог справиться даже с беспощадным Гренделем, даже с ужасной болотной ведьмой. Но, к сожалению, после Его бесценный клинок растопила их яростная кровь, как солнце внешнее топит льды и снега. Осталась только эта перевитая золотыми змеями рукоятка. Но, во всяком случае, теперь и ты, и приближенные твои, все можете спокойно предаваться в Хеороте и веселым пирам, и спокойному сну. Вас никто больше не потревожит. А за смерть твоих воинов я расквитался. Они отмщены и могут радостно пребывать в Валгалле.

С этими словами Беовульф протянул Хродгару драгоценную рукоятку меча, в незапамятные времена сработанного для великанов. Хродгар пристально поглядел на эту вещь, которую держали в руках могучие великаны и которая потом каким-то образом попала в руки врагов Господа и создания Его — человека. И вот от этого-то оружия они сами и погибли.

Старый король поднес рукоятку поближе к глазам и сумел рассмотреть на ней надписи, сделанные древним руническим письмом. И говорилось там о королях и войнах давно прошедших времен.

Хродгар, сын Хеальфдана, король датчан, поднял голову, окинул всех пристальным взглядом и в наступившей тишине торжественно произнес:

— Запомни, сын мой и друг мой верный, что я, старый и узнавший жизнь, скажу тебе. Одному Господь дает мудрость, другому — богатство, третьему — славу, а четвертому — все это вместе. И порой бывает так, что в сердце у человека начинает подниматься и зреть гордыня. И он уже не чувствует, что грешит против Создателя. Помни, что никто из нас не знает часа своего. И поэтому оставайся таким же чистым, простым и открытым, как сейчас. Пусть богатство течет к тебе рекой, но ты, мой друг, знай ему место и цену. Гордиться силой и подвигами своими всякому позволено, тебе — в особенности. Но заноситься, но возвышаться над людьми — путь гибельный и коварный. Гордыня — это прежде всего непокорность Богу и попытка с Ним соперничать. Гони ее от себя!

Беовульф улыбнулся.

— Все, о чем ты говоришь, король, не подлежит сомнению. Но мне гордыня не грозит, как и стяжательство ради земных и низких целей. В пещере у чудовищ было собрано сокровище несметное — и древнее оружие, и золото, и камни-самоцветы. Но мне грехом казалось не то что взять — глядеть на их богатство. Я только и вынес оттуда, что рукоятку спасшего меня меча и голову чудовищного монстра, тебе на утешение и всем датчанам на радость.

— О, благодарю тебя за этот дар! — воскликнул престарелый король. — Полсотни лет я вел мой народ за собой, защищал его на этой земле мечом и копьем, так что никто из живущих под солнцем не рисковал явиться сюда с войной. Но радостью нашей и весельем был разбужен в глубинах черный ненавистник людей, убийца радости, чудовище и нелюдь Грендель. Слезам и горю нашему, казалось, не будет конца. И вот явился ты, и горе, казавшееся бесконечным, прошло и минуло. Так будь же гостем желанным на пиру, и радуйся, и веселись, как того заслуживает слава твоя!

И вот снова даны и геаты встретились вместе за пиршественным столом. И пировали до тех пор, пока ночь не соткала свою паутину и не набросила ее на землю.

Храбрые геаты так устали, что больше, чем хмельному меду и хвалебным речам, рады были постеленным для них постелям, и спали крепко и безмятежно, пока ворон не пропел высоко в небе свою приветственную песню восходящему солнцу. Тут они поспешили отряхнуться от сна. Настала пора собираться домой. Сердца их уже плыли по морю под говор волн и дружные взмахи весел.

Беовульф, чувствуя нетерпение своих соплеменников, не мешкая направился к Хродгару.

— Мы пересекли беспокойное и опасное море, чтобы оказаться здесь, — повел разговор Беовульф, оказавшись рядом с Хродгаром. — Теперь же настает час нашего возвращения к родным берегам, к нашему любимому и почитаемому королю Хигеляку. Дания была для нас гостеприимным краем. Ты нас тепло принимал и щедро одарил. Если я буду снова нужен тебе, только пришли весточку. Если враги потревожат тебя, я прибуду к тебе с тысячным войском. Если твой сын Хретрик вздумает посетить землю геатов, мы примем его как родного. Кто может быть более желанным гостем, чем сын друга, бесстрашный и благородный воин?

Мудрый король данов внимательно взглянул на Беовульфа. Он ощутил все нетерпение молодого воина, его страстное стремление поскорее вернуться на родину. Вздыхнув, он ответил ему так:

— Должно быть, Всеведающий Бог вложил такие слова в твои уста. Ты мудр не по годам. К тому ж силен и храбр. Если вдруг король и господин твой падет, пронзенный копьем в бою, или умрет от какой-либо болезни, а тебе при этом Бог даст его пережить, то геаты вряд ли найдут мужа более подходящего для того, чтобы занять королевский трон. Они и не будут искать другого. Ты сумел сделать геатов и данов братьями, ты принес на эту землю мир и покой, на эту землю, где еще недавно правили страх и смерть. Ты укрепил нашу дружбу любовью. И будет эта дружба жива до тех пор, пока я жив.

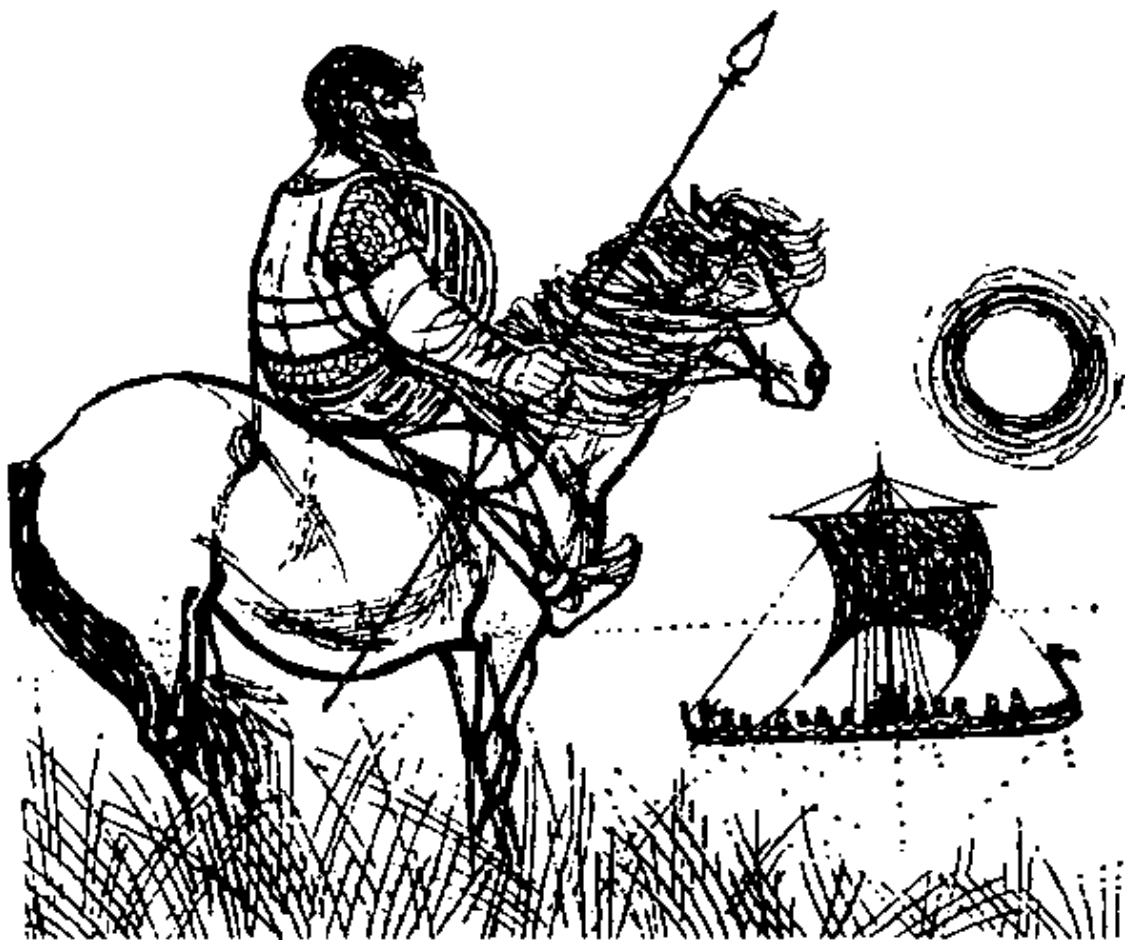
Вслед за этим Хродгар и его таны одарили геатов несметными дарами. Потом король горячо обнял этого лучшего из всех воинов, живущих на земле. Он склонился ему на плечо и заплакал. Слезы полились сами собой, и старый воин никакими силами не смог их сдержать.

Затем Беовульф быстрыми шагами направился к берегу, где ждал геатов их боевой корабль. Он еще стоял на берегу, но на нем все уже было готово к отплытию.

На берегу встретился им тот самый береговой дозорный, точно он и не покидал свой пост ни на одну минуту с тех пор, как их корабль причалил к скалистым датским берегам.

Все полученные дары, в том числе и лошади, были погружены на корабль. Затем под киль подложили бревна и по ним скатили корабль на воду. Беовульф щедро наградил тех, кто все это время охранял его корабль.

И вот уже боевое судно геатов отчалило и удаляется, удаляется от берега и исчезает за горизонтом.

А через двое суток береговой дозорный короля Хигеляка, взобравшись верхом на коне на самый высокий утес, увидел то, что недавно видел дозорный Хродгара: длинный боевой корабль, стремительно несущийся к берегу. Но это был не чужой корабль. Его—то он уже давно высматривал, пристально вглядываясь в морскую неоглядную даль. Береговой страж тут же пустил своего коня галопом, выкликая свою новость и оповещая каждого, кто встречался ему на пути.

Так что, когда нос корабля коснулся берега, там его уже поджидала толпа ликующих соплеменников. Все разом кинулись к бортам корабля и во мгновение ока завели его на берег. А после дружно взялись разгружать привезенные сокровища и помогли доставить их в пиршественный зал короля Хигеляка.

В эту ночь пировали и ликовали все в стране геатов. И королева Хигд собственноручно наливала и подносила победителю хмельной пенный мед. И когда все стали шумно просить Беовульфа рассказать о том, как он

победил адских чудовищ, тот встал и, гордо вскинув голову, сложил сам свою песнь триумфа и победы.

Затем он преподнес Хигеляку и его приближенным все, что он получил от Хродгара, все старинное оружие, золото и драгоценные камни, оставив себе только одну белую лошадь и седло своего друга Хродгара, короля данов.

Глава VIII

СОКРОВИЩЕ ОГНЕННОГО ДРАКОНА

Годы шли и шли, один за другим, один за другим, складываясь в десятилетия. Много что изменилось за это время в обоих королевствах.

Старый Хродгар умер, и королем стал Хретрик, его старший сын. Доблестный Хигеляк совсем еще не старым пал в битве с фризами, и Беовульф отомстил за него так, что каждый из фризов надолго его запомнил.

Хердред, сын Хигеляка, был еще совсем мальчиком, когда погиб его отец, и совет танов, созванный вдовствующей королевой Хигд, постановил возвести на трон Беовульфа. Но, храня верность своему покойному королю, Беовульф согласился только на то, чтобы оставаться при юном Хердреде его постоянным со-ветником и защитником. Но судьба судила иначе. Совсем еще юношей бедный Хердред был убит в кровавом бою, и только тогда Беовульф согласился править страной.

Он правил долго, и правил со славою, заботясь о своем народе и охраняя его, точно держа в своих больших ладонях.

Пятьдесят раз дикие гуси прилетали с юга, пятьдесят раз почки на берегах набухали по весне. Страна геатов процветала, как никогда прежде. Но когда миновал пятидесятый год, случилось нечто ужасное.

Вот как это было.

Много веков тому назад, трудно точно определить сколько, но верных четыре, а может быть, и пять, семья могучих воинов собрала в своих руках несметные сокровища. Там были золотые чаши и серебряные шлемы, золотые браслеты и алмазные ожерелья, старинное оружие, выкованное искусными мастерами, умевшими не только украшать мечи и кинжалы, но и заговаривать их на победу.

Но случилось так, что все члены этой семьи пали в боях. И остался один—единственный наследник всех этих богатств. Ему, пережившему всех, убитому горем, никакие сокровища были не в радость.

Перенес он их в пещеру в одинокой, дальней скале, которую люди называли Китовый Мыс, и сказал:

— Возьми это все, земля, это больше никому не нужно, потому что и я скоро уйду дорогой тьмы вслед за всеми моими родными. Пусть, проржавев и рассыпавшись в прах, уйдут все эти богатства в землю.

И вскоре этот человек тоже ушел из жизни.

И надо же было так случиться, что однажды ночью огнедышащий дракон, злобный враг людей, пролетая над этой скалой в поисках глубокой пещеры для ночлега, нашел не только пещеру, но и спрятанное в ней сокровище. И так оно полюбилось ему, что остался он в той пещере, и заснул крепким сном, и проспал несколько столетий.

Может быть, спал бы он и до сегодняшнего дня.

Но, на горе себе и людям, одним несчастливym днем раб, убежавший от своего хозяина, в поисках убежища забрел в пещеру, где спал дракон. Потрясенный увиденным зрелищем, человек этот, не долго думая, схватил лежавшую с краю золотую чашу, инкрустированную драгоценными камнями, и выбежал из пещеры. Беглый раб решил отнести ее своему хозяину. Тот с радостью принял чашу, простил раба, и зажили они, довольные друг другом. Но беда в том, что вор, убегая, коснулся чешуйчатого хвоста дракона и разбудил его. Проснувшись, дракон принялся и понял, что в пещеру заходил человек, и, оглядев свои сокровища, увидел, что не хватает золотой чаши, украшенной драгоценными камнями. И за эту дерзость загорелось его злое сердце неслыханной ненавистью ко всему человеческому роду. Поклявшись

отомстить за то, что у него посмели украсть чашу, дракон выбрался из пещеры и полетел над страной геатов, извергая огонь и смрадный дым.

И так стал он летать каждую ночь, оставляя на своих путях черные обгорелые дымящиеся руины.

Беовульф к тому времени постарел. Некогда золотые волосы его стали белыми. Но был он по-прежнему королем, а в сердце по-прежнему оставался воином.

И вот что понял старый король, в прошлом великий воин: он должен спасти свой народ, если даже ему придется заплатить своей жизнью. И как это бывало много раз на его жизненном пути, он стал готовиться к битве.

Конечно, он не смог бы победить дракона, как когда-то чудище Гренделя, голыми руками. Потому что сейчас ему предстояло сразиться не только с силой, но и с огнем. Долго ли сможет щит, сделанный хотя и из крепкой липы, выстоять против бушующего огня?

Король Беовульф призвал в свою опочивальню кузнеца (его зал, построенный еще при Хигеляке, дракон давно уже превратил в руины) и приказал ему:

— Постарайся сковать мне такой щит, который устоит против огня. Да будь добр, поторопись, каждая ночь приносит все новые и новые страдания моему народу.

Он призвал двенадцать своих танов, входивших в его личную дружину. Среди них был молодой воин Виглаф, внук Вэгмунда, который сопровождал Беовульфа в Данию пять десятков лет тому назад. Беовульф приказал им всем готовиться к битве с драконом.

Заставили присоединиться к ним еще и тринадцатого. Это был тот человек, который унес золотую чашу из драконьей пещеры. Его хозяин отдал Беовульфу золотую чашу, когда увидел, сколько зла она принесла людям.

— Ты, и только ты виноват в том, что зло пробудилось, — сказал ему Беовульф грозно. — Теперь от тебя зависит, останешься ли ты дальше среди живых. Ты один знаешь, где находится пещера дракона. Ты должен будешь отвести нас туда. Таким образом, твои шансы выжить ничуть не лучше и не хуже, чем у всех нас. Но если ты сбежишь, не указав нам, как найти пещеру, тогда, возможно, и избежнешь когтей дракона, но я обещаю тебе, ты познакомишься с острием моего меча!

На следующее утро король Беовульф облачился в свою кольчугу и пристегнул к своему ремню меч, с которым он не расставался с тех пор, как он был подарен ему Хродгаром.

Еще он взял кованый щит, который еще не успел остыть от кузнечного горна. Так прославленный Беовульф отправился на свою последнюю битву.

Чтобы добраться верхом до Китового Мыса, надо было проскакать два дня, но всадники так отчаянно гнали лошадей, как посветлу, так и потемну, что прибыли на место уже на следующее утро, и, стреножив уставших лошадей, двинулись пешими по некогда цветущей, а теперь выгоревшей долине, где не оставалось ни травы, ни цветов, где не летали

ни птицы, ни пчелы, а торчали лишь обгоревшие пни. На противоположном конце долины высился скалистый холм на выдающемся в море Китовом Мысу.

Человек, укравший чашу у дракона, вздрогнул и остановился как вкопанный.

— Вон, — показал он рукой в сторону мыса. — Там, где между скал курится дым. Там живет огненный дракон и стережет свое сокровище. Я привел вас туда, куда вы просили. Больше вам от меня не может быть никакой пользы. Сколь ты велик, будь столько же и великодушен, господин мой Беовульф. Отпусти меня, я не нужен тебе больше.

Беовульф бросил на него презрительный взгляд.

— Ты прав. Ничтожный трус — не товарищ в бою. Убирайся на все четыре стороны. Ты сделал свое дело.

И когда тот поспешно скрылся за деревьями, Беовульф присел на обгорелое бревно, чтобы собраться с мыслями, призвать всю свою силу. И пока он сидел в глубокой задумчивости, ему показалось, что Вирд — судьба, пройдя мимо, легонько коснулась его плеча. Когда-то, в далекие времена, когда он голыми руками победил страшного монстра Гренделя, он был молод, а теперь он стар. Что-то подсказывало ему, что эта битва будет последней.

Воспоминания чередой прошли перед его глазами. Вспомнился ему товарищ детских игр, Брекка, сын Беанстана, и их глупый спор, и Хигеляк, доблестный король геатов, который был ему всего лишь дядей, но любил как собственного сына. Промелькнул перед его мысленным взором и боевой корабль, и славная его дружина, что сопровождала его в Данию, вспомнил он щедрого и любящего Хродгара и побежденных в стране данов страшных монстров Гренделя и его волчицу-мать.

Затем он поднялся во весь рост. Беовульф был все еще строен и не так уж слаб.

— Я иду в пещеру к дракону один, — сказал он и жестом остановил громкие протесты своих спутников. — Я никогда не знал страха. Я стар, но страх по-прежнему мне незнаком. Я вызову дракона на поединок. И буду сражаться с ним. Если только он решится принять мой вызов, — добавил он с усмешкой.

Король Беовульф попрощался с каждым из своих танов в отдельности.

— Я бы не брал с собой ни щита, ни меча, не надевал бы кольчуги. Я бы разорвал его голыми руками, как Гренделя. Но он будет жечь меня своим дыханием, яд будет капать с его языка. Поэтому я не стыжусь того,

что я вооружен. Я намерен выстоять против его огненного дыхания. Никто другой, кроме меня, не смог бы это выдержать. И все, что хранится в этой пещере, будет принадлежать моему народу, или эта битва унесет меня от вас навсегда.

И он спокойным и уверенным шагом двинулся в сторону Китового Мыса, перебираясь со скалы на скалу, пока не добрался до входа в ту пещеру, откуда доносилось жаркое дыхание огненного дракона.

Глава IX

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР

Беовульф остановился близко ко входу в пещеру и ударами меча о свой звонкий кованый щит стал вызывать дракона на битву. Его боевой клич слышали все его таны, стоявшие вдалеке.

Этот клич раздавался не раз на протяжении долгой боевой жизни Беовульфа. Сейчас он пронесся по пещере, отразился эхом от каменных стен, его услышал дракон и проснулся.

Мощный порыв огненного ветра вырвался из входа в пещеру, слышались одновременно и топот, и хлопанье гигантских крыльев.

Король только успел вскинуть щит, чтобы загородиться от жара, как земля содрогнулась, и с диким ревом дракон появился на пороге.

Его раскаленная чешуя играла всеми цветами радуги, отливала и синим, и зеленым цветом, и золотом, и воздух колебался вокруг него, как вокруг жаркого костра. Пламенем были очерчены его крылья, пламя вырывалось из его выпученных глаз.

Широкое лезвие меча сверкнуло в воздухе и опустилось на голову этой смерти–летающей–по–ночам. И хотя толстая шкура прорвалась и из раны хлынула смрадная кровь, меч, ударившись о череп, отскочил, не нанеся смертельной раны. Взыв от боли, чудище сначала немного попятилось, а затем, совершив прыжок вперед, окутало Беовульфа огненным облаком. Железные колечки королевской кольчуги прожгли его тело до костей, кованый щит, работа искуснейшего кузнеца, раскалился докрасна, в то время как он пытался этим щитом защитить лицо от адского пламени и нанести чудовищу еще один удар.

Двенадцать мужей в ужасе взирали на это зрелище, стоя на одной из гранитных скал. И хотя они сами побывали не в одной битве, их пробрала дрожь и охватил неодолимый страх. Они повернулись спиной к страшной сцене, готовые к бегству. Все, кроме одного.

Виглаф, внук Вэгмунда, остался стоять на месте.

— Подождите! — обратился он к беглецам. — Куда же вы? Или вы готовы были произносить боевые речи только за пиршественным столом и там же клясться в верности королю? Кажется, вам ко двору пришли все его богатые подарки! И вот теперь, в этот грозный и опасный час, вы трусили и хотите его покинуть? Стыдно будет всем нам, если мы

вернемся назад со щитами без единой царапины! Но я не желаю разделять с вами ваш позор! Я остаюсь!

Схватив свой щит и рванув меч из ножен, набычившись и высоко подняв оружие, он нырнул в пекло с криками:

— Мой дорогой повелитель! Беовульф! Я иду к тебе! Вспомни битвы своей юности и держись! Я здесь, рядом с тобой!

Беовульф услышал голос своего молодого воина, и сразу же почувствовал рядом его плечо, и возрадовался.

Но голос еще одного человека еще пуще разозлил дракона. Он запылал еще большей ненавистью к людям. От его разъяренного рыка земля дрогнула и зашатались скалы. Каждый выдох его теперь был целой бурей огня. Щит Виглафа, сделанный из крепкой липовой древесины, тут же загорелся.

— Скорее! — крикнул ему Беовульф. — Сюда! Мой щит сумеет укрыть нас обоих!

И, вложив всю свою силу в удар, Беовульф размахнулся, но, прикоснувшись к голове дракона, меч его, бывший ему опорой и помощью в сотне сражений, разлетелся на куски. И когда он наклонился, чтобы выхватить из ножен кинжал, дракон успел накрыть его своими огненными крыльями и запустить когти за золотой нагрудник — знак королевской власти. И в ту самую минуту, как из-под когтей чудовища брызнула кровь короля, Виглаф извернулся и, нырнув под дракона, вонзил свой меч в ту часть его тела, которая не была защищена чешуей. Огромная туша задергалась в предсмертных конвульсиях, и сразу же огонь начал гаснуть и остывать. Из последних сил Беовульф поднялся, выхватил из-за пояса боевой топор и разрубил дракона надвое.

Дракон лежал мертвый, но рана Беовульфа, увы, оказалась смертельной. Там, где его коснулись когти дракона, его тело жгло, и оно начинало отекать.

Виглаф, не обращая внимания на собственные ожоги, наклонился над королем, снял с него шлем и кольчугу, ослабил ремень. Затем в своем шлеме принес воды из ручья, который не кипел, как прежде, а спокойно нес свои прохладные струи, обмыл ему лицо, все время призывая его, точно просил вернуться откуда-то издалека-издалека. Постепенно Беовульф пришел в себя и нашел в себе силы говорить, хотя догадывался, что очень скоро он говорить уже не сможет.

— Жаль мне, — начал он, — что Всевышний не наградил меня сыном. Но раз это так случилось, будь ты мне сыном, возьми мой шлем, мою кольчугу и носи их с достоинством в память обо мне.

Он почувствовал слезы Виглафа на своем лице.

— Ну, ну, не надо, — прошептал он. — Я уже стар, я уже прожил свою жизнь и одержал победу во многих сражениях. Я надеюсь, что я жил честно и чисто, и мне не придется держать ответ перед Господом за совершенные несправедливости.

Он бросил взгляд на мертвого дракона.

— Я рад, что заплатил своей жизнью за спокойствие моего народа, — продолжал Беовульф слабым голосом. — И если то, что говорил вор о сокровищах — правда, то может оказаться, что я еще и добыл кое-что для моих людей. Пойди, Виглаф, в пещеру, принеси оттуда, что сможешь унести.

Не успел Виглаф войти в пещеру, как там же на пороге и застыл в изумлении. В пещере грудami лежали золотые чаши и кубки, золотые королевские нагрудники, древнее оружие и кольчуги, шитые золотом стяги с магическими письменами. Но у Виглафа не было ни времени, ни охоты долго предаваться любованию сокровищами. Второпях он взял несколько украшенных изумрудами золотых кубков, мечей с золотыми рукоятками, серебряных шлемов и поторопился назад к королю.

Беовульф лежал недвижимо, с закрытыми глазами, но когда Виглаф снова омочил его лицо прохладной водой, он открыл глаза.

— Чудесное золотое сияние, оно осветит мой дальний путь, — пошутил он шепотом и сделал попытку улыбнуться.

Затем его холодеющие руки нащупали золотой нагрудник — знак королевского достоинства. Он снял его со своей израненной шеи и протянул Виглафу.

— Возьми это и надень, — сказал он. — Ты продолжишь мое дело. Я назначаю тебя моим преемником, Виглаф. Будь королем в стране геатов.

Он помолчал.

— Да, вот еще что, — сказал Беовульф, в последний раз открывая глаза. — Когда прогорит погребальный костер, который вы разложите на Китовом Мысу, насыпьте на том месте высокий курган, чтобы морякам, приплывающим в страну геатов, он был виден издалека.

Король откинулся на руки своего преемника и друга, и тот опустил его на землю.

Постепенно все воины Беовульфа подошли к пещере и окружили своего покойного короля.

Виглаф, все еще сидевший на скале возле умолкшего навек повелителя, поднялся и сказал:

— Вы все видели, как и для чего погиб король Беовульф, отважный воин и защитник своего народа. Господь послал ему великую смерть.

Затем он показал всем золотой нагрудник, обагренный кровью Беовульфа, и застегнул его у себя на шее.

— А теперь, — продолжал он, — выполним его последнюю волю. Он просил разложить погребальный костер на Китовом Мысу, на том месте насыпать высокий курган.

...И, сложив костер из веток и сухой древесины, они возложили на него тело покойного героя, положив на костер также оружие и утварь, что, по старинным поверьям, могло бы пригодиться ему в другой жизни.

Всю ночь полыхал костер на скалистом мысу. А когда он прогорел, то на том месте был насыпан высокий курган, видный с моря.

Потом двенадцать его танов, удалившись последними, отправились к людям, двигаясь вслед за солнцем и рассказывая о покойном короле, а барды пели зауспокойные песни, которые они сложили в его честь.

И вот Беовульф остался один — спать в своем высоком кургане, который обдувают морские ветры, на который садятся, пролетая, белые чайки и который издали видят моряки на кораблях.

Глава I

КАК ПОЯВИЛСЯ НАСВЕТ МАЛЬЧИК РОБИН

Тяжело жить в стране, где хозяйничают чужеземцы. Вот уже почти целое столетие правят Англией норманны. Поработители. Чужаки. Не знают толком языка английского да и знать не хотят. Все «гран мерси» да «гран мерси». Уже давно проклятушего их короля Вильгельма и на свете нет. Но ту кровавую битву при Гастингсе как забудешь? Получил Вильгельм после нее прозвище Завоеватель, потому что истинно так оно и было. Вильгельм все живое тело Британии раскроил и раздал норманнским графам да баронам — своим приспешникам. Мало кому из

англосаксонских танов оставил он их родовые земли. Да и то — только клочки, только малую часть того, чем по праву и по наследству владели их предки. Норманнским баронам было все едино — хоть ты благородных кровей, хоть простой виллан или серф. Если ты сакс — то есть коренной британец, — то ты раб, и нет у тебя ни надежды, ни защиты, и нет для тебя правого суда...

Тяжко, тяжело жить под чужеземным ярмом... Теперь уже трудно сказать точно, ведь сколько времени пронеслось — века и века! Но если вспомнить старинные легенды и предания, шел год примерно 1160-й от Рождества Христова. Да... Столетие уже прошло, совсем без малого, с того 1066 года, когда норманны вторглись на Британские острова.

И все еще правили страной норманнские бароны мечом да плетью, и аббатов и епископов развелось, которые не Богу служили, а властям прислуживали, да грабили народ, выдумывая всякие церковные и монастырские подати, не хуже самих баронов. А к этому вдобавок — напади на них чума и моровая язва! — насадили графствами управлять шерифов, которые также хорошо наживались, вводя налоги да поборы, и творили неправый суд.

Приглянутся, к примеру, какому-нибудь барону или монастырскому настоятелю земли родовитого англосаксонского лорда, — тут же «благодетели» вместе с шерифом измыслят какую-нибудь его вину, тут же и отберут земли, а хозяина объявят вне закона. А это значит — лишат всех прав, не смеет человек владеть ни лугом, ни пашней, ни собственным домом. И иди — гуляй, побирайся — твое дело. Да что там о лордах говорить. Не щадили и мелкого собственника — йомена. Бывало, последнюю корову, последнюю овцу отберут за налоги. И чем тогда бедолаге детишек кормить? Идти в лес, промыслять охотой? Боже упаси! Все леса и перелески, все речки и речушки — собственность короля. И охотиться, и рыбу ловить — ни-ни! Попадешься королевскому лесничему, тот донесет шерифу, и ни больше ни меньше — смертная казнь. Виселица.

А куда было податься изгнанникам, объявленным вне закона, как не в леса? И были в то время полны леса всякими бродягами и разбойниками, и грабили они на дорогах, и стреляли королевских оленей, хоть и грозило это им лютой смертью. Страшные, горькие, жестокие времена. Что же это тогда Англию называют «старой доброй Англией»?

Чего же доброго, чего же хорошего? Ну, как же. Ведь солнце все равно светило, и небо бывало ясным, и певчий дрозд тогда так же звонко—серебристо пел на вечерней зорьке, как и сейчас. И приходила весна, и уходила весна. И наступало лето. И шли теплые дожди, и на лугах цвели маргаритки. А еще трепетала в сердцах отвага, и любовь, и скрытая душевная сила, и жили в людях того времени надежда и вера в Пречистую Деву и сына ее — Господа нашего — Иисуса Христа. Так вот. Послушайте, что случилось в 1160 году.

Хороша была дочь сэра Джорджа Гэмвелла, из Гэмвелл—холла, что в Ноттингемшире. Сколько женихов сваталось к прелестной Джоанне! И

богатых и знатных. Но у сердца свои таинственные пути и законы, и запретов оно не слушается. Полюбила Джоанна молодого и пригожего Вильяма Фитцутса из Аоксли. Был Вильям Фитцутс саксом, и родители его, и бабушка, и дедушка. Но старый лорд Гэмвелл с чего-то взял (или наплел кто-то из отвергнутых женихов?), что есть у Фитцутсов в каком-то колене норманнская кровь. Да не было этого, не было!

Но сэр Джордж и слушать ничего не хотел, так клокотала в нем ненависть к проклятым норманнам. Запретил он Вильяму даже близко к дому подходить, не то что переступить порог.

— Чтобы духу тут не было этого твоего поганого норманна! — кричал он дочери, багровея от гнева.

— Да откуда же вы взяли, отец? Это все наговоры, не слушайте их, умоляю вас! — упрашивала отца Джоанна.

Да разве сломить волю старого самодура? Убедишь его в чем-нибудь? Но ведь и любящие сердца не уговоришь вдруг в одночасье разлюбить. Это всегда так было. Из века в век.

Ночью пришел Вильям Фитцутс под окошко своей любимой. И они поклялись друг другу никогда не разлучаться.

Вскоре старенький священник из дальней церкви обвенчал их. Так что сэр Джордж ни оглашения не слышал, и вообще ни о чем не догадывался. Каждую ночь никем не замеченный и не признанный прокрадывался юный супруг в спальню своей жены, а перед рассветом торопливо покидал ее дом.

И пролетели месяц за месяцем, и весна прогнала зиму.

И светили им весенние зори, и пели соловьи, и прохладно и сладко пахли вновь рождающиеся травы. Потом Вильям уехал по делам в Лондон. Весна кончилась, лето уже переломилось и стал убавляться день, когда муж вернулся. Тайком пробралась к нему служанка Джоанны Кэтрин, слава Богу, никто не заметил, и передала ему записочку.

«Любимый мой! — писала Джоанна. — Спаси меня, увези отсюда, потому что скоро все откроется. Я и представить себе не могу, что отец сделает со мной и с нашим малышом, когда он родится. Но тебя-то он точно убьет, поверь мне. Поспешి, мой милый, покоя не буду знать, пока не обнимут меня твои сильные, твои надежные руки».

Троих самых верных друзей кликнул Вильям Фитцутс. Они отправились в Шервудский лес, чтобы отыскать укромную полянку и приготовить местечко, где бы могли спрятаться беглецы. В свой родовой замок лорд Вильям Фитцутс, ясное дело, не мог отвезти законную супругу. Лорд Гэмвелл явится туда первым делом, тут и гадать нечего.

Глубокой ночью четверо мужчин появились под окном у Джоанны. Окно было распахнуто. Она их ждала.

— Это ты, Вилли? — слышался ее шепот.

— Я, дорогая. Тише.

И она, зажмурившись, прыгнула вниз на растянутый под окном багряный плащ. Вильям на руках отнес ее и усадил перед собой на коня. Им очень повезло: в этот день в деревне был праздник, и нагулявшиеся, наплясавшиеся и напробовавшиеся эля слуги крепко спали.

Беглецы быстро достигли опушки и вступили в тишину и сумрак леса. И никто им не помешал. И никто их не увидел. Только луна глядела с небес. А луна, хоть и увидит, — никому не скажет...

Ох, какая же гроза разразилась в Гэмвелл-холле наутро, когда в установленный час дочь не явилась пожелать отцу доброго утра.

— Бездельники, плуты, мерзавцы! — кричал лорд Гэмвелл на свою челядь. — Всех перевешаю, всех, от дворецкого до последнего мальчишки-грома!

Суматоха поднялась страшная, все побросали свои дела, каждый хватался кто за меч, кто за лук, кто за дубинку.

— Коня мне, висельники! — вопил лорд Гэмвелл.

Все решили было двинуться в замок Фитцутсов, не без оснований подозревая, что Джоанну увез Вильям Фитцутс, но тут два огромных пса, которых на смычке держал главный лесничий, взяли след и рванули в сторону Шервудского леса.

Не сразу кого-нибудь отыщешь в густом и таинственном Шервудском лесу. Там дубы стоят стеной, там тисы достают верхушками до небес. И густ подлесок. И глубоки лощины. И бездонны овраги. И добрый дух леса охраняет беззащитного, а неправого путает и сбивает с пути. То вдруг объявится толстый ствол поваленного дерева как раз посреди дороги, то конь раза три подряд придет к одному и тому же пеньку. И хоть целую свору собак приведи, дух леса их не боится!

Должно быть, с неделю обшаривали и прочесывали Шервудский лес слуги лорда Гэмвелла. Все мрачнее и мрачнее становился лорд. А слугам мерещилась виселица...

И вдруг они, потеряв уже всякую надежду, совершенно неожиданно выскочили на полянку, где на пороге лесной избушки сидела леди Джоанна и, улыбаясь, кормила младенца.

Не помня себя, сэр Джордж соскочил с коня, выхватывая острый меч из издавших виды ножен.

Но дочь его, не испугавшись, поднялась ему навстречу с улыбкой виноватой и нежной и протянула отцу внука.

— Мальчик... — только и сказала она.

Старик взял младенца на руки, поглядел в его крошечное личико, поцеловал крошечную щечку.

— Бог свидетель, я бы с удовольствием вздернул на виселицу твоего папашу, парень, — сказал он. — Но твоя мать все еще мне дорога. И ты — мой родной внук, правда ведь? Родной внук... Плохую услугу я оказал бы тебе в самом начале твоей жизни, оставив тебя без отца. Где этот негодяй, Джоанна?

Тут Вильям Фитцутс покинул свое убежище за толстым дубовым стволом и пал перед старым лордом на колени.

— Ладно, ладно, — сказал лорд Гэмвелл. — Все забыто и все прощено. А этот молодой человек... Как ты говоришь, вы назвали его, Джоанна? Роберт? Значит, Робин, что на нашем родном языке обозначает — птичка-малиновка. Ну, что же, Робин, рожденный в зеленом лесу, будь стоек и верен родной земле и постарайся послужить своему несчастному народу!

Глава II

КАК РОБЕРТ ФИТЦУТС, ГРАФ ХАНТИНГДОН, БЫЛ ИЗГНАН И ОБЪЯВЛЕН ВНЕ ЗАКОНА

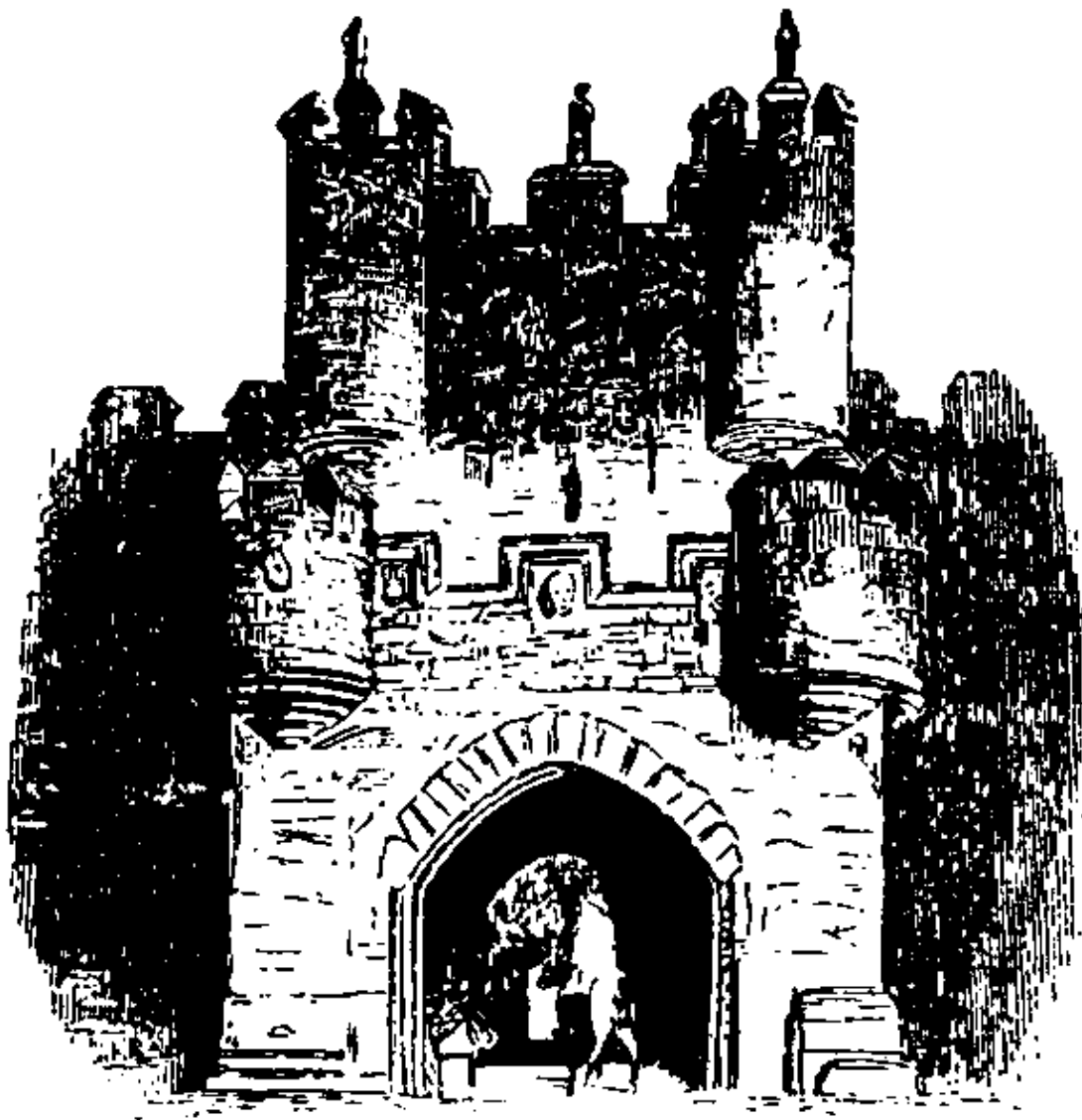
Мир и лад царили в замке Хантингдон-холл, где обосновалась молодая чета, да Господь не дал веку Вильяму и Джоанне. Оба они умерли во время эпидемии холеры, когда маленькому Робину исполнилось всего четыре года.

В опекуны навязался дальний родственник мальчика, вскоре ставший аббатом, настоятелем богатого монастыря Святого Квентина. Об алчности святого отца знали взрослые и дети, мужчины и женщины, и даже, казалось, собаки и овцы. Он готов был захватить землю каждого йомена, каждого крестьянина, отыскав хоть малейший повод, а часто и вовсе без повода. И все ему было мало, и все хотелось еще и еще.

Аббат любил хорошо покушать и запить еду выдержанным винцом из монастырских погребов. Пожалуй, он проводил больше времени в трапезной, чем в храме за молитвой. Брюхо у него так быстро росло, что ему не успевали перешивать сутану.

И подумать только, ведь не боялся греха, листал священные книги перепачканными гусиным жиром пальцами, наставляя Робина:

— Помни, сын мой, воздержание и самоограничение — добродетели, угодные Богу. Воздержание и самоограничение! Не позволяйте себе излишеств. Чревоугодие греховно!

А сам потихонечку прибирал к рукам земли, доставшиеся мальчику от родителей и деда, и все доходы от земель и от недвижимости.

А юный Робин рос и мужал. И друзьями его по большей части были простые деревенские парни. С ними он бродил по лесам, меряясь силой, дрался дубинками и состязался в стрельбе из лука. И был он сильнее всех в драке и в стрельбе — искуснее своих сверстников.

Дружил он еще с одной девочкой... Впрочем, об этом рассказ впереди.

Умом Робин был остер, а сердцем отзывчив. И как бы ни был молод, замечал и примечал, как тяжело живет народ. Крестьяне только и делают, что горбятся на полях и в угодьях норманнских баронов, а придут домой в свои убогие лачужки — там котелок пуст и темно — стен не видно, а спать жестко.

«Пречистая Дева, Матерь Божья, — молился Робин. — Пошли мне разумения, как быть и как поступать. Нельзя больше терпеть. От этой жизни у людей уже души одрябли, как прошлогодние яблоки, и надежда догорает, как свечной огарок».

В эти времена законный король Англии Ричард I Плантагенет — воинственный, горячий, но и добрый, и великодушный — был в далеких краях, в Палестине, сражаясь вместе с войском своим с сарацинами за освобождение Гроба Господня.

За отвагу и истинное рыцарство, за широту души, а порой и безудержную ярость получил король Ричард гордое прозвище Львиное Сердце, или Кер де Лион; куда денешься, страной правили норманны, так что приходилось в те дни изъясняться и по-французски.

Но королевский трон — это не простой стул и не табуретка. Он не может долго оставаться пустым. И пока Ричард воевал в Палестине, всю власть в Англии прибрал к рукам его младший брат — принц Джон. У него-то сердце было не львиное, а так, незначительного грызуна. Был он и мелочен, и алчен, и завистлив, и жесток. Там, где Ричард мог великодушно простить, принц Джон обязательно отомстит, да еще постарается сделать это исподтишка, да — по возможности — чужими руками.

Роберт Фитцутс никогда и не скрывал своей приверженности королю Ричарду и презрения к принцу Джону. Он и его друзья распевали песенку, которую, скорее всего, Робин и сочинил:

Такого еще не рождала земля:
Сердце львиное у короля!
Да здравствует Ричард,
Кер де Лион,
Наша надежда и наш закон.

Потому что ни «надежды», ни «закона» от принца никто из саксов ожидать не мог.

И Ричард и Джон были смешанных кровей, но Ричард чувствовал себя королем англосаксов, а Джон тянулся к норманнам. Принц был вторым после короля. А ему хотелось быть первым. Вот он и рассчитывал с помощью баронов захватить английский престол. Каким образом, он еще не знал. А пока что в его холодном сердце мерцал злой огонь ожидания: что, если Ричард будет убит в Палестине? Такое бывает!

Неподалеку от замка Хантингдон, родового имени матери Роберта (кстати, без его ведома уже заложенного «опекуном» — аббатом), находился город Ноттингем. А шерифом графства Ноттингемшир был в то время Симон де Жанмер, ясное дело, из норманнов. И графством правил, и суд вершил, и назначал налоги. А если по-простому сказать, грабил этот чужак несчастных саксов. Оставалась им самая малость: что-нибудь пожевать да кое-чем прикрыть тело...

В доме шерифа подавали обед. Потчевали дорогого гостя — сэра Гая Гисборна, доблестного рыцаря, явившегося из Лондона с секретными поручениями принца Джона.

— Удивительно вкусная дичь, — говорил сэр Гай, обглаживая ножку дикой утки и запивая ее свежим пенящимся элем. Серебро изящной кружки приятно холодило губы. Грубый шрам на щеке подчеркивал жесткость его лица. Глаза были темные. Взгляд тяжелый. Подбородок гладко выбрит по норманнской моде.

Шериф тоже сделал глоток, затем стукнул кружкой о столешницу. Темный шотландский эль расплескался по дубовому столу.

— Так вот я и говорю, сэр Гай. Чтобы мы могли послужить делу его высочества, надо искоренять крамолу. Мы объявим противников принца вне закона. Лишим имущества и наследственного права. И — помогай им святой Бернар! — пусть катятся кто куда хочет, хоть на юг, хоть в обратном направлении. Это уж дело свободного выбора!

Утерев жирные губы ладонью и сполоснув руки в стоявшей рядом полоскательнице с водой, он рассмеялся противным, колючим смехом.

— До меня доходили слухи о разных смутьянах тут, в окрестностях Ноттингема, — продолжил разговор гость.

— Несомненно, сэр Гай имеет в виду Роберта Фитцутса, — перебил говорящего де Жанмер.

— Да, об этом фальшивом графе мне говорили в первую очередь!

— Граф, как же! Да в его доме никогда не встретишь ни одного даже самого захудалого аристократа. Простые йомены и даже серфы — вот его общество. А уж эти-то вбили себе в голову — их король Ричард, и только Ричард, и больше признавать они никого не хотят.

— Хм. Что же, посмотрим, — процедил сквозь зубы сэр Гай. — Его высочество принц шутить не любит!

— Чуть что, — продолжал ябедничать шериф, — кричат: «Долой принца Джона».

— Все это так, господин шериф, но есть ли у нас достаточный повод объявить Роберта Фитцутса вне закона? — прошипел сэр Гай. — Признаюсь, пергамент за подписью принца у меня с собой. Надо только вписать имя. Надеюсь, господин шериф, у вас найдется толковый и неболтливый писарь?

— Не сомневайтесь, сэр, писарь найдется. А позволительно будет спросить, вы говорили с аббатом?

— Да, конечно.

— Ну и что он?

— С его стороны никаких препятствий не предвидится, — ухмыльнулся сэр Гай.

— А как в рескрипте его высочества обозначена причина изгнания?

На бритом лице норманнского рыцаря появилось выражение злорадства. Он развернул пергамент и прочел:

— «Объявляется вне закона, лишается имущества, включая недвижимость, и права наследования, права владеть крестьянами и принимать участие в любых состязаниях и турнирах. А также лишается права на наследственный титул за предательство и измену короне».

— Но короне—то Роберт Фитцутс и все отребье, которое его окружает, как раз и хранят верность...

— Замолчите, Жанмер! — Гость в раздражении повысил голос. — Они, вы же сами сказали, приверженцы Ричарда I. Но сейчас корону представляет его высочество принц Джон, и пока что на Британских островах другого короля нет!

— Как вам будет угодно, сэр, — примирительно заметил шериф.

— Ну, так вы поняли, наконец, что нам необходимо доказать измену короне?

Под столом, громко стуча хвостом по выложенному каменными плитами полу, вдруг зачесалась собака.

Шериф вздрогнул. Интересно, что ему попритчилось? Что у него под столом прячется лазутчик Роберта Фитцутса? Нечистая совесть всегда порождает тревожное состояние духа!

Шериф хорошенько пнул псину ногой и, успокоившись, сказал:

— Мы все, что надо, докажем, сэр Гай. У меня созрел план. Завтра мы кое—куда отправимся вместе. Суть плана я изложу вам по дороге.

В замке Роберта Фитцутса пылал камин. Отблески огня, точно бабочки, садились на его лицо, высвечивая то небольшую, русую саксонскую бородку, то голубые искорки его ясных глаз, то высокий лоб и спадавшие на лоб кудри. С ним были его друзья — Вилли Скателок, прозванный Вилли Скарлет за пурпурный плащ, который он обычно носил; Кеннет Беспалый, которому отрубили три пальца за то, что он убил королевского оленя, чтоб накормить своих голодных ребятишек; Мач, сын мельника, совсем еще мальчишка.

Самого-то мельника похоронили всего неделю назад. Мач-старший, как и многие, погиб из-за королевского оленя.

Господи Боже ты мой! Да почему же эти олени королевские?! Господь сотворил оленя, как и всякую другую тварь! И почему надо было людям охоту запрещать? Ведь этих оленей расплодилось в лесах бесчисленно! Да что толку говорить. Было так, было! Все леса и все, что в них росло, бегало, плавало и летало, принадлежало королю. И стерегли все это добро королевские лесничие. Стерегли и ничем сами не пользовались? Ну уж вряд ли. Но зато на людей за всякую малость кидались, как взбесившиеся хорьки. Ну, застрелил мельник оленя, действительно застрелил. А что было ему делать? Чем кормиться? Мельницу-то его сожгли. Видите ли — она мешала королевским оленям ходить на водопой!

Иногда ведь бывало и так, что убьет голодный человек оленя, и с рук сойдет. А тут все сложилось одно к одному. Лесничий его выследил. Да мало этого. Как на грех, в это время по лесной дороге проезжал шериф. Вот лесничему и захотелось выслужиться. И он потащил бедного мельника «пред светлые очи» шерифа, чтобы показать, как надежно он охраняет в лесу королевское добро.

— Вот полюбуйтесь, ваша милость. Эти преступные руки посягнули на собственность короля! Посмотрите! У него уже нет одного пальца. Значит, это не в первый раз!

Мельник бросился перед шерифом на колени.

— Помилуйте меня, добрый сэр, простите во имя Господа! Клянусь, я больше никогда не трону не то что оленя, муравья в королевском лесу. Не убивайте меня!

Но просить милости у шерифа Симона де Жанмера было все равно, что искать сочувствия у голодного волка.

— Хорошо! — обратился он к слугам. — Пусть виселица пока отдохнет. Не убивайте его. Раскалите железо и выжгите ему глаза. Уж без глаз-то он вряд ли разглядит оленя. Разве что унюхает!

И шериф рассмеялся своим мерзким жирным смешком. Шутка показалась ему удачной.

— Пощадите! Пощадите! — рыдал несчастный мельник.

Но слуги уже несли раскаленный прут. И тут случилось то, что потом никто не мог объяснить. Откуда-то из густых зарослей жимолости вылетела стрела и избавила беднягу от мучений.

Так Мач-младший осиротел. Роберт Фитцутс взял к себе в дом одинокого ребенка... Но это было неделю назад.

А сейчас, стоя у камина, хозяин поднял рог, оправленный в серебро.

— Друзья мои, — воскликнул он, — давайте выпьем за здоровье нашего короля, Ричарда Львиное Сердце. Там, в далеких краях, да хранит его Пречистая Дева и да не изменит ему удача!

— Боже, храни короля! — подхватили гости.

А несколько человек громко и дружно запели:

Сражается Ричард в чужой стороне,
Беды он не чует в родимой стране.
Хей, дерри, дерри даун,
Дерри даун!
А брат его кровный по имени Джон
Усесться решил на пустующий трон.
Хей, дерри, дерри даун,
Дерри даун!
Пречистая Дева, слезу изрони,
От этой напасти нас всех сохрани.
Хей, дерри, дерри даун, Дерри даун!

И каждый осушил свой рог, а некоторые прокричали: «Долой принца Джона!»

И никто не обратил внимания на двух паломников, стоявших в дальнем углу комнаты, за лестницей. Огонь почти не освещал их черные, укутанные в плащи фигуры. Капюшоны плащей были низко надвинуты на лоб. Неизвестно, когда они вошли. Непонятно, как они проскользнули мимо дворецкого. Да и полно, проскользнули ли! Искуситель силен, а человек слаб, особенно если падок на деньги. А дворецкий Уормен мало что был алчным, был он еще и злобен и завистлив. Завидовал он всему, даже и тому, что хозяин его был легким и веселым человеком, потому что сам Уормен был от рождения угрюмым и нелюдимым. И тому, что был он

русоволос, голубоглаз и хорош собой, а дворецкий некрасив, волосы у него были редкие, а борода росла кочьями.

Подкупить Уормена было делом нехитрым. Тем более что никакие это были не паломники.

— Однако нам повезло, господин шериф, — шептал один из них. — Вы слышали, что они кричали: «Долой принца Джона». Это же прямая измена!

— Да, сэр. И обратите внимание вон на того мальчишку. Да нет, вы смотрите не туда. Левее, левее.

— Вижу. Ну и что?

— Это сын ослушника и противника короны, мельника Мача. А Фитцутс, как видите, пригред его у себя.

— Это мы тоже примем во внимание. Однако не будем терять времени. — Сэр Гай Гисборн откинул капюшон, под которым обнаружился рыцарский шлем, и вступил в полосу света.

— Я, сэр Гай Гисборн, — провозгласил он, — нахожусь здесь по приказу короля, с тем чтобы объявить Роберта Фитцутса, называющего себя графом Хантингдоном, с этого дня находящимся вне закона.

Все гости застыли в неподвижной немоте. Робин сделал шаг в сторону говорящего и спокойно спросил его:

— В чем же меня обвиняют, сэр рыцарь?

— В измене короне.

— И ты можешь мне показать печать его величества короля Ричарда? Нет, не можешь. А без нее ничего не стоит этот твой пергаментный лоскут, который ты держишь в своих нечистых руках. Может быть, к нему прикреплена печать епископа Эльского, которого законный король оставил своим наместником? Нету там этой печати, нету, потому что вы, норманнские рыцари, вместе с братом короля ложно обвинили его в измене, и ему пришлось скрыться, спасая свою жизнь. Бог свидетель, принц Джон хочет незаконно присвоить себе корону. Но погодите, наступит час, вернется законный король Ричард Львиное Сердце, погляжу я тогда, как будут трепетать ваши мышинные души!

— Кого ты хочешь пронять этими речами, Роберт Фитцутс? — мрачно возразил Гай Гисборн. — Ты не просто изменник, а изменник трижды. Ты баламутишь народ и поднимаешь его против его королевского высочества. Ты именуешь себя графом Хантингдоном. Это титул твоих саксонских предков по матери, по женской линии. Но тебе хорошо известно, что все саксы, отказавшиеся подчиниться королю Вильгельму Норманнскому, были лишены титулов. Законным может быть только

графский титул, присвоенный королем Вильгельмом. Ты и тут нарушаешь закон.

— Не забывайте, сэр Гай, как пренебрегает этот человек королевскими законами в лесу, — прошипел шериф. — Поглядите, чем он угощает своих гостей! Уж не остатки ли жареной оленины лежат на блюде?

Гай Гисборн молча кивнул шерифу и продолжал:

— Ты объявляешься изгнанным и стоящим вне закона, Роберт Фитцутс. Отныне закон не защищает тебя, твое имущество не принадлежит тебе больше...

— Не ты ли позарился на него, сэр рыцарь?

Сэр Гай сделал вид, что он не услышал сказанного. На самом деле он услышал. И еще как услышал! Насчет земель и угодий, принадлежащих Роберту, они уже давно договорились между собой с аббатом, настоятелем монастыря Святого Квентина, так называемым опекуном и родственником Роберта. Было решено: аббат поделится с Гисборном частью охотничьих угодий и пахотных земель. За это сэр Гай обещает аббату протекцию при дворе принца Джона. О, подлые души, подлый мир, ненасытная алчность людская!

— А теперь, — мрачно возгласил сэр Гай, — предатель, отдай мне свой меч! Если ты прислушаешься к голосу разума и присягнешь на верность его высочеству принцу Джону Плантагенету, тогда, возможно, я постараюсь смягчить твою участь. Попрошу принца быть к тебе снисходительнее.

— Его высочество принц не знает жалости, смягчить мою участь не удастся, — спокойно отвечал Робин. — А что касается моего меча... Что ж, он рад познакомиться хоть и с самим принцем, хоть с подлыми его приспешниками.

Поворот, взмах. Молния сверкнула, что ли? Тяжелый меч опустился на рыцарский шлем сэра Гая. Тот, теряя сознание, упал навзничь.

Шериф попятился к двери. Ему стало страшно: оба они проникли в замок под видом паломников, одни, без охраны.

Обернувшись к своим гостям и пряча меч в ножны, Роберт проговорил медленно, торжественно и печально:

— Ну вот, друзья мои. С этого часа на свете больше нет Роберта Фитцутса, графа Хантингдона.

Он помолчал немного, затем заговорил вновь:

— Я лишен всех прав и объявлен вне закона. Ну, что же. Человеку важнее сохранить душу, чем титулы и имущество. Я уйду в леса.

Глубокий вздох вырвался у его друзей.

Но Робин продолжал спокойно:

— Помнишь, Кеннет, когда мы играли в детстве, вы дали мне прозвище Робин Гуд — за тот мой смешной колпачок?

Но Кеннет Беспалый был не в силах вымолвить ни слова.

— Так вот, Робин Гуд теперь мое имя.

— Да здравствует Робин! — хором отозвались его друзья.

Очнувшийся сэръ Гай со стоном попытался подняться на локте.

— Запомни это имя, сэръ Гай, — сказал ему Робин, — Робин Гуд! Оно еще влетит тебе в уши. И подлый интриган шериф Ноттингемский, и даже сам принц Джон, придет день, содрогнутся при упоминании этого имени.

Шериф сделал еще один робкий шаг к двери.

— И все, все, подобные тебе, пусть боятся Робин Гуда! — продолжал Робин. — Жирные аббаты и епископы с толстыми загривками, норманнские графы и бароны, для которых нет законов ни Божеских, ни человеческих. Я уйду в лес! Я возвращаюсь в свой дом. Там я родился и там буду жить. Не пытайтесь найти меня. У вас ничего не выйдет. Светлый дух Шервудского леса, который благословил меня в колыбели, не выдаст меня вам. Он хранит чистых душой и верных сердцем. Он защищает обиженных и помогает угнетенным. Он укроет меня в своей таинственной глубине. И погодите! Вернется король Ричард. Законный король! И тогда опять воцарятся правда и справедливость на нашей доброй, прекрасной английской земле!

Солнце садилось, и густая листва уже не пропускала его лучи. Где-то высоко, в лиственных кронах дрозды перепархивали с дерева на дерево и пели свои трогательные вечерние песенки. Дрозды долго не ложатся спать.

Робин молча вышагивал по вечернему лесу, и так же, в молчании, следовали за ним человек сорок его друзей. Дойдя до небольшой полянки, он остановился и повернулся к шедшим за ним людям. Здесь были и близкие его друзья, и кое-кто из теперь уже бывших слуг, и несколько человек, таких же, как он, объявленных вне закона изгоев.

— Ну вот, милые мои, — сказал он мягко. — Случилось то, что должно было случиться. Раз принц Джон почти что завладел короной, он не пощадит ни одного сакса. Хоть аристократа, хоть простолюдина. Моя доля определена. А вам предстоит выбирать. Я никого не хотел бы

принуждать разделить со мной мою участь. Пусть каждый решит для себя сам. Теперь лес — мой дом, мой замок, мое королевство.

— И ты в нем король! — воскликнул Вилли Скарлет. — Мы выбираем тебя королем!

И голоса подхватили:

— Мы с тобой, Робин! Разделим с тобой и смех и слезы!

— Храни тебя Господь, Робин!

— Кто не с тобой, тому имя — предатель!

Робин был тронут. Только что тут можно сказать?

Когда сердце переполнено гневом и болью, такая единоклубная поддержка друзей дороже золота и драгоценностей и всякого богатства. Потому что, сколь бы ни был богат человек, все равно он обладает предметами тленными. А ему друзья подарили любовь. Это такое богатство, что ни дождь не вымочит, ни ржавчина не разъест, ни воры не унесут...

Все это промелькнуло у Робина в голове, но вслух он сказал только:

— Спасибо, друзья мои. Спасибо.

И повел их одному только ему известной тропой. Туда, куда по своему собственному разумению не доберется ни конный, ни пеший, а порой и зверь не добредет, и птица не долетит.

Но полно, можно ли в самом деле так спрятаться в лесу, чтобы никто никогда не разыскал целую ватагу? Можно, можно было в тот далекий век, когда лесов на земле было почти столько, сколько их создал Господь в первые дни творенья, и никто не сводил их под корень с лица земли, и никто не палил их и не жег. И в небе над лесом летали только птицы да бесплотные ангелы, и люди еще не научились тревожить небеса шумом, и грохотом, и смрадным дыханием своих воздушных и космических кораблей.

Уже в сумерках вышли они к котловине, посреди которой рос огромный дуб, пожалуй, самый большой во всем Шервудском лесу, а в ее склонах были видны пещеры, глубокие и сухие. Склоны эти густо поросли высоченными деревьями — дубом, ясенем, буком, вязом и орешником. И если кто не знал пути, то легко мог попасть в окружающие котловину болота, и трясина затянула бы его в бездонное колыхание смрадной торфяной жижи. А по краям болот рос колючий терновник, и ветки ежевики переплетали свои шипастые плети, и не было возможности прорваться сквозь эту живую стену.

Стемнело. В котловине неподалеку от могучего дуба разложили костры.

Робин обернулся к собравшимся. Лицо его было спокойно, глаза ясны, голос ровен и негромок.

— Друзья мои, — сказал он.

— Слушайте! Слушайте! — раздалось несколько голосов. Все примолкли.

— Мы — изгнанники, но мы не разбойники и не душегубы.

Слышно было, как потрескивают в кострах сухие сучья тиса. Красные искорки легко улетали в темноту и там гасли.

— Конечно, — продолжал Робин, — королевских оленей нам придется стрелять. Не умирать же нам с голоду?! Но когда вернется наш законный король, я первый упаду перед ним на колени и вымолю прощение. А теперь скрепим свое братство клятвой. И вы поклянитесь, и я поклянусь. Мы объявляем войну всем высокопоставленным норманнским вора и грабителям, всем аббатам и епископам, которые самого Господа готовы призвать к себе на службу, всем, творящим зло на нашей земле. И в особенности — тем, кто предает короля Ричарда и прислуживает его потерявшему совесть брату. И еще подлой лисе — шерифу города Ноттингема, который данную ему власть употребляет людям во зло, только чтобы угодить хозяину своему — принцу Джону. Все, что мы отнимем у этих господ, мы передадим сирым и убогим. А самим — да много ли нам надо в укромной пещере, в зеленом лесу? — кусок оленины, да добрый лук из крепкого тиса, да меткая стрела, да звонкий меч!

— Клянемся, Робин! — отозвались голоса.

И показалось, будто дубы и буки, зашелестев листвою, тоже подхватили клятву. Или это просто ночной ветерок колыхнул ветвями?

— А еще поклянемся, друзья мои, что никогда ни словом, ни поступком мы не обидим ни одной женщины, будь она родом хоть из саксов, хоть из норманнов, и будем охранять ее и помогать ей, во имя Пречистой Девы Марии, матери Иисуса Христа; поклянемся и вручим себя Ее святому покровительству, чтоб послала Она нам силу и мужество не нарушить свою клятву, поддавшись какому-либо искушению, ни даже перед лицом самой смерти. Клянемся!

— Клянемся! — отозвалось эхо в сорок-пятьдесят голосов.

Глава III

КАК В ШЕРВУДСКОМ ЛЕСУ ПОЯВИЛСЯ МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН

Прошел год. Пошел второй. Робин Гуд так и жил со своими людьми в самом сердце Шервудского леса. Теперь они все были одеты в зеленое сукно, которое умеют ткать только в городе Линкольне. Оно легкое и теплое и окрашено в цвет молодой травы и весенних листьев. В Линкольне красят ткани и в другие цвета. Почему же все лесные стрелки оделись именно в зеленое?

Мач, сын мельника, прямо так и спросил Робин Гуда. Парнишка бездельничал, валяясь на траве. Ему казалось, что если он приглядится попристальнее, то обязательно увидит, как трава растет. А тут он даже привстал от пришедшего ему в голову вопроса.

— Ты не знаешь почему? — удивился Робин и отложил в сторону лук, на котором никак не натягивалась тетива так, как ему хотелось. — Никогда не слышал, кто научил нас одеваться в зеленое? Ну так послушай. Говорят, живет в Британии стадо прекрасных оленей. Но не то что подстеречь или тем более подстрелить, их и увидеть — то простой смертный не может. Неразличимы они для простого глаза среди зарослей бука и тиса, орешника и рябины. А почему? Потому, что все олени этого легкого, вечно бегущего стада — зеленые! Где уж их разглядеть в зеленом лесу! И еще утверждают люди, будто бы эти олени принадлежат самой Богородице.

Ах, не забудем, что это были времена суеверий и предрассудков! А может, они только кажутся суевериями и предрассудками нам теперь...

Правда, Мач потом, какое-то время спустя, уверял всех, что он однажды видел, как стадо зеленых оленей промелькнуло и скрылось в густой листве. Кто знает! Может, в зелени деревьев играл солнечный луч. А может, и в самом деле явлено было чудо сироте. Кто знает...

На Большой Королевской дороге, ведущей через лес на север, собирали зеленые стрелки дань с проезжих. Не со всех, конечно, не со всех! Добрых людей они не трогали. Никто из них, Боже упаси, ни разу не нарушил клятву. Но, когда появлялся на дороге норманнский рыцарь, барон, или граф, или плут-епископ, или кто-то там еще из правящих негодяев, которые обирали народ и правой рукой и левой, тут уж крутись не крутись, виляй не виляй, а плати хорошую пошину!

На себя они тратили немного. Ну, прикатят бочку эля. Ну, запасут муки — ведь без хлеба не проживешь. Купят того самого зеленого линкольнского сукна на куртки, да кожи особой выделки, чтобы сшить мягкие, неслышные в шаге сапоги. Да еще не жалели денег, заказывая старому Гуго из Трента хороший лук. Право, старый Гуго из Трента делал самые замечательные луки во всей Англии. Он мастерил их из тисовой древесины и покрывал лаком. А еще он умел делать такие меткие стрелы,

каких больше нигде не встречалось, не только в Ноттингемшире, но и в Чешире, и даже в Донкастере.

Шериф Ноттингемский Симон де Жанмер, испытавший несказанный позор и смертельный страх в тот памятный вечер, когда они с Гаем Гисборном явились под видом паломников в Хантингдон-холл, замучился гонять по городу Ноттингему и окрестностям глашатаев. Только и было слышно, как трубит труба и как сидящий на коне герольд возвещает: «Слушайте! Слушайте! Слушайте! Пятсот золотых вручит благородный шериф тому, кто укажет местонахождение Роберта Фитцутса, объявленного вне закона и именующего себя Робин Гудом! Тысячу золотых вручит благородный шериф, не спрашивая имени и звания, тому, кто доставит вышеназванного живым или мертвым в здание ратуши города Ноттингема». Бедняги совсем охрипли, но объявляй не объявляй, предателей не находилось. Столько добра видели люди от Робина! Казалось бы, совсем уже отчаяние засосало человека в свою трясиину. Очаг топить нечем, дети голодают, жена больна, при смерти. А тут как раз и явится помощь — деньгами, дровами, одеждой, едой. И так бывало не раз. И так бывало не с одним.

Весело жили лесные стрелки Робин Гуда, легко, без тоски и уныния. А что тосковать? И что унывать? Все, что обременяет человека в этой жизни и отягощает заботой, было уже утрачено — собственность, земля, парки и пашни, дома, а у кого и серфы — крепостные. Зато не были потеряны совесть и честь, сила, удаль, и молодость их пока оставалась с ними, и надежда жила в сердце. И лес был к ним добр, кормил, поил и укрывал их старательно, преданно и надежно.

И плевать им было на то, что враги их: шериф Ноттингемский, аббат, сэр Гай и прочие называли их «волчьими головами»!

— Почему это так, Вилли? — приставал Мач к Вилли Скарлету.

Мач еще очень мало прожил на свете, ему еще многое предстояло постичь.

— Ну вот, все тебе надо знать, почему да почему, — нехотя отзывался Вилли. В этот момент он ошкуривал острым ножом свежесрезанную дубинку. — А потому, мой мальчик, что за нашу голову, так же как за голову убитого волка, по закону никто не несет наказания. Понял?

— Этого не может быть, Вилли! — не хотел соглашаться с таким законом юный Мач, сын мельника. — Ведь мы же люди!

— А если люди, должны уметь постоять за себя. Ну-ка, бери дубинку. Защищайся!

Мальчик с величайшей готовностью вскочил на ноги.

И Вилли стал ему показывать, как взяться за дубинку, как ее перехватывать из руки в руку, как отражать удары.

У них у всех каждый день происходили подобные турниры. Робин учил своих друзей владеть мечом, стрелять из лука, орудовать дубинкой.

Рано—рано, только встанут с душистого сена, накрытого оленьими шкурами, только умоются ледяной водой из родника, который пробивался в восточном склоне котловины, и едва успеют подкрепиться, чаще всего остатками вчерашнего ужина, как Робин уже затевает учения. Сначала дело шло с трудом.

— Кеннет! — сердился Робин. — Кеннет, ну что ты обнимаешься со своим луком, точно это хорошенькая горничная в шерифовом замке?! Натягивай тетиву. Стреляй!

Но стрела улетала куда-то вбок от цели, сшибая по пути кленовые листья и иголки с кривого можжевельника.

— Клянусь, Вилли, вообрази, что этот красный лист — нос самого шерифа! Раз! Два! Три! Стреляй! — командовал Робин.

Вилли стрелял снова и снова, а стрелы летели мимо цели. Но прошло какое-то время в ежедневных упражнениях, и все научились и наловчились и бороться, и стрелять из лука.

— Ну, братцы, — хвалил их довольный своими учениками Робин, — теперь вы можете победить любого рыцаря на любом турнире.

— Вот бы тебя еще победить! — проворчал Вилли Скарлет.

Но с Робинем никому не удавалось сравниться. Он выбивал меч из рук у всякого, с кем сходил в поединке, он попадал из лука в былиночку, колеблемую ветром, на расстоянии чуть ли не полумили, он отбивал любой удар дубинки легко, точно играл в детскую игру.

Было веселое весеннее утро. Казалось, на каждой ветке в лесу тенькали синицы и заливались зяблики, и дятел без конца повторял свою песню, точно сыпал сухой горох на дно котелка. А солнце в вышине смеялось, и в воздухе пахло сладкими весенними травами. В это утро Робин сказал:

— Вот что, ребята. Уже дней четырнадцать — или больше! — мы с вами живем тут в покое, как кошки в доме старой девы.

— Ты уж скажешь! — отозвался Вилли Скарлет.

— А ты что, хочешь возразить? — с ехидцей спросил Робин. — Где гости, которых можно было попотчевать оленинкой, а потом пощекотать под мышками и слегка пощупать кошель? Где? Никого с позапрошлого понедельника, когда, помните, тот жирный бенедиктинец, везший

монастырскую десятину отцу настоятелю, слегка поделился с нами этими денежками.

— Ага! — подхватил Мач. — Только сначала со страху сбегал за кустик!

И мальчик залился веселым смехом, вспоминая, как дрожал за свою шкуру жирный бенедиктинский монах.

— Так в чем же дело, Робин? — отозвался Вилли Скарлет. — Берем луки и пошли, поищем гуся пожирнее.

— Можно, и я с вами? — тут же прицепился Мач.

— Нет, друзья мои! На этот раз я иду один навстречу какому-нибудь приключению. А какому — я и сам не знаю. Увидим. Но вы никуда не расходитесь, не разбегайтесь. И если я трижды протрублю в серебряный рог, значит, мне нужна ваша помощь. Давайте тогда быстрее ветра — все ко мне!

И, закинув лук через плечо, Робин скрылся за кустами терновника.

Он весело шагал — сначала потайными тропами, потом едва различимыми дорожками. Время от времени он срывал с куста молодой листочек, разминал его и нюхал, глубоко вдыхая призывный весенний запах. При этом он мурлыкал себе под нос какую-то ерундовскую песенку, сочиняя ее на ходу:

На свете всех лучше зеленый цвет,
Цвет леса и цвет надежды.
А в черных сутанах, плащах и кафтанах —
Они все ослы и невежды.
Коль встретится кто на моем пути,
Не знаю, уж будет ли рад.
Как дуну в рожок — держись, мой дружок,
Будь ты хоть шериф, хоть аббат!

Он бродил довольно долго, то по лощинам и оврагам, то выходя на узкие боковые дорожки, а то и на Большую Королевскую дорогу.

На тропинке, протоптанной между деревьями Верхний и Нижний Виттингтон, ему встретилась девушка. Она шла быстро, опасливо оглядываясь. Робин улыбнулся ей. Девушка в испуге остановилась, но, увидев добрую улыбку, так и порхнувшую ей навстречу, тоже заулыбалась. Выяснилось, что она спешила в Верхний Виттингтон к своей крестной,

несла ей овсяные лепешки, а та обещала подарить крестнице пару своих юбок. Что ж, в пору такой бедности и убожества юбка — вещь серьезная.

По Большой дороге ехал монах на осле. Кажется, к его седлу был приторочен какой-то мешок. В другое время, может, Робин и пошевелил бы его содержимое. Но сегодня связываться с монахом показалось ему делом скучным. Нарядная леди проскакала верхом в сопровождении двух слуг. Робин учтиво обнажил голову и поклонился. Леди в ответ взмахнула изящной ручкой, мелькнула — и нет ее. Толстый горожанин прошагал в сторону Ноттингема. Через некоторое время в том же направлении проехал на лошади юный паж в пурпурном одеянии.

Ну, что за день такой! Ничего интересного! Видно, неблагоприятны к нему в этот день лесные духи. Уж не вернуться ли, в самом деле?

Робин двинулся в сторону от дороги, дошел до ручья. Ручей был холодный, видно, по дну били ключи, неожиданно глубокий и настолько широкий, что в один мах не перепрыгнешь.

Правда, какая-то добрая душа перекинула через него бревно, которое служило мостиком. Робин двинулся к бревну и уже было занес ногу, как с другой стороны ручья к этому же бревну подошел незнакомый ему верзила и одной ногой уже ступил на него.

— Эй, ты, ну-ка — шаг назад, идет кое-кто поважнее тебя! — крикнул Робин.

— Да? Это что, объявлено с Ноттингемской башни? Сам посторонись, я для себя — самый важный, а до тебя мне никакого дела

нет.

— Сейчас увидим, не боишься ли ты щекотки, пощекочем тебя между ребрами каленой стрелой старого Гуго из Трента! Лучше стой, где стоишь, а не то, кля—нись ясным ликом святой Эльфриды, пойдешь кормить форелей на дно ручья.

— Как бы не так! — оборвал его незнакомец. — Сейчас моя дубинка прогуляется по твоей шкуре, так что она делается разноцветной, как рубище оборванца, покрытое заплатами.

— Ты что ревешь, как осел? — прервал его Робин. — Сейчас спущу стрелу с тетивы, и отправишься на небеса быстрее, чем голодный монах успеет прочесть молитву над жареным гусем на разговленье в Михайлов день!

— Что возьмешь с труса?! — пожал плечами верзила. — Ты что, не видишь, что у меня в руках только легкая дубинка! Давай стреляй, и посмотрим, что ты сам о себе будешь думать неделку спустя.

— Клянусь святым Дунстаном, никогда в жизни еще никто не называл меня трусом! Смотри, я положил на землю мой верный лук и отстегнул колчан со стрелами. погоди, я схожу вырежу себе дубинку под стать твоей, и поглядим, кто чего стоит.

— Это по мне, — согласился незнакомец. Он стоял, опираясь о свою дубинку, и спокойно ждал, не делая ни малейшей попытки воспользоваться моментом и перебежать ручей по бревну.

Робин быстро вырезал себе дубинку, как раз по руке, и вернулся к ручью, на ходу очищая ее от мелких веточек.

Робин был высок, но незнакомец был еще выше. И в плечах Робин был широк, однако плечи незнакомца были еще шире, наверно, ладони на две, не меньше.

«Все равно он у меня получит!» — подумал про себя Робин, а вслух сказал:

— Ну, начнем. Сойдемся на середине бревна и поглядим, кто из нас первый искупается.

Не успел дятел и три раза тюкнуть клювом, как Робин был уже на середине бревна. Но и противник его тоже не мешкал. Двое забияк над ручьем приготовились к поединку.

Верзила размахнулся своей дубинкой, но Робин, перебросив свою из правой руки в левую, отбил его удар, как щитом, затем, снова сработав правой рукой, обрушил удар на голову своего противника. Тот покачнулся, но не упал.

— Запомни, — завопил он, — я всегда плачу свои долги! — И нацелил свою дубинку в голову Робин Гуда.

И так они довольно долго дубасили друг друга, точно молотили пшеницу на току.

Оба взмокли, и в прохладной тени от обоих валил пар. Вот уже и у того и у другого кожа рассадилась до крови, но силы все еще оставались равными. И надо сказать, что оба перестали злиться и на обоих напало странное веселье. Робин даже засмеялся. Чего делать было никак нельзя, потому что от смеха он на миг ослабел. Тот, высоченный, тут же этим воспользовался и так шмякнул по нему своей дубинкой, что Робин, потеряв равновесие, полетел с бревна. Он хорошо нахлебался холодной воды, и течение поволокло его вниз по ручью.

— Эй, друг мой, где ты есть? — закричал верзила.

— Тут я, плыву как рыбка и заодно смываю кровь с головы, — отозвался Робин. — Эй, слышишь, я признаю себя побежденным! Ты — отличный боец и отличный парень!

Робин выбрался на берег. Вода стекала с него светлыми холодными потоками, глаза его смеялись. Он поднес к губам серебряный рог и изо всех сил дунул в него.

Не успел верзила спросить его, зачем он это делает, как послышался треск сучьев и к ручью выбежали Вилли Скарлет, и Кеннет Беспалый, и Мач, сын мельника, и еще другие стрелки, одетые в зеленое линкольнское сукно.

— Что с тобой? — закричал с ходу Вилли Скарлет. — Почему ты весь мокрый, как медведь под дождем? И в крови — что это значит?!

— Значит, что этот хороший парень надавал мне тумачков и свалил в ручей! — весело отозвался Робин.

— Скажи хоть, как тебя зовут? — спросил Робин.

— Да кто зовет Джон из Мэнсфилда, а кто — Джон Литтл.

— Литтл? — захохотал Вилли Скарлет. — Так ведь это же значит «маленький»...

— Маленький! Маленький он и есть! — смеялся Робин. — Вот что, друг мой, — продолжал он. — Принимаем тебя в свое братство, и завтра же ты получишь костюм из зеленого сукна. А сегодня устроим крестины. Я сам буду твоим крестным отцом.

— А как же мы теперь его назовем? — спросил Мач, сын мельника. — Ведь когда крестят, тогда и нарекают именем, я знаю.

— Отныне и навсегда, — торжественно возгласил Робин, — будет имя ему Маленький Джон!

Тут не преминули добыть королевского оленя и, разложив костер, устроить веселый пир в честь нового стрелка — новокрещеного Маленького Джона.

И поднималась к вершинам деревьев и уносилась в небо к розовым вечерним облакам дружная песня:

В зеленом Шервудском лесу
Звенит призывно рог,
Несутся сорок молодцов
Сквозь чащу без дорог.
Их подвиги лихие ждут.
Зовет их славный Робин Гуд...

Так они пировали, а затем устроили веселые состязания, на которых выяснилось, что Маленький Джон не хуже, чем дубинкой, владеет и луком и мечом. Лучше его был только сам Робин Гуд.

Глава IV

СЕРЕБРЯНАЯ СТРЕЛА С ЗОЛОТЫМ НАКОНЕЧНИКОМ

А время катилось, точно колесо под гору. Шериф со своими лучниками, королевские лесничие — и кто только не пытался выследить и изловить вольных зеленых стрелков. Следить-то следили, ловить-то ловили, да Шервудский лес не предает!

Иногда под видом ремесленников или торговцев мелькнут двое-трое из них в городе Ноттингеме. Но пока нерасторопные слуги доложат об этом шерифу, пока успеют распорядиться закрыть городские ворота да поднять мост, смельчаков и след простыл, точно привиделись, точно и не было их вовсе.

А Большая Королевская дорога... ах, Большая Королевская дорога! Единственный путь на север! Какой же неудобной она была для известного рода путников!

...Дождь был веселым и теплым. Он отплясывал джигу на листьях и травах, на самой дороге, на крупах лошадей и на капюшонах двух слуг Божьих, спешивших к себе домой, в аббатство Святого Квентина.

И отец приор, и каноник, оба были довольны своим путешествием. Они объехали много отдаленных приходов. Теперь они обсуждали, как провести аббата и приголубить часть выручки, не вызывая подозрений.

— Мне думается, отец приор, святой Квентин не осудит нас и не поставит нам во грех, если часть честно заработанного мы переложим из кошель, что приторочен к правой стороне седла, в тот, что слева, — говорил каноник, смахивая дождевки со своего красного, расплывшегося лица и стараясь удержать ноги в стремянах. Толстый живот при коротеньких ножках — вещь очень неудобная. Каноник дружил с монастырским келарем, и видно, последний слегка перебарщивал, угощая друга жирными паштетами и церковным вином.

— Да бросьте вы мучиться вздорными сомнениями, каноник, — подал голос приор из-под низко надвинутого капюшона. — Смешно, право. Вон светские власти себя ни в чем не стесняют. Вы что, думаете, Симон де Жанмер все отдает в городскую и королевскую казну и ничего не отгребает себе?

Каноник неопределенно хмыкнул.

— Они собирают с йоменов налог на землю, за содержание скота, за выпас на общинной земле, чуть ли не за воздух и солнечный свет! Уж поверьте мне...

Тут приор оборвал свой монолог и, придерживав лошадь, уставился на придорожные кусты. Лошадь приора тоже резко остановилась, ткнувшись мордой в мокрый круп приоровой лошади, и неуклюжий каноник едва удержался в седле.

— Что случилось, отец приор? — спросил он.

— Помолчите! — зашипел на него приор. — Мне кажется, что там как-то странно качаются ветки.

— Может быть, это сойка прячется от дождя? Или пробежала белка?

Однако обоим стало не по себе. Оба разом вспомнили слухи и разговоры про Робин Гуда, который был как будто бы не кто иной, как изгнанный Роберт Фитцутс, дальний родственник их аббата, и о том, что будто бы из-за этого он терпеть не может все их сословие.

Но вокруг все было тихо. Ветки кустов не шевелились. Святые отцы тронулись в путь.

Дождь побормотал, поплясал еще немножко и начал стихать. Облака посветлели. Скоро сквозь голубое небесное окошко выглянуло солнышко. И в тот самый момент, когда у обоих отлегло от сердца, прямо перед лошадиными мордами, точно тут на дороге и сотворились из воздуха и солнечного света, появились трое, одетые одинаково — в кожаные штаны и куртки из зеленого сукна.

— Мир вам, святые отцы, — сказал один из них, сверкнув веселыми глазами и одновременно дотрагиваясь правой рукой до прикрепленного к

кожаному поясу меча.

А двое крепко схватили лошадей за уздечки.

— Вы что это себе позволяете? — завопил отец приор. — Как вы смеее задерживать посланцев аббата?

Он занес было хлыст, но его руку перехватила другая, более сильная рука.

— Не тревожьтесь, святые отцы, — сказал тот, что с веселыми глазами. — Мы всего лишь просим вас принять участие в нашей трапезе и благословить пищу на столе, потому что среди нас нет ни одного священника.

Сказано это было спокойно, беззлобно, но настойчиво. У духовных пастырей, похоже, не было выбора.

Предварительно завязав им глаза, их повели куда-то в лесную глухомань. Лошади их спотыкались о корни деревьев. Ветки хлестали по лицу.

Через некоторое время повязки с них сняли, помогли слезть с лошадей. Их обоих подвели к столу. Стол был сделан из длинных дубовых досок, положенных на высокие козлы. На этих чисто выскобленных досках лежали куски жареной оленины, каравай свежего пшеничного хлеба, и стояли глиняные кувшины с пенящимся элем. Располагался этот стол на поляне, прямо под голубым небесным потолком.

— Ну что же вы, патеры, молчите? Только после молитвы мы сможем приступить к еде!

Святые отцы, со страху забывая слова, прочитали «Патер ностер». И тогда все принялись за еду.

Принимавших участие в трапезе было человек сорок или пятьдесят. За столом было весело, раздавались шутки, произносились веселые тосты. Затем все посерьезнели и выпили стоя за короля Ричарда Львиное Сердце.

— А теперь, святые отцы, — сказал тот, кого называли Робин и у кого были лукавые, веселые голубые глаза и русая борода, — а теперь, как только вы заплатите по счету за обед, мы проводим вас обратно на дорогу.

Каноник и приор переглянулись. Так недавно согревавшая их души добыча, похоже, уплывала из рук.

— Мы бедные служители церкви, — сказал отец приор. — Откуда у нас могут быть деньги?

— В самом деле? У вас так ничегошеньки и нет? Но думается мне, Господь в этом случае не оставит вас. Встанем-ка на колени и помолимся. Что-нибудь да будет послано нам всем на бедность, — сказал им, как они вдруг догадались, сам Робин Гуд.

При этом он вынул свой меч, с маху срезал прутик и вложил его обратно в ножны.

Все происходящее с ними вдруг показалось им репетицией Страшного Суда.

Несчастный коротышка–каноник с трудом опустился на колени. Его толстый живот страшно ему мешал. Отец приор, упираясь сухим кулаком в траву, встал рядом.

— А теперь повторяйте за мной: «Господи, взываем к Тебе, услышь рабов Твоих...»

— Господи, взываем к Тебе, услышь рабов Твоих... — скорее, прошелестели, чем проговорили святые отцы.

— И пошли нам в достатке золотых монет, чтобы могли мы поддержать бранные тела наши.

Каноник и приор покорно повторили эту абсурдную молитву.

— Эй, Вилли! И Мач — ты тоже! — крикнул Робин. — Поглядите–ка, не наполнились ли кошель преподобных отцов золотом после их молитвы?

Вилли Скарлет и Мач отцепили от седел и приволокли два увесистых кошель.

Все вокруг зашумели, засмеялись, поздравляя святых отцов с удачей.

— Ого! — воскликнул Робин. — Однако немало было дано вам по вере вашей! Что ж, разделим по–братски все это золото. Высыпем дар Божий вместе и разделим на три части. Третья часть и будет платой за обед, это ведь справедливо, не правда ли?

Однажды рано поутру, не успели привратные сторожа отомкнуть и распахнуть скрипучие городские ворота, как, расталкивая торговцев, мясников, ткачей, горшечников и нищих, по мосту вихрем проскакал всадник. Он пронесся по улицам просыпающегося города и с ходу спешился возле дома шерифа. Даже не попросив дворецкого, чтобы о нем доложили, он стремглав влетел прямо в спальню. Симон де Жанмер только что приготовился спустить тощие ноги с высоченной, стоящей под розовым бархатным балдахинном кровати.

— В чем дело, Томас? — спросил он недовольным голосом. — Остается только, чтобы ты начал врываться ко мне в нужник.

— Простите, ваша милость, — ответил прибывший, прерывисто дыша, — но в Йорке меня перехватил королевский гонец... Вот послание... Он потребовал передать вам немедленно.

— Что ты сказал? Королевский?

— Да. То есть нет. Посланец от принца Джона. Но дело в том, что...

— Перестань бормотать и давай сюда грамоту.

Тот, кто был назван Томасом, передал шерифу свернутый в трубочку пергамент. Тот развернул свиток и стал читать, вытянув руки перед собой. К шерифу в последнее время уже подбиралась дальноркость.

— Как? — завопил он. — Король Ричард, встревоженный вестями из Англии, возвращался домой и был взят в плен? И кем же? Подумать только — эрцгерцогом Леопольдом Австрийским... Так-так. Держит его неведомо где... Никто не знает... Требуется выкупа... Ого! Однако кругленькая сумма!

Дальше шериф продолжал читать про себя. Потом снова принялся бормотать:

— Ну, ясно, ясно. Шансы принца на корону повышаются. Так-так. Ясно. Этим облезлым собакам, этим бесхвостым лисам только посули состязание да даровую снедь... Понятно, — добавил он, уже обращаясь непосредственно к гонцу. — Принцу нужна будет поддержка не только баронов, но и простого люда, этих самых вилланов и серфов и прочих, как их там. В соответствии с его секретным распоряжением мы объявляем состязания лучников в следующую среду, в день святого Кутберта. Все присутствующие бесплатно получают по куску жареной говядины и по большой глиняной кружке эля. Принц Джон знает, что делает! Скорей, скорей! Вызвать ко мне глашатаев! — Шериф хлопнул в ладоши, вызывая слугу, который почему-то мешкал принести ему серебряный кувшин с водой для умывания и платье.

— А теперь, ребята, сидите тихо и слушайте, — сказал Робин Гуд, неожиданно появляясь на поляне возле огромного дуба. — У меня грандиозная новость! Наш закадычный друг, шериф Ноттингемский, объявил состязание лучников в следующую среду.

— Робин, не собираешься ли ты кинуться этому неприрученному волку в пасть? — встревоженно спросил Вилли Скарлет.

— Помолчи, братишка! — засмеялся Робин. — Да знаешь ли ты, какой объявлен приз?

— Вторую жизнь тебе собираются подарить? — хмыкнул Маленький Джон.

— Серебряная стрела с золотым наконечником самой высокой пробы! Ясно?

— И ты, конечно, без этой стрелы не обойдешься? — съязвил Скарлет.

— Мне очень, очень хочется опустить ее в мой колчан! — засмеялся Робин.

— О нет, сэр, нет, — вмешался в разговор Мач, сын мельника. — Позвольте мне, пожалуйста, сказать.

— Ну, говори. Что там такое?

— Когда я ходил в Вотлинг купить ниток, там я встретил приятеля. Его зовут Эдом. Он сказал, что вся эта затея с состязанием придумана неспроста. Была доставлена какая-то грамота от принца Джона. А еще моему приятелю Эду сказал его приятель, Дэвид из Донкастера, который сейчас служит у шерифа в Ноттингеме, что тот похвалялся, будто теперь ему изловить Робин Гуда проще, чем поймать блоху на лысине. Мол, уж Робин не упустит такого случая. Мол, известно, сколь он горяч и на подначку падок, да еще не любит никому уступать первенство. Это ловушка, сэр! Пожалуйста, ну, пожалуйста, не ходите в Ноттингем!

Робин потрепал мальчика по рыжим вихрам.

— Ты смысленный парень, — сказал он, — и очень хорошо, что уши у тебя не зря к голове приставлены и дважды два у тебя всегда четыре. Вырастешь настоящим лесным стрелком, Мач, мой мальчик. Но неужели мы с тобой позволим, чтобы хоть кто-то подумал, что шериф Ноттингемский, ненавистный Симон де Жанмер, нагнал страху на Робин Гуда и его лесных молодцов? Полно, Мач, такого никак нельзя допустить!

— Безрассудство не храбрость, Робин, — заметил Вилли Скарлет.

— Э, старина, давай лучше скажем: храбрость — не безрассудство. Не дураки же мы в самом деле. Забыл пословицу «Торопыга обожжет губы, а дурак, бредущий с закрытыми глазами, свалится в яму»? Они нам — силок, а мы им — капкан. Еще неизвестно, кто хитрее.

— Ты что надумал, Робин? — любопытствовал Маленький Джон.

— Скоро узнаешь! А ну-ка давайте все одевайтесь кто во что. Кто монахом, кто крестьянином, кто жестянщиком, а кто нищим попрошайкой. Устроим знатный маскарад! Но чтобы луки и мечи — при себе. Не ровен час, может, придется и сражаться, если меня все-таки узнают! А уж я постараюсь выиграть эту стрелу, клянусь святым Кутбертом! Собирайтесь быстрее!

Стоило, право же, стоило побывать в окрестностях Ноттингема в день святого Кутберта. День этот, как гласит предание, пришелся на среду. Просторный луг начинался как раз за городской стеной. С утра там построены были ряды скамеек — один ряд повыше другого, с расчетом, чтобы видно было всем. Сидячие места предназначались для высокого дворянства, для баронов и их леди, для сквайров с их дамами, для богатых горожан и их жен. А там, где кончались скамейки, на широком помосте, покрытом коврами, украшенном лентами и гирляндами из цветов, высилось сиденье самого шерифа и его невесты. Тут поблизости и была установлена мишень. А на другом конце стрельбища стараниями плотников было воздвигнуто подобие беседки, где размещалось несколько бочонков с элем. Любой стрелок мог подойти и, если вдруг его станет мучить жажда, утолить ее совершенно бесплатно.

Вокруг скамеек для благородной публики были деревянные перила: это чтобы прочий сброд знал свое место и за перила не заходил.

Было еще рано, добрых полтора часа до начала, но чистая публика уже стала прибывать. Подъезжали в легких тележках с колокольчиками на лошадиных сбруях или верхом на сытых, ухоженных лошадях. Бедный люд тоже валил валом, располагаясь на зеленой травке сразу же за перилами.

Под широким парусиновым навесом собирались участники турнира. Они громко беседовали друг с другом, рассказывая о своих победах в предыдущих состязаниях. Некоторые старательно подтягивали тетиву, разглаживали пальцами оперенье. Иные придирчиво, в который раз, просматривали свои стрелы, проверяя, достаточно ли они прямые. Кто же захочет проиграть в таком состязании!

Да уж и то сказать, в этот день в Ноттингеме собрались искуснейшие лучники со всей доброй Англии.

Кого тут только не было! И Джилл Красный Колпак, первый лучник самого шерифа; и Диккон из города Линкольна; и Эдом из Тумворта, которому было уже лет шестьдесят, а то и поболее. И был он в свое время первым лучником. Люди еще помнили, как в труднейшем состязании в Вудстоке обставил он знатнейшего стрелка Клима из Клу. И еще было полно всяких знаменитостей, о которых в наше время мы читаем в старинных балладах. Странно только, что не прибыл на состязание доблестный сэр Гай Гисборн...

И вот наконец, когда все скамьи заполнились, показались шериф и его невеста. Оба верхом. Он — на снежно-белом жеребце, она — на молодой и сильной каурой кобыле. На шерифе красовался алый бархатный колпак.

Алый плащ его был оторочен горностаем, а плотно облегающие ноги штаны и куртка были цвета морской волны. Сапоги из черного бархата позванивали — от их острого носка к щиколоткам шла позолоченная цепочка. На шее висела массивная золотая цепь. А на воротнике виднелась золотая пряжка с огромным карбункулом. Дама была в голубом наряде, отделанном лебяжьим пухом.

Глашатай по знаку шерифа трижды протрубил в рог. Потом он сделал шаг вперед и возгласил:

— Поначалу каждый стреляет по мишени на сто пятьдесят ярдов. Все выпускают по одной стреле. Дальше десять лучших будут стрелять каждый — по две стрелы. И наконец, трое лучших из лучших — по три стрелы. Победитель получит серебряную стрелу с золотым наконечником и золотым оперением из золота высшей пробы. Начинайте вон от той метки.

Шериф все время вытягивал шею, как гусь, стараясь разглядеть среди лучников Робин Гуда. Но не было никого, кто был бы одет в зеленое линкольнское сукно. Нигде не мелькала светло-русая борода.

«Все равно, — думал шериф, — надо быть начеку, он может где-нибудь ошиваться. Подождем, когда стрелять будут десятеро, тогда легче будет узнать. Не может он, тщеславная тварь, ну просто не может упустить такой шанс. Или я его плохо знаю».

Тем временем лучники начали стрелять. Право же, добрые люди давно не тешились таким зрелищем. Отличнейшие были стрелки. Ну просто на удивление! Когда все выстрелили по разу и определились десять лучших, шериф занервничал. Да что же это, где же этот негодяй?! Неужели почел за благо отсидеться под кустом, как заяц? Он вроде бы не трус, этот мерзавец.

Из десятирех шестеро были хорошо известны всей стране! Джилберт Красный Колпак, Эдом из Тумворта, знаменитый стрелок Диккон, Вильям о'Лесли, Губерт о'Клауд и Суизин из Хертфорда. Еще двое были веселые йоркширцы, и еще один в голубом, высоченный, сказал, что он из Лондона, и последний, довольно обтерханный, в красной линялой робе, с темно-каштановой бородой и черной повязкой на одном глазу.

Все десятеро выстрелили по два раза. Все стреляли хорошо, но остались на третий тур трое самых лучших. Один — Джилберт Красный Колпак, второй Эд из Тумворта и одноглазый.

Этот обтерханный, когда дошла его очередь, натянул тетиву хорошего тисового лука и так быстро спустил стрелу, что вдохнувшие и выдохнуть не успели. Но при этом его стрела оказалась к центру мишени ближе других примерно на длину двух ячменных зерен.

— Клянусь всеми святыми в раю! — воскликнул шериф. — Вот это выстрел так выстрел!

Претенденты выстрелили по второму разу. И опять одноглазый стрелял лучше, чем Джилберт и Эд.

С третьего выстрела Джилберт чуть было не угодил в самую точку, которая отмечала центр яблочка на мишени.

— Молодцом, Джилберт! — воскликнул шериф. — Ну а теперь ты, нищий бродяга, поглядим, на что ты способен. Попробуй-ка выстрелить лучше!

Одноглазый в красном залатанном плаще промолчал. В наступившей тишине он занял свое место. Казалось, никто просто не дышит. Незнакомец оттянул тетиву. Он постоял неподвижно — вроде бы досчитал до пяти, — после чего послал стрелу в цель. Его стрела сшибла оперение с Джилбертовой стрелы и вонзилась в обозначенный точкой центр мишени. Там она дрогнула и замерла.

Из публики не раздалось ни единого возгласа, все молча, недоуменно глядели друг на друга.

Так же молча, шелестя своими бархатами и шелками и позвякивая золотой цепью, шериф слез со своего помоста и направился к одноглазому бродяге.

— Вот, парень, — сказал он. — Получи свой приз. Как тебя зовут?

— Джок из Тевиотдейла, — ответил одноглазый.

— Клянусь Пресвятой Девой, Джок, ты самый лучший стрелок из лука, кого мне за всю жизнь приходилось встречать. Если ты согласишься пойти ко мне на службу, то я тебя приодену, да и есть будешь с моего стола. Говори, согласен ли ты стать моим слугой?

— Благодарю покорно, ваша милость, — сказал одноглазый, — но лучше я останусь ничьим слугой. Не родился еще человек в нашей доброй Англии, чьим слугой мне захотелось бы стать.

— Ну, тогда катись отсюда! — багровея от злости, закричал шериф. — Убирайся, чума тебя разрази!

Одноглазый никак не отреагировал на шерифову грубость. Люди молчали. Только за перилами, там, где располагалась простая публика, вдруг залаял чей-то пес.

На небе румянилась вечерняя заря. Несколько человек в костюмах из светло-зеленого линкольнского сукна шагали по лесной дороге, весело переговаривались. Каждый из них нес закинутый за плечи лук, а в руках — узелок с одеждой, кто с черной сутаной, кто с красным плащом...

— Как же тебе удалось так стрелять с одним-то глазом, Робин? — смеялся Вилли Скарлет.

— Борода-то, борода как потемнела от сока молодых орехов!

— А шериф все крутил головой, все высматривал Робина, и ищейки его шныряли и среди стрелков, и среди публики.

— Молодец наш Робин!

Робин шел притихший. Он был доволен, что выиграл серебряную стрелу, состязаясь с лучшими стрелками Англии. Но одна мысль его тревожила: на состязаниях не было сэра Гая Гисборна, а он обычно не пропускал таких okazji. И, надо сказать, частенько выигрывал. Не было ли в этом какого-нибудь умысла, не затеял ли он что против Робина? Сэр Гай и умен и хитер.

Не успел Робин додумать свою мысль до конца, как Мач, сын мельника, воскликнул:

— Смотрите! — указывая на густые заросли жимолости.

В тот же миг кусты зашевелились, и несколько всадников во главе с сэром Гаем выскочили на дорогу.

— Сдавайся, Робин Гуд! — вскричал Гай Гисборн. — Мои люди окружили вас, и податься вам некуда. Вам всем конец!

— Все в руках Божьих, не в твоих! — ответил Робин Гуд.

Его стрела ударилась о металлический шлем рыцаря. Пробить его она не смогла, но удар был таким сильным, что Гай Гисборн повалился с седла навзничь на желтый ковер из лютиков. Воздух в ту же минуту потемнел от летящих стрел. И один за другим воины, сопровождавшие Гая Гисборна, падали на землю, оглушенные или убитые.

Им было не устоять перед искусством зеленых стрелков, и довольно скоро уцелевшие пустились наутек, спасая свои жизни.

— Друзья мои, теперь бегом, что есть сил, — скомандовал Робин. — Сейчас они вернутся с подмогой от шерифа. Маленький Джон, что с тобой, ты что, окаменел, что ли?

— Милый друг Робин, — простонал Маленький Джон. — Оставьте меня и бегите. У меня прострелено колено. Я не могу передвигаться сам. А тащить меня — уж слишком тяжел кусок! Спасайтесь, ради Пречистой Девы!

— Робин Гуд никогда не предавал своих друзей, запомни, Маленький Джон! Эй, ребята, берись дружно, понесите-ка этого дурака. А там уж займемся его коленом. Поплюем, пошепчем, глядишь, и вылечим!

Конечно, передвигаться им пришлось медленно. И вот уже стали слышны звуки погони: крики, конское ржание и собачий лай.

— Взвалите-ка мне его на плечи, — скомандовал Робин. — Я понесу один. А вы приготовьте луки и стрелы.

— Глядите, глядите, — закричал быстроглазый Мач. — Вон я вижу огонек. Там впереди виднеется чей-то большой каменный дом.

— Если нас приютят там, то этим шерифовым псам не достать нас, — заметил Вилли Скарлет.

— Я узнаю, — воскликнул Робин, — это дом сэра Ранульфа, гордого сакса, который предпочел лишиться большей половины своих земель, но не склонил голову перед норманнским шерифом, подлым прислужником принца Джона, Симоном де Жанмером. Мы спасены!

...И не успел последний из лесных стрелков укрыться в стенах замка, как по захлопнувшимся воротам ударил ураган стрел. Но дубовые ворота, сверкавшие шляпками железных гвоздей, были прочны, а каменные стены — толстые и надежные. Вылетевшие из узких окон стрелы старого Гуго из Трента сразили сразу шестерых.

Враги отступили.

Воцарилась тишина. Луна выкатилась в небо. Она была как большая аппетитная поджаристая лепешка. Дым из каминных труб устремлялся прямо к луне. А это предвещало назавтра хорошую погоду.

Глава V **ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ МОНАХ**

Все в этом мире ходит следом одно за другим: свет и тень, успех и поражение, радость и печаль. Так уж этот мир устроен. Каменные стены сэра Ранульфа, прозванного благородным, спасли Робин Гуда и его товарищей. Это ли не радость? Но как гаснет веселый костер под проливным дождем, так их радость погасла от того, что сообщил им сэр Ранульф. От него впервые Робин Гуд и его друзья узнали, что их король Ричард Львиное Сердце попал в плен и что за него требуется непомерный выкуп.

Но Робин Гуд грустил недолго. Он принял решение. И оно вселило в него бодрость.

— Вот что, друзья мои, — сказал он. — Какое бы имя ни носил сейчас Роберт Фитцутс, граф Хантингдон, ни он, ни его верные стрелки не дадут погибнуть законному королю. Пусть трепещут все, у кого в кошельке звенят несправедливые деньги. Отныне ни один из них не пройдет и не проедет свободно по Королевской дороге. И все деньги пойдут на выкуп короля Ричарда Львиное Сердце. Так ли я говорю?

— Так, Робин!

— Поможем королю!

— Да здравствует Кер де Лион, законный король!

Цель была ясна. К зеленым братьям вернулось хорошее расположение духа.

Дело близилось к осени, и листья в Шервудском лесу уже тронуло красным и желтым. Робин Гуд, Маленький Джон, Вилли Скарлет и еще несколько стрелков, отправившись на охоту, дошли аж до Бернесдейлского леса в Чешире. Куда-то запропастились олени, ну никак не было им в этот день охотничьей удачи!

И вот наконец что-то зашелестело в густых кустах лещины. Вилли Скарлет мгновенно выстрелил, почти наугад, и было слышно, как в кустах что-то тяжелое рухнуло на землю. Это оказался крупный олень-самец.

— Ну, брат Вилли, ты так метко стреляешь, тебе мог бы позавидовать сам Робин Гуд, — засмеялся Робин.

— Это что! — отозвался Вилли. — Вот знал я тут одного монаха. Тот, я тебе скажу, стрелок так стрелок. Ему, пожалуйста, завидуй, я разрешаю.

— Интересно! Как это — монах и вдруг — стрелок?

— И не только. Он и на дубинках драться мастер, и мечом владеет не хуже рыцаря-крестоносца.

— Ну, ты раззадорил меня, Вилли. Я хочу с ним познакомиться. Непременно. Не знаешь ли, где его найти?

— Говорят, он живет отшельником в пещере на правом берегу реки возле Кемпенхерста. Отшельникто он отшельник, но он там еще держит на реке переправу.

— Ох, дивны дела твои, Господи, — засмеялся Робин. — Чего только не бывает в доброй веселой Англии!

Наутро Робин Гуд оделся менестрелем.

— Робин, ты что, собираешься бродить от замка к замку и услаждать баронские уши пением старинных французских баллад? — с насмешкой заметил Кеннет Беспалый. — Не забудь прихватить с собою лютню!

— И еще для смягчения голоса проглоти десяточек сырых яиц! — подхватил Вилли Скарлет.

— И шелковый платочек возьми — утирать слезы красоткам! — съязвил Маленький Джон.

— Нет, братцы, я иду искать того монаха. Всегда лучше для начала притвориться кем-нибудь другим. Не обязательно всем знать, кто ты есть. Запомните этот добрый совет на будущее!

— Не искушай судьбу, Робин, — пробормотал Скарлет, сразу сделавшись серьезным.

— Послушай, давай я пойду с тобой, — предложил Маленький Джон. — Говорят, монах-то здоровенный, и отчаянный драчун.

Но Робин любил рисковать. Он никогда не испытывал страха. Это чувство «небоязни» было ему самому приятно. Оно вселяло в него веселость и давало ему ощущение полноты жизни.

Он помахал друзьям рукой, и тут же его статная фигура скрылась в густой зелени.

Робин шел по лесу напрямик по направлению к Гэмвеллу. А дойдя до реки, пошел вдоль берега, надеясь выйти к Кемпенхерсту. Там где-то должен быть брод. Видимо, странный монах как раз там и обнаружится.

Он шел и потихоньку напевал:

В зеленом Шервудском лесу
Звучит призывно рог. —
Несутся сорок молодцов
Сквозь чащу, без дорог...

Под ногами шуршала доживавшая свой век трава. Высоко над головой проплыл клин. От реки доносился медовый запах почему-то запоздавшей в своем цветении таволги.

Вскоре он дошел до переправы. На противоположном берегу, привязанная к колышку, кормой по течению, покачивалась лодчонка, а рядом на дубовом пне восседал огромных размеров толстяк. На нем было коричневое монашеское одеяние, макушка была выбрита. Странно только, что поверх рясы был у него кожаный пояс, а к нему был приторочен широкий меч. Возле него никого не было видно, но монах с кем-то разговаривал. По тому, как он поглядывал на растущий рядом граб, казалось, что именно с этим деревом он и ведет беседу.

— Охой! Перевозчик! — позвал его Робин. — Переправь меня через реку!

— Все в свое время, сын мой, все в свое время, — отозвался отшельник.

Прежде чем сесть в лодку, монах вырезал увесистую дубинку. Ею он и оттолкнулся от берега.

Причалив, святой отец оглядел Робина и скорчил гримасу.

— У-у-у, всего-то менестрель! У вас, бродячих певцов, разве когда-нибудь бывают деньги?

— Как, милый добрый отшельник, — улыбнулся Робин, — уж не собираешься ли ты меня ограбить?

— Нет, не собираюсь. Но вроде бы так ведется, что Божьи люди могут рассчитывать на милостыню.

— Кто же милостыню требует? Давать или не давать — это дело совести каждого.

— Ну, вот я и собираюсь, как служитель церкви, пробудить у тебя совесть, — сказал монах, косясь на свою дубинку.

— Ну, пожалуйста, сделай одолжение, я разрешу тебе порыться в моем кошельке.

И Робин притворился, будто отстегивает кошелек. Монах отложил по этому случаю в сторону свою дубинку, а Робин молниеносным движением выхватил меч из ножен и приставил его к толстой шее монаха.

— А вот теперь, Божий смиренник, ты переправишь меня на тот берег, и не в лодке, а в качестве коня.

Как будешь возражать, коли острый меч приставлен к твоему горлу?

— Охотно, — сказал монах, подставляя свою могучую спину. И, погрузившись по пояс в воду и намочив и рясу и исподнее, он живо перетащил Робина на другую сторону реки. Но, выйдя на берег, он так ловко передернул плечами, что Робин оказался распростертым на земле.

— Ну что, паренек? — спросил монах с издевочкой, наступая на лезвие его меча и выхватывая свой. — А теперь ты повезешь меня на тот берег — за лодкой. А то без лодки какой же я перевозчик!

И вся эта гора мяса и жира навалилась Робину на плечи.

— Ух! — только выдохнул Робин и побрел по воде. Но, дойдя до середины реки, он повторил жест толстого монаха и, передернув плечами, свалил его прямо в воду.

— Ну, молодец, ну, молодец! — бормотал монах, выбираясь на берег. — Ну, хороший парень, ну, сейчас я раскрою тебе череп дубинкой, да и дело с концом!

— Дубинкой так дубинкой, — весело откликнулся Робин. — Но, святой отец, прежде чем ты доберешься до моего черепа, дай-ка мне поесть, я голоден, как шерифова кошка.

— Ну что ж, сын мой, — согласился монах, откладывая дубинку в сторону и отжимая полы своей рясы. — Давай на этот раз — в лодку.

На той стороне оказалась сухая уютная пещерка, где толстый инок проводил свои дни в молитвах.

Он поставил на грубо сколоченный стол глиняную миску с вареными бобами и ковшик воды. Робин, давась и икая, попробовал это есть.

— Да, святой отец, — сказал он. — И возлюбил же тебя Господь, что поддерживает такое огромное тело только водой и вареными бобами. Но, думается мне, что для заглянувшего к тебе прохожего, у которого водятся денежки, должна же быть у тебя какая-то более мирская пища, а?

И он показал монаху золотую монетку.

— Как не быть, — откликнулся монах, протягивая огромную свою лапищу за монеткой. — Как не быть!

Он отошел к стене пещеры и открыл искусно замаскированную кладовочку. Оттуда он выволок огромнейших размеров пирог с олениной и кожаную бутылку, в которой булькало не иначе как вино.

— Хо-хо! Вот это другое дело! — обрадовался Робин и принялся уписывать пирог с такой скоростью, что круглое лицо монаха стало на глазах вытягиваться огурцом.

Робин сжалился над ним.

— А ты, как видно, давно живешь отшельником, отец мой, — сказал он. — Ты забыл, что хотя бы простая вежливость требует, чтобы хозяин разделил трапезу с гостем. Это только докажет, что угощение доброкачественно и его безопасно есть.

— И в самом деле забыл! — засуетился монах. Он тут же отхватил кусок пирога и наполнил два рога из кожаной фляги.

— Уважаемый гость, — обратился монах к Робину, протягивая рог с вином. — Тебе не кажется также, что воспитанному гостю стоило бы представиться и назвать свое имя?

— Справедливо, — согласился Робин. — Но хозяину приличествует сделать это первому.

— Зови меня отец Тук. Я живу здесь отшельником, потому что не могу выносить подлостей аббата из аббатства Святого Квентина.

— Эту змею я знаю хорошо, — сказал Робин тихо, как бы про себя.

— Алчность и злоба, и прислуживанье власть имущим, и жестокость, и грубость — вот что цветет в аббатстве. И знаешь, сын мой, подумал я, а разве лес — не храм? Разве Богу менее угодно, если с Ним будут разговаривать под куполом небесным, хоралы будут распевать птицы? Ты ведь читал в Писании: «Дух дышит, где хочет», а значит, и в лесу.

— Позволь мне спросить тебя, отец Тук. Когда я подошел к реке, мне показалось, что ты разговаривал с грабом.

— И ты решил, что я тронулся умом? — засмеялся отец Тук. — Нет, милый. И деревья говорят, и травы, и звери. Все мы — творение Божье и должны друг друга понимать. Только в грехах мы погрязли и общий наш язык забыли.

— Ты хорошо говоришь. Ну а как же все это? — Робин кивнул на остатки пиршества.

— Душа не гибнет от хорошей еды, уверяю тебя, сын мой. Но ты-то все-таки кто такой? Сдается мне, что не бродячий певец, а?

— И у меня так же, как и у тебя, было раньше другое имя. Я узнал тебя, отец Майкл. Ты не просто монах, ты священник, удравший от ненавистного аббата. А я — Робин Гуд. Так зовут меня теперь.

— За здоровье Робин Гуда! — поднял отец Тук полный рог вина.

— Послушай, святой отец. Нам в Шервудском лесу нужен священник. Не безбожники же мы, в самом деле. Некому нас наставить на путь спасения! Пойдем со мной. И оленина на лесном костре отлично прожаривается и пахнет дымком. И шотландского эля у нас вдоволь.

И молодцы мои — люди верные, надежные и веселые. И уж спуску не дадут аббату, попадись он только! Право же, пойдем. Прямо сейчас. А подраться на дубинках мы еще успеем.

— Ну что ж, — сказал отец Тук. — Пусть будет потвоему. Только погоди минутку. Не пропадать же в самом деле доброму вину.

И, вновь наполнив оба рога, он протянул один Робину и запел во всю свою могучую глотку веселую песню:

Что важно, скажи, для святого отца?
На свете прожить, не теряя лица.
Молиться? — Молиться!
Поститься? — Поститься!
А также отведать мясца и винца!
Запомни, дружок, и всегда повторяй:
Ты только для дела свой рот отворяй.
Не вредно для духа
Втолкнуть в свое брюхо
Побольше мясца и побольше винца!

Глава VI

СЭР РИЧАРД ЛИ

— Поститься очень полезно для здоровья, — сказал Робин Гуд.

На лице у отца Тука изобразились сомнение и тоска одновременно.

— Но! — сказал Робин. — Я пропостился уже целых три часа и думаю, самое время пообедать. Отец Тук, пригляди, чтобы ребята как следует накрыли на стол. А ты, Маленький Джон, давай-ка схлопочи гостя к обеду.

— Охотно, Робин.

— Да прихвати с собой Вилли. Мач, и ты собирайся. Только смотрите, не трогайте честных йоменов, бедных тружеников, и дайте спокойно проехать или пройти любой компании, в которой есть женщина. Поняли? Пусть она будет хоть норманнская баронесса.

— Так какого ты ждешь гостя? — спросил отец Тук у Робина. Он не очень еще привык к Шервудским обычаям.

— А птицу пожирнее! — засмеялся Робин. — Аббата. Или епископа, к примеру. И шерифа изловить тоже была бы удача. Его кошель никогда не бывает пустым. Сойдет и какой-нибудь рыцарь.

Маленький Джон, Вилли Скарлет и Мач, сын мельника, прихватив луки, как всегда, неслышно ступая в своих мягких остроносых сапогах, двинулись в сторону дороги, ведущей в Уотлинг. Это была старая дорога, построенная в незапамятные времена еще римлянами. Начиналась она в Дувре и дальше вела в Лондон, и, кажется еще дальше, через леса Средней Англии на Честер.

Дойдя до дороги, вся троица притаилась на опушке, но, как они ни вертели головами, ни с востока, ни с запада никто не появлялся.

Наконец Вилли Скарлет заметил рыцаря, едущего верхом на коне.

Но, Боже мой, что это был за рыцарь и что это был за конь!

Седок уныло глядел перед собой, взгляд его застыл, и, казалось, он не видит дороги и не замечает ничего вокруг. На нем был какой-то изодранный плащ с капюшоном и сапоги, на которых никаким чудом не удержались бы шпоры, так они были разношены. У бедной лошади ввалились бока и торчали ребра. В нечесаной гриве было полно репьев. От обоих веяло такой тоской, такой неизбывной бедой, что Маленький Джон засомневался было, уж не оставить ли бедолагу в покое. Но Маленькому Джону очень хотелось есть, а Робин велел непременно кого-нибудь привести к обеду. Он вышел на дорогу и схватил лошаденку под уздцы.

— Добро пожаловать в наши леса, сэр рыцарь, — сказал он учтиво. — Мы тебя давно уже поджидаем. Наш хозяин в рот ничего не берет, все ждет тебя к обеду.

Рыцарь откинул капюшон. Это, безусловно, был сакс, потому что норманны брили бороду, а у этого была курчавая, русая с проседью борода, светлые глаза и очень мягкая, добрая улыбка.

— Ты принял меня за кого-то другого, приятель. Меня никто не знает в этих краях. И поэтому никто тут ждать не может.

— Уверяю тебя, я послан именно за тобой. Окажи нам честь и отобедай с нами.

— Но кто же послал тебя? — недоумевал рыцарь.

— Меня послал Робин Гуд. Знакомо ли тебе это имя?

— Я слышал о нем, — отвечал рыцарь. — Люди говорят о Робин Гуде как об отважном и независимом человеке, который не покоряется ни аббатам, ни норманнским баронам. И еще ходят слухи, что он помогает простым людям и многих уже выручил из беды.

— Все это — чистая правда, сэр, а потому не будем больше мешкать.

Сильная рука верзилы крепко держала уздечку его коня. К тому же рыцарь действительно был голоден.

— Ну что ж, — согласился он. — Я последую за тобой, если ты укажешь мне путь.

— Добро пожаловать, благородный рыцарь!

Так приветствовал прибывшего Робин Гуд, когда Маленький Джон, Вилли Скарлет и Мач доставили грустного седока на поляну, где в самой глуши леса рос огромный дуб.

— Ты, верно, долго был в пути, — продолжал Робин. — У тебя усталый вид. Прошу тебя, будь нашим гостем. Обед уже давно готов.

И он подвел прибывшего к столу.

А на столе были разложены горы хлеба, и стояли большие кожаные бутылки с вином, и было сколько душе угодно жареных лебедей и фазанов, и много рыбы, выловленной в прозрачных водах лесного ручья, не говоря уже о запеченной на вертеле оленине. Как принято с давних пор говорить в Англии — стол стонал от изобилия.

— Спаси тебя Господь, Робин Гуд, а также всех твоих молодцов. Давно уже не приходилось мне сидеть за таким роскошным пиршественным столом. Знай, что я бедный и несчастный рыцарь, сломанный жизненными напастями. Зовут меня сэра Ричард Ли.

— Расскажи нам потом о себе, — сказал Робин, — но сначала утоли голод.

Отец Тук, умильно сложив руки на животе, прочел молитву, и все принялись за еду.

И был этот пир таким дружеским и веселым, что сэра Ричард Ли ненадолго забыл о своих печалях.

А Робин все подкладывал и подкладывал ему на большую деревянную тарелку самые лучшие кусочки.

— Благодарю тебя, благородный Робин Гуд. Я не ел так много аж с самого Михайлова дня. Если Бог даст мне снова жить в этих краях, я угощу тебя столь же роскошно, поверь мне.

И сэра Ричард Ли стал собираться в путь.

— Повремени немного, рыцарь, — сказал Робин. — Наш обычай таков — всякий, вкусивший хлеба за нашим столом, оставляет за это плату.

Рыцарь ответил ему горьким смехом.

— Мне не хватит средств расплатиться хотя бы за один кусок, не говоря уже о столь богатом угощении. В моем кошельке — всего десять серебряных шиллингов.

— Пожалуйста, не прими это в обиду, рыцарь. Но у нас принято проверять, правду ли говорит наш гость. Пойди, Маленький Джон, отвяжи

поклажу от седла и проверь содержимое.

Затем, снова повернувшись к гостю, Робин продолжал:

— Если ты сказал правду, ни одного пенни из твоих денег мы не тронем. И если тебя в самом деле одолела нужда, мы готовы помочь тебе, чем сможем. Никто из обитателей Шервудского леса никогда не относился к благородному рыцарю с презрением из-за его бедности.

Тем временем Маленький Джон расстелил на траве плащ и вытряхнул на него содержимое седельных мешков. Оттуда вывалились скудные пожитки рыцаря и выкатились ровно десять серебряных монеток. И не было в этих мешках решительно ничего, что имело бы какую-либо ценность.

Маленький Джон поспешил доложить:

— Рыцарь сказал истинную правду. Я ничего не обнаружил, кроме объявленных десяти шиллингов.

Робин кивнул и обратился к гостю:

— Скажи же, благородный рыцарь, почему же ты так обеднел? Разбазарил свое имущество на женщин? Проиграл в карты? Неумело вел хозяйство?

— Нет, клянусь святым Бернардом, Робин Гуд, все обстоит вовсе не так. Дело в том, что моего близкого друга, сэра Энгельрика, взяли в плен сарацины. Он сопровождал его величество короля Ричарда Первого в походе за освобождение Гроба Господня. И вот эти нехристи потребовали за него выкуп. Надо было отдать шестьсот золотых, а я смог набрать только двести.

— Да, — вздохнул Робин. — Нам всем тоже предстоит собирать выкуп, да побольше, чем шестьсот золотых. Наш король пленен. Но не в Палестине, а в Европе. И находится в неизвестном месте. А выкуп требуется огромный.

— Увы, — вздохнул рыцарь.

— Но что же было дальше? — спросил Робин. Зеленые стрелки окружили Робина и рыцаря, с сочувствием слушая его историю.

— Я заложил одному аббату за четыреста золотых свой замок и родовые земли и выкупил друга. Но завтра в полдень истекает срок моей закладной. А я не смог собрать к сроку эти четыреста золотых, и вот завтра, если аббат не даст мне отсрочку, я остаюсь гол, бесправен и нищ.

— И нет у тебя друзей, которые могли бы тебя выручить? — поинтересовался Маленький Джон.

— Были, — отвечал рыцарь. — Много их было, когда я был весел, богат и щедр.

— А что за аббат, который дал тебе мизерную сумму в четыреста золотых за родовой замок и наследственные земли? Кто этот сквалыга?

— Настоятель аббатства Святого Квентина в Йорке.

— Так вот это кто! — воскликнул Робин.

— Ты встречался с ним?

— Встречался. И надеюсь встретиться еще, — посуровев, ответил Робин Гуд.

Всех очень растрогала печальная повесть, которую поведал о себе благородный рыцарь сэр Ричард Ли. Вот как об этом поется в одной старинной балладе:

И Маленький Джон слезу смахнул,
И Вилли Скарлет, и Мач.
Им рыцаря жаль.
Не скрыли печаль
Что мальчик, что бородач...

Робин Гуд поднялся из-за стола. Его щедрое сердце не выдержало:

— Маленький Джон! Отправляйся в пещеру и отопри тот самый сундук. Ни аббат, ни епископ, никто не посмеет сделать благородного сакса нищим.

Маленький Джон удалился и вскорости вернулся с двумя увесистыми мешочками.

— Ты посчитал как следует, друг мой?

— Да, Робин. Весь долг и еще немножечко, чтобы рыцарю продержаться какое-то время.

— Хорошо! — одобрил Робин. — Но приличествует ли рыцарю щеголять в таком изношенном одеянии? Отмеряйте ему как следует зеленого и красного линкольнского сукна. И выдайте-ка ему пару новых сапог и к ним — золоченые шпоры.

Вилли Скарлет и Мач кинулись к запасам сукна.

— Давай-ка, Мач, мой мальчик, разматывай сукно да отмеряй пощедрее!

— Чем же мы будем мерить, Вилли?

— А добрый лук, по-твоему, плохая мера?

И они стали весело отмерять и зеленое и красное сукно, наматывая его на лук.

Они принесли сукно, и еще роскошный пурпурный плащ, и пару добротных сапог, и к ним — звонкие золоченые шпоры.

Рыцарь то смеялся, то плакал от счастья.

— Когда мы снова увидим тебя, сэра Ричард? — спросил Робин.

— Даю вам всем свое рыцарское слово, что ровно через год я верну вам долг. Сэр Ричард Ли еще ни разу в жизни своего слова не нарушил.

И он отправился в аббатство Святого Квентина счастливый и окрыленный.

Аббат, настоятель монастыря Святого Квентина, сидел за изобильно накрытым столом. Напротив восседал лорд судья, которого он пригласил не только ради того, чтобы он разделил с ним трапезу. Судья мог понадобиться, чтобы быстро оформить бумаги на владения сэра Ричарда в том случае, если он не успеет вернуть долг. Время близилось к полудню, и настроение аббата улучшалось и улучшалось.

— Если он не покажется сегодня, то лишится всего своего имущества. Но так ему и надо, этому гордецу, — разглагольствовал аббат.

Его помощнику, отцу приору, было все-таки жаль рыцаря.

— Но ведь он одолжил деньги для благородного дела, — сказал приор. — Что, если он еще не вернулся из Палестины, куда он повез выкуп?

— Вам бы лучше помолчать, — сердито отозвался аббат. — Разве закон не на нашей стороне?! И в результате аббатство станет еще богаче. Вам что, это в убыток, что ли, отец приор?

— Почем знать. Может, его уже давно убили сарацины или разбойники повесили в лесу на дубовом суку? — меланхолично заметил келарь, толстенный монах, который заведовал в аббатстве продовольственными и винными погребами.

— Что вы обо всем этом думаете, лорд судья? — спросил аббат.

— Да ничего не думаю, — отозвался судья. — Не придет он, и все.

Затем, слегка подумав, он оторвал кожу от дикой утки и положил ее перед собой на глиняную тарелку. И всем им было невдомек, что в это самое время сэр Ричард Ли уже подъезжает к воротам аббатства. Скинув малиновый плащ, он оказался в прежнем своем — ветхом и драном. Спрятав мешки с золотом под полую, рыцарь вошел в трапезную. При виде его аббат побледнел, и лицо его вытянулось.

— Принес денег? — резко спросил он, не отвечая на приветствие вошедшего.

— Ни пенни.

— Ага.

На жирное лицо аббата вползла улыбка, и он, отрезав себе хороший кусок сочного мяса, насаженного на вертел, набил им рот и начал жевать.

— Зачем же ты явился сюда? — заговорил он с набитым ртом.

— Просить отсрочки.

Сэр Ричард Ли опустился на колени.

— Ни дня, ни часа, ни минуты!! — взревел аббат. — Вот тебе десять золотых, — обратился он к судье, — займись, пожалуйста, бумагами, перепиши имения и замок Ричарда Ли на аббатство Святого Квентина.

Лорд судья радостно схватил деньги и выпил винца за здоровье аббата.

— Разве вы не вступитесь за меня, высокочтимый лорд судья? — умоляющим голосом спросил сэр Ричард.

— Как же я могу, раз аббат мне уже заплатил? — возразил судья.

— Убирайся отсюда, ты — лживый рыцарь, не выполняющий своих обещаний. Вон!

Сэр Ричард вскочил с колен и придвинулся к аббату, сжимая кулаки.

— Лживым я никогда не был. На! Возьми свои деньги и немедленно верни мне закладную! — прокричал он в гневе, один за другим швыряя на стол оба мешочка с золотом. — Никогда, никогда не достанутся земли Ричарда Ли тебе, бесстыдный и безжалостный аббат!

Проговорив это, сэр Ричард вырвал из рук судьи свою закладную и поспешно покинул аббатство.

На зубчатой стене замка стояла женщина, красивая и печальная, и пристально глядела на дорогу. Неделю назад ее муж, сэр Ричард Ли, отправился в аббатство Святого Квентина в Йорке просить отсрочки уплаты по закладной. Она знала, что аббат — алчный, крутой, жестокий человек. Надежды было мало. Она была готова встретить своего мужа и остаться с ним на всю жизнь в нищете. Она любила его. Но она не переставая молила Господа о чуде и в глубине души в это чудо верила.

Под вечер она услышала цокот копыт, и был он какой-то неожиданно звонкий, добрый и веселый. Стражник трижды протрубил в рог, что означало, что прибыл сам хозяин, и опустил подъемный мост. Ворота замка распахнулись, и рыцарь въехал во внутренний, мощеный двор.

Супруга, опережая слуг, первой выбежала ему навстречу.

— С возвращением домой, дорогой мой! — воскликнула она. — У тебя такой веселый вид, что, верно, аббат сжалился над нами!

— Погибель на этого аббата! — воскликнул сэр Ричард. — Если бы мы положились на его милость, мы бы побрели сейчас по дороге с протянутой рукой. Радуйся, женушка, и замок и земли — наши! И все это благодаря благороднейшему, великодушнейшему Робин Гуду!

— С этого дня я буду поминать его в своих молитвах, — сказала она.

Глава VII

КАК РОБИН ГУД ПРЕВРАТИЛСЯ В ГОНЧАРА

Утро было серое. Солнце пряталось за тонкой непрозрачной дымкой. Дождя не было, ветра не было, а только зависла в воздухе какая-то скука.

Вот, чтобы развеять эту скуку, и отправились Робин Гуд, Маленький Джон и Вилли Скарлет на поиски приключений. И только вышли они на дорогу, которая вела из Мэнсфилда в Ноттингем, как до их слуха донесся скрип колес. Кто-то ехал на тележке в сторону Ноттингема и во всю глотку распевал дурацкую песню:

Скакала жаба на осле.
Медведь летал на помеле.
А черный кот кипел в котле.
Ты что, не веришь, братец? —
Ты сам поскачешь на осле,
И полетишь на помеле,

И завтра сваришься в котле.
Тогда поверишь, братец!

Робин расхохотался.

— Кто это к нам сюда жалуется?

— Думается мне, я узнаю этот голос, — сказал Маленький Джон. — Я знал его когда-то. Это Тэм, горшечник из Мэнсфилда. Веселый парень и толстый, как монастырская бочка. Не хуже нашего отца Тука. Но, между прочим, когда бывают игрища с дубинками, он крошит всех подряд. Равного ему не сыщешь во всей округе.

— Так уж и не сыщешь? — не поверил Робин.

— Бьюсь об заклад на пять серебряных монет, он любому из нас накостыляет!

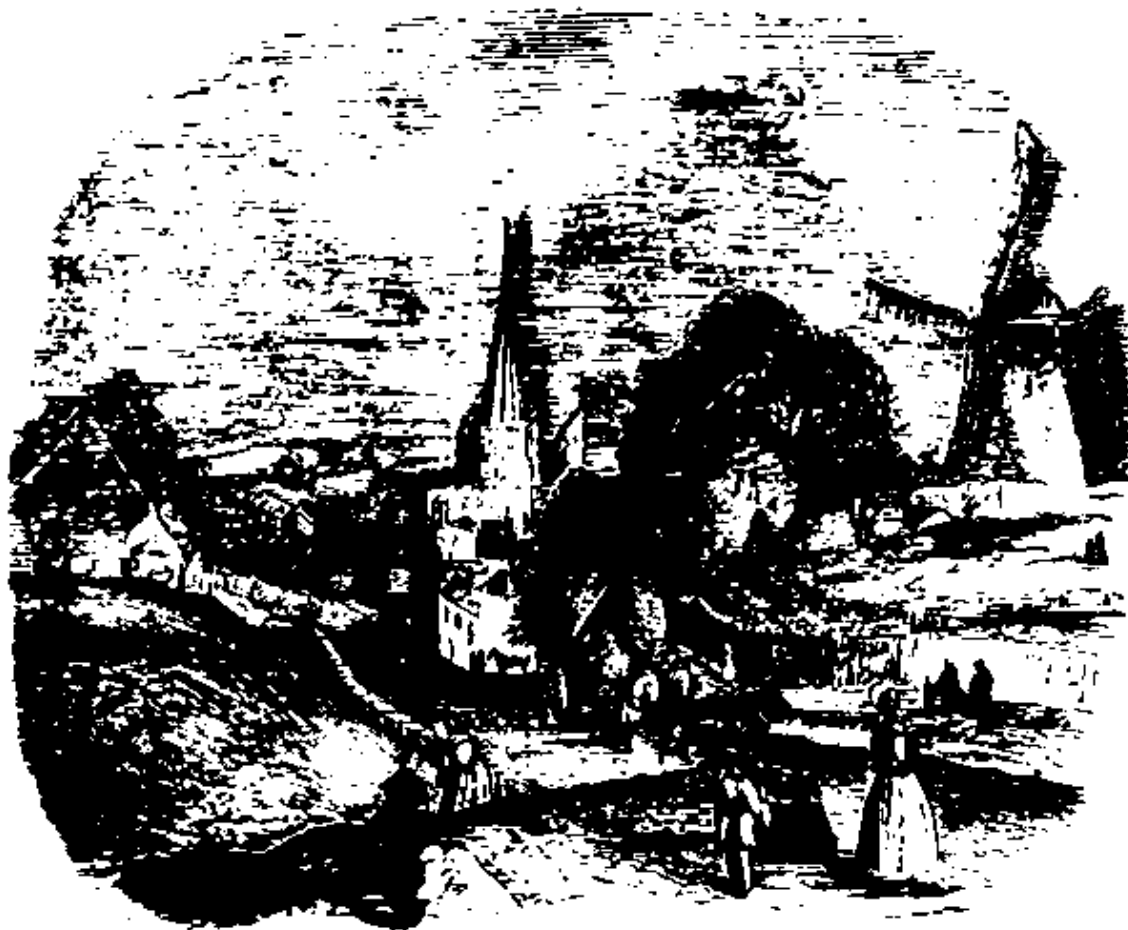
Робина дважды подначивать было не надо.

— Заметано! — воскликнул он и отложил в сторону свой лук. — Посидите тут в орешнике. Я сам с ним поговорю.

Тем временем тележка приближалась, и толстенный возница продолжал горланить:

Куда бы тыкву мне девать?
Не положить ли под кровать?
А может, взять и подковать?
Пускай бежит, как лошадь!
Ах, тыква удила грызет
И к милой в Честершир везет,
Но еле-еле так ползет.
Вот это, братцы, лошадь!

Как только Тэм поравнялся с Робинсом, тот ступил на дорогу.

— Приветствую тебя, славный гончар, — сказал Робин, хватаясь правой рукой за вожжи.

— Чего тебе надо, подлец ты из подлецов?! — выругался детина, смерив Робина с ног до головы злым, сверлящим взглядом.

— Плати пошлину — ровно один пенни за пользование Королевской дорогой, — сказал Робин, продолжая держать лошадь под уздцы.

— Это ты, что ли, король у нас? — прорычал Тэмгоршечник.

— Я. А ты и не знал до сих пор? Я — король Шервудского леса! Давай гони деньги, иначе не тронешься с места.

— Клянусь распятием, — завопил Тэм, соскакивая с тележки, — что пошлины я платить не стану, потому что я ее никогда не платил! Но если ты непустишь мою лошадь, я мигом превращу твою королевскую шкуру в мелкое сито.

— Ну-ка, попробуй, господин гончар, — подначил его Робин.

Дело шло к потасовке, а этого он и добивался. Сейчас он увидит, каков на самом деле в драке на дубинках этот Тэм-горшечник из

Мэнсфилда.

Оба быстренько вырезали себе по дубинке, и сражение началось.

Маленький Джон и Вилли Скарлет с интересом наблюдали за состязанием.

Прыжок, еще прыжок, скачок вправо, скачок влево, взмах вверху, взмах у самой земли, удар, удар, удар и, как Маленький Джон и предсказывал, Робин оказался на земле.

— Вот тебе пошлина, бери! — сказал толстый гончар, отдуваясь.

Он уже было собрался снова вскарабкаться на свою тележку, как из кустов вышли двое, одетые в зеленое линкольнское сукно.

— Ну что, господин мой, выиграл я свои пять серебряных? — смеясь, спросил Маленький Джон Робина, с кряхтеньем поднимавшегося на ноги. — Я же тебя предупреждал!

— Клянусь, если бы я спорил и на сто золотых, я бы тебе их отдал! — весело отозвался Робин.

— А не попробовать ли и мне? — сказал Маленький Джон, поднимая дубинку Робин Гуда с земли.

— Нет, не надо, — сказал Робин. — Мастер-гончар уже показал себя, хватит с него на сегодня. У меня родился другой план.

И, обращаясь к Тэму-горшечнику, он спросил:

— Послушай-ка, друг, а сколько бы ты попросил за весь свой товар?

— Давай мне четыре серебряных марки и забирай все это хозяйство, — сказал гончар. Победа сделала его ласковым и сговорчивым. — Если хочешь, я одолжу тебе и лошадь и тележку, только верни их вовремя, ладно?

— Договорились, — сказал Робин. — Только вот еще что. Я тебе дам не четыре, а пять серебряных марок, но за это поменяйся со мной одеждою.

— Согласен, согласен, — затараторил Тэм-горшечник, полагая, что встретил большого простака, который, не дай Бог, одумается и очень скоро пожалеет о своей глупой сделке.

Минут через пять переодетый Робин Гуд прыгнул в тележку и, тронув вожжи, двинулся в Ноттингем на ярмарку под дружный хохот Маленького Джона и Вилли.

— Эй, Робин, — крикнул Вилли Скарлет. — Если распродашь свои горшки, прикупи штуку линкольнского сукна!

— Хорошо! Хорошо! — отозвался Робин.

И цокот копыт замер в отдалении.

Тем временем погода разгулялась, серые облака сдвинулись к западу, выглянуло солнышко, и у всех на душе повеселело.

Ярмарка шумела на рыночной площади и на мощенных булыжником улицах Ноттингема.

Каждый продавец расхваливал свой товар. Робин Гуд, совершенно не думая о том, что рискует головой, ездил со своей тележкой по тесным улочкам и, увлекшись ролью гончара, выкрикивал:

Горшки, тарелки, кувшины,
Они в хозяйстве всем нужны!
Вот вам горшок — обед варить,
Вот вам горшок — жене дарить,
А этот, право, подойдет
О чью-то лысину разбить!
Сделаны ловко.
Отдам по дешевке,
За пенни — горшок,
За два — целый мешок!

Женщины толпились возле его тележки, и Робин действительно продавал очень дешево. Не прошло и часа, как он расторговал почти весь свой глиняный товар.

А над Ноттингемом в это время несся веселый колокольный звон.

— Эй, братец, — остановил он прохожего. — Чего здесь сегодня так веселятся? Вроде бы по случаю ярмарки в колокола трезвонить не положено. Или ваш каноник сбрендил от обжорства?

— Может, и сбрендил, — меланхолично отозвался тот. — Но звонят-то сегодня не поэтому. Господин шериф сегодня женится. Вот только-только поехали из церкви к шерифову замку — пировать.

— Клянусь святым Кутбертом, вот новость так новость! Сделаю-ка я этой старой лисе свадебный подарок. Не сказано ли в Писании, чтобы мы прощали врагам нашим и молились за них!

И Робин, исполненный веселой отваги, быстренько развернул лошадь и укатил с базарной площади. Это новое приключение — лично отвезти шерифу в качестве свадебного подарка оставшиеся у него большие глиняные блюда и тарелки — очень его увлекало.

Мнимый горшечник свернул в роскошный норманнский квартал и вскорости остановил свою тележку у дома шерифа. Сложив весь товар в

корзину из ивовых прутьев, он, не долго думая, двинулся к парадному крыльцу и громко постучал.

Служанка, приоткрывшая дверь, тут же велела ему убираться прочь.

— Погодите гнать меня, мадемуазель, — вежливо обратился к ней Робин. — Я принес маленький свадебный подарок для высокочтимой леди де Жанмер.

И надо же было такому случиться, что у молодой хозяйки как раз не хватало блюд и тарелок, потому что гостей на свадебный пир ожидалось великое множество. Служанка велела Робину подождать, а сама кинулась к госпоже объявить ей, что гончар из Мэнсфилда как раз и принес ей в подарок недостающую посуду.

— Пригласи этого человека на кухню и угости его, — распорядился шериф, который в это время оказался рядом с молодой супругой и слышал, что сказала служанка.

«Удача! — подумал Робин. — Главное, попасть в дом к шерифу, а там уж судьба подскажет, как пойдут дела».

И когда он сидел и уплетал жареное мясо, которое в огромном количестве ему навалили на деревянную тарелку, в кухне появился сам шериф.

— Не хочешь ли остаться и посмотреть на соревнования лучников, добрый гончар? — предложил он. — Сегодня придут сильнейшие стрелки. Состязания устроены в честь нашей свадьбы.

— С великой радостью, сэр, — отозвался Робин Гуд. Сердце его ликовало.

После того как гости отобедали, все, во главе с молодыми супругами, отправились на стрельбище, устроенное недалеко от городской стены.

Выстрелили первые несколько лучников. Ох как чесались руки у Робин Гуда — вот бы показать всем, что такое настоящая стрельба из лука! Но у него в голове уже созрел другой план.

Через некоторое время он обратился к шерифу.

— Будь у меня лук, ваша милость, я бы показал им всем, как надо стрелять! — заявил он с глуповатой улыбкой.

Гости шерифа и лучники подняли его на смех.

— Уж не чересчур ли ты напробовався хорошего эля в доме его милости? Иначе ты не решился бы так рассуждать в присутствии лучших стрелков Ноттингема!

— Пусть попробует! — распорядился шериф.

И «горшечнику» тут же предложили на выбор полдюжины луков. Робин осмотрел их по очереди, кое-где подтянул тетиву, снова осмотрел.

— Слабоваты, — сказал он, и все опять засмеялись.

Затем он, приладив стрелу к луку, натянул тетиву и нарочно выстрелил мимо цели.

Тут же раздался оглушительный хохот, и Робин Гуд, сделав вид, что очень расстроился, сказал, обращаясь к шерифу:

— Если бы у меня был с собой лук, который мне однажды подарил Робин Гуд, вот тогда бы я им всем показал!

— Что такое, господин гончар? — сказал шериф. — Ты знаком с Робин Гудом?

— Очень хорошо знаком, — быстро ответил Робин. — Однажды он подарил мне замечательный тисовый лук. Между прочим, завтра я как раз должен с ним встретиться. Он поручил мне купить штуку линкольнского зеленого сукна в Ноттингеме. За эту услугу он заплатит мне две золотые марки.

Шериф, обняв Робина за плечи, отвел его в сторону.

— Послушай, приятель, я заплачу тебе пятьдесят золотых и дам в придачу штуку зеленого сукна, — зашептал он. — Сделай так, чтобы я встретился с Робин Гудом один на один.

— Охотно, — отозвался «горшечник из Мэнсфилда».

— О, тогда награда от принца... ммм, то бишь короля Джона, мне обеспечена!

«У, негодяй! — подумал Робин. — Король Ричард жив, и не ты ли, подлец, из тех, кто одним из первых должен позаботиться о выкупе законного сюзерена! Постой, покажу я тебе «короля» Джона!»

Шериф де Жанмер был в восторге от договора с Робинсом. Он просил «гончара» переночевать в его доме, чтобы утром отправиться в его тележке в Шервудский лес. Шериф собирался прихватить парочку своих людей, посадив их в тележку и прикрыв до поры линкольнским сукном.

На следующее утро все встали вместе с солнцем, купили у торговца тканями целую штуку зеленого линкольнского сукна. Под сукном залегли на соломе двое вооруженных шерифовых слуг.

Тележка весело катилась по дороге, потом «горшечник», правивший лошастью, свернул на боковую дорожку, а затем и вовсе въехал в дикуую чащу. Тут он остановился и объявил шерифу:

— Вот здесь мы и должны встретиться с Робин Гудом, ваша милость, господин шериф.

— Но где же он? Что-то я его не вижу!

— Мы условились, если я прибуду на место первым, то трижды дуну в рожок.

— Что-то мне все это не нравится! — закричал шериф. — На звук рога может явиться вся его банда, а ты обещал мне, что мы встретимся с ним один на один.

Робин весело засмеялся.

— Ну где твои мозги, шериф? — сказал он. — Мы ведь с тобой находимся один на один аж со вчерашнего дня! Так что я своего обещания нисколько не нарушил!

И он с такой силой дунул в свой рожок, что эхо прокатилось по всему лесу.

— Ты обманул меня, подлец! Люди, взять его, это сам Робин Гуд! На виселицу его! На виселицу!

Но Робин схватил свободный конец зеленой материи, с размаху швырнул прямо в лицо шерифу и быстрым движением обмотал сукном ему голову. И пока слуги шерифа помогали ему выпутаться, из-за каждого куста выскочило по человеку в зеленом. Каждый уже натягивал тетиву.

— Не трогай их, Маленький Джон! Скарлет, оставь этих людей! Шерифу уж очень хотелось встретиться с Робин Гудом. Было бы слишком неучтиво прикончить его за это. Лучше пригласим его за стол — закусить перед возвращением назад, в Ноттингем.

— Как «возвращением», Робин? — удивился Маленький Джон. — Ведь это же твой заклятый враг! Неужели ты его вот так ипустишь?

— Уж тебя-то он не пощадит, попадись ты ему, — сказал Вилли Скарлет.

— Друзья мои, Симон де Жанмер только вчера обвенчался со своей невестой. Вообразите горе молодой женщины, которая овдовеет на второй день после свадьбы. Нет, так огорчать женщину я, право же, не могу, воля ваша.

— Клянусь вам всем, что больше не трону никого из вас, перестану преследовать даже ради повелителя, принца Джона, — истерически вопил до смерти перетрусивший шериф.

— Робин, неужели ты поверишь этой хитрой лисе, этому злобному волку, этому хищному ворону? — взвился Вилли.

— Нет, друг мой. Не поверю. Но ради Пречистой Девы принес я клятву не доставлять горе женщине любого сословия, если только это в моих силах.

— Что ж, дети мои, вспомним с вами слова Спасителя: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Я понимаю тебя, Робин, — поддержал его отец Тук.

И повели норманнов за богато накрытый стол и угостили их по-королевски. И Робин собственноручно отрезал для них лучшие куски и подливал в их чаши отличное испанское вино. И заставлял их всех пить за здоровье леди де Жанмер.

А затем, получив с шерифа обещанные пятьдесят золотых, Робин Гуд и Вилли Скарлет, как всегда, завязав «гостям» глаза, вывели их на Ноттингемскую дорогу.

Но, на беду, леди де Жанмер была посвящена в дела шерифа. И раньше времени разболтала, что муж ее вернется, ведя с собой на веревке разбойника Робин Гуда. Когда неудачливый шериф со своими спутниками появился у городских ворот, их встретила огромная толпа. Люди хотели посмотреть на знаменитого короля Шервудского леса.

Но, заведя ел волочащую ноги перепуганную троицу, походившую больше на подстреленную дичь, чем на героев-победителей, толпа взорвалась бешеным хохотом. Обидным насмешкам и остроумным шуткам не было конца аж до следующего утра.

И Симон де Жанмер, забыв о великодушии Робин Гуда и о своем обещании оставить лесных стрелков в покое, поклялся, что вздернет его на виселицу, попадись он только ему в руки.

Симон де Жанмер, шериф Ноттингемский, понятия не имел о чести и был человеком глубоко непорядочным!

Глава VIII

КАК РОБИН ГУД ПЕРЕХИТРИЛ АББАТА

Аббата из Святого Квентина мучил тайный страх. Он-то лучше кого бы то ни было знал, что это по его милости Роберт Фитцутс оказался вне закона. Все, что мог, алчный паук пригреб к своему аббатству: и плодородные земли, и родовой замок. Только небольшую часть богатства пришлось выделить сэру Гаю Гисборну, и то после того, как тот с ним хорошенько поторговался. Но сэр Гай был приближен к принцу Джону. А это могло сулить аббату немалые выгоды в будущем.

Но доносили, конечно, доносили аббату, что сделался Роберт Фитцутс Робин Гудом — королем Шервудского леса. И что народ его любит и почитает, а в свою очередь, и он людям — помощь и защита. Все это для жадного и трусливого аббата означало одно — бунтарь и опасный человек.

Знал, знал мерзкий аббат, как опасно показываться на Большой Королевской дороге аббату или епископу с толстой мошной. А что, если разоренный и обманутый им родственник доберется и до него? Не проткнет ли тот его мечом? Не повесит ли в лесу на первом попавшемся суку? Брр! Страшно!

Как это в жизни бывает с плохими людьми, аббат не мог простить Робину того горя, которое он сам же ему причинил.

Нет, надо было что-то предпринять, иначе этот страх, эти бессонницы совсем изведут бедного аббата. И вот однажды, взгромоздившись на свою белую откормленную кобылу, в сопровождении каноника и двух молодых послушников, не без внутренней дрожи, он отправился в путь из Йорка к шерифу в Ноттингем. Трясаясь от ужаса и беспрестанно бормоча молитвы всем святым, он благополучно миновал лесную часть дороги и беспрепятственно добрался до норманнского квартала Ноттингема, где жил шериф. Построенный еще в прошлом веке, большой и добротный дом шерифа больше напоминал замок. Аббат застал хозяина сидящим у камина в своем кабинете в послеобеденный час.

В комнате было душно. Шаги заглушали набросанные на пол олени шкуры. Из полумрака выступало деревянное кресло с прямой резной спинкой. Подле него сидел белый алан — любимый охотничий пес шерифа.

Хозяин медленно повернул голову и вопросительно уставился на пришедшего. Поздоровавшись, аббат произнес:

— Господин шериф, я требую, чтобы были приняты серьезные меры. Необходимо, чтобы вооруженные лучники были направлены в Шервудский лес. Этот богопротивный Робин Гуд, или как там его называют, должен же быть в конце концов выловлен и наказан!

— Садитесь, ваше преподобие, и поговорим спокойно, — лениво отозвался шериф, с трудом переваривая гусиный паштет, оленье жаркое и тяжелый мясной пирог, съеденные за обедом.

— Никто, как я, не разделяет вашу тревогу, — продолжал он. — Если б я мог, уж поверьте мне, я не лишил бы себя удовольствия вздернуть негодяя на самой высокой виселице. Чтоб из самого Лондона было видно!

Тут шериф вспомнил, сколько сраму он натерпелся на второй день своей свадьбы, и его маленькие глазки еще больше сузились.

— У меня у самого, — продолжал он, — немало причин желать еще и личной мести. Но надо собрать для поимки этих каналий уйму народу, а все местное население, похоже, снюхалось с ними и всячески их поддерживает.

— Да, но норманнская аристократия, но бароны! — воскликнул аббат. — Они-то уж наверняка с ним не «снюхались». И вряд ли они в своих укрепленных замках будут бояться мести этих бродяг.

— Тут вы правы, святой отец, — ответил шериф, — но как только кто-нибудь из баронов задумывает на них облаву, Робин Гуд каким-то таинственным образом немедленно получает предупреждение, и вся его банда исчезает. Их ищут здесь, а они оказываются в Бернисделе, или в Деламере, или еще Бог знает где. Их поймать невозможно.

— Так что же делать, в конце концов? — воскликнул аббат.

— Попробуйте застать его врасплох, — посоветовал шериф. — Я дам вам несколько моих отличных стрелков, и отправляйтесь небольшим отрядом. Да! Вот что! У меня служит бывший дворецкий Робин Гуда в замке Хантингдон. Его зовут Уормен. Надо сказать, злая и завистливая тварь! Но тут можно как раз сыграть на его зависти к прежнему хозяину. Я уверен, он придумает какую-нибудь уловку.

— Да-а, сомнительно... Но все же надо попробовать и это средство, — сказал аббат. — Я отправлюсь с вашими лучниками, хоть это и не очень пристало моему сану. Однако я хочу сам убедиться, что этот негодяй пойман!

Шериф икнул, прикрывая рот ладонью.

— Не хотите ли освежиться, святой отец? — сказал он. — У меня прекрасное белое вино из Кастилии.

Робин Гуд бродил по лесу в поисках оленя. Ноги тонули в мягком мху, ветерок шелестел вершинами дубов и буков, в лесу было тихо, спокойно, уютно.

По своей обычной манере, он шел напевая:

На север летели орлица с орлом.
Вей, ветер, вей до утра.
Рыбак устало правил веслом.
Вей, ветер, вей.
Где бы я ни был, всегда я с тобой.
Вей, ветер, вей до утра.
С тобою мы связаны общей судьбой.
Вей, ветер, вей.

О ком он думал, кому посвящалась эта песня, знал только он один...

Вдруг куст терновника зашевелился. Робин мгновенно вскинул лук и замер в ожидании. Но это был не олень. Из колючих кустов выдирался человек. Видно, заблудившийся паломник, в обтрепанной одежде и увешанный мешками и мешочками для сбора подаяния.

— О, сэр, — воскликнул паломник каким-то деревянным, надтреснутым голосом, странно пряча от Робина глаза. — Вы, наверно, все тут знаете. Скажите, как мне поскорее найти Робин Гуда? Он — храбрый, он — благородный, этот Робин. Так все говорят. Он выручит. Он обязательно поможет.

— Какие у тебя новости? Что это вдруг тебе так понадобился Робин Гуд? Кому и в чем надо помочь? — засыпал его вопросами Робин.

— Ужасные дела, сэр, ужасные! Шериф велел повесить совсем невинного парня, совсем. Сына кузнеца Доналда.

— Да ты что! Я знаю его, это отличный парень. Он недавно своего первенца крестил. За что же это?

— Да он настрелял голубей в Королевском лесу для своей ослабевшей после родов жены, а лесничий поймал его и сволок к шерифу.

Как же дешево стоила жизнь человеческая в те далекие времена, если можно было за голубей человека предать смерти! Как же дешево ценили ее власти, если Робин и на миг не подверг сомнению слова старика. Ах, что за времена! Что за времена!

Впрочем, разве они и после не повторялись?..

— Где он сейчас? — торопливо спросил Робин.

— Да где ему быть! Они его прямо из дома выволокли да повели вешать. И палач уж там, — с грустью отозвался паломник.

— Что ты за бестолочь! — рассердился Робин на паломника. — Где — там?

— Да неподалеку, можно сказать, что и рядом. Знаете, сэр, где стоит домишко за ручьем? Ну, вот там. Там еще растет на холме такой высокий сукастый дуб.

Прямо на суку хотят вешать. Да. Скажите поскорее, сэр, где же мне искать Робин Гуда?

Не отвечая старику, Робин Гуд только махнул рукой и устремился в указанном направлении.

Нищий паломник мерзко и зловеще ухмыльнулся ему вслед. И лицо его вдруг стало очень похоже на лицо бывшего дворецкого Уормена.

А Робин, перепрыгнув ручей и миновав домик вдовы Хэмлок, взбежал, как по ровному, по склону холма и рванулся к дубу, где толпились какие-то люди.

«Но позвольте, — подумалось Робину. — Что это за странный сброд? Ага, виднеется красная форма шерифовых лучников. Но что-то я не вижу Майкла, сына кузнеца Доналда. И палача тоже не видно. Знаю я эту старую образину — ноттингемского палача. А это-то кто жирный такой, уж не сам ли аббат из Йорка?»

Робин поздно сообразил, что это ловушка.

— Гран мерси! — вопил аббат. — Вот он явился! Собственной персоной! Схватить немедленно!

Робин повернулся и кинулся бежать. Ему даже некогда было подумать, что вот и настал такой момент, когда отважному Робин Гуду приходится спасаться бегством. У него просто не было иного выхода: на холме под дубом собралось больше дюжины вооруженных людей.

Робин кинулся в сторону опушки, быстро нырнул под деревья, рванул в глубь леса, но аббат и сопровождавшие его стрелки были на лошадях, и еще с ними были собаки, которые тут же взяли след. Пытаясь сбить с толку своих преследователей, уже настигавших его в лесной чаще, Робин повернул назад, к домику вдовы. Он знал, что собак со следа не собьешь, но все же пытался выиграть хоть несколько минут.

В этот раз опасность действительно была велика. Аббату, ясное дело, захочется его прикончить. А что касается шерифа, то данное им слово тогда, в Шервудском лесу, вряд ли он сдержит. Он — человек злой, лживый и коварный.

Робин бежал так быстро, как и мальчишкой не бегал. Слава Богу, дверь домика оказалась незапертой. Не раздумывая Робин птицей влетел в дом и мгновенно задвинул засов, рискуя при этом насмерть перепугать женщину, мирно сидевшую за прялкой. Но вдова Хэмлок сразу его узнала.

— У тебя беда, Робин? — с тревогой спросила она, тут же отложив работу.

— За мной погоня, — вымолвил он, с трудом переводя дух. — Аббат и шерифовы стражники. Они задумали меня прикончить.

— Нет! — вырвалось у вдовы.

— Быстро дай мне свое платье и переоденься в мое. Спрячься, не теряя ни минуты. Они не сомневаются, что я укрылся в твоём доме. Тебя очень скоро найдут, примут за меня и поволокут с собой. Но ты не бойся! Я тебя выручу, не успеют они добраться до Большой Королевской дороги.

— Чего только я не сделаю для тебя! — сказала вдова. — Не ты ли спас моих сыновей от виселицы? Не ты ли не дал мне умереть с голоду, пока им пришлось скрываться в далеких краях?

Они спешно поменялись одеждой. И вот уже вдова, одетая в зеленое линкольнское сукно, притаилась в холодной кладовке, а Робин, подвязав поверх платья фартук, низко надвинув чепец, уселся за прялку.

И тут же замолотили и заколотили в дверь; вскоре ветхая дверь поддалась под тяжелыми ударами, и преследователи ввалились в дом.

В доме они обнаружили женщину, сидящую за прялкой и мурлыкающую себе под нос старинную песенку про трех сестер — Дженнифер, Джейн и Розмари. Человека в зеленом нигде не было видно.

— Где Робин Гуд? — потребовал ее к ответу аббат.

— Право же, ваше преподобие, я не знаю никакого Робин Гуда!

— Обыщите дом! — приказал аббат. — Тут нет второй двери, и дом окружен. Значит, он здесь! Собаки привели нас сюда. Собаки не ошибаются, они не люди.

— Вот он, милорд! — завопил один из шерифовых стрелков. — Притаился в кладовой, каналья!

— Взять его! — рявкнул аббат.

И стрелки выволокли из дома упирающуюся и лежащую изом всех сил переодетую вдову, которая не выпускала из рук лук Робин Гуда.

— Может, и старуху возьмем с собой? — спросил один из шерифовых стрелков. — Похоже, ее можно обвинить в укрывательстве.

— Да дьявол с ней! Прости, Господи, меня грешного! — перекрестился аббат. — Разве нам до нее сейчас? !

— Поймал лосося — не лови уклейку, — заметил второй стражник.

— Однако какой он урод! — заметил третий из них. — И на мужика-то не похож.

— Он изменился неузнаваемо, — отозвался аббат. — Но я уверен, что это дурные его дела отпечатались у него на лице.

Несчастную вдову водрузили на одну из лошадей и крепко привязали к седлу.

Аббат до потери сознания боялся, что люди Робин Гуда могут отбить его пленника. Поэтому, поставив по одному стрелку по бокам лошади, велел немедленно трогаться в путь.

— Марш! Быстро! — вопил он. — На этот раз виселица получит хороший подарок!

Дверь в доме вдовы была сорвана с петель, и Робин Гуд отчетливо слышал каждое слово. Как только звуки затихли, он выскользнул из помещения и поспешил к своим. С разбегу выскочив на поляну, где рос огромный дуб, и думая только о том, как бы поскорее спасти добрую вдову, Робин совершенно забыл, какую он, одетый в женское платье, странную представляет собой фигуру.

При его появлении мирно дремавшие на траве Маленький Джон и Вилли Скарлет вскочили на ноги.

— Ведьма! Ведьма! — завопили они. — Отец Тук, скорее сюда, сотвори крестное знамение и прочти молитву!

Отец Тук при виде этого необычного явления на всякий случай отложил четки и, наоборот, схватил в руки дубинку.

Люди тогда (а может, и во все времена, только они потом хорошо научились это скрывать) твердо верили в колдунов и ведьм и очень их боялись. Они считали, что дьявол наделяет их сверхъестественной силой, очень опасной для добрых христиан.

— О, Пречистая Дева, спаси нас! — взмолился перепуганный Мач.

— Я сейчас застрелю ведьму, пока она не успела нас околдовать, — решил Маленький Джон, прилаживая стрелу.

— Джон! Вилли! Мач! — крикнул им Робин, поспешно сдирая с головы чепец.

— Клянусь святым Дунстаном! Это еще что за чудеса? ! — вскричал Маленький Джон, отправляя стрелу обратно в колчан. — Что это за новое приключение?

Все еще часто и неровно дыша от быстрого бега, Робин произнес только: «Собирайтесь, ребята!» — и, не теряя ни секунды, трижды протрубил в серебряный рог.

Тут же на поляну половодьем хлынули стрелки, одетые в зеленое сукно. Несмотря на серьезность положения, многие взорвались смехом. Уж очень чудно выглядел их доблестный предводитель в длинной юбке и кухонном переднике!

— Теперь слушайте! — на бегу объяснял Робин. — Все направляемся через лес к Светлому перекрестку. Нам надлежит добраться туда первыми. И там его преподобие будет ждать маленький сюрприз.

Говоря это, он на бегу сбрасывал с себя женские тряпки и натягивал привычную одежду, которую захватил для него Маленький Джон.

Робин Гуд вел отряд — человек семьдесят лесных стрелков. Все были отлично вооружены луками и короткими мечами. Никто не забыл захватить с собой боевое оружие. Все знали: трижды повторенный сигнал серебряного рожка обозначает серьезную опасность.

Стрелки Робин Гуда продвигались тайными, им одним известными тропами, перебирались через овраги, обходили топкие болота. Они шли молча, сосредоточенно, стараясь не вспугнуть по пути ни одного дрозда, ни одной сороки.

Наконец они вышли к тому поросшему стройными буками месту, которое в народе называлось Светлым перекрестком. Как только они появились из чащи, тут же прибыли и трое разведчиков, которые доложили, что аббату с его стражей предстоит пройти еще, по крайней мере, полмили. Пяти минут хватило Робину, чтобы расставить людей. Стрелки затаились. Замерли. Слились с зеленью. Вскоре из-за поворота дороги до их слуха донеслись звуки оживленного разговора и взрывы хохота.

Вот уже показался аббат на своей молочно-белой кобыле. За ним следовали двое стражников. Они ехали по обеим сторонам коня, к седлу которого была прикручена пленница.

— И вы знаете, что я скажу шерифу? — весело говорил аббат. И вдруг он осекся и прошептал: — Спасите нас, святые Квентин и Дунстан и святая заступница Агафья...

Он сделался белым, как круп его лошади. Прямо перед ним, перегородив дорогу, опираясь на крепкие луки, неподвижно стояли человек тридцать, одетых в зеленое линкольнское сукно. А в самом центре этой цепи стоял некто, отчаянно похожий на Робин Гуда. Но ведь Робин Гуд вот он — на буланом коне, привязанный к седлу. Что это, наваждение? Видение? Оборотень?

Аббат оглянулся назад. Теперь уже весь его отряд показался из-за угла. И вот он увидел, как позади его лучников, на дороге, выскальзывая

из-за деревьев, люди в зеленом выстраиваются в такую же цепь, как и перед ним.

— Мы окружены, милорд! — воскликнул один из сопровождавших пленницу.

Зеленые стрелки молчали. Но само это молчание, и то, как неподвижно они стояли, сковало аббата смертельным страхом. Глаза его были устремлены на того, кто стоял в центре цепи.

— Кто ты такой, что позволяешь себе преграждать Королевскую дорогу? — спросил он, как ему показалось, строго. Но голос его дрожал.

Тот не отвечал и продолжал стоять не шевелясь, опираясь на свой лук.

— Сдается мне, этого человека зовут Робин Гуд, — заговорила вдруг молчавшая до сих пор вдова Хэмлок.

Аббат вздрогнул. Значит, он не ошибся, хоть и не видел Роберта Фитцутса вот уже много лет.

— А ты тогда кто? — завопил он не своим голосом.

— А я, между прочим, женщина, бедная вдова. Где только были твои глаза, толстый боров, хотела б я знать!

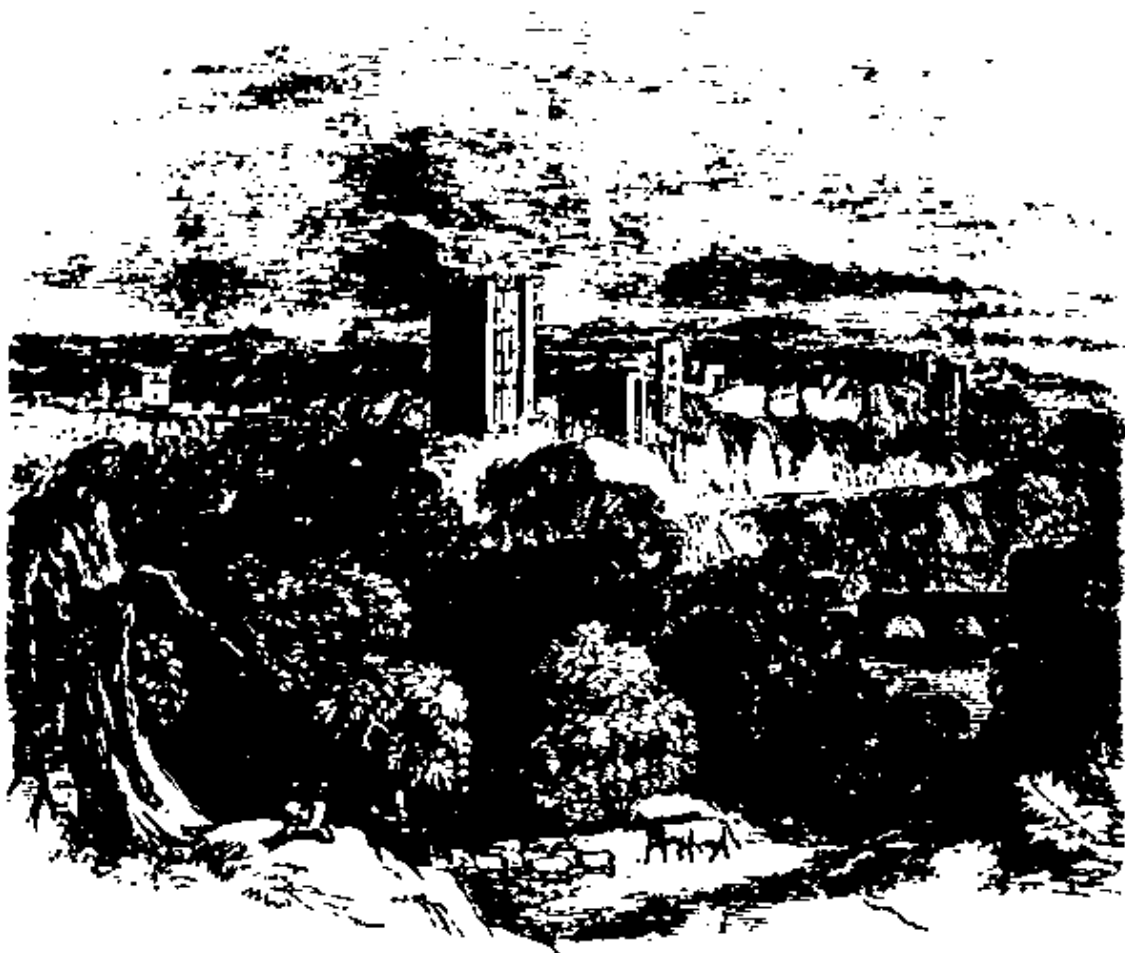
Положение аббата было просто безвыходным.

— Вперед! — в отчаянии крикнул он. — Стреляйте в них! Хватайте Робин Гуда!

Но вся его свита стояла, скованная ужасом, не шевелясь.

— Эй, вы! — обратился к ним Робин. — Бросайте оружие и катитесь отсюда. Иначе можете все считать себя покойниками! И вы, каноник, и вы, юные монахи, брысь отсюда, да поторапливайтесь!

Копья, мечи, луки, щиты, стрелы полетели на землю. И все аббатово сопровождение в мгновение ока скрылось из виду. Жизнь им была дороже. А что касается аббата, то ему не позавидовал бы и повешенный. Маленький Джон крепко ухватил белую лошадь за уздечку и вдруг резким движением развернул животное. Аббат, как куль, свалился на землю.

Тем временем Мач и Вилли Скарлет распутали веревки и ремни, и освобожденная вдова Хэмлок подскочила к аббату.

Ну и оплеуху же он получил!

— Я тебе покажу, как связывать честную вдову по рукам и ногам, я тебя научу, как обращаться с женщинами!

И она закатила ему еще пару затрещин.

— А теперь, — сказал Робин с самым изящным поклоном, на какой был способен, — я приглашаю вас, госпожа Хэмлок, и вас, ваше преподобие, разделить с нами нашу скромную трапезу.

Трясущемуся аббату даже не завязали глаза. Они двинулись в обратный путь тайными тропами и меньше чем через час добрались до укромной поляны, где на огромном костре жарился олень.

Увидев, кого привели к ужину, отец Тук чуть было не уронил кусок мяса в огонь.

— Клянусь святым распятием, у меня было какое-то скверное предчувствие сегодня, — пробормотал он. — И сойка все орала не своим

голосом, и почему—то листья на орешнике все сворачивались в трубочку. А я, дурак, не прислушался. Правда, этот жирный кабан выглядит сегодня, скорее, как щипаная ворона под дождем!

Стол был накрыт на славу, и доброго темного эля было предостаточно, но аббат сидел мрачный, и кусок не лез ему в глотку.

Когда с едой было покончено, отец Тук сказал с ехидцей:

— Ну а теперь было бы не худо, чтобы его преподобие сплясал бы нам какой—нибудь веселый танец! Джигу, может быть, а?

Все зашумели:

— Да, да, пусть спляшет!

— Пощадите! — взмолился аббат, заламывая руки и чуть не плача.

— Хорошо, успокойся, — сказал Робин. — Не хочешь плясать, не пляши. Но мессу ты нам отслужишь. Я уже давно не слышал мессы, и может быть, даже Пречистая Дева сердится на меня за это.

Делать было нечего. Слабеньким срывающимся голосом начал аббат службу, и все стрелки в зеленом опустились на колени, обнажили головы и стали горячо и искренне молиться.

Когда служба окончилась, было уже темно. Сквозь вершины деревьев просвечивали звезды. Где—то вдалеке крикнула ночная птица.

— А теперь выведите его на дорогу, да помогите ему взобраться на лошадь, и пусть катится отсюда, — сказал Робин Гуд.

— Ты всегда придумываешь какую—нибудь работу на ночь глядя, — зевая, сказал Кеннет Беспалый.

— Да что ты, Робин! Отпустить его?! — возмутился Маленький Джон. — У меня каждая стрела в колчане подпрыгивает от нетерпения.

— Не надо, Маленький Джон. Имей уважение к сану и возрасту.

— Ну хоть свежую дубинку можно ошкурить о его бока? — не унимался Маленький Джон.

А отец Тук ничего не сказал, потому что шептался о чем—то с белой аббатовской кобылой.

Не было в веселом сердце Робина ни злобы, ни мести. Он избежал гибели и вдоволь натешился над своим врагом. Ему этого было достаточно.

Маленькому Джону и Вилли Скарлету в конце концов пришлось помочь измученному аббату сесть на лошадь и вывести его на дорогу, ведущую из Ноттингема в Йорк.

Глава IX

КАК ПРЕКРАСНАЯ МЭРИЕН ОКАЗАЛАСЬ В ШЕРВУДСКОМ ЛЕСУ

Детями они часто играли вместе. Строили песчаные замки, или устраивали турниры для искусно выструганных деревянных рыцарей, или просто бегали, догоняя друг друга.

Замок графа Фитцуолтера располагался неподалеку от Хантингдона. И когда Робину стало лет двенадцать–тринадцать, ему даже разрешалось отправляться туда верхом в сопровождении всего лишь одного слуги. Около трех миль надо было проехать по мягкой грунтовой дороге мимо кузницы Кривого Билла из Гриндейла, мимо груды огромных камней, которая, как говорили, что–то обозначала у древних кельтов и была навалена тут в незапамятные времена, мимо колючей живой изгороди, окаймлявшей поля арендатора Стивена из Сэдли.

Подъехав к замку, он бросал поводья слуге и взбегал по подъемному мосту, а Мэриен, единственная дочь графа Фитцуолтера, выходила ему навстречу. Они были почти ровесники. И хотя Мэриен выглядела тоненькой и хрупкой, она не отставала от Робина в мальчишеских забавах. До чего же метко стреляла она из лука! Не уступала любому искусному стрелку. А еще и любила, одевшись в мужской наряд, скакать с другом рядом по полям, окружавшим замок графа. Слуги, чертыхаясь и бранясь про себя, с трудом поспевали за ними.

Однажды, когда Робину и Мэриен было лет по четырнадцать, а может, и по пятнадцать, вдоволь настрелявшись из лука по далекой, еле заметной мишени, они сидели на склоне глубокого оврага, на теплой траве, потому что дело было летом.

По дну оврага, весело булькая, бежал ручей, где–то поблизости тюкал по дереву дятел, небо казалось высоким–высоким, потому что в эту минуту не было на нем ни облаков, ни птиц. Может быть, там кружились и пели ангелы. Их не было видно глазу, ухо их не слышало. Но души молодых людей, должно быть, улавливали тихую музыку их полета, потому что было им както особенно легко и радостно.

— Робин, — сказала Мэриен. — Скоро мы будем совсем взрослыми.

— Да, — согласился он, продолжая слушать неслышную музыку и не очень вникая в то, что она произносила.

— И, может быть, ты тогда уедешь в далекие края...

— Может быть.

— И, может быть, на войну?

— О чем ты, Мэриен? И чего это ты вдруг в одну минуту сделалась такая грустная, точно утопила в реке свою любимую шляпку, а?

— Ты не шути, Робин. Я боюсь, что ты уедешь и забудешь меня...

Но он перебил ее, не дослушав, нетерпеливо, горячо:

— Никогда, никогда я тебя не забуду! Я... я люблю тебя, на всю жизнь — одну тебя! Ты слышишь меня?

— Давай поклянемся, что будем любить друг друга всегда. Хорошо, Робин? — сказала она тихо.

И они поклялись. Еще тогда. Давно—давно. Тем легким и безмятежным летом 1175, а может быть, и 1176 года.

А когда у него было отнято все — титул, земли, доходы, замок и он был объявлен вне закона, он больше не показывался в замке графа Фитцуолтера. Неужели на этот раз Робин Гуд нарушил клятву? Он, никогда не преступающий клятв и даже не нарушающий простых обещаний? Нет, конечно, нет! Милая, прекрасная Мэриен продолжала жить в его сердце и никогда не покидала его. И Робин был уверен, совершенно и непоколебимо уверен, что Мэриен тоже свято верна своему слову. Вот поэтому он и не навещал больше тот замок с высокими угрюмыми башнями, узкими окнами и высокой крепостной стеной. Не мог же он обречь любимую на полную лишений и опасности жизнь в пещерах в лесной глухомани. Она выросла в замке, она привыкла к роскоши, а что может он дать ей, «волчья голова», гонимый подлой иноземной властью? Платье из зеленого линкольнского сукна вместо роскошного наряда, крик совы по ночам вместо звуков арфы да еще мох вместо перины из лебяжьего пуха?!

— Ты что, хочешь остаться старой девой, вековухой, напустить полон замок кошек и сидеть вязать чулок? — сердито говорил лорд Фитцуолтер. — Сделаешься как сушеная тыква.

Висевшее на стене стальное зеркало в богатой раме отражало прелестный облик его дочери — ее тоненькую гибкую фигурку, светло—русые, точно разлетевшиеся от ветра, кудри, голубые—голубые глаза с легким и добрым взглядом. Очень трудно было представить себе эту девушку в виде сушеной тыквы.

— Я сказала «нет», милорд. Пожалуйста, не вынуждайте меня быть непочтительной и возражать вам.

— Но почему ты отказываешь ему? Сэр Гай Гисборн очень богат, принят при дворе, даже более того, приближен к принцу, который вот—вот сделается королем.

Мэриен молчала, всем своим видом давая понять, что она из почтительности избегает спора с отцом, но никогда не уступит его уговорам.

Надо сказать, графу в высшей степени улыбалось породниться с норманнским бароном. Безусловно, это упрочит его собственное

положение и обеспечит будущность его единственной дочери. Он начинал закипать гневом, однако пытался сдерживаться, все еще надеясь уговорить дочь по-хорошему.

— Ты бы видела сэра Гая на турнирах! Он — доблестный рыцарь, он всегда выходит победителем!

— Вы не поняли меня, сэр, — напирая на каждое слово, возразила Мэриен. — Если бы он был таким же доблестным, как Беовульф, и победил бы самого Гренделя, я все равно не дала бы согласия выйти за него замуж.

— Все этот бродяга, этот изгой, этот разбойник на уме! — взорвался отец. — Тогда подожди, я приму свои меры. И не рассчитывай, вздорная девчонка, что будет по-твоему.

Мэриен промолчала.

Родители редко имеют правильное суждение о своих детях. Так было всегда. Видно, будет так до конца времен. Граф Фитцуолтер недооценивал мужества и стойкости своей дочери. При всей кажущейся хрупкости у нее был твердый характер.

Но и отец был несговорчив и упрям. У него созрел свой план. И когда в этот вечер сэр Гай Гисборн, поговорив с графом, возвращался к себе домой, какую-то уж очень веселую дробь выбивал копытами его вороной конь. Старик явно что-то пообещал сэру Гаю.

Робину не спалось. Ночью ему снилась Мэриен, и на рассвете он проснулся в тоске. Он тихо поднялся, прицепил к кожаному поясу меч и колчан со стрелами, взял в руки свой верный тисовый лук, не забыл прихватить и дубинку и неслышными шагами углубился в лес.

Мимо пробежал олень, но Робин даже не взглянул на него.

Что-то звало, что-то влекло его в ту часть леса, которая примыкала к огромному парку графа Фитцуолтера.

Он замер на месте, вдруг услышав цоканье лошадиных копыт. В такую рань? Странно! Он спрятался в листве и стал ждать.

Вот слышались голоса. В поле зрения появился рыцарь в кольчуге, за ним следовали человек шесть вооруженной охраны. Рыцарь вел под уздцы легкую лошадку для верховой езды. А в седле сидела девушка. Как только она делала движение, чтобы соскочить с лошади, охранник наставлял на нее копьё. Она явно была пленницей.

Робин Гуд присмотрелся. Гай Гисборн! А кто же эта плененная всадница?

— Мэриен! — вырвалось у него.

Он давно ее не видел. Боже, до чего ж она стала хороша!

Робин Гуд был в лесу один. Правда, он был вооружен. Подав три призывных сигнала своим неизменным серебряным рожком и не дождавшись, когда придет подмога, Робин Гуд выскочил из-за кустов. Он выхватил уздечку из рук рыцаря.

— Остановись, ты, рыцарь без стыда и совести! — закричал он. — Оставь в покое эту благородную леди!

— Ну-ка прочь отсюда, мелкая тварь! Ты забыл, с кем разговариваешь?! Я — барон Гисборн!

— Не забыл ли и ты, что я — Робин Гуд, король Шервудского леса?

И Робин так огрел рыцаря дубинкой, что тот вылетел из седла и распластался на траве. Робин Гуд, не оглядываясь, быстро повел лошадь к лесу.

И сам сэр Гай и его охрана на мгновение растерялись.

Но минуту спустя сэр Гай Гисборн уже командовал:

— Догнать мерзавца! Взять его живым! Задержать девчонку!

И небольшой отряд во главе с Гисборном ринулся в погоню.

Внезапно дорогу Робин Гуду и Мэриен преградила река. Слава богу, невдалеке виднелся дощатый мост. Только они успели торопливо перебраться на другой берег, как Гай Гисборн поравнялся с мостом. Но как раз в этот момент подоспела подмога. С той стороны моста, где были Мэриен и Робин, на доски уже ступил отец Тук, размахивая тяжелой дубинкой. Следом спешил Маленький Джон, на бегу прилаживая стрелу и прицеливаясь в самого сэра Гая, вслед за ним, выхватывая меч из ножен, выступил Вилли Скарлет и еще дюжины две молодцов, одетых в зеленое сукно.

— Негодяи! Предатели! — кричал отец Тук, потрясая своей тяжелой дубинкой. — А, барон Гисборн, рыцарь, не знающий чести, друг принца Джона, ждущий только, чтоб ему за дружбу заплатили пожирнее!

— С дороги, беглый поп! — кричал сэр Гай. — Леди Мэриен, вернитесь сейчас же, иначе ваш отец разгневается и вы не избежите кары!

— Ошибаешься, — вопил отец Тук, не переставая размахивать дубинкой. Он уже швырнул с моста одного стражника, перебив ему при этом парочку ребер. — Ошибаешься! Это не леди Мэриен! Это прекрасная пастушка, ты обознался!

В это время Маленький Джон ухитрился насквозь прострелить второго воина из сопровождения рыцаря, и тот замертво рухнул на землю, а острая стрела Робина впилась в правую руку самому сэру Гаю. Уцелевшие остатки его свиты, спасаясь, ударились в бегство, и самому

рыцарю, извергавшему проклятия и угрозы, ничего другого не оставалось, как отступить.

Робин предложил Мэриен проводить ее в отцовский замок.

— Нет, Робин, — мягко сказала она. — Родной отец продал меня этому черному интригану. Я никогда больше не вернусь назад.

— Но, Мэриен, — возразил Робин, — я ведь больше не граф Хантингдон, а бедный изгнанник.

— Ты больше чем граф, Робин, — возразила она. — Ты — король!

— Но, милая, ты ведь выросла в замке, как же ты будешь жить в лесу, в пещере?

— Я сильная и здоровая, — сказала Мэриен. — Разве не лучше быть счастливой под зелеными кронами деревьев, чем жить в унынии и тоске хоть бы и в роскошных палатах, при дворе?

Сумерки сгущались, когда они вернулись на поляну, где рос огромный дуб.

Друзья разложили костры. Готовился богатый свадебный пир! Король Шервудского леса, благородный и доблестный Робин Гуд брал в жены прекрасную Мэриен.

Отец Тук, надев облачение священника, в лесном храме свершал таинство венчания.

— Господи, благослови брак Роберта Фитцутса, графа Хантингдона, и леди Мэриен Фитцуолтер и ниспошли на них Свою небесную благодать! — произнес он торжественно и поднес новобрачным кубок с вином. И они пили из одного кубка в память о браке в Кане Галилейской, на котором присутствовал сам Господь наш, Иисус Христос.

Примечания

Берсерк — свирепый воин, который в битве приходил в исступление и делался нечувствительным к боли.

Т. е. золота.

Гникар — одно из имен Одина; радовать ворона — кормить его трупами, т. е. вести битву.

Имеются в виду Оркнейские острова, архипелаг у северной оконечности Шотландии. Шетландские — Шетлендские острова. — *Примеч. ред.*

Каллундборг лежит на о. Зеландия.

Дардесгейм — городок между Гальберштадтом и Брауншвейгом.

Так привыкли шотландские и датские поселяне объяснять себе скоропостижную смерть.

На о. Зеландия.

В северных частях Гарца.

Шведы считают это вернейшим средством для того, чтобы видеть невидимое.

Приток Эдера, в Гессене.

В Гессене и до сих пор говорят, когда идет снег: «Старуха Холле себе постель стелет».

Одна из провинций Ирландии.

Таковы, например, названия вроде *таттерман*, *муммельман* — чисто звукоподражательные.

Сходство в корнях слов.